

2

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

АЛАН ДИН ФОСТЕР

ТАР-АЙИМСКИЙ КРАНГ

Санкт-Петербург
БИБЛИОТЕКА «ЗВЕЗДЫ»
1992

Издание осуществлено совместно с АО «ЭГОС»

Перевод с английского
В.Федорова

Оформление художника
Н.Зубкова

С6 4703010100-0042
7183-92

ISBN 5-7183-0042-9

© В.Федоров. Перевод. 1992.
© Н. Зубков. Оформление. 1992.
© ТОО «МИМ». Макет. 1992.
© АО «ЭГОС». 1992.

ТАР-АЙИМСКИЙ КРАНГ

ГЛАВА 1

Флинкс был этичным вором, в том смысле, что он крал только у жуликов. И притом только тогда, когда это становилось абсолютно необходимо. Хотя и, наверное, не абсолютно. Но он старался. Его этика носила легко адаптирующийся к требованиям окружающей среды характер. А когда человек живет один и еще не достиг семнадцати лет, в таких вопросах требуется делать определенные скидки.

Можно было бы возразить — если бы Флинкс захотел слушать (событие крайне маловероятное) — что выносить окончательное решение, кто попадает под определение жулика, а кто — нет, есть проявление страшного тоталитаризма. Философ знающе кивнул бы, соглашаясь с этим. Флинкс не мог позволить себе такой роскоши. Его этика диктовалась борьбой за выживание, а не абстракциями. И к его большой чести, он сумел, насколько возможно, оставаться на позициях общепринятой мирской морали. Впрочем, этим он был обязан случаю.

Как правило, свой скромный доход он получал, по большей части, честно. Причина этого заключалась не только в его выборе, но и в обыкновенном здравом смысле. Чересчур преуспевающий вор всегда привлекает нежелательное внимание. В конечном итоге вступает в действие «закон уменьшения отдачи» в применении к преступной деятельности.

Да и дралларские тюрьмы славились своей негостеприимностью.

Хорошие места в городе для демонстрации своих талантов бродячими жонглерами, менестрелями и тому подобными личностями имелись в ограниченном количестве. Некоторые были намного лучше других. То, что он в своем сравнительно малом возрасте сумел обеспечить себе одно из наилучших, являлось данью удаче и стойкости старой Мамаши Мاستифф. Она с

детства зарезервировала ему небольшой помост рядом со своей лавкой, отгоняя других предприимчивых циркачей криком или выстрелом, в зависимости от случая и силы покушавшегося на место конкурента. Мамаша Мاستифф было, конечно, не настоящее имя, но все называли ее именно так. Включая Флинкса. На рынках Драллара настоящие имена и фамилии употреблялись редко. Они плохо помогали поискам и слишком хорошо сборщикам налогов. Поэтому каждого нового обитателя быстро награждали более подходящим именем. Мамаша Мастифф, например, имела поразительное сходство с земной представительницей семейства собачьих того же названия. Имя это дали смеха ради; хотя и приняли с плохой миной, но тем не менее приняли. А ее язвительный характер вполне дополнял физическое сходство.

Флинкс был сиротой. Вероятно, невольным, как и большинство ему подобных. И все же, кто мог сказать что-либо точно, не проходи Мамаша Мастифф в то время мимо загонов для рабов и не взгляни случайно в определенном направлении, она бы никогда и не заметила его. По причинам, которых она так никогда до конца и сама не поняла, она купила его, вырастила, направила учиться ремеслу, как только он достаточно подрос. К счастью, его театральные наклонности обнаружились в очень раннем возрасте, наряду с его другими, довольно своеобразными, талантами. Поэтому проблема выбора ремесла разрешилась сама собой. Он обладал острой, хотя и несколько мрачной, наблюдательностью и поэтому сделался своим собственным наилучшим учеником. Оно и к лучшему, потому что артисты постарше всегда становились в его присутствии нервней, чем надо бы, и, предпочитая не признаваться в этом, объявляли его неподдающимся обучению и предоставили самому себе.

Она также достаточно рано внушила ему, что в Дралларе независимость всегда была чем-то больше, нежели неосязаемой мыслью. Независимость была имуществом, несмотря на то, что ее не положишь в карман или сумку, и поэтому должна цениться как таковое. И все же, когда Флинкс поймал Мамашу Мастифф на слове и переехал жить отдельно, печаль долго не отставала от нее, как новый слой краски. Но она никогда не открывала ему этого из страха проявить слабость. Ни в словах, ни в лице. Его подгоняли любовно, но твердо. К тому же она знала, что для нее смерть может прийти в любое время, и хотела, чтобы это задело его жизнь как можно меньше.

Флинкс снова почувствовал в душе мягкую боль, как от подслащенного зондирования, из-за знания того, что Мамаша

Мастифф доводилась ему приемной матерью, а не родной. Отцом его был случай, а наследием — удача. О своих истинных родителях он ничего не знал, равно как и аукционист. В его карточке имелось даже больше пробелов, чем обычно, она не сообщала ничего, даже самой элементарной родословной. Помесь. Это проявлялось в его длинных оранжево-рыжих волосах и оливковой коже. Причина его сиротства навеки останется столь же неясной, как и лица его родителей. Он дал потоку городской жизни войти к себе в мозг и затопить неприятные мысли.

Один турист, более пронырливый, чем большинство его собратьев, заметил однажды, что идти через большой центральный рынок Драллара все равно, что стоя в низком прибое давать лизать себя геометрически терпеливым волнам. Моря Флинкс никогда не видел, так что сравнение это оставалось неясным. На Мотыльке вообще было мало морей, и никаких океанов. Только бесчисленные озера ослепительной голубизны, по сравнению с которой лазурь казалась жалким подражанием.

Планета с необычайной быстротой выходила из своего последнего ледникового периода. Быстро уменьшающиеся ледники оставляли ее поверхность словно изрытой оспой сверкающей ляпис-лазурной глади озер, прудов и больших водоемов. Почти ежедневные дожди поддерживали установленный отступающими ледниками уровень воды. Драллару случилось располагаться в исключительно сухой долине, хороший дренаж и отсутствиеливней и, более специфически, грязи являлись одной из главных причин роста города. Здесь купцы могли торговать своими товарами, а ремесленники ставить мастерские, не страшась, что их будет смывать несколько раз в год.

Круговорот воды на Мотыльке также отличался от данного явления на многих других планетах челанксийского типа, в остальном достаточно схожих с родиной Флинкса. Появление пустынь предотвращалось отсутствием настоящих горных хребтов, перегораживающих путь обремененному влагой воздуху. Соответствующее отсутствие океанских бассейнов и общая неровность местности так и не дали шанса возникнуть крупной системе стока воды. Рек на Мотыльке было бессчетное количество, как и озер, но они были по большей части небольшими по длине и объему воды. Поэтому вода на планете распространялась по ее поверхности довольно ровно, за исключением двух больших ледяных шапок на полюсах и остатков крупных ледниковых систем на материках. Мотылек представлял собой Величие Прерии Земли с хвойными деревьями вместо кукурузы.

Полиритмичный речитатив зазывал, торговавших вразнос товарами с тысячи миров, образовывал резкий контраст к сравнительно ровному гомону и ропоту толпы. Флинкс прошел мимо знакомой галантерейной лавки и мимоходом обменялся с ее владельцем короткой тайной улыбкой. Этот почтенный рослый блондин среднего возраста только что закончил продажу пары курток из шкуры дурфарка двум броско одетым инопланетянам... по цене в три раза больше, чем они стоили. В голове Флинкса лениво проструилось еще одно изречение: «Те, кто прибывают в Драллар не готовыми купить шкуру, неизбежно ее покупают».

Подобные вещи не оскорбляли хорошо продуманных этических постулатов Флинкса. Это была не кража. *Saveat emptor*. Меха и древесное волокно, древесина и воды были Мотыльком. Разве можно украсть семечки у помидора? Продавец был счастлив от своей продажи, покупатели довольны своей покупкой, а выручка все равно пойдет на поддержание города в виде мероприятий по улучшению быта и взятки. Кроме того, любой инопланетянин, могущий себе позволить поездку на Мотылек, вполне мог, черт возьми, позволить себе платить по местным ценам.

Планета эта была по большей части довольно открытой. Правительством служила монархия, атавизм более ранних времен планеты. Историки находили ее странной и изучали ее, туристы считали ее колоритной и снимали ее, и она лишь номинально нагоняла страх на своих граждан. Мотылек внезапно и без подготовки швырнуло в водоворот межзвездной жизни, и он выдержал этот трудный переход довольно неплохо, как быстро выяснили несостоявшиеся заезжие культуртрегеры. Но на планете, где основная масса туземного населения состояла из кочевых племен, следующих за такими же кочевыми стадами, носящих мех животных, выказывавшими редкую драчливость при потере названных мехов, представительное правительство оказалось бы крайне неудобным. А Церковь, естественно, не вмешивалась. Советники даже себя не считали составляющими правительство и, следовательно, и подумать не могли навязывать таковое другим. С демократией на Мотыльке придется подождать, пока кочевники не позволят себя сосчитать, снабдить индексами и ярлыками, занести в картотеки, а это казалось делом далеким-предалеким. Было хорошо известно, что Королевское Бюро Переписи ежегодно публиковало цифры скорее комплиментарные, чем точные.

Главными промыслами планеты являлись продукты леса, меха и туризм. И ремесла. В бескрайних лесах планеты изобиловали

покрытые мехом существа всех мыслимых видов (и несколько немислимых). Даже насекомые носили мех, чтобы укрыться от вездесущей воды. В Лесных Землях произрастали главные разновидности твердой и мягкой древесины, включая множество уникальных и неклассифицированных видов, например, некая периодически отмирающая древесная губка. Когда на Мотыльке поминали «зерно», оно не имело никакого отношения к муке. В гигантских озерах водилась рыба, которую приходилось ловить с модифицированных барж, снаряженных забрасываемыми киборами лесками. Широко цитировалось, что из всех планет Галактики только на Мотыльке настоящие неподдельные *pisces** имели равный шанс уйти домой с рыбаком, а не наоборот. А охотники только начинали открывать этот аспект потенциальных возможностей планеты... по большей части оттого, что уходившие в огромные леса неподготовленными уже не возвращались.

Драллар был столицей и самым большим городом планеты. Благодаря удачным галактическим координатам и просвещенной налоговой политике сменявших друг друга королей, он стал теперь межзвездной расчетной палатой для товарообмена и коммерческих сделок. Все крупные финансовые дома имели здесь по крайней мере филиал штаб-квартиры, зарезервировав свои более пышные представительства для более «цивилизованных» планет. Монарх и его чиновники были не более чем номинально коррумпированными, и король присматривал за тем, чтобы народ не задавливали репрессивными правилами и постановлениями. Делалось это, правда, вовсе не из любви к простому человеку. Просто это было хорошо для бизнеса. А не будь бизнеса, не было бы и налогов. Нет налогов — значит, нет и правительства. А нет правительства — значит, нет и короля, положение дел, которого текущий монарх, Его Сушайшее Величество Король Деве Ног На XXIV, из всех сил старался избежать.

И к тому же Драллар обладал собственным запахом.

Вдобавок к местным жителям, в Дралларе занимались бизнесом представители полусотни других разумных рас. Для поддержания постоянного уровня жизни этого скопления коммерции требовалось фантастическое разнообразие органического горючего. Поэтому сам центральный рынок окружала кажущаяся бесконечной серия закусовых, автоповаров и ресторанов, образовывавших в действительности одну огромную непрерывную кухню. Конечная комбинация ароматов, производимых этими заведениями, сливалась в неповторимую атмосферу. На более рафинированных торговых перекрестках такие экзотические

* *pisces* (лат.) — рыбы

миазмы держали бы, как приличествует, под замком. В Дралларе же не имелось для разложения никакого озона. Хлеб насущный для одного являлся для другого ядом. А деликатес для одного мог вызвать у другого тошноту.

Но благодаря какой-то случайности химии, или химии случайностей, испарения так хорошо смешивались в естественно влажном воздухе, что любое потенциально вредное воздействие сводилось на нет. Оставался только вечно кружащийся густой запах, щекоотающий горло и оставлявший неожиданные того рты в состоянии непрерывного слюноотделения. Всякий мог получить обманчиво полный и сытный обед, просто просидев часок в центре рынка и вдыхая его ароматы. Не так уж много других мест в Рукаве приобрели то, что можно лучше всего описать как обонятельную репутацию. И это правда, что гурманы прилетали из такой дали как Земля и Прочион всего лишь для того, чтобы посидеть на окраинах рынка и поучаствовать в долгих и бурных состязаниях, в которых участники пытались опознать обрывки ароматов, выносимые наружу влажным ветерком.

Причина кругового расположения данных заведений была простой. Любой бизнесмен мог подкрепиться на окраинах рынка, а затем погрузиться в водоворот коммерции без необходимости беспокоиться о том, что важную сделку прервет внезапный порыв, скажем, едкого дыма, прего, от горящих дров дерева бан. Большую часть дня огромный круг служил восхитительно хорошо, но в обеденные часы он заставлял рынок больше чем когда-либо походить на это пронизательное туристское сравнение с морскими отливами и приливами.

Флинкс остановился у лотка старого Кики, торговца сладостями, и купил пирожок с тиксом. Эта стряпня готовилась на основе крепкого местного гибридного зерна. Внутри он начинялся кусочками фруктов, ягодами и маленькими, недавно созревшими мясистыми орехами парма. Законченный продукт затем обмакивали в чан с тепловатым золотистым медом и давали ему затвердеть. Он был жестким на зубах, но, ах, что творил с небом! У него имелся один недостаток: плотность. Кусать тикс было все равно, что жевать старую изоляцию скафандра. Но он обладал высокой калорийностью; орехи-парма являлись слабым наркотиком, а Флинкс испытывал нужду в небольшой стимуляции перед выступлением.

Но более всего Драллар был знаменит своей архитектурой.

Сооружения на рынке являлись довольно низкими, но за пределами продовольственных полумесяцев виднелись древние

стены, остатки Старого Города. За ними и среди них были рассеяны здания, где шла коммерция поважней. Именно здесь-то и текла живая кровь Мотылька, а не в живописных ларьках ниже. Каждый день в темных задних комнатах и конторах этих старых и новых строений обменивались продукты экономики дюжины миров. Там находились рестораны для гурманов, обслуживающие богатых спортсменов, возвращавшихся с озер и воротивших нос и закрывавших окна от плебейских испарений, наступавших на них с продовольственных ларьков внизу. Там чучельники занимались своим шумным искусством, набивая шкуры пушистых яксмов и прикрепляя к щитам кошмарные черные головы рогатых демичинских дьяволов.

За ними поднимались многоквартирные дома, где жили средние и низшие классы. Те, что победнее, характеризовались малым числом окон и потрескавшейся штукатуркой, а те, что побогаче, — чудесными многоэтажными фресками, нарисованными бродячими художниками, и блестящей лазурной черепицей, сохранявшей в домах тепло зимой и прохладу летом. Еще дальше поднимались изолированные скопления башен богатых инурбов с их висячими садами и террасами из укрепленного хрусталя. Они высоко воспаряли над шумом и гамом обыденности, искрясь при каждом утреннем тумане, словно усыпанные самоцветами жирафы.

А из центра города поднимался, господствуя над всем, огромный дворец правителей Драллара. Короли поколениями добавляли к нему новые пристройки, сектор здесь, крыло там, каждый налагал на дворец отпечаток своей личности. Там проживали король Деве Ног На и его двор. Иногда король поднимался лифтом на самый высокий минарет и там, сидя с комфортом на медленно вращающейся платформе, наблюдал на досуге невозможный муравейник, составлявший его владения.

Но самым прекрасным у Мотылька был не Драллар с его сверкающими башнями и разноцветными гражданами, не бесчисленные озера и леса, не великолепные и разнообразные существа, обитавшие в них, а сама планета. Именно это-то и привлекало первоначально людей к этой звездной системе. Окольцованные планеты встречались достаточно редко.

А Мотылек был крылатой планетой.

«Крылья» и дали ей название и сделали ее уникальной в Рукаве. Они, несомненно, когда-то являлись совершенным кольцом сатурновского типа. Но когда-то в далеком прошлом кольцо сломалось в двух местах, возможно, в результате сильного

гравитационного напряжения или смены магнитных полюсов. Наверняка никто сказать не мог. В результате получилось незавершенное кольцо, состоящее из двух огромных полумесяцев из камня и газа. Ближе к планете полумесяцы сужались, но, уходя в пространство, они, благодаря уменьшающейся гравитации, разворачивались в естественную форму веера, образуя таким образом прославленный эффект «крыла». Они были куда большей толщины, чем древние кольца Сатурна, и содержали более высокий процент флюоресцентных газов. В результате с обеих сторон планеты возникали две гигантские маслянисто-желтые светящиеся треугольные фигуры.

Неизбежно единственную луну Мотылька нарекли Пламенем. Некоторые считали это название банальным, но никто не мог отрицать его уместности. Она была примерно на треть меньше земной Луны и находилась почти вдвое дальше. У нее имелась одна специфическая характеристика. Она не «горела», как, казалось бы, предполагало ее название, хотя и светила достаточно ярко. Фактически, некоторые считали, что ярлык «луна» совершенно непригоден, так как Пламя вовсе не вращалась вокруг своей родительской планеты, а шествовала вместо этого впереди нее вокруг солнца приблизительно по той же орбите. Поэтому прижились два названия: Морковка, маяющая вперед усыпанного самоцветами осла, никогда не могущего достать ее, и Пламя. К счастью, открывшие эту планету устояли перед искушением назвать эти два тела в честь первого изречения. Подобно столь многим вывихам природы, они — планета и луна — отличались слишком необыкновенным великолепием, чтобы подвергнуться такой насмешке.

Крыло на стороне Драллара виделось Флинксу только как тонкая светящаяся линия, но он встречал его изображения, снятые из космоса. Сам он никогда не бывал в космосе, но посетил много приземлявшихся в порту кораблей. Там, путаясь под ногами старших членов экипажа, он внимательно слушал, как они рассказывали повести об огромных кораблях с КК-двигателями, курсировавших по темным и пустым местам небесного свода. Конечно, поскольку эти чудовищные небесные суда никогда не касались почвы планет, он лично их не видел. Такую посадку разрешили бы произвести только при крайне чрезвычайных обстоятельствах, да и в этом случае не на обитаемую планету. КК-корабль нес у себя на носу гравитационный колодец небольшого солнца, подобно пчеле, несущей пыльцу. Даже съжившись до крошечных размеров, необходимых для совершения простой посадки, это поле защитит

огромный корпус корабля. Оно также выдолбит существенный кусок планетной коры и вызовет всевозможные разновидности нежелательных природных явлений, вроде цунами, ураганов и тому подобного. Поэтому челночные корабли поменьше и сновали туда-сюда между судном и землей, перевозя людей и их товары, в то время как сами гигантские транспорты оставались в полифемовской ссылке бескрайней черноты и холода.

Он хотел бы отправиться в космос, но еще не нашел для этого законной причины и не мог оставить Мамашу Мастифф без всякой опеки. Несмотря на беспрестанные крики, утверждавшие ее доброе здравие, ей было сто с лишним. Мысль оставить ее одну просто для путешествия ради удовольствия его не привлекала.

Он плотней натянул на плечи плащ, почти похоронив Пипа в складках густого толстого меха. Поскольку речь идет о населенных людьми мирах, Мотылек не являлся исключительно холодной планетой, но и далеко не тропической. Флинкс не мог припомнить ни одного случая, когда его не приветствовал бы при пробуждении липкий и влажный туман. Он был надежным, но мокрым спутником. Здесь меха использовались больше для укрытия от воды, чем для защиты от лютого холода. Да, бывало и холодно, но без морозов. По крайней мере, снег выпадал только зимой.

Пип тихо зашипел, и Флинкс принялся рассеянно скормливать ему изюмины, выковыривая их из пирожка с тиксом. Змей жадно глотал их целиком. Он бы и губами чмокал, будь они у него. А так выскочил длинный язык и погладил щеку Флинкса деликатным прикосновением алмазного резака. Радужная чешуя мини-дракончика, казалось, сияла даже сильнее обычного. По какой-то причине он особенно любил изюм. Может быть, ему пришлось по вкусу большое содержание в нем железа.

Флинкс бросил взгляд на плюсовое окошко своего личного картометра. Они не на мели, но и не купались в роскоши. О да, определенно настало время пойти поработать!

Из-за прилавка своего киоска с разнообразными товарами, Мамаша Мастифф дружески торговалась с парой маленьких, усыпанных самоцветами туристов-транксов. Техника ее была восхитительной и компетентной. Как и следовало бы, размышлял он. У нее было много времени для совершенствования. Он лишь слегка удивился присутствию инсектоидов. «Куда проникли люди, там и транксы тоже будут, да и наоборот». Так гласил детский стишок. Но было видно, что они чувствуют себя немного неуютно. Транксы любили дождь и сырость, и в этом отношении

Мотылек представлялся им идеальным, но они же предпочитали куда меньший холод и еще большую влажность. Как это ни парадоксально, воздух мог быть влажным и все-таки чересчур сухим для них. Каждый раз, когда обнаруживалась новая парниковая планета, они приходили в экстаз, несмотря на тот факт, что такие места неизменно обладали самой неприятной и воинственной окружающей средой. Флинкс видел бесчисленные изображения транксийских планет. Ульдом — их эквивалент Земли, а также знаменитые колонии транксов в бассейнах Амазонки и Конго на самой Земле. С какой стати людям изнуряться в недружественном климате, когда там могли процветать транксы? Они нашли этим негостеприимным районам куда лучшее применение, чем когда-либо мог найти или находил человек. Точно так же, как люди на Средиземном плато Ульдома.

Слияние и впрямь отлично работало в обе стороны.

Судя по типу их ожерелий, эта пара прибыла, вероятно, с Эвории. Во всяком случае, тиара и глянec яйцеклада самки четко показывали это. Вероятно, охотники, прилетевшие сюда ради чего-нибудь волнующего. Мало что могло привлечь транксов на Мотылек помимо отдыха, развлечений, политики, торговли легкими металлами. Мотылек был богат легкими металлами, но лишен более тяжелых. Мало золота, свинца и тому подобного. Но в изобилии серебро, магnezия и медь. По слухам, гигантский транксийский концерн «Элексид» имел планы превратить Мотылек в ведущего производителя компонентов электрических и думающих машин, во многом похоже на то, как он сделал на Амропулосе. Но пока это оставалось только слухом. В любом случае, для создания стимула квалифицированным рабочим-транксам к миграции на Мотылек лучшим психологам фирмы понадобилось бы работать круглые сутки, плюс мегакредиты для оплаты разнообразных трудностей. Даже рабочие-люди с других планет сочли бы условия жизни в лучшем случае неприятными. А без местных атомных электростанций возникнет крупная проблема с энергией. Гидроэлектростанций было мало из-за отсутствия мощных рек. Возникла довольно трудная задача. Как выработать достаточно электричества для работы завода, производящего электронную аппаратуру?

Все эти размышления не клали ни кредитов на его счет, ни хлеба ему в рот.

— Сударь, сударыня, что вы думаете о моих товарах? Лучше из этой разновидности никак не найти по эту сторону Низкого Леса и чертовски мало по ту.— Мамаша Мастифф порылась с

кажущейся бесцельностью среди своих образцов.— А вот предмет, который может привлечь вас. Как насчет этих одинаковых медных кувшинов для питья, а? Один для вас, а другой для нее.— Она протянула два полированных медных, высоких, тонких транксийских питейных прибора. Их стенки покрывала сложная гравировка, а горлышки были сработаны в виде хитрых спиралей.

— Заметьте, как выполнено. Прекрасный орнамент в виде завитков, сударь,— уговаривала она, проводя морщинистым указательным пальцем по тонким кружевам узоров.— Ну-ка, попробуйте найти получше, да, где угодно!

Самец повернулся к своей подруге.

— Что скажешь, дорогая? — Они говорили на симворечи, этой специфической смеси общеземного с транксийскими щелчками-шипениями, ставшей господствующим коммерческим языком по всему Челанксийскому Содружеству и, кроме того, на многих планетах остальной цивилизованной галактики.

Самка протянула стопорuku и твердо охватила прибор за одну из его двойных ручек. Ее маленькая сердцеобразная головка слегка склонилась под углом в странно человеческом жесте оценки, когда она прошла обеими иструками по глубоко гравированной поверхности. Она ничего не сказала, а вместо этого посмотрела прямо в глаза самцу.

Флинкс знающе кивнул при виде невинной улыбки на лице Мамаши Мاستифф. Он видел раньше этот хищный оскал. Привкус ее мыслей снабдил его дальнейшей информацией о том, что неизбежно должно последовать. Несмотря на век близкого знакомства и общения с транксами, еще оставались некоторые люди, неспособные истолковать даже самых обычных нюансов транксийских жестов и взглядов. Но Мамаша Мастифф была специалистом и знала их все назубок. Глаза ее светились достаточно ярко, чтобы прочесть горящие там буквы: ПРОДАНО.

Муж начал торговые переговоры в восхитительной импровизированной манере.

— Ну... наверно, кое-что может быть вызвано... у нас уже много таких безделушек... непомерные цены... разумный уровень...

— Уровень! Вы говорите об уровне? — Возмущенное оханье Мамаши Мастифф было достаточно сильным, чтобы донести запах чеснока до места, где стоял Флинкс. Транксы, замечательное дело, проигнорировали его.— Милостивый государь, я живу сейчас на уровне голого существования! Правительство забирает все мои деньги, а мне остаются жалкие

гроши, жалкие гроши, сударь, для трех моих сыновей и двух дочерей!

Флинкс покачал головой, восхищаясь несравненным стилем Мамаши Мاستифф. Потомство транксов всегда бывало кратным двум, врожденное свойство, необходимое для выживания. С большинством земных и человеческих дел не возникало никаких конфликтов, но благодаря какому-то вывиху психологии, транксы считали нечетные рождения у людей делом как жалким, так и в немалой степени неприличным.

— Тридцать кредитов,— наконец вздохнула она.

— Кошунство! — воскликнул муж, сильно трясая антеннами.— Они стоят не больше десяти, да и то я немилосердно льщу ремесленнику.

— Десять! — простила Мамаша Мастифф, симулируя обморок.— Это существо говорит «десять», и еще похвастается этим! Наверняка... Сударь, вы ведь наверняка не ожидаете, что я буду всерьез обдумывать такое предложение? Оно неудачно даже для шутки!

— Тогда пятнадцать, и мне следовало бы сообщить о вас местному магистрату. Даже у простых воров хватает приличия работать инкогнито.

— Двадцать пять. Сударь, вы культурные и богатые существа, наверняка, можете найти лучшее занятие; чем насмехаться и потешаться над старой самкой. Той, которая, несомненно, оплодотворила столько же яиц, сколько и вы...

У самки хватило достоинства опустить голову и покраснеть. Транксы относились к сексу вполне открыто... и к своему, и к чужому... но все же, подумал Флинкс, существовали границы, переступать которые не полагалось.

Может, это и не являлось проявлением хороших манер, но в данном случае это, похоже, являлось хорошим подспорьем бизнесу. Самец неловко хмыкнул, издав глухое вибрирующее гудение.

— Тогда двадцать.

— Двадцать три с половиной, и даже на десятую кредита меньше я не соглашусь! — продекламировала Мамаша Мастифф и сложила руки на груди в признанном жесте окончательного решения.

— Двадцать один,— сделал встречное предложение самец.

Мамаша Мастифф упрямо покачала головой, неподвижная, как дерево. Она выглядела готовой переждать энтропию.

— Двадцать три с половиной и ни десятой кредита меньше. Мое последнее и окончательное предложение, милостивый государь. Эта пара кувшинов сама найдет рынок сбыта. Я

должна жить и боюсь, что и так уже позволила вам нанести ущерб своим интересам.

Самец бы еще поспорил, хотя бы из принципа, если бы не было еще какой-нибудь причины, но в этот момент самка положила иструку ему на грудную клетку-б, как раз ниже уха, и чуть погладила. Это закончило торг.

— Азах, Темные Центры! Двадцать пять... нет, двадцать три с половиной кредита! Воровство! Покушение на разум! Всем хорошо известно, что человек обманет и свою родительницу, лишь бы нажать полкредита!

— И всем также хорошо известно,— гладко ответила Мамаша Мастифф, принимая деньги,— что транксы — самые хитрые торгошники в галактике. Вы сами совершили кражу, сударь, так что вор-то вы, а не я!

Как только передача кредитов закончилась, Флинкс покинул свой наблюдательный пост и прошел к этой комбинации ларька с домом. Транксы счастливо отбыли, переплетя антенны. Может, у них брачный полет? Самец, по крайней мере, казался слишком пожилым для этого. Цвет его хитинового покрова переходил понемногу в синий, несмотря на явное применение косметики, в то время как у самки был куда более молодой аквамариновый цвет. Транксы тоже держали любовниц. Во влажном воздухе их тонкий аромат долго не пропадал.

— Ну, мать,— начал он. Флинкс не указывал на родство — на этом она настояла много лет назад,— а употребил титул, дарованный ей народом рынка. Ее все называли матерью.— Бизнес, кажется, идет неплохо.

Она явно не заметила его приближения и на мгновение смешалась.

— Что? Что? А, это ты, щенок! Пхе! — она сделала пренебрежительный жест в направлении отбывших транксов.— Ворье эти жуки, так меня обкрадывать! Но разве у меня есть выбор? — Она не дождалась ответа.— Я старая женщина и должна иногда продавать, чтобы обеспечить себя, даже по таким ценам, иначе кто в этом городе станет кормить меня?

— Вероятнее, мать, город станешь кормить ты. Я видел, как ты покупала эти же спиральные кувшины у Олина Медника не далее как шесть дней назад... за одиннадцать кредитов.

— Да? Хм,— кашлянула она.— Должно быть, ты ошибся, мальчик. Даже ты, знаешь ли, можешь иной раз ошибиться. Гм, ты уже ел сегодня?

— Только пирожок с тиксом.

— Разве так я тебя воспитывала, жить на сладостях? — В своей благодарности за смену темы она изобразила гнев.— И

ручаюсь, ты в любом случае отдал половину этому своему проклятому змею!

При этих словах Пип поднял дремлющую голову и испустил тихое шипение. Мамаша Мاستифф не любила мини-дракончика и всегда относилась к нему отрицательно. Да и мало кто другой положительно. Некоторые могли притязать на дружбу, и после уговоров немногих из них можно было даже убедить погладить его. Но никто не мог забыть, что яд этого вида мог свести человека в могилу за шестьдесят секунд, а противоядие являлось редкостью. Флинкса никогда не обманывали ни в делах, ни в удовольствиях, когда вокруг его плеча лежал, свернувшись, змей.

— Полегче, мать. Он, знаешь ли, понимает, что ты говоришь. На самом-то деле не столько что, сколько почему.

— О, разумеется, разумеется! Утверждай теперь, что это чудовище обладает разумом! Он, наверное, околдован. В последнее я, по крайней мере, верю, так как, да, не могу отрицать, видела, как эта тварь странно ведет себя. Но он не работает, постоянно спит и чудовищно много ест. Ты, малыш, намного лучше жил бы без него.

Он рассеянно почесал мини-дракончика за плоской чешуйчатой головкой.

— Твое предложение не смешно, мать. Кроме того, он-таки работает в выступлении...

— Дешевый трюк,— фыркнула она, но не громко.

— А что касается его манеры спать и есть, то он, конечно, отличается от нас, и обмен веществ у него происходит по совершенно другим законам. И самое главное — он мне нравится и... я нравлюсь ему.

Мамаша Мастифф поспорила бы еще, если бы они не прошли за долгие годы бесчисленные вариации этого самого спора. Несомненно, собака или одна из местных одомашненных бегающих птиц была бы более полезным другом для мальчика, но когда Мамаша Мастифф взяла к себе вызвавшего у нее сочувствие малыша, у нее не было кредитов ни на собак, ни на птиц. Флинкс сам наткнулся на дракончика в переулке за их первой лачугой, роющегося в мусорной куче в поисках мяса и сахара. Не ведая, кто он такой, Флинкс приблизился к нему открыто и без страха. На следующее утро она обнаружила их обоих, свернувшихся вместе в постели мальчика. Она схватила метлу и попыталась шугануть змея, но вместо этого сама была напугана, когда тот открыл рот и угрожающе зашипел на нее. Это была ее первая и последняя попытка разлучить эту пару.

Отношения между ними были необычными и многократно обсуждались, особенно потому, что Аласпин находился во многих

парсеках от Мотылька, и никто не мог вспомнить, чтобы слышал раньше о мини-дракончике, жившем на свободе вне своего родного мира. Большинство подозревало, что он принадлежал какому-то космическому торговцу, освободился в челночном порту и сбежал. Поскольку ввоз ядовитых животных являлся уголовным преступлением на большинстве планет, в том числе и на Мотыльке, никого не удивляло, что первоначальный владелец не предпринял никаких усилий предъявить права на свою собственность. В любом случае, он никому не причинял вреда (Флинкс, правда, знал кое-что другое, но об этом лучше помалкивать) и поэтому никто на рынке не заявил протеста властям по поводу его присутствия, хотя все страстно желали, чтобы он убрался куда-нибудь подальше.

Флинкс решил сменить тему.

— Как ты обеспечена кредитами, мать?

— Пхе! Как всегда плохо. Но, — с лукавой, чуть заметной усмешкой сказала она, — на этой последней сделке я должна бы суметь протянуть какое-то время.

— Держу пари, — засмеялся он. Он повернулся посмотреть на беспрестанно текущую вокруг и перед лавочкой разноцветную толпу, пытаясь определить процент богатых туристов среди повседневного населения. От этих усилий у него, как обычно, заболела голова.

— Обычный дневной косяк, мать, или нет?

— О, деньги там сейчас есть, что и говорить! Я их носом чувю. Но они отказываются подходить к моей лавке. Наверно, тебе повезет больше, малыш.

— Наверно. — Он вышел из-под навеса, взобрался на помост, возвышавшийся слева от лавки, и принялся осторожно переставлять большие горшки и тазы, составляющие основную массу дешевых товаров Мамаши Мاستифф, чтобы дать себе достаточно места для работы.

Зрителей он приманивал простым и устаревшим способом. Выткнув из кармана четыре шарика, брана, он начал жонглировать ими. Их отливали из сока дерева, росшего только в экваториальном поясе Мотылька. При рассеянном ультрафиолетовом свете солнца они пульсировали слабым желтым светом. Они идеально подходили для его нужд, будучи твердыми и одинаковой плотности. Начала собираться небольшая толпа. Теперь он добавил пятый шарик и начал варьировать упражнения, кидая их за спиной, не нарушая ритма. Слух о нем расползся, словно невидимые щупальца, притягивая одного здесь, другого там, с краев перетасовывавшегося скопища народу. Вскоре он приобрел свой собственный немалый островок

смотревших на него существ. Он тихо прошептал дракончику, почти погребенному в мягком меху:

— Пошел, приятель.

Пип поднялся на плече Флинкса, расправляя во всю ширь свои перепончатые кожаные крылья. Несмотря на его редкость, толпа узнала смертельный силуэт и отпрянула. Змей взвился в воздух и исполнил искусный спуск штопором, обвинившись вокруг головы юнца, словно корона. Затем он принялся ловить каждый шарик и подбрасывать его высоко в воздух, меняя форму, но не ритм номера. Непрерывная флюоресцентная линия стала чертить более сложный узор. Это новшество приветствовала легкая рябь аплодисментов. Жонглеры в Дралларе являлись более чем обычным зрелищем, но такой молодой, столь умело работавший с ядовитой рептилией — нет. На помосте приземлились несколько монет, с металлическим звоном отскакивая иной раз от больших тазиков. Новые аплодисменты и новые монеты, когда змей запустил все пять шариков, один за другим, в корзинку позади помоста.

— Благодарю вас, благодарю вас, господа! — театрально поклонился Флинкс, думая теперь о настоящей части номера. — А теперь, вам на просвещение, удивление и уведомление... и за небольшой гонорар (легкий смех) я попытаюсь ответить на любой вопрос, любой вопрос, каким только кто-либо из зрителей, безотносительно к его расе или месту происхождения, захочет испытать меня.

Раздался обычный скептический ропот собравшихся и немало скупающих вздохов.

— Вся мелочь в моем кармане, — выпалил коммерсант в первом ряду, — если ты сможешь сказать, сколько ее там! — Он усмехнулся в ответ на нервные смешки из глубины толпы.

Флинкс проигнорировал сарказм в его голосе и спокойно стоял, плотно закрыв глаза. Не то чтобы это требовалось. Он мог равно хорошо «работать» и с широко открытыми. Это было образчиком чисто театрального действия, которого, кажется, всегда ожидала толпа. Почему они ожидали, что он будет смотреть внутрь себя, когда ему требовалось смотреть снаружи, оставалось для него вечной загадкой. Он не имел никакого настоящего представления о том, как приходили к нему ответы. Одну минуту у него в голове царили пустота и туман, а в следующую... иногда... появлялся ответ. Хотя «появлялся» тоже не совсем верное слово. Во многих случаях он даже не понимал вопросов, особенно когда их задавали не люди. Да и ответов не понимал. К счастью, для зрителей это не составляло никакой разницы. Он ведь не обещал истолковать их. Вот!

— Любезный сэр, у вас в кармане четыре десятых кредита и две сотых... и ключ, дающий вам доступ в некий клуб, где...

— Хватит, хватит! — неистово замахал узловатыми руками коммерсант и неловко поглядел на тех в толпе, кто стоял поближе к нему. — Это подойдет! Ты меня убедил... — Он порылся в кармане и извлек пригоршню мелочи, затолкав вызвавший хлопоты ключ обратно в карман, подальше от глаз любопытных, желавших поглядеть на него поближе. Он начал считать монеты, а затем растерянно остановился, с ошеломленным выражением лица.

— Клянусь бурлящим приливом Пали, этот щенок прав! Сорок две сотых. Он прав!

Он передал монеты и ушел, что-то бормоча про себя. Летящие монеты подчеркнули несколько нервные аплодисменты толпы. Флинкс опытно определил настроение собравшихся. Вера и насмешка качались на весах примерно вровень. Имелись, естественно, и такие, которые подозревали, что коммерсант служил подсадной уткой. Они допускали, что он сыграл свою роль очень убедительно.

— Полно, полно, господа! У нас здесь какая-то детская игра. Наверняка, среди вас найдутся существа с вопросами, какими действительно стоит испытать мое простое искусство?

Существо в задних рядах толпы, киллип в полном послебрачном оперении, вытянул вперед свою тонкую страусиновую шею и спросил высоким, писклявым голосом:

— В каком лето-месяце появятся на свет мои птенцы?

— Искренне сожалею, сэр, но этот вопрос связан с будущим, а я не ясновидящий. — Существо удрученно вздохнуло и приготовилось покинуть сборище. У многих других тоже, кажется, появилась склонность уйти вместе с высоким орниторпом, и Флинкс поспешил добавить: — Но я горячо надеюсь, что все пять ваших птенцов успешно проклюнутся!

Удивленный киллип круто обернулся и выпучил глаза.

— Как вы узнали, какое число в моей кладке? — Разволновавшись, он заговорил на родном языке, и соседу пришлось напомнить ему перейти на символечье.

— Я взял за правило не раскрывать профессиональных секретов. — Флинкс зевнул с рассчитанно преувеличенной скукой. — Бросьте, господа, задавайте настоящий вопрос. Мне быстро становится скучно. Чудес я, однако, производить не могу, да и в любом случае, они быстро приедаются.

К сцене бесцеремонно проталкивались двое человек, рослых, мускулистых парней. Тот, что был слева от Флинкса, носил очки, не ради их древней терапевтической ценности, а потому

что в каких-то модных сейчас кругах это считалось чем-то вроде шика. Он протянул кредитную карточку:

— Ты можешь принять этим, мальчик?

Флинкс едва удержался от язвительного ответа на «мальчик», но достал картометр.

— Безусловно, сэр. Задавайте свой вопрос.

Очкастый открыл было рот, но остановился.

— Откуда я узнаю, сколько тебе заплатить?

— Я не могу устанавливать цены на свои ответы, только на ваш вопрос. Стоимость ответа на ваше усмотрение, сэр. Если я не дам ответа, то переведу ваши кредиты обратно вам.— Он показал на плечо, где бдительно покоился мини-дракончик.— Мой приятель, кажется, очень чувствителен к эмоциональному состоянию других. Даже больше, чем я сам. Жулик, например, излучает нечто такое, к чему он особенно чувствителен. Меня редко обжуливают.

Очкастый невесело улыбнулся.

— Интересно, почему? — Он набрал на карточке сумму и снова протянул ее.— Сто кредитов подойдет?

Флинкс быстро подавил свою реакцию. Сто кредитов! Это же больше, чем он иногда заколачивает за месяц! У него возникло на миг искушение снизить цифру, но удержала мысль о том, как будет смеяться Мамаша Мастифф, если прознает об этом. Особенно после его замечаний этим утром о ее ценах. Затем он напомнил себе, что очкарик сам установил эту цену и сам-то себя наверняка не обманывал. Он прозондировал его, но не смог заметить никаких следов юмора. Как и в его спутнике. Даже совсем наоборот. Но он еще не слышал вопроса. Что, если он не сумеет ответить на него?

— Э, ста кредитов будет вполне достаточно, сэр.

Очкастый кивнул и сунул карточку в маленький черный картометр. Компактная машина тихо загудела, и на крошечном диске со щелчком появилась сумма: единица, ноль, ноль. Возникла короткая пауза, а затем машинка опять зажужжала, и наверху у нее загорелся яркий красный огонек. Она отмечала, что такая-то сумма, номер карточки такой-то, соответствовала набранной сумме, и что сто (100) кредитов переведены на счет некоего Филипа Линкса (имя, под которым он фигурировал в городских ведомостях) в Королевский Банк суверенной республики Мотылек. Флинкс вернул картометр на место в сумку и снова посмотрел на двух ожидающих.

— Задавайте свой вопрос, сэры.

— Мы с моим спутником ищем одного человека... друга... мы знаем, что он находится где-то в этой части города, но пока нам не удалось встретиться с ним.

— Что в нем приметного? — спросил, не открывая глаз, Флинкс.

Теперь в первый раз заговорил другой. В голосе сквозило нетерпение, что подтвердили его мысли. Он отличался грубостью и низкой тональностью.

— Он невысокий... худощавый, у него рыжие волосы, как и у тебя, только потемнее и в мелких кудряшках. И кожа у него не такая темная, как у тебя. Она испещрена родинками, и у него влажные глаза.

Это помогало. Рыжие в Дралларе не изобиловали, а ссылка на «влажные глаза» указывала на человека с высокой сексуальной потенцией. Обнаружить такое сочетание будет легко. Флинкс начал чувствовать себя уверенней. И все же, Драллар велик. И требовалось также принять во внимание челночный порт.

— Недостаточно. Что еще?

Двое переглянулись. Затем более рослый заговорил вновь:

— На этом человеке обмундирование штурмана. У него есть... вероятно, при себе... маленькая карта... звездная карта. Она начертана от руки и выглядит очень непрофессионально. Он обычно держит ее за пазухой, и на блузе от этого небольшая выпуклость.

Флинкс сосредоточился посильнее. Так, мысленно абстрагируемся, определяем угол... Он открыл глаза и с удивлением поднял голову. Его взгляд устремился в задние ряды смолкшей толпы и остановился на стоявшем позади всех индивидууме. Рыжий, невысокий, с испещренной родинками кожей, влажными глазами и легкой выпуклостью над сердцем. Неудивительно, что Флинкс почувствовал и документ за пазухой. Как только их взгляды встретились, глаза рыжего расширились. Он сорвался с места и нырнул в рыночное столпотворение. Последовала суматоха, и рослый парень, обернувшись, напряг зрение, пытаясь разглядеть рыжего сквозь массу народа. Он стиснул руку на плече спутника и настойчиво показал в ту сторону. Они кинулись в направлении возникшего волнения, вынуждая других собравшихся уступать им дорогу скорее силой, чем по долгу вежливости.

Флинкс чуть было не окликнул их, но вместо этого пожал плечами. Если их удовлетворила такая форма ответа, то он, разумеется, не собирался спорить с ними. Сто кредитов! Даже

не связывая себя ответом. И куча монет на помосте для Мамаши Мاستифф. Он импульсивно махнул рукой толпе:

— Премного благодарен за внимание, господа. На сегодня представление окончено.

Собравшаяся толпа начала вливаться обратно в поток рыночного коловращения под аккомпанемент немалого числа разочарованных стонов несостоявшихся клиентов. С подаренной ему двумя незнакомцами неожиданной драматической кульминацией он мог бы, вероятно, немало выудить и у остальных, но его дар отличался капризностью и имел свойство быстро утомлять его. Лучше всего остановиться на неоспоримом успехе. Эта неожиданная удача давала ему право как следует отпраздновать ее, и ему не терпелось приступить к делу.

— Пип, если мы сможем получать то, что получили сегодня, каждый день, то король сделает меня своим казначеем, а тебя назначит официальным хранителем казны.

Пип уклончиво зашипел, глядя на него угольно-черными глазами. В этих крошечных омутах бурлили чернила. Его явно не очень-то привлекала работа на правительство.

— Ты, несомненно, опять проголодался.— Это вызвало более согласное шипение, и Флинкс, засмеявшись, почесал дракончика под мордой.— Так я и думал. Однако я чувствую, что лично мне требуется нечто более жидкое. Поэтому мы отправимся в заведение Сморчка Симма, где я буду хлебать пряное пиво, а ты сможешь проглотить все соленые сухарики, какие только поместятся в твоём ядовитом тельце! — На это змей вильнул хвостом, что вызвало дрожь по всему его телу, поскольку он вообще состоял главным образом из хвоста.

Когда они шли своей дорогой по булыжной мостовой глухой улицы, он начал мысленно упрекать себя за то, что не поиграл с толпой подольше. Он по-прежнему считал, что чрезмерно злоупотребляя своим талантом, он сожжет его. Но бывают времена, когда требуется проявлять не только осторожность, но и деловитость, как не раз наставляла его Мамаша Мастифф. И все же он сегодня долго спал и начал позже обычного. Толпу, вероятно, все равно оказалось бы трудно дальше удерживать. В Дралларе темнота обычно быстро рассеивала народ, вот и сейчас уже стало темным-темно. Кроме того, у него есть в кармане сто кредитов! По существу, а не в действительности, поскольку они находились на его счету в банке. Так зачем же беспокоиться? Разве солнце сражалось за приобретение больших количеств водорода?

Он почти добрался до тускло освещенного бара, когда ощутил звуки. Они просачивались из переулка слева от него, из темной,

как глотка гигантской псевдостерляди с одного из Великих Северных Озер, дыры. Звуки очень сильно походили на шум драки. Поисковый зонд принес ему обертоны страха, гнева, ужаса, жадности, жажды крови. Драки для развлечения сопровождались многочисленными ругательствами и криками. Ничего подобного не издавали в бою насмерть, так как участвующие в нем слишком заняты и слишком сосредоточены на своей цели, чтобы терять зря дыхание. С таким предельным безмолвием дрались только люди, поэтому Флинкс сообразил, что дерущиеся не принадлежат к нечеловеческому населению города. К тому же присутствовала эта особая немота мыслей...

Флинкс не вмешивался в такие стычки. В городе вроде Драллара, где в изобилии сосуществовали толстые Животы и пустые кошельки, имевший свои дела сохранял здоровье, покуда не совался в чужие. Он сделал шаг к мирному полумраку бара, но тут Пип размотался с его плеча и устремился в переулок.

Даже в своем сравнительно юном возрасте Флинкс умел бегло ругаться на четырнадцати языках. У него хватило времени только на пять, прежде чем он бросился в темень за своим приятелем. И лишь из предосторожности выхватил, не прерывая шага, из-за голенища сапога тонкий стилет.

Теперь он смог различить в смутном свете от задернутых облаками звезд и городских огней три фигуры. Две большие, стоявшие на ногах, а третья, легкого телосложения, лежала на земле с узнаваемой неподвижностью. Одна из других склонилась над распростертым телом. Прежде чем она смогла осуществить свои неизвестные намерения, она дернулась и громко проревела в тиши переулка:

— ПРОКЛЯТЬЕ!

Выругавшийся начал дико молотить по налетающей и пикирующей ему на голову кожаной ленте. Другой выхватил из наплечной кобуры опасный на вид нейтронный пистолет и попытался прицелиться в быстро движущийся объект. У Флинкса не осталось времени на раздумья. Смутно надеясь свалить противника наземь и нокаутировать его, он прыгнул ему на спину. Нащупанные им под блузой толстые канаты широких мускулов быстренько уничтожили эту надежду. Противник накренился. Еще секунда — и он раздавит Флинкса о стену ближайшего здания. Тонкое лезвие инстинктивно вонзилось в спину. Верзила ужасно выругался и рухнул наземь, словно большое дерево. Флинкс уже бросил мертвую тушу, прежде чем она коснулась мостовой. Когда верзила ткнулся лицом в булыжник, его спутник резко обернулся, чтобы встретить новую угрозу. Он выстрелил в направлении Флинкса. Прокатившись,

как бешеный, юноша укрылся за сломанным металлическим ящиком. К счастью, стрелявший, кажется, видел ночью куда хуже, чем Флинкс. Но даже если и так, от прошедшего разряда у него пробежало по ноге болезненное покалывание. Попадание в любую часть тела из этого скверного оружия способно заставить человека буквально затрястись до смерти от неуправляемых мускульных спазмов. Прямое попадание в сердце или мозг убивало мгновенно. Такое оружие считалось на Мотыльке предположительно находящимся вне закона. Правда, закон можно было и обойти. Стрелявший обвел лучом участок слева от него. Это было ошибкой. Избавленный от затруднений Пип получил нужное ему время и плюнул разок.

Это был не просто некий жест, а смертельный удар. Летающие змеи или «миниатюрные драконы» Аласпина сродни некоторым плотоядным существам. К ним относится и *Nemachacus* или плюющаяся кобра с Земли. У последней имеются выступающие вперед зубы, и вместо внесения своего яда через укус она может плевать им на удивительное расстояние и с замечательной меткостью. У аласпинских мини-дракончиков подобных зубов, однако, не имелось, только маленькие резцы для откусывания. Эти летающие змеи были почти не изучены, так как проживали на редко посещаемой планете, но они явно выбрасывали свой яд через шедшую вдоль неба сужающуюся трубку из хрящевого материала. Тянущиеся вдоль челюсти и шеи мускулы извергали яд даже дальше, чем получалось у земных видов, и с большей меткостью. К счастью, мини-дракончики отличались относительно мирным нравом и нападали только тогда, когда им угрожали. Поэтому действия Пипа были необычными, но отнюдь не непостижимыми.

Стрелявший издал пронзительный, рвущий душу вопль и рухнул на колени, вцепившись в глаза. Яд не только убивал, но и разъедал. Он не был смертелен, если не попадал в кровеносную систему, и поэтому, натирая глаза, человек, в сущности, убивал сам себя. Через тридцать секунд он стал неспособен даже на это.

Еще через тридцать секунд он стал не способен вообще на что бы то ни было.

Пип вернулся на свое обычное место пребывания. Когда он обвился вокруг плеча Флинкса, юноша почувствовал неестественное напряжение мускулов змея. У него возник слабый порыв хорошенько наорать на дракончика, но тот факт, что он едва уцелел, а змей опять спас ему жизнь, заставил его отбросить эту мысль. Время поджимало. Все еще слегка дрожа от

собственной мускульной реакции, он выполз из своего укрытия посмотреть на результаты их совместных действий.

В переулке раздавались только шелестящий шепот влажного воздуха, плывущего под шелково-прохладными камнями, и непрерывный звук капель крови, вытекающей из раны в спине приконченного стилетом. Оставалось еще и третье тело. Все равно он слишком поздно пришел на помощь этому малорослому человеку. Ему аккуратно сломали шею. Неподвижные слепые глаза отражали свет безмолвных звезд.

Света ему вполне хватило, чтобы различить ярко-рыжие волосы убитого.

Застывшая в спазме рука стискивала скомканный кусок пластика. Флинкс выковырял его, разгибая безжизненные, но все еще неподатливые пальцы. Над его головой начали появляться огни, когда осторожные жители переулка решили, что будет безопасным доверить свою драгоценную жизнь тихой неопределенности ночи. Осмотрительность сослужила свою службу, и теперь верх взяло любопытство. Ему пришло время убираться. Теперь, когда местные жители зашевелились, а схватка закончилась, должна прибыть местная полиция. Хотя она и не будет торопиться с этим, но, тем не менее, доберется досюда. Ему определенно не улыбалось оказаться застигнутым около трех безжизненных тел, принадлежащих, бесспорно, инопланетянам. Особенно, когда один из них только этим днем зарегистрировал на его счет сто кредитов.

Ему не хотелось обкрадывать мертвеца, но все же такой маленький предмет, что мог вызвать в одну ночь смерть трех человек, являлся слишком важным, чтобы оставлять его на усмотрение полиции. Бросив на мятый лист всего лишь беглый взгляд, он сунул его в сумку.

Полиция прибыла вскоре после того, как он вышел из переулка. Внезапное усиление мыслей и голосов сообщило ему, что тела обнаружены. Для местных порядок последующих действий был давно определен и педантично выполнялся. Когда полиция обнаружит, что три трупа принадлежали инопланетянам, она без большой задержки приведет в действие систему поиска. Убийства не вели к увеличению туризма. Он заспешил к бару чуть быстрее.

Заведение Сморчка Симма славилось не столько своей выпивкой и закуской, сколько репутацией одного из немногих мест в Дралларе, куда любое существо могло пойти ночью и выпить со всеми удобствами и при этом еще иметь гарантию, что сохранит то же самое количество телесной жидкости, с каким начало вечер. Сам Сморчок Симм отлично знал, какие

доходы приносила его заведению эта репутация, и поэтому поддерживал ее, не жалея трудов и сил. Он этого не знал, но если бы его заведение было страной на Земле не один век назад, то ее бы назвали Швейцарией.

Так как Сморчок Симм превышал ростом два метра и весил где-то около ста пятидесяти килограмм, мало кто испытывал желание оспаривать его нейтралитет. Жаждающим побужнить приходилось довольствоваться поглощением спиртного в других заведениях и замечаниями о необыкновенной чуткости слуха владельца бара.

На Мотыльке не существовало никаких сухих законов. Только мокрые, как гласила пословица. С точки зрения судей, всякий мог переходить с материнского молока прямо на самое лучшее пойло из всех спиртных напитков, к бутылке Старой Пенной Закваски. Конечным итогом этой часто порицаемой политики дегенерации являлись процветание местной промышленности и удивительно малое число алкоголиков.

Временами, однако, попадались некоторые, отмечавшие сравнительную юность Флинкса и таким образом ставившие под вопрос его право поглощать перебродившее спиртное. Один такой гражданин, путешествующий борец с грехом с планеты Пуритания, был особенно несносным в этом отношении. К нему подошел тяжелым шагом Сморчок Симм и вежливо посоветовал не соваться не в свое дело. Стойко придерживавшийся догматов своей веры (и малость подвыпивший) приезжий совершенно недвусмысленно сказал Симму, куда тот мог идти со своим предложением. Не успел он и глазом моргнуть, как его правая рука оказалась аккуратной сломанной в двух местах. С предельно возможной мягкостью. Приезжий отправился напрямиком в полицию, и полиция возражала... в конце концов, инопланетянин... да еще уважаемый... но не слишком энергично. Особенно после того, как Симм взял полицейский глайдер и надежно забил им канализационный люк. После этого Флинкс и Симм обнаружили, что служители Бога и Фараона стали куда меньше докучать им.

Великан обрадовался, увидев его. У них было много общего, не в последнюю очередь тот факт, что оба они все-таки были сиротами.

— Сухого очага тебе, юный мастер! И как мир находит тебя сегодня ночью?

Флинкс уселся в конце стойки:

— Он находит меня достаточно благоденствующим, громадина. Достаточно благоденствующим, чтобы я получил от тебя бутылку

твоего самого лучшего пива «Репейник» и котел соленых сухариков для моего друга.

Он погладил змея под челюстью, и Пип оценивающе сощурил глаза. Бывали времена, когда Флинкс мог поклясться, что слышит, как змей мурлыкает. Но поскольку никто больше не слышал, он никогда не обсуждал этот вопрос.

Симм слегка поднял брови. «Репейник» был напитком дорогим и крепким. Его, однако, намного больше волновала способность юноши управляться с первым, чем вторым. Красное пиво привозилось с далекой Кринки, транксийской планеты, и могло легко свалить даже взрослого человека. Но он принес его вместе с сухариками для дракончика.

Когда он вернулся, змей, не дожидаясь приглашения, сразу нырнул в чашу и принялся барахтаться в соленых крендельках, стремительно выбрасывая язык и выхватывая со скоростью автомата крупные кристаллы каменной соли. Как и многое другое в Дралларе, даже соленые сухарики не обладали изысканностью. Флинкс снова стал размышлять, что для животного бесспорно плотоядного его приятель слишком явно любил хлебную выпечку. Именно кулинарная всеядность дракончика и являлась одной из причин, позволявших ему так хорошо процветать в городе. Бывали времена, когда мясо не часто появлялось у них на столе, да и грызуны куда-то пропадали, и они с Мамашей Мастифф с удивлением смотрели, как змей с удовольствием уплетал большие порции соленого хлеба или пиме, дешевого растения вроде кукурузы, наводнявшего многие леса мягкого дерева на Мотыльке.

Флинкс взял бутылку изысканной работы и налил вишнево-красное варево, наблюдая, как лезет через край кружки розовая пена. Пивоварение являлось одной из самых отшлифованных способностей транксов. Было уже слишком поздно для немногих законченных пьяниц и еще слишком рано для большинства ночных завсегдатаев. Сморчок Симм удостоверился, что все прочие клиенты обслужены, и согнулся над стойкой, опираясь на сложенные руки, похожие на косматые деревья. Он молча смотрел, как юноша сделал большой глоток шипучего напитка, а затем принялся пить остальное небольшими смакующими глоточками. Время от времени справа от них, среди сухариков, раздавалось удовлетворенное шипение.

Владелец бара снова вскинул брови, когда Флинкс предпочел оплатить питание монетой.

— Дела, значит, идут очень хорошо?

— Да, неплохо. Хочешь верь, дружище, хочешь нет, я сегодня зашиб сотню кредитов. И к тому же честно! — Тут

он вспомнил о появившихся недавно трех трупах в переулке.— Хотя теперь я, может, не так уж и рад этому.

— Странно слышать.— Великан налил себе немного иттрийского коньяку. — Я рад за тебя, но также и несколько разочарован, так как это значит, что тебе не понадобится работа, которую я тут тебе сосватал.

— Вот как? Не нужно так спешить, массивный. И не пытайся также давить мне на психику. Верно, в данный момент я платежеспособен, но деньги имеют свойство незаметно ускользать меж пальцев. К тому же я слишком много раздаю. И мне надо подумать о старушке, хотя она теперь могла бы приобрести городские фонтаны, несмотря на свои жалобы на нищету.

— Ах, да, конечно, Мамаша Мастифф. Ну тогда, возможно, тебя это заинтересует. По крайней мере, я могу обещать тебе интересное общество.— Он показал на бар за спиной у Флинкса.— В третьей кабине. Двое самых необыкновенных личностей.

Флинкс обернулся и посмотрел на небольшие, покрытые материей кабинки, шедшие в ряд вдоль противоположной стены заведения. В этих укрытых анклавах часто занимались делами и предавались удовольствиям, иногда совмещая одно с другим.

Он посмотрел пристальнее на кабинку в сумеречном свете. Большинство людей ничего не смогли бы различить, даже на таком небольшом расстоянии, но Флинкс-то смотрел не только глазами. Да, в самом деле, в указанной кабине сидели две фигуры, и, судя по тому, что он увидел, они образовывали странную пару.

Один был очень высоким человеком, с лицом, состоящим по большей части из острых углов, словно из-под кожи выпирали лезвия ножей. Волосы его сидели на висках и на затылке, вполне естественная смена цвета, а со лба до затылка тянулась одна чисто белая прядь. С лица смотрели резко сужавшиеся, почти монголоидные глаза, такие же черные, как большая часть его волос. Сходившиеся над переносицей кустистые брови придавали ему слегка надменный вид. Маленький рот с тонкими губами и тело, хотя и не тощее, но обладающее стройностью, обязанной скорее заботливой диете, нежели энергичным упражнениям. Видимые части тела сильно загорели, а по такому загару Флинкс теперь узнавал людей, долго находившихся в космосе и подвергавшихся большому воздействию обнаженного ультрафиолетового света, чем большинство существ.

Если человек этот был необычен, то его спутник вдвое превосходил его по этой части. Хотя Флинкс видел не так уж и много транксов, поскольку в Дралларе они не скапливались,

этого хватило, чтобы понять, что там, напротив человека, сидит самый старый транкс, на какого он когда-либо натыкался. Его хитиновый покров поблек с нормального здорового голубого цвета до темно-пурпурного, казавшегося чуть ли не черным. Антенны обвисли по бокам и покрылись внизу чешуей. Даже на таком расстоянии Флинкс разглядел исшелушившийся покров под футлярами для крыльев (присутствовали оба комплекта — значит, неженат). Только светящиеся алмазные фасетчатые глаза сверкали золотом, означавшим юность и энергию. Жалко, что он не мог воспринять его еще глубже.

Ткань делала их разговор практически неслышным на таком расстоянии, но инсектоид время от времени жестикулировал истружкой, а человек степенно кивал в ответ. Флинкс обнаружил, что спиртное кружит ему голову, и, слегка рассердившись, вновь обернулся к своему другу.

— Ты прав, Симм. Странная здесь оказалась пара.

— Они заходят каждый вечер уже четыре дня подряд и непрерывно пьют, хотя спиртное, кажется, действует на них не сильнее, чем вода. Но к делу. Как ясно даже птице мотл, они здесь чужаки. Вчера они впервые начали спрашивать насчет гида. Сказали, что желают получше посмотреть город. Я не знал, чем им помочь, пока не вспомнил о тебе. Но теперь, раз ты стал богат, как король...

— Нет, нет. Подожди.— Флинкс почувствовал прилив щедрости. Наверно, из-за пива.— Они сгодятся для пары рассказов, даже если не обломится ничего другого. Я берусь за это дело.

Симм ухмыльнулся и грубовато взъерошил волосы юноши.

— Отлично! Я так и думал, что один взгляд на них убедит тебя, всем известно о твоём интересе к инопланетным делам. Одно Древо знает, с чего бы это! Подожди здесь, я пойду скажу им.

Он вышел из-за стойки и подошел к кабинке. Сквозь вызванный пивом легкий туман Флинкс увидел, как великан отодвинул занавеску и зашептался с сидящими в кабинке существами.

— Ну,— пробормотал он про себя,— во всяком случае, одно хорошо. По крайней мере, они не обычные туристы. Наверно, я буду избавлен от тяжелой муки: смотреть, как они ликуют, покупая кучу барахла вдвое дороже честной цены.— Он издал звук, начавшийся долгим шипением и кончившийся хлопком, как от лопнувшего пузыря. Из чаши уничтожаемых сухариков, количество которых порядком уменьшилось, высунулась надменная чешуйчатая головка. Дракончик соскользнул на стол и

прополз по протянутой руке, свернувшись на своем обычном месте на плече Флинкса. И разок сонно рыгнул.

Вернулся Симм с двумя инопланетянами на буксире:

— Этого юношу, сэры, зовут Флинкс, и он предлагает взять его вашим гидом. В городе невозможно найти лучшего или более сведущего. Пусть вас не вводит в заблуждение его сравнительная молодость, так как он знает больше, чем полезно для его же блага.

Вблизи Флинкс мог получше изучить своих подопечных. Что он и сделал, да притом внимательно. Высокий человек был на добрую шестую часть метра ниже громадного Симма, но транкс был воистину великаном для своего вида. Сейчас, когда он поднял верхнюю часть тела, его глаза находились почти на одном уровне с глазами Флинкса. Весь инсектоид достигал в длину полных два метра. Нормой для самца этого вида были полтора метра. Флинкса не волновало, что их глаза в свою очередь пристально рассматривают его. Циркач, он к этому более чем привык. Но вдруг обнаружил, что отводит взгляд от этих огромных золотых кругов. Встретиться с ним взглядом слишком походило на разглядывание океана разбитых призм. Флинкс гадал, на что это похоже, смотреть на жизнь таким вот образом, через тысячи крошечных глаз вместо всего лишь двух больших.

Когда человек заговорил, то голос у него оказался на удивление мелодичным.

— Здравствуйте, молодой человек. Наш добрый податель спиртного уверяет нас, что вы практически незаменимы для любого, кто желает что-то посмотреть в вашем городе.

Он протянул руку, и Флинкс пожал ее, удивившись мозолям на ладони. По мере того, как слабело действие слегка галлюциогенного варева, он начинал все больше осознавать уникальность двух существ, с которыми ему предстояло общаться. Оба они излучали ауру чего-то такого, что он прежде не встречал, даже в своих странствиях среди обитателей челночного порта.

— Меня зовут Цзе-Мэллори... Бран. А это мой спутник, эйнт Трузензюекс.

Представленный инсектоид поклонился «в пояс», совершив стремительное плавное движение озерного бегунка, ныряющего на плавающую у поверхности рыбу. И еще один сюрприз: он говорил на земшарском, а не на символечи. И впрямь ученый и вежливый жук! Мало кто из транксов обладал способностью усвоить больше нескольких элементарных фраз из земшарского языка. Присущие ему логические несообразности вызывали у

них головную боль. Однако у этого инсектоида произношение было не хуже, чем у Флинкса. Ну а скрежет становился неизбежным из-за разного устройства голосовых связок.

— Высшего видоизменения тебе, юноша. На самом деле нам уже несколько дней нужен гид в этом вашем путанном городе. Мы очень рады, что вы согласились помочь нам преодолеть наши затруднения.

Такая лестная оценка просто смущала.

— Я сделаю все, что в моих силах, господа.

— Мы предпочли бы начать завтра на рассвете, — сказал Цзе-Мэллори. — Видите ли, мы здесь по делу, и более близкое знакомство с городом — важная предпосылка дела, которое мы и так уже слишком долго откладывали. На самом-то деле мы ожидали, что гид встретит нас, но поскольку он явно передумал, эту миссию придется доверить вам.

— Мы остановились в небольшом трактире немного дальше по этой улице, — добавил Трузензюзекс. — У него на вывеске три рыбы и...

— ...звездолет. Я знаю это заведение, сэр. Я встречу с вами завтра в первом тумане, в семь часов, в холле.

Двое опять обменялись с ним рукопожатием и, похоже, собрались уходить. Флинкс деликатно, но настойчиво кашлянул.

— Э, небольшая деталь, сэр.

— Да? — остановился Цзе-Мэллори.

— Как с оплатой?

Транкс произвел жвалами серию быстрых шелкающих звуков, сходявших среди его вида за смех. У этих инсектоидов имелось высоко развитое, а иногда и озорное чувство юмора.

— Вот как! Наш гид к тому же плутократ! Вы, несомненно, как все личинки, безнадежный любитель припасать сладости. Как тогда насчет следующего? Завтра, по завершении нашего тура — надеюсь, одного дня хватит для наших целей — мы угостим вас обедом в самой лучшей обжорной лавке на удовольствие полумесяца.

«Отлично! Давай-ка посмотрим, двенадцать блюд в «Порцию» обойдутся им в... отлично!» У него даже слюнки потекли.

— Это будет великолепно... я хочу сказать, достаточно, сэр. Да уж, что ни говори, хватит!

ГЛАВА 2

Флинкс, разумеется, не был гидом по профессии, но он знал раз в десять больше о настоящем Дралларе, чем скучные наймиты правительства, проводившие официальные туры по самым лучшим ночным клубам города для ошеломленных инопланетян. В прошлом он не раз оказывал эту услугу другим гостям Сморчка Симма.

Эти клиенты оказались, однако, довольно эксцентричными туристами. Он показал им большой центральный рынок, где можно было найти товары с половины Рукава. Они ничего не покупали. Он сводил их к большим воротам Старого Драллара, Монументальной арке, высеченной местными ремесленниками из чистой как вода двуокиси кремния, и настолько древней, что ее создание было не зафиксировано в дворцовых хрониках. Они ничего не сказали. Он сводил их также к красным башням, где в парниках под заботливым присмотром преданных делу королевских ботаников пышно разрослась фантастическая флора Мотылька. А потом к крошечным необычным заведениям на отшибе, где можно купить необыкновенное, редкое и запрещенное. Посуду из драгоценных камней, произведения искусства, оружие, столовые принадлежности, самоцветы, редкие почвы и редкую одежду, билеты куда угодно. Научные приборы, ученых, самок или существ любого другого пола и любого вида. Наркотики: медицинские, галлюциогенные, смертельные, предохранительные. Чтение мыслей и будущего по ладони. Лишь изредка один из них делал то или иное незначительное замечание об окружающей их обстановке. Можно было подумать, что им чуть ли не скучно.

Один раз это произошло в лавке продавца древних карт, да и то на незнакомом для многоязычного Флинкса наречии.

Да, для личностей, казалось бы, столь нуждавшихся в гиде, они проявляли замечательно мало интереса к своему окружению. Они, казалось, намного больше интересовались Флинксом и Пипом, чем городом, который он им показывал. Когда давно перевалило за полдень, он вдруг поразился, сообразив, как много они о нем узнали, по большей части через невинные и косвенные вопросы. Однажды, когда Трузензюзекс нагнулся вперед посмотреть на дракончика поближе, тот осторожно отодвинулся и спрятал голову за шеей Флинкса. Это само по себе было странным. Обычно змей реагировал либо равнодушно, либо воинственно. Впервые на памяти Флинкса он проявил

неуверенность. Трузензюекс вроде бы мало что понял в этом эпизоде, но никогда больше не пытался приблизиться к змею.

— Вы выдающийся гид и веселый спутник,— заметил транкс,— и лично я считаю, что мне повезло, что вы с нами.— Они все гуляли и гуляли, пока не оказались на немалом расстоянии от городского центра. Трузензюекс показал на вытянувшиеся впереди в великолепном ландшафте башенные дома очень богатых жителей планеты:

— А теперь нам хотелось бы посмотреть подстриженные газоны и висячие сады дралларских инурбов, о которых мы оба так много слышали.

— Боюсь, что этого я не могу обеспечить, сэр. Территория инурба Браав закрыта для таких, как я, и там есть сторожа, при оружии, расставленные на стенах, чтобы не давать простонародью запакостить зелень.

— Но вы все-таки знаете ходы туда? — настаивал Цзе-Мэллори.

— Ну,— начал, колебавшись, Флинкс. В конце концов, что он на самом деле знал об этих двоих? — Ночью я иногда находил необходимым... но сейчас не ночь, и нас наверняка увидят, когда мы будем перелезать через стены.

— Тогда мы пройдем через ворота. Ведите нас,— твердо сказал Цзе-Мэллори, обрывая зарождающиеся возражения Флинкса,— о проходе и охранниках побеспокоимся мы.

Флинкс пожал плечами, раздраженный их упрямством. Пусть себе тогда убедятся на собственном опыте. Но мысленно он добавил к вечернему обеду дорогой десерт. Он провел их к первым воротам и держался на заднем плане, когда к ним подошел, недовольно ворча, рослый властный человек, бездельничавший до этого в маленьком здании при воротах.

Именно теперь-то и произошло самое необыкновенное событие за весь день. Прежде чем явно не расположенный любезничать парень успел издать хоть звук, Трузензюекс сунул иструку в сумку и ткнул вынудой оттуда карточкой прямо в нос сторожу. Глаза сторожа расширились, он разве что не отдал честь, воинственность, присущая всей его осанке, растаяла, словно воск. Флинкс никогда не видывал, чтобы охранники, люди, широко известные своей взлелеянной грубостью, вели себя так беспомощно с кем бы то ни было, даже с самими жителями инурбов. Ему стало еще интереснее узнать, кто же такие эти его друзья. Но они оставались непроницаемыми. Черт бы побрал это проклятое пиво! Ему казалось, что он где-то слышал прежде фамилию Цзе-Мэллори, но не мог сказать наверняка. И он многое бы отдал за возможность хоть мельком взглянуть на

карточку, которой Трузензюекс столь небрежно махнул перед охранником.

Теперь путь сделался совершенно беспрепятственным. По крайней мере, ему представится возможность в первый раз увидеть при дневном свете кой-какие знакомые вещи. И к тому же без спешки, без необходимости все время оглядываться через плечо.

Они молча шли меж изумрудных садов вокруг домов, похожих на парки, и журчавших водопадов, встречая иногда какого-нибудь богато одетого обитателя или потеющего служителя, вспугивая иной раз среди кустов оленя или филопу.

— Как я понимаю,— нарушил молчание Цзе-Мэллори,— каждая башня принадлежит одной семье и носит ее фамилию.

— В общем, все это достаточно верно,— ответил Флинкс.

— А вы знакомы с ними?

— С большинством, но не со всеми. Раз уж вам любопытно, я буду называть известные мне, когда мы будем проходить мимо них.

— Сделайте милость.

Это казалось глупым, но они ведь платили, так кто он такой, чтобы оспаривать практичность? К обеденному меню присоединилось отличное вино...

—...а это,— сказал он, когда они оказались рядом с высокой башней из черного стекла,— Дом Малайки. Неудачное имя, сэр. Как я понимаю, на одном из мертвых языков оно означает «ангел».

— Ни один из земных языков не «мертвый»,— загадочно поправил Цзе-Мэллори. А потом, помолчав, спросил: — Это тот, кого зовут Максимом?

— Ну да. Я-то знаю, потому что в прошлом несколько раз выступал здесь на вечерах. Этот, следующий, желтый...

Но он увидел, что они не слушают. Оба остановились у черной башни и подняли головы вверх, туда, где верхние этажи окружали протOVERАНДЫ из розового хрусталя, и плотно переплелась пышная зелень висячих лоз и воздушных кустов.

— Очень удачно,— услышал он замечание Трузензюекса,— что вы знаете друг друга. Это может облегчить определенные дела, а может, и нет. Идемте, мы нанесем визит вашему мистеру Малайке.

Флинкс был совершенно ошеломлен. Не потому ли они и наняли его, с целью подойти к самой грани невозможного? После короля и его министров, семьи дралларских торговцев-кочевников, отправившихся проявлять свои таланты вне планеты, являлись самыми богатыми и могущественными людьми на

планете. А некоторые, возможно, были и побогаче, так как величина крупных состояний — это такое дело, куда даже монарх не мог соваться безнаказанно.

— Это всего лишь шапочное знакомство, сэры! Что заставляет вас верить, что он сделает что-нибудь иное, кроме как выпрет нас пинком под зад? Что заставляет вас верить, что он хотя бы встретится с нами?

— А что заставляет вас думать, что мы не можем войти в ах-такой-недоступный инурб? — уверенно ответил вопросом Трузензюэкс. — Он встретится с нами.

И двое направились по мощеной дорожке к большой арке входа в башню, а крайне раздраженному и озадаченному Флинксу осталось только последовать за ними.

Двойные двери из простого резного хрусталя вели в коридор под куполом, уставленный статуями и увешанный картинами и мыслеграммами, в которых даже неопытный глаз Флинкса мог увидеть большую ценность. Там, в противоположном конце, находился единственный лифт.

Они остановились перед инкрустированным платиной деревом. Из решетки репродуктора на одной из стен их приветствовал механический женский голос:

— Добрый день, господа, и добро пожаловать в Дом Малайки. Будьте добры сообщить о своем деле.

Ну, теперь-то они покончат с этой дуростью! Требование предъявили в высшей степени любезно, окружение тут приятное. Он заметил уголком глаза искусно разрисованную ширму, чуть колыхаемую слабым ветерком коридорных вентиляторов. За ней, несомненно, находилось уже наведенное на них дуло лазерной пушки или другого негостеприимного прибора. В коридоре стояла идеальная прохлада, но, тем не менее, он почувствовал, что начинает потеть.

— Бывший Младший Советник и социолог Бран Цзе-Мэллори и старший философ эйнт Трузензюэкс выражают свое почтение Максиму из Дома Малайки и желали бы побеседовать с ним, если он дома и расположен к этому.

Разум Флинкса внезапно распахнулся от рванувшихся к выходу мыслей. Неудивительно, что они так легко прошли мимо охранника у ворот! Церковник и чистый ученый. Да притом высокого ранга, хоть Цзе-Мэллори и сказал «бывший». Младший Советник — это, по меньшей мере, планетарный уровень. Он был менее уверен насчет важности Трузензюэкса, но знал, что с уважением, испытываемым транксами к их философам или теоретикам, могло соперничать только почтение к самым почетным Матерям Улья и Старшим Советникам Церкви. Мозг

его переполнился вопросами, окрашенными столь же неуверенностью, сколь и любопытством. С какой стати две такие знаменитости сидели в заведении у Сморчка Симма? Почему они выбрали в гиды его, юнца, ничто, когда королевский министр мог предоставить им царскую свиту? Ответ на это он прочел легко: инкогнито. Слово это многое говорило, а подразумевало еще больше. А в данную минуту что за дела могут быть у двух таких изощренных умов с солидным, твердо стоящим на земле коммерсантом, вроде Максима Малайки?

Покуда он ошеломленно задавал сам себе вопросы, не имевшие ответов, находившийся где-то наверху мозг принял решение. Из репродуктора послышалось:

— Максим из Дома Малайки приветствует гостей, хоть он и поражен, и обязательно побеседует с distinguished гостями. Он желает, чтобы вы оба... — возникла пауза, покуда скрытый где-то глаз просканировал коридор, — ...вы трое поднялись наверх. Он сейчас находится на юго-западной веранде и примет вас там немедленно.

Голос из репродуктора, щелкнув, смолк, и сразу же раздвинулись искусно выкрашенные под дерево двери. Человек и транкс без дальнейших приглашений вошли в кабину. Флинкс секунду размышлял, последовать ему за ними или бежать, как от черта, но Цзе-Мэллори решил за него.

— Не стойте тут, разинув рот, юноша. Разве вы не слышали, как нам сказали, что он желает видеть нас троих?

Флинкс ни в чем не обнаружил подвоха. Он шагнул в лифт. Разместились они все в нем более чем удобно. Он и прежде бывал в этом доме, но если он в чем и был уверен сейчас, так это в том, что теперь его вызвали не для выступления. И это не вход для слуг, которым он пользовался прежде. Тихий свист воздуха от закрывшихся дверей прозвучал в его ушах с громкостью взрыва.

Когда они поднялись, их встретил высокий человек-скелет, облаченный в черно-алые цвета семейства Малайки. Он ничего не сказал и провел их в помещение, которого Флинкс прежде не видел.

Противоположный конец помещения выглядел уходящим в открытое небо. На самом деле это была одна из больших хрустальных протOVERанд. Именно они-то и придавали этому району Драллара вид усыпанного драгоценностями леса. Он на мгновение вздрогнул, когда ступил на то, что походило на гладкое ничто. Двух ученых это, казалось, ничуть не трогало. Он ходил прежде по такому полу, когда выступал, но тот был непрозрачным, а этот совершенно прозрачен, лишь с намеком

на розовый цвет, до самой земли. Он поднял взгляд, и головокружение прошло.

Мебель тут стояла сплошь красно-черная, со случайным пятном яркого цвета здесь и там от какого-либо импортного предмета или произведения искусства. В воздухе витали густые пары фимиама. Вдали начало садиться солнце Мотылька, погружаясь в непрерывный редкий туман. На Мотыльке темнело рано.

На одной из многочисленных больших пушистых кушеток сидели две фигуры. Одну он узнал сразу же: Малайка. Другая — поменьше, белокурая и с совершенно иными формами. Большую часть ее покрова составляли длинные, до талии, волосы.

Голос, грохотавший из горла с толстыми мускулами,* походил на оживающий спящий вулкан:

— Же! Вот и наши гости. Сиссиф, дорогая, беги и стань еще прекрасней, Ндийо?

Он оглушительно чмокнул ее в щеку и направил вон из помещения звучным шлепком по самой выдающейся части ее тела. «А у него новая,— подумал Флинкс.— Блондинка и с немного более зрелой фигурой, чем последняя.» Вкусы торговца явно росли вместе с животом. Правда, последний пока еще только чуточку бросался в глаза.

— Ну и ну! — прогремел Малайка, сверкнув с эбеново-черного лица белыми зубами, заискрившимися среди ключев кудрявой бороды. Он в два шага подошел к ним и пожал руки.— Бран Цзе-Мэллори и эйнт Трузензюзекс. Узитави. Тот самый Трузензюзекс?

Инсектоид исполнил еще один из своих медленных грациозных поклонов:

— Вынужден признать себя виновным в предъявленном обвинении.

Флинкс нашел время восхититься способностями инсектоида. Из-за природы их физиологии движения транксов бывали крайне скованными. Увидеть, чтобы транкс кланялся так, как Трузензюзекс, доводилось исключительно редко.

Когда Челанксийское Содружество еще только образовывалось, люди дивились искрящейся голубой и зеленоватой гамме тел транксов и обмирали от испускаемого ими естественного аромата. И сокрушенно гадали, какими транксы найдут их самих, тусклых, вонючих, мягких. А транксы увидели гибкость в паре с твердостью, с которыми ни один транкс никак не мог и надеяться соперничать. Вскоре гастролирующие танцевальные труппы с гуманоидных планет вошли в число самых популярных

видов выступлений на сценах транксийских колоний и метрополии.

Но, по меньшей мере, от грудной клетки и до макушки Трузензюекс производил впечатление сделанного из резины.

Малайка закончил обмениваться рукопожатиями с ними обоими, а затем преподнес Флинксу еще один небольшой сюрприз. Вытянув голову, коммерсант коснулся носом антенны инсектоида. Так человек мог ближе всего подойти к исполнению традиционного приветствия транксов путем переплетения антенн. Но, впрочем, напомнил он себе, человек, ведущий дела со столь многими расами, обязан знать все жесты ради обыкновенной вежливости... и коммерции.

— Садитесь! Садитесь! — проревел он тоном, который, несомненно, считал мягким. — Какого вы мнения о моей маленькой мвензангу, а? Спутница, — добавил он, видя их озадаченность, и дернул головой в том направлении, куда удалилась девушка.

Цзе-Мэллори ничего не сказал, хватило и огонька, вспыхнувшего в его глазах. Трузензюекс пошел дальше:

— Если я правильно понимаю текущие человеческие ценности, то рискнул бы сказать, что такие пропорции мраморных тел по отношению к ширине тазовой области рассматриваются как необыкновенно эстетичные.

— О, звезды! — заржал Малайка. — Вы, сэр, бесспорно, ученый. Какая сила наблюдательности! Что я могу предложить вам выпить?

— Мне — имбирный лимонад, если у вас есть хорошего года.

— Пхе! Есть, положитесь на мое слово, сэр, вы найдете его приятным на вкус, если вы тот самый Цзе-Мэллори, о котором я слышал. А вам, сэр?

— У вас случайно не найдется немного абрикосового бренди?

— Ого! Не только ученый, но и гурман! Думаю, мы сможем вас обеспечить, дорогой философ. Но для этого понадобится вылазка в погреб. Я не часто принимаю таких знающих толк гостей.

Тень, провожавшая их от лифта, все еще маячила, словно призрак, в глубине помещения.

— Позаботься об этом, Вульф. — Страж незаметно поклонился и ушел, волоча ноги, прихватив с собой нечто, витавшее в воздухе. Флинкс, более чувствительный к этому, чем другие, почувствовал облегчение, избавившись от его присутствия.

Теперь этот сердечный голос в первый раз несколько утратил свой добродушно-шутливый тон.

— Же? Что привело вас сюда, в Драллар? И притом втихую.— Он переводил быстрый взгляд с одного невозмутимого лица на другое, медленно оглаживая свою густую ассирийскую бороду.— Как ни сильно льстит это моему самолюбию, я не могу поверить, что такой въезд украдкой в наш прекрасный город совершили только ради удовольствия составить мне компанию.— Он выжидательно нагнулся вперед на манер, предполагавший, что он умел нюхом чуеть деньги, по меньшей мере, ничуть не хуже Мамаши Мاستифф.

Малайка уступал ростом Цзе-Мэллори, но почти вдвое превосходил его по ширине и обладал телосложением отставного борца. На смуглом лице, носившем чекан королей древней Мономотапы и Зимбабве, сверкали потрясающе белые зубы. Из рукавов небрежно подпоясанного полус шелкового халата без швов высывались массивные волосатые руки. И ноги под стать им, крепкие на вид, как железное дерево Мотылька, выпирали из плиссированных складок на коленях. Короткие узловатые пальцы на вывернутых наружу ступнях обладали большим сходством с кишевшими на таких растениях древесными паразитами. По крайней мере, на одной ноге. Другая, знал Флинкс, кончалась у колена. Подзаправленные кредитам, хирурги-протезисты сделали ему все возможное и невозможное, чтобы левая стопа соответствовала своему естественному эквиваленту справа. Соответствие было не совсем идеальным.

Настоящую, как узнал Флинкс на одной из вечеринок Малайки от разговорчивой молодой женщины, коммерсант потерял еще в юности. Он занимался добычей мехов на планете мелкого солнца из созвездия Дракона, когда на его отряд напал ледовый ящер. Попавшись довольно глупо, вдалеке от своего оружия, они беспомощно смотрели, как хищник инстинктивно выбрал самого слабого члена их отряда, юную бухгалтершу. Вмешался только один Малайка. Не имея подходящего оружия, он заставил зверя задохнуться очень простым приемом: вогнал тому в глотку свою левую ногу. Никто не ожидал от прагматичного коммерсанта такого крайне смелого поступка. К несчастью, к тому времени, когда его смогли доставить в достаточно оснащенный госпиталь, конечность уже не поддавалась никакому лечению.

— Мы не намерены вас обманывать и не думаем, что это удалось бы, друг Малайка. Нам действительно случилось напасть на след того, что, у нас имеются веские причины так думать, вы сочтете ценным. Для нас, однако, это означает намного больше, чем жалкие несколько сотен миллионов кредитов.

Флинкс сглотнул.

— Но,— продолжил Цзе-Мэллори,— наши личные ресурсы ограничены, и поэтому мы вынуждены, хоть и с неохотой, искать сторонний источник помощи. С открытым кредитом и закрытым ртом.

— И поэтому вы направили стопы ко мне. Ну и ну! Кажется, я все-таки буду польщен. Я бы был нечестен, если бы сказал, что мне это не льстит. Тем не менее, вы, разумеется, должны доказать, что то, на что вам требуется моя финансовая поддержка, принесет мне прибыль... в твердых кредитах, а не в чем-то неосвязаемо-философском. Прошу прощения, друзья. Расскажите мне побольше об этой штуке, что стоит намного больше, чем всего лишь несколько миллионов кредитов.

— Мы ожидали от вас именно такой реакции. Любая другая, честно говоря, вызвала бы у нас подозрения. Это — одна из причин, почему мы чувствуем, что можем быть откровенными с вами.

— Меня очень утешает сознание того, что вы заранее все предусмотрели в моем поведении,— сухо сказал Малайка.— Продолжайте же.

— Мы могли бы обратиться в правительственную организацию, но самые лучшие из них, несмотря на официальные заявления Церкви, чересчур часто коррумпированы. Мы могли бы обратиться и в крупную филантропическую организацию. А они чересчур подвержены шоку. В конечном итоге мы решили, что лучше всего обратиться туда, где обещание большой прибыли гарантирует эксклюзивность нашего предприятия.

— А если предположить, что я соглашусь вложить феда в это предприятие, какие у вас гарантии, что я тут же не убью вас, если оно окажется успешным, и не вернусь с предметом поиска и двумя аннулированными чеками?

— Очень простые. Во-первых, как бы странно это ни звучало, мы знаем, что вы в своих делах человек надежный и разумно честный. Это оказалось среди наилучших ваших товаров и окажется еще не раз, несмотря на тот кроважадный образ, который ваши публицисты любят рисовать доверчивой публике. Во-вторых, мы не знаем, что мы ищем, но узнаем, когда найдем. И есть великолепная возможность, что мы вообще ничего не найдем. Или, что еще хуже, что-то будет найдено, но останется для нас никчемным из-за своей непостижимости.

— Хорошо! Любые другие соображения и подозрения появились бы у меня! Мне становится все любопытней и любопытней. Снизойдите к уму бедного невежественного торговца, разъясните мне. Почему ко мне, пор фавор?

Трузензюзекс проигнорировал каламбур и сделал трансксийский эквивалент пожатия плечами.

— Кто-то же нужен. Как уже упоминалось, ваша репутация в бизнесе, известном своими законами джунглей, заставила моего брата по кораблю избрать вас.— «Еще одно откровение»,— подумал Флинкс.— А сам Мотылек близок к нашей цели... лишь в относительном смысле, так что вам было бы мало толку и много расходов пытаться найти ее самостоятельно. К тому же, еще одно покинувшее Мотылек судно ничего не будет значить при здешнем постоянном потоке межзвездных перелетов. Здесь наш курс не вызовет подозрений, тогда как в каком-либо ином месте он мог бы навести кого-то на нежелательные размышления. А торговцы часто летают, описывая странные кривые, чтобы сбить со следа конкурентов.

В этот момент принесли напитки. Разговор по взаимному согласию отложили, пока собеседники потягивали свое прохладительное. Флинкс попробовал имбирный лимонад из кувшина Цзе-Мэллори и нашел его приятным, хотя и слабоватым. Малайка одним глотком осушил по меньшей мере половину содержимого своей огромной кружки и вытер пену с губ рукавом безупречно чистого халата, оставив на нем несмываемое пятно. Зная стоимость этой ткани на рынке, Флинкс не мог не содрогнуться.

— Еще раз извините за мою тупость, сэры, но я хотел бы, чтобы мне разжевали, что же это за штука такая, для чего требуется сбивать со следа конкурентов.— Он обернулся и посмотрел прямо в лицо Цзе-Мэллори.— И хотя вы явно больше не связаны с Церковью в своем официальном качестве, социолог, мне, признаться, любопытно узнать, почему вы не обратились в поисках помощи к ней.

— Мои отношения с Объединенной Церковью, Малайка, уже много лет не отличались особой теплотой. Расстался я с ней достаточно дручески, но в некоторых кругах из-за моего ухода возникла определенная степень неизбежной горечи, которая... осложнила бы, скажем так, дело, если бы я в это время открыл им то, что знаю. А для обеспечения их помощи это стало бы необходимым.

— Гм. Ну, это достаточно прямо. Не будем беречь раны. Может быть, нам следует перейти к...— Он вдруг смолк и посмотрел направо. Цзе-Мэллори и Трузензюзекс направили свои взоры туда же.

Флинкс, сразу же почувствовав себя неуютно, переменял позу. Он сумел услышать столь многое, оставаясь совершенно незаметным, хотя и на виду, искусство, которому он научился

у некоего терпеливого и очень вороватого старика. С помощью его собственных странных талантов оно не раз оказывало ему важные услуги. Однако эти трое были куда наблюдательней попадавших на рынок. Он ясно видел, что ему придется выйти. Почему бы не сделать это добровольно?

— Э, сэры... мне не помешает немного... если вы, досточтимый хозяин, укажите мне, в каком направлении буфетная, я попытаюсь мгновенно и безболезненно сделаться отсутствующим.

Малайка оглушительно расхохотался:

— Похвальная догадливость, юноша. Поэтому вместо того, чтобы отсылать тебя домой... возможно, мне пришлось бы гадать, где же он может быть... ты пойдешь обратно по коридору, вторая дверь направо. Там ты найдешь достаточно продуктов, чтобы даже ты оказался на несколько минут занятым по горло!

Флинкс развернулся, поднимаясь с пола из своей позы лотоса, и отбыл в указанном направлении. Он чувствовал на себе их взгляды и мысли, пока не скрылся из вида. Веселость Малайки его не одурачила. Возможно, он и так уже слышал больше, чем полезно для здоровья. Его сильно интересовали ответы на множество вопросов, которые Малайка сейчас, несомненно, задавал своим гостям, и он развлекался, пытаясь мысленно обнаружить хорошее место для подслушивания у тонкой части стены. Однако в коридоре вновь появилась мертвая голова и расположилась у входа на веранду. Голубые глаза скользнули по нему разок, как будто второго взгляда он и не заслуживал. Флинкс было разозлился, а затем вздохнул. Ему все равно пришлось бы удовольствоваться тем, что он мог бы уловить без визуального контакта. Можно с таким же успехом насладиться иной возможностью, пока та у него есть. И он пошел дальше.

Буфетная была сплошной фантастикой. Он чуть было не забыл о приведшей его сюда необычной цепи происшествий, покауда они с мини-дракончиком пожирали припасенную роскошь. Он не успел зайти дальше колебаний в выборе между земным шампанским и сосновой мятой с Баррабаса, когда в его открытый мозг забрела короткая серия крайне странных мыслей. Он повернулся и заметил, что дверь в комнату справа от него слегка приоткрыта. Из-за нее-то и выходили дразнящие субвокализации. Он ни на минуту не сомневался, что этой двери полагалось быть надежно запертой. Осторожно, бросив быстрый взгляд на вход в кухню, он подошел к двери и приоткрыл ее еще на дюйм.

Комната по соседству с кухней оказалась узкой, но длинной. Она, вероятно, вытянулась на всю длину этого радиуса башни. В назначении ее, во всяком случае, сомневаться не приходилось. Она служила баром. Он приготовился было войти с намерением отыскать еще более вкусные напитки и обострившимся любопытством, но быстро остановился.

Комната была уже занята.

У противоположной стены, крепко прижавшись ухом, согнулась фигура. По другую сторону головы он различил контуры вентиляционной решетки или чего-то похожего с ней. Лицо было отвернуто от него и поэтому скрыто. Увиденные им там металл и дерево были тонкими и легкими. Голоса из соседней комнаты звучали для него четко и ясно даже с того места, где он стоял.

Он как можно медленней и осторожней отодвинул дверь. Фигура, явно совершенно поглощенная происходящим по другую сторону стены разговором, не заметила его тихого приближения. Теперь стало видно, что сама решетка намного больше, чем требовалось для целей вентиляции. Она выглядела незакрепленной и, вероятно, поворачивалась на петлях. Через нее могли удалять из другой комнаты мусор, а потом уносить его к ближайшим мусоропроводам. Он держал в одной руке большой кусок пряного байского сыра и ножку фазана в зубах. Его свободная рука рванулась было к спрятанному в сапоге стилету, но затем остановилась. Мысли фигуры не обладали холодностью и смертельно четкой логичностью профессионального шпиона или убийцы. Совсем наоборот. Глухие убийцы тоже редко встречались, а этот по-прежнему не замечал его присутствия.

Он быстро принял решение и, отведя ногу назад, нанес крепкий удар по выпирающей части согнувшейся фигуры. Та издала единственный пронзительный крик и пролетела за решетку в комнату за ней. Через какую-то долю секунды Флинкс с сожалением отбросил фазана и сыр и прокатился следом за ней, поднимаясь на ноги по другую сторону. Удивленные лица Малайки, Цзе-Мэллори и Трузензюекса пораженно глядели на эту сцену. Фигура стояла напротив него, потирая пострадавшую часть тела и осыпая его непрерывным потоком брани. Уклоняясь от метнувшихся к его гортани пальцев, он мимоходом заметил, что фигура эта очень сильно походила на женскую. Это соответствовало уловленным им мыслям. Он неохотно принял защитную стойку, расставив ноги, слегка согнув колени и вытянув руки вперед. Пип нервно затрепетал у него на плече, расправляя перепончатые крылья и готовясь взлететь.

Женщина сделала было еще одно движение, словно опять собираясь напасть, но застыла, услышав рев Малайки:

— Ата! — Она повернулась лицом к нему.

Рослый коммерсант подошел и встал между ними. Его взгляд переходил с одного на другого и наконец твердо остановился на Флинксе.

— Ну, киджана! Я предлагаю кое-что растолковать, и побыстрее!

Флинкс постарался говорить по возможности ровным голосом, несмотря на разносимый по кровеносной системе адреналин:

— Я был в буфетной и случайно заметил, что дверь в соседнюю комнату открыта (неважно, почему он это заметил). Заглянув, я увидел фигуру... эту фигуру... пригнувшуюся рядом с решеткой. Комнате наверняка полагалось быть запертой. Я счел, что это не входит в ваши обычные способы вести private деловые переговоры, и поэтому решил принудительно вынести этот вопрос — и эту личность — на открытое обсуждение, где воздух почище. Сожалею, если я нарушил какой-то ваш фетиш или табу.

— Что?! — Затем Малайка уловил юмор и усмехнулся. — Думаешь, у меня бзик, а, киджана?

— Такая мысль возникала, сэр.

— Адабу! Нет, ты поступил правильно, Флинкс. — Он обратил свирепый взгляд на девушку. Она слегка съежилась под этим испепеляющим взглядом, но с ее лица так и не сходило упрямое выражение. Она каким-то образом нашла способ выглядеть правой.

— Черт тебя побери, девчонка, двойное проклятье и сдохшие двигатели! Я уже говорил тебе об этом! — Он раздраженно покачал головой. — И опять, ква аджили я адабу, приличия ради, я прощаю эту выходку. Отправляйся в порт и проверь челнок.

— Его ведь проверяли только на прошлой неделе, и ничего с ним не...

— Р-р-р! — он поднял ручищу размером с окорок. — Я... действительно... предлагаю... тебе!... — Она увернулась от опускающейся руки и стремглав бросилась к выходу. А по пути бросила на Флинкса выразительный взгляд, достаточно горячий, чтобы расплавить металл. Малайка перевел дух и, казалось, несколько успокоился.

— Много ли из того, что услышала она, услышал и ты?

Флинкс соврал. В данной ситуации он считал это более чем этичным.

— Достаточно.

— Так-так! — Коммерсант подумал.— Ну, наверно, это обернется к лучшему. Ты, вероятно, окажешься самым продувным малым на борту, паренек, но я бы на твоём месте временно держался подальше от Аты. Боюсь, что твой способ завязывать первое знакомство никогда не заменит рукопожатия! — и затрясся, смеясь над собственной остротой. Он протянул было руку, словно собираясь обнять Флинкса за плечи, и поспешно убрал ее при предупреждающем движении Пипа.

— Она работает на вас? — вопрос был риторическим. Но Флинкса разбирало любопытство, какое положение занимает эта девушка, раз она способна вызвать такое доверие со стороны Малайки, что тот мог так вот обращаться с ней, не опасаясь возмездия.

— Ата? О, да.— Он посмотрел в том направлении, куда удалилась девушка.— Ведь не подумаешь, что у такой неистовой мванамке хватит в ее возрасте терпения выучиться на второго пилота звездолета, не так ли? Она уже шесть лет служит у меня в этом качестве.

Флинкс снова принял прежнюю позу на полу. В ответ на вопросительный взгляд Цзе-Мэллори, Малайка объяснил:

— Я решил, что наш юный друг будет сопровождать нас в этом путешествии. Я знаю, что делаю, господа. Если дорога окажется долгой и скучной, он обеспечит нам развлечение, и кроме того, он хитер, как бес. И к тому же обладает своеобразными способностями, которые могут оказаться полезными для нас, несмотря на их непостоянство. В прошлом я собирался уделить этому вопросу больше внимания, но так и не нашел времени.— Флинкс с интересом поднял взгляд, но не смог ничего заметить, помимо налета поверхностной веселости коммерсанта.— В любом случае, он слишком беден, чтобы представлять нам угрозу. И я считаю его до отвращения честным. Хотя у него в изобилии имелись возможности украсть что-нибудь в моем доме, он ни разу этого не сделал... насколько я знаю.

— Его честность никогда не подвергалась сомнению,— сказал Трузензюзекс.— Я не возражаю против присутствия этого юноши.

— Равно как и я,— добавил Цзе-Мэллори.

— Тогда, социолог, не продолжите ли вы свой рассказ?

— На самом-то деле тут можно рассказать мало чего нового. Все обстоит как прежде. Как вам, возможно, известно, мы с моим спутником двенадцать с лишним лет назад бросили свою карьеру и постоянное занятие и принялись вместе исследовать историю и цивилизацию тар-айимов.

— Да, кое-какие слухи о вашей работе дошли и до меня. Продолжайте. Естественно, меня интересует все, имеющее отношение к тар-айимам... или к созданному ими.

— Простите, сэр,— перебил Флинкс.— Я, конечно, знаю о тар-айимах, но только по слухам и книгам. Не могли бы вы рассказать мне побольше? Пожалуйста.— Он принял надлежащий виноватый вид.

Поскольку Малайка не представил никаких возражений, наверное, и сам не считая такие сведения излишними, Цзе-Маллори согласился.

— Ладно, малыш, идет.— Он сделал еще один долгий глоток имбирного лимонада.— Приблизительно, насколько мы смогли определить, пятьсот тысяч стандартных земных лет назад, этот район галактики, как и сейчас, занимало большое число различных высокоразумных рас. Самой сильной из них тогда были тар-айимы. Большую часть их времени и усилий явно поглощали войны с менее могущественными соседями, столько же ради удовольствия, сколько и ради приносимого ими богатства. Одно время империя тар-айимов покрывала этот сектор космоса на четыре квадранта в глубину и по меньшей мере на два в ширину. А может, и больше.

Любая выдвинутая нами причина, объясняющая полное исчезновение тар-айимов и большинства покоренных рас, может быть, в основном, только догадкой. Но работая не жалея сил с обрывками и осколками мифов и слухов и очень немногими надежно документированными фактами, исследователи собрали одно объяснение, предлагающее, кажется, больше, чем другие.

В пике своей мощи тар-айимы наткнулись на более примитивную расу, проживавшую далеко в глубине галактического центра. Интеллектуально эта раса была не совсем равна тар-айимам и лишь недавно овладела межзвездными путешествиями. Но она обладала громадным упорством и размножалась с невероятной скоростью. Они успешно сопротивлялись всем усилиям подчинить их гегемонии тар-айимов. Фактически, под действием толчка, созданного давлением тар-айимов, они начали делать гигантские шаги вперед и быстро распространяться на другие системы.

Тар-айимское руководство явно совершило самый нехарактерный для него шаг. Оно ударилось в панику. Оно направило своих военных ученых изобретать новые, еще более радикальные виды вооружений для борьбы с этой предполагаемой новой угрозой из центра. Верные себе, их великие лаборатории скоро выдвинули несколько предложений. То, что в конечном итоге приняли и применили, было разновидностью бактерии-мутанта.

Она развивалась с феноменальной скоростью, паразитируя на самой себе, если не было никакого другого доступного носителя. Она являлась совершенно и неизменно смертельной для любого существа с более сложной нервной системой, чем у высших беспозвоночных.

— Далее сюжет развивается прямо и просто, — продолжил Трузензюэкс. — Эпидемия сработала именно так, как надеялось руководство, до такой степени, что совершенно уничтожило врагов. Она также полностью уничтожила самих тар-айимов и большую часть разумной и полумраумной жизни в том огромном секторе космоса, известном нам сегодня как Зараженная Зона. Ты знаешь о ней, Флинкс?

— Разумеется. Это большой сектор между нашим краем и центром. Сотни миров, где не живет ничего разумного. Когда-нибудь их снова заселят.

— Несомненно. Однако пока их населяют только низшие животные и обломки прежних цивилизаций. К счастью, последние остатки умирающих тар-айимов уведомили уцелевшие, развитые до космических путешествий миры о природе этой эпидемии. Должно быть, ввели в действие строгий карантин, потому что, кажется, целые века ничто не проникало ни в Зараженную Зону, ни из нее. Иначе никто из нас не сидел бы сейчас здесь. Только в недавние времена начали вновь открывать и с некоторыми колебаниями исследовать звездные системы в Зараженной Зоне.

— Табу остается, даже если исчезла породившая его причина, — спокойно рассудил Малайка.

— Да. Ну, некоторые из подвергнутых карантину рас на обочине эпидемии вымерли довольно медленно. Посредством межпространственной ретрансляции или какого-то схожего устройства, они сумели передать несколько нитей из фактов, описывающих Армагеддон. Невинные и виноватые одинаково умирали, покуда чума не выжгла сама себя. Слава Улью, что все следы этих бактерий давным-давно вывелись из природного кругооборота!

— Аминь, — пробормотал к удивлению всех Малайка. А затем, громче: — Но, пожалуйста, господа, к сути. А суть — это кредиты.

Цзе-Мэллори снова взял рассказ на себя:

— Малайка, вы когда-нибудь слышали о Кранге?

— Нини? Нет, я... нет, минуточку. — Торговец задумчиво свел густые брови. — Да. Да, по-моему, слышал. Он образует часть мифологии, э, браннеров, не так ли?

Цзе-Мэллори одобрительно кивнул:

— Совершенно верно. Браннеры, как вы может помните, а может и нет, занимают три звездные системы на периферии Зараженной Зоны, напротив Мотылька. Согласно их преданию, дошедшему со времен катаклизма, несмотря на то, что тар-айимы отдавали много сил и таланты способа борьбы с угрозой из центра галактики, не забросили все виды невоенных изобретений и экспериментов. Как нам теперь достоверно известно, тар-айимы необыкновенно любили музыку.

— Марши, несомненно,— пробормотал вполголоса Трузензю-зекс.

— Наверно. Так или иначе, одной из самых великих работ в области искусства, предположительно созданных их культурой, был огромный музыкальный инструмент под названием Кранг. Теоретически его завершили в закатные дни их цивилизации, как раз тогда, когда чума стала известна и на планетах Империи.

— Или? — сказал Малайка.— И что?

— На краю Зараженной Зоны почти в ста пятидесяти парсеках от браннеров находится родная планета примитивной расы гоминидов, мало посещаемая остальной галактикой. Она расположена вдалеке от главных торговых путей и может предложить мало что ценного, как в смысле продукции, так и культуры. Они приятный, пасторальный и неагрессивный народ. Некогда они, кажется, путешествовали меж звезд, но погрузились обратно в доатомную цивилизацию и только теперь начинают показывать признаки научного возрождения. И, что интересно, у них тоже есть легенда о чем-то под названием Кранг. Только по их версии он не инструмент искусства, а оружие войны. То, которое тар-айимские ученые изобрели параллельно с чумой, до того, как последняя получила широкое применение. Согласно легенде, ему предназначалось быть в первую очередь оборонительным, а не наступательным оружием. Если так, то это первый известный в литературе случай, что тар-айимы дошли до постройки аппарата для оборонительных целей. Это противоречит всему, что мы знаем о психологии тар-айимов, и показывает, как жестоко по их мнению нажимал на них тот новый враг.

— Интересное раздвоение,— заметил Малайка.— И у вас есть какие-то указания относительно того, где может находиться это оружие, или лютня, или что бы там оно ни было? Будь оно хоть тем, хоть другим, оно будет очень ценным на рынках Содружества.

— Верно, хотя нас интересуют только его культурные или научные свойства.

— Конечно, конечно! Покуда мои бухгалтеры оценивают его общую стоимость, вы можете извлекать из его недр теоретические и практические знания сколько вашей душе угодно... при условии, что вы запомните, как опять собрать его. А теперь, где же этот загадочный маленький клад, а? — он нетерпеливо нагнулся вперед.

— Ну, это мы знаем точно, вернее, почти точно,— сказал Цзе-Мэллори.

— Точно? Почти? Опять мой слабый ум не в состоянии понять такого, господа. Простите меня, но я, признаться, в полном недоумении.

Трузензюекс издал очень человеческий вздох:

— Планета, на которой предположительно расположен Кранг, была открыта случайно почти год назад одним старателем, работавшим независимо в Зараженной Зоне. Он искал тяжелые металлы и нашел их. Да только они располагались в земле не так, как он ожидал.

— У этого парня, должно быть, имелись заказчики,— сказал Малайка.— Почему он не передал эти сведения им?

— Этот человек очень многим обязан моему брату по кораблю. Он знал о его интересе к реликтам тар-айимов. Снабжение Брана этими сведениями было его способом отплатить долг. Это носит личный характер, и входить в причины здесь незачем. Это было бы более чем справедливым возмещением.

— Было бы? — веселье Малайки заметно превращалось в раздражение.— Бросьте, господа, все эти тонкие уклонения от темы усыпляют мой ум и укорачивают мое терпение.

— Отклонение совершенно непреднамеренное, коммерсант. Этот человек должен был встретиться с нами в наших номерах рыночного сектора города, имея с собой звездную карту с полными координатами планеты. Так как мы заранее сошлись на вас как на вероятном финансисте предприятия, то потом наша троица должна была проследовать к этому дому. Когда он не прибыл в назначенное время, мы после некоторых колебаний решили, тем не менее, отыскать вас, надеясь, что вы с вашими средствами сможете найти какой-то намек относительно его местонахождения. В любом случае, нам трудно было бы и дальше долго сохранять свою независимость. Несмотря на все наши усилия, мы не выглядим похожими на туристов. Некоторые предприимчивые личности уже начали задавать неудобные вопросы.

— Я не...— начал было Малайка, но его перебил Флинкс.

— Ваш друг случайно не рыжий?

Цзе-Мэллори круто обернулся. На секунду Флинкс увидел отблеск чего-то ужасающего и кровавого, того, что социолог до сих пор держал глубоко погребенным под спокойным фасадом. Оно растаяло очень быстро, как и появилось, но намек сохранился в жесткой военной интонации голоса социолога.

— Откуда вы узнали?

Флинкс вытащил из кармана скомканный кусок пластика и вручил его пораженному Трузензюексу. Цзе-Мэллори оправился и быстро взглянул на развернутый лист. Флинкс невозмутимо продолжал рассказ.

— У меня есть предчувствие, что это — ваша звездная карта. Я шел в заведение Сморчка Симма, когда мое внимание привлек шум в переулке. Обыкновенно я бы не обратил на него внимания. Именно так и живут в Дралларе, если желают жить долго. Но по неизвестным и трижды проклятым причинам, мой приятель, — он показал на Пипа, — сделался любопытным и вбил себе в голову, что ему надо все выяснить. Находившихся в переулке оскорбило его присутствие. Там шел всюду нешуточный бой, и в сложившейся ситуации моим единственным аргументом оказался нож. На вашего друга напало двое человек. Судя по их виду и действиям, профессионалы. Но не очень толковые. Я убил одного, а Пип прикончил другого. Ваш друг был уже мертв. Мне очень жаль. — Он не упомянул о более ранней встрече с этой троицей.

Цзе-Мэллори перевел взгляд с карты на Флинкса:

— Ну, уже говорилось, что наше внимание к вам привлекло счастливое обстоятельство. Теперь похоже, что оно было вдвойне счастливым.

Его прервал целеустремленный Малайка, выхвативший карту и перешедший туда, где светилась лампа. Направляя мощный луч, он принялся очень тщательно изучать линии и символы на пластике. Пылинки отплясывали танец, кружась пьяными спиралями в приглушенном свете.

— Крайне необычный и разносторонний у вас приятель, — праздно заметил Трузензюекс. — Я слышал о них. Процент смертности от их яда знаменательно высок и создает им репутацию, совершенно несоответствующую ни их численности, ни их склонностям. К счастью, как я понял, они, кажется, не нападают без причины.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Флинкс, почесывая предмет обсуждения по краю узкой головы. — Один корабельный врач как-то рассказывал мне в челночном порту, что он встречал ученого, действительно бывавшего на Аласпине.

Дракончик, как вы знаете, происходит оттуда. Тот ученый в свободное время немного изучал их.

Он говорил, что они кажутся неприветливыми, что показалось мне очень странным способом описывать ядовитых рептилий. Но безвредные, если их, как вы сказали, не спровоцируют. Пип был уже вполне ручным, когда я нашел его. По крайней мере, у меня никогда не возникало с ним никаких затруднений. Жители моего района научились терпеть его, по большей части потому, что у них не было иного выбора.

— Позиция вполне понятная,— пробормотал философ.

— Друг этого врача участвовал в экспедиции на Аласпин, изучавшей там развалины древней цивилизации. Он выдвинул гипотезу... Гипотезу, что предки мини-дракончика, *возможно, разводились как домашние животные теми, кто бы там ни создал ту культуру. Селективное разведение может объяснить некоторые их особые характеристики. Например то, что у них нет на планете никаких естественных врагов. К счастью, уровень рождаемости у них очень низкий. И они не только плотоядны, но и всеядны. Я рано выяснил, что это значит, так как Пип начал есть хлеб, когда не мог найти мясо. Ах, да, он также говорил, что подозревает, будто они эмпатические телепаты. Ну, знаете, способные к телепатии на эмоциональном, но не на мысленном уровне. Вот почему меня никогда не обманывают на рынке ни в делах, ни в играх. Пип чувствителен к таким вещам.

— Могу только опять сказать: завораживающее существо,— повторил Трузензюзекс.— Вопрос, которым мне хотелось бы заняться поглубже. Однако, так как я не экзогерпетолог, мне думается, что пока это не нужно. Меня занимает слишком много других вещей.— Признание это не казалось до конца правдивым, насколько мог прочесть его Флинкс. Не до конца.

Малайка вытянул шею над картой и водил пальцами по линиям на пластике, иногда кивая про себя.

— Ндийо, ндийо, ...да.— наконец он поднял голову.

— Планета, о которой идет речь, вращается вокруг звезды солнечного типа. Четыре пятых пути к Центру галактики, прямо через Зараженную Зону. Путь неблизкий, господа. Он не прилагает много сведений о самой планете, во всяком случае, он деде, залежах, но возможно, этого хватит. Планета земного типа, чуть меньше Мотылька, атмосфера более разреженная, но в пределах допустимого, более высокий процент определенных газов... например, гелия. Восемьдесят один и две десятых процента поверхности покрыто водой, так что мы должны найти эту штуку без большого труда.

— Если она не расположена под водой,— заметил Трузензюэкс.

— Это так. Я предпочитаю не рассматривать возможностей, расстраивающих печень. Кроме того, если бы дело обстояло именно так, ваш друг-старатель не нашел бы его. В любом случае, у нас будут те же самые приборы для обнаружения тяжелых металлов, но я готов побиться об заклад, что он находился выше уровня воды. Если я правильно помню, имеющиеся у нас сведения о тар-аймах предполагают, что они были какими угодно по своему строению, только не жителями вод.

— Это верно,— признал философ.

— Большую часть пути мы будем лететь через пустые районы, но, впрочем, один сектор пустоты мало чем отличается от другого, квели? Я не предвижу никаких проблем. Это, вероятно, означает, что их будет целая мауно. По крайней мере, путешествовать мы будем с комфортом. От всех нас на «Славной дырке» тесноты не возникнет.

Флинкс улыбнулся, но позаботился спрятать улыбку от коммерсанта. Происхождение названия личной гоночно-грузовой яхты было хорошо известным анекдотом среди знающих людей. Большинство же думало, что это древнее земное выражение, означавшее богатую минералами шахту...

— Если, конечно, эта пушка, или гигантская арфа, или что бы там ни было не вызовет этой тесноты. Насколько, вы сказали, он велик?

— Я не говорил,— уточнил Цзе-Мэллори.— Мы представляем это ничуть не лучше вас. Знаем только, что он... большой.

— Хм! Ну, если он слишком велик, чтобы влезть в челнок, то нам просто придется послать за настоящим транспортным судном. Я предпочел бы сидеть на нем, коль скоро мы его найдем, но в том районе нет никаких ретрансляционных станций. Если он пробыл там нетронутым несколько тысячелетий, то может подождать несколько дней.— Он скатал карту в трубку.— Значит решено, сэры. Если нет никаких возражений, то я не вижу причин, почему бы мы не могли отправиться кешо, завтра.

Возражений не было.

— Эма! Тогда тост. За успех и прибыль, не обязательно в таком порядке! Наздравия! — и поднял кружку.

— За Церковь и Сообщество,— тихо провозгласили хором человек и транкс. И допили то, что еще оставалось в их кружках.

Малайка рывнул разок и посмотрел сквозь хрустальную стену, туда, где солнце Мотылька быстро тонуло за туманами.

— Уже поздно. Значит, завтра в порту. Портовые служащие направят вас к моей пусковой шахте. Челнок свезет нас всех за один раз, и мне понадобится немного времени для приведения в порядок своих дел.

Цзе-Мэллори встал и потянулся:

— Могу ли я спросить, кого это «нас всех»?

— Тех четверых, что находятся сейчас здесь, Вульфа и Ату для управления кораблем и, конечно же, Сиссиф.

— Кого? — переспросил Цзе-Мэллори.

— Да Рысь, Рысь, — прошептал Трузензюзекс, усмехаясь и тыкая в ребра своего брата по кораблю. — Неужели у тебя глаза состарились так же сильно, как и мозг? Девушка! — И они направились к выходу в коридор.

— Ах, да. — Они остановились у тенеподобного Вульфа, открывшего им дверь. Он улыбнулся, явно предполагая, что это будет дружеским жестом. Вышло же совсем иначе.

— Да, очень, э, интересная и забавная особа.

— Ндийо, — дружески согласился Малайка. — И пара у нее тоже ничего себе, не правда ли?

Когда другие попрощались с призрачным швейцаром, на плечо Флинкса опустилась тяжелая рука.

— А ты погоди, киджана, — прошептал коммерсант. — У меня есть к тебе еще один вопрос. Задержись на минутку.

Он пожал руку Цзе-Мэллори и соприкоснулся органами обоняния с Трузензюзексом, направив их взмахом руки к лифту.

— Приятного отдыха, сэры, и завтра в первом тумане!

Вульф закрыл дверь, скрыв ученых от взгляда Флинкса, и Малайка немедленно склонил к нему внимательное лицо.

— А теперь, малыш, когда наши этические друзья удалились, уладим один, гм, деловой вопрос. Те два наемных трупа, которые ты столь правильно оставил гнить в том переулке. На них самих или их одежде были какие-нибудь особые знаки различия или метки? Подумай, юноша!

Флинкс попытался вспомнить:

— Было страшно темно... я не уверен...

— А с каких таких пор тебя это стало беспокоить? Не вилай мне, киджана. Это слишком важно. Подумай... или что ты там делаешь.

— Ладно. Да. Когда я пытался выковырять эту карту у покойника, то заметил подошвы убитого Пипом громилы. Он упал поблизости. На металле набоек вытравлен определенный

узор. Он выглядел похожим на своего рода птицу... по-моему, абстрактное изображение.

— С зубами? — подсказал Малайка.

— Да... нет... не знаю наверняка. Ну и вопросы вы задаете, коммерсант! Возможно, и так. И по какой-то причине во время схватки у меня возникло такое видение женщины, молодой женщины.

Малайка выпрямился и похлопал юношу по спине. Лицо его выражало веселье, но мысли были мрачными. Обыкновенно Флинкс вознегодовал бы на этот покровительственный жест, но в данное время, да еще со стороны коммерсанта, он казался только лестным.

— Слава Мти из Мити, что ты обладаешь такой силой наблюдательности, малыш. И такой хорошей памятью. — Флинкс увидел другое слово: учави, колдовство, но удержался от уточнения. — Значит, увидимся кешо на корабле?

— Да уж, я не упущу такого. Можно мне узнать, сэр, почему вы об этом спрашивали?

— Нельзя. Значит, завтра на корабле. Приятного отдыха. — И проводил озадаченного Флинкса к лифту.

Некоторое время коммерсант стоял, молча размышляя, ругательства срывались с его уст, словно пузыри пены с кипящего котла. Они составляли единственные звуки в пустынной теперь комнате. Наконец он повернулся и подошел к внешне ничем не выделяющейся секции стены. Нажав скрытую кнопку, он заставил зернистую панель уйти в потолок и открыть сложный письменный стол. Над всей прочей аппаратурой господствовал тонкий корпус межзвездного передатчика. Он нажал кнопки, повернул диски, настроил параметры. Внезапно экран вспыхнул огненным шаром разноцветных помех. Он удовлетворенно хмыкнул и взял небольшой микрофон:

— Дайте, пожалуйста, шестой канал. Срочно. Я желаю говорить по прямой связи лично с мадам Рашалейлой Нуаман, на Ниневии, в системе Сириуса.

Из крошечного репродуктора, установленного сбоку от рабившего на экране радужного потока, дошел тихий голос:

— Вызов произведен, сэр. Минуточку, пожалуйста.

Несмотря на невероятные расстояния, легкая задержка вызывалась всего лишь необходимостью передавать вызов через полсотни ретрансляционных станций. Время же передачи, благодаря применению концепций «меньше-чем-пространство», было почти мгновенным.

Изображение начало приобретать четкость, и вскоре он оказался лицом к лицу с одной из десяти самых богатых гуманоидных самок во вселенной.

Она лежала на своего рода кушетке. С одной стороны он легко различал мускулистую голую ногу того, кто там держал ей микрофон портативного передатчика. На заднем плане виднелась пышная зелень, разросшаяся до фантастических размеров и форм из-за отсутствия ограничений тяжелой гравитации. За ней, как он знал, находился купол, ограждавший все это от безвоздушной пустоты, являвшейся нормальной атмосферой Ниневии.

Природа вступила в бой с хирургией, когда женщина растянула губы в зубастой коварной улыбке. На этот раз хирургия победила. Улыбке предназначалось быть соблазнительной, но для знающего она выходила только злобной.

— Ах, это ты, дорогой Макси! Какой приятный сюрприз! Мне всегда так радостно видеть тебя! Надеюсь, с твоим прекрасным телом все благополучно, равно как и с делами?

— Со мной все благополучно, только когда дела хороши. В данную минуту они обстоят сносно, Раша, только сносно. Однако я надеюсь, что они очень скоро сделают внезапный скачок к лучшему. Видишь ли, у меня только что вышел очень интересный разговор с двумя господами... или с тремя, если считать и рыжего...

Нуаман попыталась излучать ауру безразличия, но хирургия не могла скрыть того, как напряглись мускулы ее шеи.

— Я уверена, что разговор вышел очень интересным, и надеюсь, что он окажется прибыльным для тебя. Но твой тон, кажется, подразумевает, что, по твоему мнению, это как-то касается меня.

— Да? Не припомню, чтобы я говорил что-то, способное привести тебя к такому выводу... дорогая. О, это не тот рыжий, о котором ты думаешь. Того твои громилы убрали... несомненно, в полном соответствии с инструкциями.

— Ах, Макси, о чем таком ты думаешь? С какой стати кому-то из моих помощников находиться на Мотыльке? Как тебе хорошо известно, мои дела на этой планете невелики. Именно ты-то и блокируешь все мои попытки расширить там свои интересы. В любом случае, я вообще знаю мало рыжих... и, разумеется, не припомню ни одного, кого хотела бы убить. Наверное, немного намять бока, но не убить. Нет, дорогой, ты ошибаешься. Что за странный разговор! На этой вашей жалкой влажной кучке грязи нет ничего, рыжего или иной масти, из-за чего я рискнула бы пойти на убийство.

— Угу-м. Даже ради этого, хаса? — Он поднял карту, сложенную так, чтобы не было видно, что внутри.

Это не имело значения. Она узнала ее, что и говорить! Она резко уселась и нагнулась вперед так, что ее лицо, похожее на маску ведьмы, заполнило весь экран.

— Где ты ее достал? Она принадлежит мне!

— А вот в этом, Раша биби, я сильно сомневаюсь. И сядь чуть подальше. Крупные планы, знаешь ли, не твой конек.— Он сделал вид, что изучает карту.— Боюсь, что никакого имени тут нет. И кроме того, я получил ее от живого рыжего. Юнца, на самом-то деле. Ему довелось случайно проходить мимо как раз тогда, когда твоим «помощникам» случилось совершать против первоначального владельца действия сомнительной законности. Или этот юноша необыкновенный молодец... во что я склонен верить... или же двое помощников, которым ты поручила это задание, были болванами очень низкого класса... во что я, по зрелым размышлениям, тоже склонен верить. Я вижу, что они были твоими ребятами. Это дело носит типично твой наглый почерк. Я всего лишь хотел удостовериться. Теперь я это сделал. Спасибо тебе, дорогая Раша. А теперь, сикудзури.

Он оборвал ее, не дав закончить ругательства, и отправился искать Сиссиф.

В общем и целом, день вышел довольно неплохим.

ГЛАВА 3

На Ниневии Рашалейла Нуаман, матриарх и глава одного из самых больших частных концернов в Содружестве, и одна из десяти самых богатых гуманоидных самок в известном космосе, вышла от бешенства. Она пнула стоявшего поблизости голого слугу, державшего в недекоративном месте портативный приемник. Несчастная машина упала в бассейн с мутировавшими золотыми рыбками. Те испуганно метнулись в укрытие среди пастельных водяных кувшинок. Множество очень редких и дорогих бокалов из опалина было разбито о каменную дорожку.

Утолив на какое-то время свой гнев, она уселась в шезлонг и потратила пять минут на укладку растрепанных волос. На этой неделе они были оливковыми. После того, как Раша привела себя в порядок, она почувствовала себя достаточно спокойной, чтобы встать и пойти к главному зданию.

Как этот гнусный ублюдок Малайка прознал о карте? И как она попала к нему в руки? Или может быть... может быть, все случилось совсем наоборот? Двое упомянутых им с такой фальшивой небрежностью господ — это, несомненно, тот субъект Цзе-Мэллори и его приятель-жук. Но кто этот новый «рыжий»? Кто сумел так потрясюще быстро поломать то, что всего несколько минут назад было сравнительно гладкой, заурядной операцией? И это сейчас, когда Никососу всего два дня пути до Мотылька! Это просто невыносимо! Она сгребла мимоходом букет бесценных йирбиттиумских цветов-труб, рвя в клочья карминные листья. Изящные, похожие на трубы лепестки посыпались на землю. Кому-то, определенно, да, определенно, следует спустить шкуру!

Она протопала в гостиную, служившую ей по совместительству кабинетом, и безутешно рухнула в белое облегающее меховое кресло. Голова ее упала на правую ладонь, в то время как левая рука нервно пошелкивала по столу из чистого корунда. Яркое мерцание ртути было единственным движением в волноизолированном помещении.

Это определенно невыносимо! Ему это так не пройдет. Сам будет виноват, да, сам, если операция с одним убийством развернется в дело со множеством смертей. Она может даже распространиться на его собственное прелестное тело, а это ли не печально. Из него выйдет прекрасный труп.

Так не сиди тут, сложа руки и брызжа слюной, сука. Кроши их! Она нагнулась над столом и нажала кнопку. На экране перед ней появилось худое усталое лицо.

— Драйден, свяжитесь с Никососом и скажите ему, чтобы он не приземлялся в Дралларе. Пусть вместо этого следит за всеми звездолетами на парковочной орбите вокруг планеты и держится наготове. За любым, улетевшим в направлении Зараженной Зоны, он должен следовать, держась как можно ближе к нему, но в то же время всегда за пределами непосредственного диапазона детектора. Если будет жаловаться, скажите ему, что я понимаю, что это трудная задача, и пусть он просто делает все, что в его силах. — «После я всегда могу уволить его», — мрачно подумала она. — Если он будет нажимать, требуя объяснений, скажите ему, что из-за непредвиденных и непредотвратимых обстоятельств планы изменились. Он должен следовать за тем кораблем! Я гарантирую, что такой будет, и, вероятно, скоро. Он направится к планете, куда Никосос первоначально должен был найти путь по карте. Теперь же ему придется лететь, не имея собственных координат. Все ясно?

— Да, мадам.

Она оборвала его, прежде чем он успел добраться до второго «м».

Ну, она сделала все, что могла, но это казалось чертовски малым! Ощущение своего сравнительного бессилия умножало ее ярость и соответствующее желание сорвать на ком-то злость. Давай-ка посмотрим. Кто там под рукой? И заслуживает? Гм. Идиот, напортачивший с этими двумя убийцами? Прекрасный выбор! Ее племянница? Эта пустоголовая дурека. И подумать только, ведь в один прекрасный день ей, может быть, придется взять на себя руководство фирмой. Когда она не способна проконтролировать даже простого изъятия. Она нажала другую кнопку:

— Пусть Телин ауз Руденуаман явится ко мне в кабинет в... пять часов завтра утром.

— Да, мадам,— ответил репродуктор.

Вот если бы теперь еще кого-нибудь. Возможно, уничтожить одним махом чью-то удачную карьеру? Но, если по справедливости, то нет никого, заслуживающего от нее хорошей взбучки. Не то, чтобы она стала принимать это во внимание, если бы ее особенно донекло, но верность сотрудников можно гарантировать только равной смесью страха и награда. Нет смысла перебирать с первым. Нет, надо смотреть фактам в лицо, в чем она действительно нуждалась, так это в развлечении и отдыхе. Будем надеяться, что этот хлыщ ван Клееф окажется сегодня ночью в приличной форме. Лицо ее внезапно расплылось в улыбке. Несчастную кнопку снова нажали.

— Отмените последнее распоряжение. Пусть моя племянница явится завтра в пять часов... но ко мне в спальню, а не в кабинет.

— Отмечено,— коротко сказал репродуктор.

Рашалейла откинулась на спинку кресла и роскошно потянулась. Она определенно почувствовала себя лучше. Она знала, что племянница безнадежно влюблена в ее текущего жиголо. Почему, она хоть убей не могла понять, но это факт. Интересно будет посмотреть, сумеет ли завтра эта девчонка сохранить бесстрастное выражение лица, когда на нее накричат перед ним. В то время, как он сонно шевелится в постели ее тетки. Это укрепит ее характер, безусловно укрепит. При этой мысли она хихикнула, и даже в пустой комнате звук этот был не из приятных.

ГЛАВА 4

Бран Цзе-Мэллори и Трузензюзекс не спеша прогуливались в направлении к своим номерам по извилистым маршрутам рынка. Ночью он делался вдвое более шумным и путаным, нежели днем. Сверкающие огни моторизованных ручных тележек и флюоресцирующие лоточники немало усиливали атмосферу неуправляемой анархии. И все же они не нуждались в услугах Флинкса. Каким бы ни был маршрут извилистым и запутанным, один раз пройдя его, транкс всегда может возвратиться тем же путем.

— Ну, брат,— обратился Трузензюзекс, уворачиваясь от тележки продавца игрушек,— что ты думаешь о нашем друге-коммерсанте?

— Я бы чувствовал себя намного лучше, если бы наш другой друг, необычный юноша, был лет на двадцать постарше и на его месте. Он наверняка частичный телепат. Я чувствую это. Но такие желания бесполезны. Хаос. На Вселенную! — добавил он вполголоса.

— На Вселенную! — отозвался Трузензюзекс. Оба улыбнулись только им понятной шутке, имевшей более глубокое значение, чем предполагал поверхностный юмор.— Этот человек кажется настолько заслуживающим доверия представителем своей профессии, какого мы вообще можем найти, и у него есть нужный нам корабль. Я, конечно, еще не могу сказать наверняка, но при данных обстоятельствах мы, по-моему, очень хорошо отделались. А присутствие юноши на судне послужит сдерживающим фактором. Он, кажется, тоже доверяет этому торговцу.

— Согласен. Присутствие этого паренька внесет элемент неопределенности, если и ничего другого.

— Определенный фактор неопределенности. Очень подходит к этому предприятию, во всяком случае, пока! — Инсектоид покачал головой, намеренно копируя человеческий жест.— Но пока оно стало причиной трех смертей. Надеюсь, что других не будет.

— Так же как и я, брат, так же, как и я. Мы с тобой повидали уже слишком много смертей.— Трузензюзекс не ответил, так как сосредоточился на трудной развилке у них на пути.

Цзе-Мэллори механически последовал за ним. Шум и огни имели тенденцию гипнотизировать, и он позволил своим мыслям унести далеко-далеко...

Картина, которую они видели на обзорном экране стингера, ничем не отличалась от светившейся на экранах всех членов оперативной тактической группы. Она показывала высокого, худого орниторпа с преимущественно черно-желтым оперением. Существо это обладало от природы высоким достоинством, которое ему в настоящее время с трудом удавалось сохранять. Нелегко быть достойным, когда умоляешь.

Мичман Бран Цзе-Мэллори, двадцати шести лет от роду, Четвертая Боевая Группа Шестого Корпуса Мироблюстительной Руки Объединенной Церкви, смотрел, как унижается военный губернатор голубой планеты внизу, моля о помощи их собственного командующего. Гнев и стыд смешались в его безотчетно пересохшем горле, когда он следил за ходом разговора.

— Майор Гонсалес,— снова завел свою песню орниторп.— Я прошу Вас в последний раз, а потом буду вынужден пойти и сделать все, что могу, для своего народа, даже если это всего лишь гибель вместе с ним. Вы используете имеющиеся в вашем распоряжении силы, чтобы вмешаться и предотвратить резню?

Голос Командующего Оперативной Тактической Группой майора Хулио Гонсалеса просочился сквозь решетку маленького репродуктора, применяемого для межфлотских частот. Он был хладнокровным и сдержанным. Брану хотелось разнести вдребезги репродуктор и вещавшее через него отвратительно-надменное лицо.

— А я вынужден еще раз напомнить вам, губернатор Боло, что как бы сильно я не сочувствовал вашему бедственному положению, я ничего не могу поделать. В конце концов, моя группа вообще оказалась здесь по чистой случайности. Мы занимались патрулированием, охраняя мир, и остановились у вашей планеты только для того, чтобы нанести обычный визит вежливости. Прилети мы неделей раньше или позже, мы даже не стали бы свидетелями этой несчастной ситуации.

— Но вы ведь оказались здесь и вы стали свидетелями, майор,— начал в семнадцатый раз губернатор,— и...

— Пожалуйста, сэр, я и так уж чересчур долго слушал. Церковь и Содружество уже давно заключили мир с ААннской Империей...

— Ничего себе мир! — буркнул где-то по связи несдержанный голос. Если Гонсалес и услышал его, то не подал вида.

—...и я отказываюсь подвергать опасности этот мир, вмешиваясь в дело, которое меня не касается. Вступление в бой на любой стороне было бы равнозначно акту войны. К тому же, я действовал бы в прямом противоречии с моими приказами и задачами этого патруля. И вынужден отказаться это сделать, сэр. Надеюсь, вы войдете в мое положение.

— Ваше положение! — возмущенно охнул губернатор. Голос его заметно ломался под напряжением последних нескольких дней, ему пришлось бороться с собой, чтобы и дальше излагать свои мысли на симворечи.— А что насчет этих гиджиппор ААннов там, в космосе? Открытое нападение на беспомощную колонию. Вы говорите: «Акт войны»! А разве это не прямое нарушение вашего драгоценного Договора? Того, который «ваш» патруль предположительно охраняет? *

— Если ваши претензии справедливы, я уверен, что арбитры Договора вынесут решение в вашу пользу.

— В чью пользу?! — взревел губернатор.— Вы ведь наверняка знаете, что делают ААнны с покоренными планетами! Особенно с имевшими дерзость сопротивляться. Если не останется в живых никого из нас, способных принять благоприятное решение арбитражной комиссии, то что толку в вашем проклятом Договоре?! Или память о нас получит возмещение?

— Я искренне сожалею, губернатор. Я желал бы иметь возможность помочь вам, но...

— Пошлите всего один из ваших кораблей, символическую демонстрацию поддержки,— воскликнул губернатор.— Они могут заколебаться...

— Я же сказал, что сожалею, губернатор. Мне крайне тяжело. Всего хорошего, сэр.— И Гонсалес прервал связь.

Бран услышал сверху и сзади голос своего юного брата по кораблю. Сине-зеленый хитиновый покров инсектоида делала еще более великолепным охватывающая его цилиндрическое тело серебряная боевая сбруя.

— Это,— произнес холодным ровным голосом Трузензю-зекс,— вполне возможно, был самый тошнотворный образчик риторической бессмыслицы, какой я когда-либо имел несчастье слышать.

Бран согласился. Он обнаружил, что ему все труднее и труднее сдерживаться. Даже без повышающих восприятие наркотиков, стремление убивать начало потихоньку горячить ему кровь. На это его толкал мощный импульс справедливого негодования.

— Ведь невероятно, чтобы у местных?...

—...не найдется и одного шанса,— закончил Трузензюекс.— Их превосходят в численности и в вооружении, и у них вообще нет регулярных вооруженных сил. Что ААины, несомненно, хорошо знали заранее. Я даже сомневаюсь, что у них есть корабли с КК-двигателями. У них всего лишь колония, и много кораблей им не нужно.

— Тидично ААинский маневр. Черт бы побрал этих антропоморфных ублюдков! Всегда норовят куснуть с краю. Желал бы я, чтобы они выступили в открытую и прямо сказали, что намерены оспаривать у нас эту часть галактики. Пусть встанут и дерутся как мужчины!

— Чего не может случиться, брат, потому что они явно не мужчины. И я имею в виду не только их физиологию. По ААинским стандартам, установленным их философией «вечной войны как естественного положения вещей», любое преимущество, какое ты сумеешь получить над противником, является, по определению успеха, этичным. Они не безнравственны, у них просто нет нравственности. Нападение из-за угла — их кусок сахара, извиняюсь, хлеба.

— Если бы майор согласился помочь, я уверен, что штаб задним числом одобрил бы его действия,— сказал Бран.— Разумеется, публично ему бы выразили порицание, но ручаюсь, в частном порядке Маршал Н'Гара одобрил бы.

— Может, и одобрил бы. А может, и нет. Когда солдаты становятся старше и могущественней, их характер склонен делаться все более и более переменчивым. Я не могу себе представить, чтобы душка Гонсалес рискнул помочь кучке нелюдей, особенно не из Содружества. Он чересчур любит свое шотландское виски и импортные земные сигары. Кроме того, чтобы предпринять такие действия, требуется хоть малость воображения, качества, которого нашему командиру, к сожалению, не хватает. Смотри. Уже начинается.

Бран поднял взгляд на огромный боевой экран над средствами связи. Там, в пустоте космоса, множество кораблей, изображаемых только призрачными точками, разворачивались на тысячи километров в построение для боя, который окажется примечательным только своей краткостью.

Местные где-то наскребли шесть годных для выхода в космос кораблей. Он готов был поставить на кон годовое жалование, что ни один из них не был настоящим военным кораблем... Скорее всего, полицейские катера. Напротив, хорошо вымушт-рованные, в высшей степени дисциплинированные силы ААинов выстраивались в один из своих характерных четырехгранников. Около пятнадцати ударных кораблей, пара эсминцев, два

раздутых зерна, которые он в обычной боевой ситуации считал бы дредноутами. Более тонкие приборы на большом пульте сообщали точнее: та же самая масса, малые гравитационные колодцы. Десантные суда, содержавшие в себе тысячи маленьких, сильно экранированных десантных челноков.

Он видел и прежде ААнские оккупационные силы в действии. Несомненно, члены первой атакующей волны сейчас с комфортом отдыхали в своих трюмах, тихо напевая про себя и ожидая, когда начнется «битва», удостоверясь, что их доспехи надраены до блеска, а нейрочлены полностью заряжены...

Он бухнул кулаком по пульту из дюралесплава, содрав кожу на мясистой стороне запястья. В челанксийском отряде имелось десять стингеров и крейсер, более чем достойные соперники для ААннов, даже без сомнительной «помощи» местных. Но еще до того жалкого спора несколько минут назад он знал, что майор Гонсалес пальцем не шевельнет в своей обшитой деревянными панелями каюте на «Альтаире» для вмешательства в любой конфликт, где не подвергались прямой угрозе интересы челанксов. Он вдруг застыл от неожиданно пришедшей в голову мысли. Конечно, если бы можно было навязать такое столкновение, что возникнет подобная угроза... все равно никакой верной гарантии... определенно, военный трибунал... увольнение из рядов Корпуса... 300 000 разумных существ... лагеря уничтожения... Он вдруг перестал быть таким уверенным, что ему хочется в конце концов стать капитаном. И все-таки ему нужно согласие...

— Бран, у нас, похоже, разладился двигатель.

— Что? Я не...

— Да, никаких сомнений в этом. Похоже, нас неудержимо несет в район предстоящего боя. И на полной скорости, никак не меньше. Крайне необычное и неудобное происшествие, ты согласен, не так ли?

— О! О, да.— Лицо его прорезала острая, как ятаган, псевдоулыбка.— Я вижу, что мы не в состоянии это предотвратить. Чертовски злополучное положение. Нам, естественно, придется срочно подготовиться к защите. Не думаю, что ААнские компьютеры будут слишком тщательно разбираться, что за корабли залетают в район их прицела.

— Правильно. Я как раз собирался подвергнуться своим инъекциям.

— И я тоже.— Он откинулся в амортизированном кресле и почувствовал, как поле, дававшее им возможность маневрировать на высокой скорости, мягко сжало его.— Лучше поспешить с этим.

Он выполнил принятую в таких случаях процедуру и сделал все, что в его силах, чтобы не обращать внимания на едва воспринимаемое давление игл, когда те эффективно вошли в вены у него на ногах. Сразу же начали действовать специальные наркотики, повышавшие его восприятие и освобождавшие рассудок от искусственных ингибиций, возвращенных для обуздания инстинкта убийцы. В его мысли закралось прекрасное, окаймленное розовым, чувство жара свободы. Именно так и должно быть. Именно так правильно! Именно для этого-то он и создан. Он знал, что наверху и позади от него Трузензюэкс подвергается схожей терапии иными наркотиками. Они стимулируют его природную способность принимать мгновенные решения и решать логические уравнения безотносительно к таким отвлекающим моментам, как установки Улья и сложные моральные соображения.

Вскоре после Слияния, когда человеческие и транксийские ученые открывали друг в друге одну удивительную вещь за другой, транксийские психологи откопали то, что давно подозревали некоторые люди. Разум Хомо Сапиенса находился в вечном состоянии неустойчивого равновесия между полным эмоциализмом и компьютероподобным контролем. Когда удалялись все следы последнего, как естественные, так и искусственные, человек возвращался к своего рода управляемой дикости. Он становился самой хитрой и эффективной убивающей машиной во вселенной. Если же производился прямо противоположный процесс, он превращался в растение. Для этого состояния не нашли никакого применения, но для первого...

Об этом в общем-то помалкивали. После множества ужасных, но честных демонстраций, проведенных транксами на своих человеческих ассистентах, человечество признало истинность этого открытия, с немалым вздохом облегчения. Но ему не нравилось, чтобы о нем напоминали. Конечно, определенный контингент человечества все время знал это, и данная новость на него не повлияла. Другие же начали читать иными глазами произведения древних, вроде Данатьена Франсуа де Сада. Со своей стороны человеческие психологи пролили более ясный свет на чудесную способность транксов принимать быстрые и правильные решения с полнейшим отсутствием эмоциональных отвлечений и высоким уровнем практичности. Вот только транксы не считали ее такой уж чудесной. Установки их Ульяв и сложные этические системы давно держали эту самую способность на привязи, точно так же, как человечество — свои убийственные желания.

Конечный результат всех этих исследований и экспериментов был таков: в соединении с баллистическим компьютером для отбора и расчета целей триумвират транкс-человек-машина оказался непобедимой комбинацией в космической войне. Транкс служил уздой для человека, а человек — стрелком для транкса. Триумвират этот был эффективным и безжалостным. Всякие человеческие понятия о «джентльменской» войне исчезли навек. Только ААнны осмеливались бросать вызов этой системе, и у них хватало сил и ума, чтобы делать это только спорадически и только тогда, когда они считали, что соотношение сил складывалось с большим перевесом в их пользу.

К счастью, транксы и люди оказались даже более психологически совместимыми, чем смели надеяться проектировавшие эту систему, потому что природа связки наркотик-транкс-человек-машина приводила к слиянию двух разумов на сознательном уровне. Положение складывалось такое, словно два полушария мозга должны были бороться за решение между собой, а достигнутый компромисс затем передавался на спинной мозг и остальное тело для проведения решения в жизнь. Некоторые пилоты стингеров сравнивали это с двумя близнецами в утробе. Близость отношений была именно такой. Только в таком виде итоговая боевая машина действовала со стопроцентной эффективностью. Партнер человека был его братом по кораблю. Мало кто из летающих на стингерах долго оставался женатым, за исключением тех, кто сумел найти понятливых жен.

Глаза Брана заволочло пощипывающим туманом, затемнявшим, но и все же усиливающим его зрение. Самые крошечные вещи становились для его восприятия очевидными. Пылинки в атмосфере каюты стали четкими, как валуны. Глаза его приклеились к белым ромбам на боевом экране со всей сосредоточенностью голодной кобры. Все пилоты стингеров подвергались, находясь под влиянием боевых наркотиков, легкому утешающему ощущению эйфории. Именно его-то Бран сейчас и испытывал. Ради рекламных целей вербовочные плакаты Мироблустительных Сил утверждали, что оно — благотворный побочный продукт ГИП-наркотиков. Пилоты-то знали, чем именно оно было: естественным возбуждением, охватывающим наиболее полно освободившихся от ингибиций людей, когда они предвкушали острое ощущение убийства. Чувства в нем кружились в вихре, но мысли оставались сфокусированными.

— На Вселенную, о мармеладный жук! — пьяно заорал он. А из тридевятого царства тридесятого государства до него долетел голос Трузензюзекса:

— На Вселенную, о вонючий примат!

Корабль рванулся к углу ААннского четырехгранника.

Вражеские силы терпели это, сколько могли. А затем три корабля отделились перехватить их безрассудную атаку. Остальное построение продолжало образовываться, ничуть не испугавшись. Несомненно, никто из командующих еще не заметил, что эта самоубийственная атака исходит не из района круживших внизу жалких оборонительных сил планеты. А так как они слышали весь разговор между флотами, то знали, что это никак не может быть судно Содружества. Бран навел один их средний СККАМ на ближайшего из трех перехватчиков, коренника. Он смутно сквозь теперь уже сплошной ароматический туман различал разъяренный голос майора Гонсалеса на межкорабельной частоте. Он раздражающе вторгся в его целиком занятое сознание. Командование явно не купилось на их кодовое сообщение о неполадках с двигателем.

— Эй, вы, там! Вы что делаете! Вернитесь в строй! Корабль номер... корабль номер двадцать пять, вернитесь в строй! Отвечайте, э... черт побери! Брауншвейгер, чей это корабль? Даст мне кто-нибудь какие-нибудь сведения, черт возьми, или нет!

В стручке решительно стало слишком шумно. Он отключил репродуктор, и они помчались дальше в сравнительном безмолвии. Он ясно представил себе ААннского адмирала. Сидит себе с комфортом в каюте одного из десантных судов, лениво пожевывая нарко-палочку и поглядывая одним глазом на плавающие поблизости силы Содружества. Он, несомненно, тоже прослушивал разговор между губернатором планеты и майором Гонсалесом. И, без сомнения, здорово посмеялся. Ожидает приятной, рутинной резни. Мысли его теперь, должно быть, немного смешались, особенно если он заметил единственный стингер, безумно рванувшийся к центру его построения. Бран надеялся, что он разорвет ушные мешочки, прислушиваясь к сигналам детекторов.

Его рука плавно легла на гашетку. В мозг прокрался, доводя до бешенства, спокойный голос Трузензюзекса. Нет, он был уже у него в мозгу.

— Погоди. Еще рано.— Пауза.— Вероятность.

Он сердито попытался выдавить эту мысль из головы. Это было слишком похоже на попытку отрезать часть своего «я».

Рука его оставалась на гашетке, покуда точка кремового цвета становилась на экране безумно большой.

Снова раздался спокойный бесящий голос:

— Изменение курса на десять градусов минус Y, плюс X на два градуса приведет к оптимальной касательной для перехвата.

Бран знал, что им предстоит умереть, но в его отвлеченном помраченном сознании это казалось вопросом лишь косвенной важности. Непосредственной задачей и единственной причиной существования было убить как можно больше их. В том, что их самих уничтожат, сомневаться не приходилось, учитывая противостоящую им численность, но они могли, по крайней мере, притупить воздействие ААннского вторжения. Крошечная часть его «я» отдала дань благодарности за спокойное присутствие Трузензюзекса. Он однажды видел запись отряда стингеров в действии, где пилотами служили только люди. Она очень сильно напоминала виденную им на Земле трехмерную картину, показывавшую неистовствующих при кормежке акул.

Нужный миг сам уведомил его. «Огонь!» Не появилось никаких других предложений от инсектоидной половины его разума. Он почувствовал легкий крен поля своего тела, когда корабль выполнил сложный маневр, который сведет на нет любой ответный огонь и в то же время позволит им разделаться с двумя оставшимися вражескими судами. Без поля его бы превратило в желе.

Исчезновение точки с экрана гравитационного колодца сказало ему, что снаряд СККАМ попал в ААннский корабль, пронзив его защиту. В космосе безмолвно вспыхнул сильный взрыв. СККАМ был неспособен «почти попасть».

Сама по себе система СККАМ была модификацией КК-двигателя, тянувшего корабли большинства вышедших в космос рас. Когда встретились люди и транксы, то обнаружилось, что человеческая версия двигателя мощнее и эффективнее транксийского позигравитационного. Она также обладала более высокой пропорцией сохранения энергии, что делало применение ее более разумным. Работая вскоре после Слияния со своими человеческими коллегами, транксийские ученые изобрели множество улучшений в и так уже замечательной системе. Этот модифицированный двигатель сразу же установили на всех челанксийских кораблях, и другие расы начали заказывать компоненты, которые дадут им возможность сделать собственные модификации.

Однако превращение гравитационного двигателя в оружие неотразимой силы была целиком транксийской новацией.

Снаряды СККАМ являлись на самом деле термоядерными устройствами, насаженными на маленькие корабельные двигатели, за исключением того, что все их части, помимо тех, что требовали точки плавления свыше 2400 градусов, делались из сплава осмия. Используя собственный гравитационный колодец запускающего судна в качестве первоначальной движущей силы, снаряд отправлялся к цели. На заранее определенном безопасном расстоянии от корабля включался собственный двигатель снаряда. Двигатель этот сразу же достигал преднамеренной перегрузки. Перегруженное силовое поле, уклониться от которого было невозможно, притягивалось к ближайшему гравитационному колодцу, в данном случае, к двигательной системе вражеского корабля. В паре с неуправляемой реакцией термоядерного синтеза два пересекающихся силовых поля двигателей неизменно ликвидировали всякие следы цели. И вражескому судну было бесполезно пытаться спастись, отключив свое собственное силовое поле, потому что если оно и могло пережить столкновение с небольшим полем снаряда, то еще не сконструировали корабля, способного выдержать без экрана силу термоядерного взрыва. А так как защитные экраны действовали от энергии позигравитационных двигателей...

Он почувствовал, как корабль снова накренился, на этот раз не так сильно. В диапазон эффективного удара влетела новая цель. Он опять выстрелил. Трузензюзекс предложил возражение четвертого уровня, а Бран парировал возражающим вето второго уровня. Компьютер согласился с Браном и выпустил снаряд. Обе половины корабельного мозга были частично правы. В результате — новое попадание... но только едва-едва.

ААннское построение, казалось, заколыхалось. Затем левая половина четырехгранника развалилась, когда корабли с этой стороны попытались противодействовать этой опасной атаке на их фланг. Скорее всего, приказ рассеяться отдал ААннский командующий. Запертый в медленном неуклюжем десантном судне, он теперь уже, вероятно, начинал тревожиться за собственную драгоценную шкуру. Подбодренные этим нестратегическим шагом своих противников, туземные оборонительные силы набросились на сломанное построение с фронта, умножая если и не число уничтоженных, то сумятицу, и пытаясь отвлечь внимание ААннских боевых кораблей от своего неожиданного союзника.

Бран только что сделал третий выстрел — промах — когда стингер качнуло сильное сотрясение. Даже в защитном поле его с силой дернуло вперед. Свет мигнул, потускнел и погас, замененный миг спустя жутким синим светом аварийной

системы. Он проверил приборы и передал обыденный доклад наверх.

— Тру, на этот раз двигатель сдох по-настоящему. Нам предстоит переходить на всего лишь свободный дрейф...— Он смолк. Типичный иронический ответ что-то запаздывал.

— Тру? Как дела на твоей половине? — Репродуктор выдал в ответ только приглушенное шипение. Он несколько раз щелкнул ручкой переключателя. Тот, кажется, действовал.— Тру? Да скажи ты что-нибудь, слизень! Старая улитка, термит, пьянчуга... черт подери, скажи хоть что-нибудь!

С утратой кораблем способности вести бой в кровеносную систему Брана автоматически впрыснули ГИП-противоядие. Слава Лимбу, автофельдшер все еще цел! Он чувствовал, как тяжело вытекает из него стремление убивать, заменяемое остающимся после него неясным привкусом и неизбежно следующей за боевыми действиями временной летаргией.

Одновременно ругаясь и плача, он начал бороться со своими ремнями. Он отключил силовое поле, не беспокоясь, что корабль может вдруг прыгнуть в боевом рывке и размазать его по всей переборке. Побагровев от усилий, он принялся перелезать через переломанные трубы и искрящиеся короткие замыкания наверх, где лежал на своей боевой кушетке Трузензюкекс. Его собственные мускулы отказывались повиноваться, и он проклинал свои руки, которые упорно соскальзывали с поручней, словно с влажной пеньки. Он и не представлял, находясь в приносящем утешение гипнозе, как сильно пострадало от повреждений маленькое судно. Повсюду плавали колеблющиеся волокна и разорванная обшивка, указывая на потерю бортовой гравитации. Но стручок остался цел, и Бран мог дышать без кислородной маски.

Пост транкса был длинней и ниже, чем у него, поскольку рабочая поза инсектоида — лежать распластавшись лицом вверх. Поэтому первой встреченной Браном частью тела его напарника-мичмана оказалась сердцеобразная голова с блестящими многофасетчатыми составными глазами. Знакомое свечение в них померкло, но не исчезло. Он принялся бешено массировать грудную клетку-б над шейным сочленением, совершая операцию, призванную стимулировать открытую систему кровообращения транкса. Он продолжал заниматься этим, несмотря на сильную влажность, застилавшую его глаза. Откинув голову назад, он, по крайней мере, заставил кровь из пореза на лбу временно поплыть назад.

— Тру! Брось, приятель! Двигайся, черт тебя подери! Встряхнись, сделай что-нибудь, черт возьми!

Его движения не прерывала даже ирония того, что он пытается привести в чувство своего товарища, дабы тот мог находиться в полном сознании, когда ААннские разрушительные лучи разметают их составные части по всему космосу.

Трузензюэкс начал слабо шевелиться под руками Брана, раздалось рваное, неровное шипение из дыхательных спиклул.

— МММФФФ! ОООО! Друг мой, сим я уведомляю всех без исключения, что удар по черепу решительно не способствует ученым размышлениям! Пожалуйста, немного ниже и правей, зудит именно там. Увы, боюсь, что у меня небольшой приступ головной боли.

Он медленно поднял иструку к голове, и Бран увидел, что там, где сильно ударил высвободившийся откуда-то штырь после спада силового поля, по лазурному экзоскелету инсектоида протянулась уродливая темная полоса. Организм транксов отличался исключительной крепостью, но и большой уязвимостью к глубоким порезам и проколам из-за их открытой системы кровообращения. Когда их доспехи целы, транксы практически неуязвимы. Намного больше, чем их человеческие коллеги. Тот же самый удар, вероятно, разбил бы Брану череп, как яичную скорлупу. Огромные глаза обратили взгляд к нему.

— Брат-по-кораблю, я замечая в углах твоих окуляров легкое выпадение осадков, отличающихся по составу от жидкости, что даже сейчас сочтется из твоей головы. Я понимаю значение такой продукции и заверяю тебя, что в этом нет необходимости. Помимо ущерба моей безукоризненной и неотразимой красоте, со мной совершенно все в порядке... как мне кажется. Мне между прочим, приходит в голову, что мы оба чересчур долго остаемся в живых. Так как я, похоже, временно ни на что не способен, то я бы оценил, если бы ты прекратил свой дождь-на-лице, вернулся на свой пост и выяснил, что именно там, черт возьми, происходит!

Бран вытер слезы с уголков глаз. То, что сказал Тру, было совершенно верно. Оживление инсектоида настолько поглотило его, что он как-то не заметил, что по всем разумным стандартам военных действий им обоим уже несколько минут полагалось быть покойниками. ААнны — бойцы, может, и лишенные воображения, но тем не менее действенные. Он залез обратно в кресло и перебросил аварийную энергию на боевой экран. То, что он там увидел, оглушило его рассудок, если не слух.

— Ооо — ваууу! Бей их! Врежь им, Шестой, малыш!

— Да прекратишь ты наконец издавать непонятные звуки и скажешь мне, что там творится? Мои глаза еще не полностью сфокусировались, но я вижу, что ты подпрыгиваешь в своем

кресле на манер, никоим образом не связанный с действиями корабля.

Бран зашел слишком далеко, чтобы слышать что-либо. Сцена на экране изображалась довольно слабо, но была вполне видна. Она напоминала игру в теннис, ведущуюся при нулевой гравитации двумя высокоскоростными компьютерами. ААннские силы полностью обратились в бегство, или, скорее, бежали их остатки. Яркие стрелы стингеров Сообщества петляли с характерной непредсказуемостью как среди отступающих боевых порядков, так и вне их. Иногда короткая, локальная вспышка отмечала место, где еще один корабль покидал плоскость материального существования. И сквозь рычание и вопли по связи каким-то образом прорывался голос, который не мог принадлежать никому иному, кроме майора Гонсалеса. Он снова и снова, раз за разом, повторял разными словами один и тот же в сущности вопрос:

— Что случилось, что случилось, что случилось, что...?

И тут Бран пострадал от второго ранения. Он растянул бока от смеха.

Все стало совершенно ясным позже, в военном трибунале. Другие члены Оперативной Тактической Группы увидели, что один из их числа сорвался с занимаемой позиции и понесся на ААннское построение. Их пилоты-напарники терпели завязывавшуюся из-за этого схватку, сколько могли. Затем они принялись срывать и следовать за ними. Только крейсер «Альтаир» не принял никакого участия в битве. Его экипаж тяжело переживал это, хотя его вины тут не было.

А на планете не спалили даже деревья.

Председествовал в суде пожилой транксийский генерал с самого Ульдома. Его негибкая жесткость в соединении с полинялым экзоскелетом и язвительным голосом делали его и впрямь грозной фигурой. Что касается большинства членов Оперативной Тактической Группы, то с них сняли всякое обвинение в каких-либо проступках. Трибунал постановил, что они действовали в пределах предписаний Содружества о действиях «при оправдывающих обстоятельствах, где акту насилия против собственности или лиц, принадлежащих к Содружеству или Церкви надлежит противодействовать всеми силами, необходимыми для предотвращения последствий такого насилия». Это положение, постановил трибунал, и вступило в силу, когда ААннские корабли вступили в бой со стингером номер двадцать пять. А что касается того, что корабль номер двадцать пять сам спровоцировал данное столкновение, то этот

вопрос трибунал «подвергнет тщательному изучению... в скором времени».

По приказу трибунала мичманов Брана Цзе-Мэллори и Трузензю из Улья Зекс лишили всех званий и уволили с воинской службы. Однако предварительно их требовалось наградить орденом Церкви «За боевые заслуги», одним звездным скоплением. Что и сделали. А также каждому неофициально презентовали свиток, на котором граждане планеты-колонии, известной как «Счастливая Охота»*, записали свои имена и благодарности... все двести девяносто пять тысяч.

Майора Хулио Гонсалеса произвели в капитаны 3-го ранга и сразу же перевели на тихий кабинетный пост в безвестной звездной системе, населенной полумразумными амфибиями.

После того, как его официально приняли в Улье брата по кораблю, в Зексе, Бран вступил в Церковь и с головой окунулся в дела Канцелярии Нечеловеческой Социологии, получая там дипломы и почетные звания. Трузензюзекс же оставался на своей родной планете Ивовый Обзол и возобновил занятия психологией и теоретической историей, которыми он увлекался еще до воинской службы. Вскоре после этого ему присвоили звание эйнт. Их интересы сходились независимо друг от друга, пока оба не погрузились в изучение древней тар-айимской цивилизации-империи. Прошло десять лет, прежде чем они встретились вновь, и с тех пор они всегда оставались вместе, положение, о котором ни у одного не имелось причин сожалеть.

— Не купите ли зимний костюм, сэр? Сезон быстро приближается, и астрологи предсказывают холод и слякоть. Самые прекрасные шкуры пирримов, уважаемый сэр!

— Что? Нет. Спасибо, торговец, не нужно.— Как раз впереди обрисовывался поворот к их постоянному двору, около продавца молитвенных колокольчиков.

Бран ощущал необыкновенно сильную потребность в сне.

* т.е. Рай

ГЛАВА 6

Флинкс вернулся в свою квартиру, чтобы привести в порядок дела перед путешествием. По пути домой он остановился у хорошо знакомой лавки и купил маленькую сумку. Именно такие он часто видел у матросов в порту, и ему она подойдет ничуть не хуже. Она была легкой, со встроенными сенсорными замками на обтюраторе и очень прочной. Флинкс проформы ради поторговался о цене, остановившись, наконец, на сумме девяносто шесть и двадцать сотых кредита. Он, вероятно, мог сократить цену еще на кредит, но его слишком занимали мысли о путешествии, причем до такой степени, что торговец осведомился о его здоровье.

Дома он совсем не удивился, обнаружив, что все его ценное или полезное имущество умещается в одну сумку. Он почувствовал лишь легкий укол сожаления. Он огляделся, ища, что бы еще взять, но постель не влезла бы, равно как и его портативная кухня, к тому же, он сомневался, что будет испытывать на корабле недостаток в том и в другом. Воспоминания же удобно хранились где-то в другом месте. Он повесил сумку на плечо и покинул пустую комнату.

Консьержка осторожно поглядела на него, когда он приготовился оставить ей ключи. Она была в общем-то хорошей женщиной, но отличалась необыкновенной подозрительностью. В ответ на ее настойчивые расспросы он сказал только, что отправляется в довольно продолжительное путешествие и понятия не имеет, когда вернется. Нет, он не «скрывается от закона». Он знал, что женщина страдает болезнью, известной, как пристрастие к трилевидению, и ее воображение соответственно отравлено. Не сохранит ли она комнату за ним до его возвращения? Сохранит... за четырехмесячную квартплату, авансом, если позволите. Он предпочел не спорить и заплатить. Это отрезало большой кус от столь недавно заработанных им ста кредитов, но он обнаружил, что спешит как можно быстрее потратить эти деньги.

Он вышел в ночь. Его рассудок подумывал о сне, но тело, напряженное от скорости, с которой мчались вокруг него события, категорически не соглашалось. Сон стал невозможен. И на улице было приятно. Он двинулся на огни и шум, погружаясь в знакомую горячку рынка. Он смаковал ночные запахи продуктового полумесяца, хриплое уханье пекарей, продавцов и лоточников, здоровался со знакомыми и грустно

улыбался иногда изящному личику, выглядывавшему из освещенных окон менее респектабельных салунов.

Бывало, он замечал хорошо знакомое лицо. Тогда он лениво подходил, и они некоторое время дружески болтали, обмениваясь рассказами и сплетнями, которых у Флинкса всегда имелся большой запас. Потом богатый торговец или нищий трепал ему на счастье рыжие вихры, и они расставались.

Если бы джунгли можно было организовать и обложить налогами, их называли бы Дралларом.

Он прошел почти мило, когда заметил легкое просветление западного небосклона, означавшее приближение первого тумана (настоящей зари на Мотыльке не бывало). Время летело быстрее, чем думалось. Вскоре ему надо быть в порту, но еще оставалось сделать одно последнее дело.

Он круто повернул направо и заспешил по хорошо известным ему переулкам и проходным дворам. Поближе к центру рынка, где ночью было тише, чем на окраинах, он вышел к крепкому небольшому щитовому зданию. На своих стенах оно рекламировало все виды металлических изделий, какие только продавались. На внутренней стороне двери имелся цифровой замок, но Флинкс знал как обойти это препятствие. И осторожно закрыл за собой дверь.

В маленьком здании стояла темень, но свет просачивался в открытые края крыши, служившие для вентиляции воздуха. Он тихо прокрался в заднюю комнату, не нуждаясь даже в этом сумеречном свете. Старуха спала там, тихо храпя на простой, но с роскошным одеялом постели. Дышала она неглубоко, но ровно, и на древнем лице играло то, что могло быть знающей улыбкой. Это была, конечно, чушь. Он постоял несколько долгих мгновений, молча глядя на морщинистое пергаментное лицо. Затем нагнулся. Мягко откинув в сторону хорошо причесанные седые волосы, он один-единственный раз поцеловал ее в впалую щеку. Женщина пошевелилась, но не проснулась. Он покинул комнату так же тихо, как и вошел, не забыв запереть за собой замок на входной двери.

Затем он повернулся и двинулся проворной трусцой в направлении челночного порта. Пип невозмутимо дремал у него на плече.

Огромный порт располагался на приличном расстоянии от города, чтобы его шум, дым и погрузочная суета не мешали делам народа и сну короля. Идти туда пешком было слишком далеко. Он остановил запряженного мипахом рикшу, и возница направил быстрого зверя бегом в порт. Мипахи бегали проворно и могли огибать пробки, созданные более современным транспортом. Это был спортивный способ путешествовать, и вистевший ему в лицо влажный ветер стирал последние остатки начавшей одолевать сонливости. Так как животные эти являлись чистыми спринтерами и годились только для одной долгой пробежки на час, они были очень дороги. Они пролетали мимо более медленных машин и больших грузовиков на воздушной подушке, везших тонны товаров в порт и из порта. Бедняки Мотылька шли по обочине шоссе, как ходили веками и, несомненно, будут ходить еще века. На Мотыльке не имелось общественных движущихся тротуаров, какие можно в изобилии встретить в столицах более цивилизованных планет. Помимо их дороговизны, кочевое население имело склонность разрезать тротуары на металл.

Когда он добрался до района коммерческих пусковых шахт, находившегося, по его мнению, поблизости от частных причалов, он расплатился с возницей, выгрузился и поспешил к большим трубообразным зданиям. Он неплохо знал расположение порта из-за своих многочисленных экспедиций сюда в детстве. Он не мог понять, откуда у него взялся интерес к этому месту. Ну уж, конечно же, не от Мамаши Мастифф! Но порт с раннего возраста всегда завораживал его своей связью с другими мирами и расами. Когда ему удавалось ускользнуть от бдительного родительского ока, он добирался сюда, часто проходя весь долгий путь на коротких нетвердых ногах. Он часами сидел у ног поседевших старых матросов, посмеивавшихся над его интересом и рассказывавших свои даже более старые, чем они сами, повести о пустоте космоса и искрах жизни и сознания, рассеянных по нему. А он почтительно внимал, жадно впитывая услышанное. Бывали случаи, когда он оставался до темноты. А потом очень осторожно крался домой, всегда в поджидавшие и дающие нагоняй объятия Мамаши Мастифф. Но в порту он делался разве что не загипнотизированным. Больше всего он любил рассказы о межзвездных грузовозах, этих огромных, похожих на дирижабли судах, преодолевавших громадные расстояния между обитаемыми мирами и перевозивших странные

грузы и еще более странных пассажиров. «Ты, пойми, сынок,— говорили ему матросы,— кабы не было грузовозов, вся чертова вселенная развалилась бы к чертям собачьим, и сам Хаос вернулся бы править!»

Теперь, возможно, у него будет шанс лично увидеть одно из этих легендарных судов.

Позади него послышалось приглушенное рычание, и, обернувшись, он увидел, как прыгнул в космос объемистый силуэт грузового челнока, оставляя знакомый кремово-алый след. Звукопоглощающее свойство его шахты еще больше усиливало многослойное стекло самого здания, призванного приглушить рев ракет и реактивных двигателей. Он уже много раз видел подобное зрелище, но казалось, что какая-то частичка его по-прежнему отправляется в космос с каждым новым взлетом. Он поспешил дальше, разыскивая портового служащего.

Приблизительно каждые пятнадцать минут в Дралларском порту приземлялся или взлетал очередной челнок. А этот порт был не единственным на планете. Некоторые частные порты, принадлежащие лесозаготовительным компаниям, почти не уступали ему по величине. Челноки вывозили древесину, меха, легкие металлы, продукты; привозили машины, предметы роскоши, торговцев и туристов. Вот! Кипу пластиковых панелей проверяла фигура в черно-белой клетчатой форме док-стюарда. Он поспешил туда.

Док-стюард оценил взглядом одежду, возраст и сумку Флинкса и взвесил эти факторы против явно опасной рептилии, бдительно свернувшейся теперь вокруг плеча юноши. Он обдумывал, отвечать ли ему на поставленный Флинксом краткий вопрос. Мимо проезжал на скутере старший стюард. Он притормозил около них:

— Затруднения, Прин?

Док-стюард благодарно посмотрел на своего начальника:

— Эта... личность... желает узнать, где частные причалы Дома Малайки.

— Гм.— Старший окинул взглядом терпеливо ждущего Флинкса. Тот ожидал чего-то в этом роде, но прочел со стороны старшего только добрые намерения.— Так скажи ему. От того, что он поглазеет на корабли, вреда не будет, а может, у него и в самом деле есть там дела. Я видел на борту у Малайки и более странных типов.— Он прибавил обороты у скутера и умчался по сводчатому коридору.

— Пятая шахта, вторая поперечная труба налево,— неохотно объяснил стюард.— И помни — больше никуда!

Но Флинкс уже тронулся в указанном направлении.

Найти его было нетрудно, но выдвижной трап казался бесконечным. Он испытал облегчение, увидев высокую фигуру поджидавшего его коммерсанта.

— Рад видеть, что ты появился, киджана! — проревел он, хлопая Флинкса по спине. К счастью, тот сумел уклониться от основной массы удара. — Ты прибыл последним. Все остальные уже на борту и надежно пристегнуты. Отдай свою сумку стюарду и пристегнись сам. Мы как раз готовимся к взлету.

Малайка исчез впереди, и Флинкс отдал сумку услужливому на вид молодому парню, носившему герб Дома Малайки (скрещенные звездолет и пачка кредитов) на фуражке и куртке. Тот нырнул в низкую дверь в задней части челнока, оставив Флинкса одного в маленьком шлюзе. Чем стоять так, подпирая стену, пока стюард не вернется, он предпочел двинуться в пассажирский салон и найти себе пустое место.

Поскольку челнок был частный, а не коммерческий, он уступал последнему по размерам. В низком узком салоне имелось только десять сидений. Судно спроектировали явно не для продолжительных путешествий. Украшения по стилю тяготели к барокко. Он окинул взглядом сиденья в узком проходе.

Первые два кресла занимали Малайка и его Рысь, Сиссиф. Она для разнообразия облачилась в мешковатый комбинезон, но он только подчеркивал красоту ее лица. Во втором ряду сидели Бран Цзе-Мэллори и Трузензюекс, оживленно, по-дружески спорившие о каком-то предмете, оставшемся непостижимым для Флинкса на всех уровнях восприятия. Затем шли два пилота звездолета, Ата Мун и человек-тень, Вульф. Оба внимательно смотрели, но на разные вещи. Ата глядела в иллюминатор, наблюдая обычные приготовления к взлету. Глаза же мужчины непоколебимо сфокусировались в невидимой точке в шести дюймах от его носа. Лицо его, как обычно, совершенно ничего не выражало. Он оставался непроницаем.

Внимание Аты постоянно переключалось с того, что происходило за бортом их крошечного судна, на происходящее в передней части салона. Она то и дело высовывала голову в проход. Особенно когда оттуда доносились необычно громкое хихиканье или смешок. Вероятно, она считала, что не привлекает к себе внимания. Наверное, и не заметила, что Флинкс поднялся на борт и уселся позади нее. Во всяком случае, присутствие Вульфа ее, кажется, не заботило. Даже отсюда он видел, как напрягаются мускулы ее шеи и щек, как меняется ее кровяное давление и учащается дыхание, откликаясь

на сцену впереди. Реакция была не сильной, но все же... Флинкс покачал головой. Они еще даже не добрались до корабля, а уже складывалась взрывоопасная ситуация. Он не мог сказать, как долго она образовывалась, но знал одно: он лично не желал быть поблизости, когда этот нарыв, наконец, лопнет.

Он гадал, а имеет ли Малайка хоть малейшее представление о том, что его личный пилот, верно служившая ему шесть лет, безнадежно влюблена в него.

Оставалось немало пустых кресел, и поэтому он выбрал находившееся позади Аты. Не то, чтобы он так уж сильно предпочитал его любому другому, но он старался держаться как можно дальше от загадочного Вульфа. Он не мог прочесть мыслей этого человека и поэтому все еще не был уверен в нем. Как и во многих других случаях, он желал бы, чтобы его своеобразные таланты действовали не столь капризно. Когда он направил свое внимание на Вульфа, то обнаружил только странно рассеянную пустоту. Занятие это походило на поиски в густом тумане. Роса плохо сохраняла символы.

Громкоговоритель в салоне дал краткое предостережение, и Флинкс почувствовал, как корабль под ним накренился. Это происходило от гидравлического подъема челнока. Вскоре он занял устойчивое положение под углом взлета в семьдесят градусов.

Когда Флинкс пристегивался, то осознал еще одну проблему. Пип по-прежнему удобно обвивался вокруг его левого плеча. Это определенно не годится! Как же им управиться с дракончиком? Он позвал стюарда. Тот влез наверх по проходу, держась за ручки, приделанные с краю кресел. Он осторожно посмотрел на змея и стал немного вежливей.

— Ну, сэр, он кажется способен весьма хорошо держаться хвостом. Ему, однако, нельзя оставаться на том же месте, потому что он будет раздавлен при взлете между вашим плечом и креслом.— Тон, каким он это произнес, ясно давал понять, что он был бы не прочь увидеть такой исход. И стюард спустился обратно по проходу.

Флинкс огляделся кругом и наконец сумел побудить змея перебраться на толстый подлокотник кресла напротив него. Поскольку Пип был существом, жившим на деревьях, Флинкса намного больше волновало то, как он прореагирует на давление при взлете, чем на условия невесомости. Не упоминая уже о том, как сумеет справиться с этим сам.

Он беспокоился напрасно. Роскошное суденышко взлетело так плавно, что давление практически не возникло, даже когда на

смену реактивным двигателям включились ракеты. Оно было не хуже тяжелого одеяла у него на груди и мягко прижимало его к глубокому креслу. Приглушенное гудение ракет едва проникало в хорошо изолированный салон. В целом он испытывал лишь слабое ощущение дезориентации. Напротив, Пип, похоже, пребывал чуть ли не в экстазе. Тут он вспомнил, что Пип ведь прибыл на Мотылек в космическом корабле, и, следовательно, как минимум дважды подвергался подобному испытанию. Его опасения оказались беспочвенными. Но они сослужили свою службу, отвлекли его мысли от полета. Еще раз посмотрев⁴ на мини-дракончика, Флинкс увидел, что узкая голова Пипа раскачивается из стороны в сторону, в то время как нераздвоенный язык быстро снует туда-сюда, касаясь всего в пределах досягаемости. Перепончатые крылья разворачивались и хлопали от избытка удовольствия.

После отключения ракет маленький корабль поплыл в невесомости, и Флинкс почувствовал себя достаточно акклиматизировавшимся, чтобы протянуть руку и взять змея. Он опять поместил его на привычное место на плече. Знакомое давление на руку и спину действовало, как всегда, успокаивающе. Кроме того, эта проклятая тварь чересчур уж забавлялась. А уж чего им определенно не нужно в начале экспедиции, так это ядовитой рептилии, безумно летающей в невесомости в небольшом пространстве салона.

Они миновали несколько судов на парковочной орбите вокруг планеты, включая одну из огромных заправочных станций для челноков. Некоторые из гигантских судов находились в процессе погрузки или разгрузки, и вокруг них плавали, искрсясь, словно алмазная пыль, люди в скафандрах. Глаза юноши впитывали все и жаждали еще. Один раз, когда челнок повернул на девяносто градусов вбок и двинулся по прямой на стыковку с звездолетом, в поле зрения величественно всплыла находившаяся под ними планета.

С этого угла зрения были ясно видны знаменитые кольца-крылья. Лучистые масляно-золотые слои камня и газа в соединении с блестящими сквозь разрывы в облачном покрове, как сапфиры, озерами, заставляли планету более чем когда-либо походить на земное насекомое, в честь которого ее назвали.

Он смог лишь мельком увидеть их корабль, «Славную Дырку». Этого оказалось достаточно. Зажатая между раздутыми грузовозами и пузатенькими транспортными судами, она выглядела словно породистый скакун на скотном дворе. Хотя она и имела неизбежную форму корабля с КК-двигателем, дирижабля, воткнутого в конец разводного ключа, контуры ее

отличались от большинства судов. Один конец дирижабля отводился для размещения пассажиров и груза, а поршень на другом служил нагнетающим веером для позигравитационного поля. Вместо того, чтобы быть широким и неглубоким, как тарелка, нагнетающий веер «Славной Дырки» был больше похож на кубок. А пассажиро-грузовой отсек хоть и походил на дирижабль, но был более вытянутым, заостренным. Даже по одному внешнему виду всякий мог определить, что «Славная Дырка» летала быстрее любого грузовоза или космического лайнера. Она была одним из самых прекрасных среди всех когда-либо виденных Флинксом предметов.

Он ощутил легкое подергивание ремней, когда челнок состыковался с переходным шлюзом большого корабля. Следуя инструкциям стюарда, он освободился от сдерживающих ремней и поплыл вслед за другими в трубу-пуповину, перебирая руками по выдвижной лестнице. Роскошь «Славной Дырки» по сравнению с описанными ему грузовозами вскоре сделалась очевидной. Шлюз звездолета был отделан мехом.

Стюард и Малайка обменялись короткими фразами, и молодой человек в форме поплыл обратно в трубу, волоча за собой фал. Спустя немного времени дверь закрылась, и они оказались практически отделенными от челнока.

— Же? Если вы все последуете за мной,— держитесь за скобы — мы перейдем в салон.— Малайка поплыл к выходу из шлюза.— Ата, ступай с Вульфом в рубку и заводите двигатель. Давайте-ка устроим здесь какую-нибудь приличную гравитацию. Я вам не буйбуи, чтобы ткать собственную паутину! Вы знаете, где ваши каюты.— Ата и Вульф уплыли в боковой проход. Малайка повернулся лицом к пассажирам: — Остальных я провожу сам.

Салон представлял собой сказочную страну из стекла, дерева и пластика. По всему большому помещению висели на тонкой, но неразрывной сети из пластиковой паутины пузыри из хрустала, содержащие разные виды водной жизни ярких цветов. Сквозь зеленый мех пола прорастали настоящие деревья, все как одно являвшиеся образчиками различных произрастающих на Мотыльке видов. С потолка, являвшегося трехмерной солоидной картиной открытого неба в комплекте с облаками и солнцем, свисали, подобно тучам, металлические скульптуры, покрытые слоем пыли из самоцветов. «Небо» это начинало темнеть, эффективно симулируя закат, происходящий на какой-то стороне планеты внизу. Станные сравнения приходили тут на ум, но Флинкс по какой-то причине уподобил

вызываемое ощущение с прохождением света сквозь особенно светлое пиво.

Корабль почти незаметно содрогнулся раз-другой, и он почувствовал, как к его телу начинает возвращаться вес. Он поплыл к боковой двери, а потом начал неистово молотить руками воздух, чтобы приземлиться на ноги, а не на голову. Один быстрый взгляд показал, что никто из других пассажиров подобных трудностей не испытывал. Сиссиф поддерживал Малайку, а Цзе-Мэллори и Трузензюекс даже не потрудились прервать свой спор. Он сердито заставил свои сбившиеся с пути ноги оказаться внизу. Никто не сделал никаких замечаний о его явных затруднениях, за что он был благодарен. После очень короткого промежутка вернулась полная гравитация.

Малайка прошел к тому, что походило на кактус, но оказалось на самом деле баром.

— На протяжении всего путешествия мы будем сохранять гравитацию в девяносто пять процентов от нормы. Возможно, большинство из вас не привыкло поддерживать в космосе мускульный тонус,— Флинкс быстро проверил содержание голов двух ученых и усомнился в точности замечания Малайки.— И поэтому я боюсь устанавливать гравитацию ниже этого уровня. Небольшой разницы будет вполне достаточно для хорошего настроения, к тому же, она приблизительно та же, что мы встретим при посадке у нашей цели. Этот салон будет служить постоянным местом сбора. Обеды будут подаваться сюда автошефповаром, если вы не предпочтете есть в своей каюте. Нджоо, я покажу вам ваши...

Флинкс провел три дня, просто изучая «свою». Она была набита фантастическими устройствами, выпрыгивающими на тебя из пола, потолка и стен. Приходилось следить за каждым своим шагом. Нажмешь не ту кнопку и подвергнешься окатыванию теплой водой... безотносительно к твоему наряду в данный момент. Опыт этот приводил в уныние, особенно когда он пытался постричься. К счастью, никто не мог засвидетельствовать это, кроме Пипа.

Он озабоченно следил, как его приятель отнесется к ограничениям жизни на борту корабля. Все прочие, за исключением Сиссиф, приспособились к присутствию рептилии. С этой стороны у него не возникало причин для беспокойства. Как оказалось, не возникало и никаких других. Дракончик стремительно летал туда-сюда среди пилонов и пластиковых gobеленов салона, словно они принадлежали ему, до одури пугая обитателей стеклянных шаров. Иногда он повисал, как летучая мышь, на особенно привлекательной искусственной или настоя-

шей ветке. Когда обнаружилось, что селектор пищи в их каюте мог доставлять свежие кусочки сырого мяса в иодора, комфорт змея был гарантирован.

Они уже несколько дней удалялись из звездной системы Мотылька с медленной, но постоянно нарастающей скоростью. Малайка находился в щедром настроении, и поэтому когда Флинкс попросил разрешения поработать на подхвате в рубке во время перехода, коммерсант благосклонно согласился. Коль скоро они совершат первоначальный прыжок за пределы скорости света, при переходе степень их ускорения станет громадной.

Внешне никто другой не разделял его любопытства. Малайка оставался, уединившись в каюте со своей Рысью. Цзе-Мэллори и Трузензюэкс проводили большую часть времени в салоне, играя в психологические шахматы и беседуя на языках и о предметах, из которых Флинксу лишь изредка хоть что-то удавалось уразуметь. Он опять возвращался к размышлениям об их полнейшей непринужденности в космосе и хорошем знакомстве с путешествиями на звездолетах.

Малайка пообещал зайти в рубку во время перехода и объяснить Флинксу, что и как. Но когда пришло время, Сиссиф стала дуться из-за какого-то непостижимого никому пренебрежения, и коммерсанту пришлось остаться с ней в каюте. Он поручил Ате ответить вместо себя на любые вопросы Флинкса относительно работы корабля и двигателя. Она подтвердила получение приказа с нескрываемым отвращением.

Флинкс пришел к выводу, что именно ему-то и придется прервать молчание, вызванное их бесцеремонной первой встречей. Иначе они могут не обменяться ни словом за все путешествие, а даже такой большой космический корабль слишком мал по площади для сохранения враждебности.

Он вошел в рубку и подошел сзади к ее креслу. Вульф находился на противоположной стороне помещения. Ата ничего не сказала, но он знал, что она заметила его приход.

Он прочел в ней прямоту и решил ответить тем же.

— Послушайте, я не собирался тогда пинать вас там, в башне.

Она повернулась и вопросительно взглянула на него.

— То есть, я не собирался пинать вас, я собирался пнуть... о, черт! — Объяснение не казалось таким сложным, когда он мысленно репетировал его. Конечно, тогда ему не приходилось бороться с густым красно-карим цветом этих глаз. — Я думал, что вы шпион... или убийца, или что-то в этом духе. Вы, разумеется, не выглядели так, словно вам место там, где вы находились, и поэтому я выбрал наименее кровавый путь, какой

только мог придумать, чтобы заставить вас выйти на открытое пространство. Это сработало, вы оказались не тем, чего я ожидал, и я извиняюсь. Вот! Мир?

Она поколебалась, а потом лицо ее смягчилось в смущенной улыбке. Она протянула руку:

— Мир!

Он поцеловал ее руку, вместо того, чтобы пожать, и Ата вернулась, довольная, обратно к своим приборам.

— Знаете, на самом-то деле вы были правы. Мне было совершенно нечего делать там, где я находилась. Равно как и заниматься тем, чем я занималась. Неужели я со спины выгляжу такой похожей на убийцу?

— Напротив, напротив.— Затем внезапно спросил: — Ваш босс очень привлекает вас, не правда ли?

Ее брови поползли вверх от удивления. Иной подумал бы, что он только что раскрыл одну из величайших тайн вселенной. О, Древо, неужели она настолько наивна?

— Право... право, что за предположение! Какая совершенно нелепая мысль! Максим Малайка — мой работодатель. И не более того. Что заставляет?... Э, у вас есть какие-нибудь вопросы о корабле? Если нет, то я за...

Он поспешно спросил:

— Почему, хотя этот корабль бесконечно сложнее челнока, обоим требуется одинаковый экипаж из двух человек? — Он знал ответ, но хотел поддержать разговор.

— Причина вот, прямо тут...— она показала на ряд огоньков и приборов вокруг них.— Из-за того, что они столь сложны, требуется еще много автоматики просто для управления. На самом деле «Славная Дырка» большую часть времени прекрасно управляет сама собой. Если не считать отдачи команд и принятия решений, мы находимся здесь просто на случай непредвиденной ситуации. Например, межзвездная навигация чересчур сложна для ума человека или транкса, чтобы управиться с ней на любом действительно практичном уровне. Звездолеты должны управляться машинами, иначе они вообще были бы невозможны.

— Понимаю. Под всякими мелочами и непредвиденными ситуациями вы подразумеваете вещи вроде перехода?

— О, от перехода нет никакой настоящей опасности. Компании любят превращать это в большое дело, чтобы вызвать у пассажиров легкую дрожь возбуждения. Разумеется, время от времени услышишь о каком-нибудь происшествии. Нарушит метеор границу гравитационного колодца в момент смещения, а шансов на это — один к миллиону, и корабль вывернется

наизнанку или совершит что-то равно странное. Это исключение из правил. Трилевидение и фотогазеты раздувают эти происшествия до масштабов, совершенно не соответствующих их размерам. Обычно от этого не больше неприятностей, чем если перешагнуть с суши на плывущую лодку.

— Рад это слышать. Не думаю, что мне доставило бы удовольствие оказаться вывернутым наизнанку. Это случилось со старым «Так Держать», не так ли?

— Ну да. Это было в две тысячи четыреста тридцать третьем году, по старому календарю. На самом же деле, нам приходится беспокоиться только о том, чтобы поддерживать постоянное положение центра поля по отношению к вееру и генератору. Об этом, по большей части, заботятся компьютеры. Коль скоро он упадет слишком далеко вперед или слишком близко, то придется остановить корабль, а потом начинать все заново. Это отнимает массу времени на ускорение и торможение, и дело это не только дорогое, но и хитрое. Если поле начнет вибрировать, то корабль может рассыпаться на куски. Но, как я сказала, со всеми этими беспокойствами за нас справляются компьютеры. Исключая, конечно, непредвиденные обстоятельства.

— Я никогда не бывал раньше на корабле с КК-двигателем. Хотя я и не физик, не могли бы вы дать мне краткое объяснение, как действует эта штука? Так, чтобы смог понять даже мой простой ум?

— Ладно,— вздохнула она. — Генератор Каплиса — а именно его мы и держим на «веере» впереди — делает вот что: он по существу производит мощное сконцентрированное гравитационное поле впереди по курсу корабля, корабль движется к нему, естественно притягиваемый «телом» с большей «массой», нежели у него самого. Являясь частью корабля, КК-двигатель, естественно, перемещается вместе с ним. Но двигатель, перемещаясь вперед, настроен поддерживать поле на постоянном расстоянии от корпуса судна. Поэтому поле тоже передвигается вперед. Корабль опять пытается догнать его, и так далее до бесконечности. Поле по существу тянет корабль, вместо того, чтобы толкать его, как это делают ракеты челнока. КК-суда на самом деле передвигаются серией непрерывных рывков, настолько стремительных и частых, что они кажутся одной непрерывной плавной тягой. Увеличение или уменьшение размеров поля определяет скорость корабля. Так как гравитация является волновым, а не корпускулярным видом энергии, то на нее приближение к скорости света влияет не так, как на массу. КК-поле создает позади себя конусовидную зону

напряжения, в которой масса ведет себя иначе, чем при нормальных обстоятельствах. Вот почему, когда мы превышаем скорость света, я не вижу сквозь вас или что-нибудь в этом роде. В результате нашего первоначального прорыва, или «перехода», скорость нашего путешествия страшно возрастает. Это что-то вроде скачек верхом на очень хорошо управляемом снаряде СККАМ.

Наша первоначальная мощь берется от небольшой водородной «запальной свечи»,— иногда я гадаю, откуда взялось это выражение — установленной неподалеку от генератора, расположенного в трубчатой части корабля. Коль скоро поле возникло, его можно в определенной степени «канализировать». Именно отсюда-то мы и получаем гравитацию для корабля и энергию для освещения, автобара и всего прочего.

На случай отказа двигателя имеются заготовки для превращения веера в старый двигатель ионного типа, получающий энергию от водородной свечи. Потребовалось бы двенадцать лет при наивысшей его скорости, чтобы добраться от Мотылька до Кабеля, ближайшей населенной планеты. А дальше в пространстве, там, где звезды более рассеяны, дело обстоит еще хуже. Но лучше через двенадцать с чем-нибудь лет, чем никогда. Оказавшиеся на мели корабли спасались-таки этим способом... те, что сумели преодолеть трудности, вроде отсутствия продовольствия или безумия. Но процент отказа у КК-двигателей мизерный. Только изредка человеку удается раздолбать его.

— Спасибо,— поблагодарил ее Флинкс.— Это помогает... в некотором роде.— Он бросил взгляд на Вульфа и увидел, что тот совершенно погрузился в работу. И, понизив голос, сказал: — Между прочим, я думаю, что вы неправильно представляете себе, что такое Рысь.

— Проститутка,— автоматически ответила она.

— Угу, Рыси — это группа прекрасных и честолюбивых женщин, не рассматривающих пожизненный брак как конечный итог развития цивилизации. Они предпочитают переходить от одного интересного мужчины к другому.

— Именно так я и слышала. И видела. Все равно это вопрос личной точки зрения.— Она подчеркнуто фыркнула.

Он направился к выходу:

— Поэтому я думаю, вам незачем беспокоиться, что Сиссиф или любая другая остановится на вашем коммерсante навсегда.

— Слушайте! — закричала она.— В последний раз вам говорю, я...— она резко снизила тон, когда Вульф с

любопытством посмотрел в ее сторону.— Я не влюблена в Максима Малайку!

— Разумеется, разумеется,— отозвался из дверей Флинкс.— Это сразу видно.

И лишь некоторое время спустя, просматривая видеозапись в своей каюте, он вдруг сообразил, что пропустил переход.

ГЛАВА 8

Телин ауз Руденуаман непринужденно отдыхала в своих комнатах большого комплекса в поместье тетки. Одета она была скудно, то есть по меньшей мере столь же мало, как и огромный мужчина, стоявший перед настенным зеркалом, восхищаясь игрой своих мускулов.

— Рори,— обратилась она к потолку.— Ты ведь любишь меня, не правда ли?

— Гмм, угум,— отозвался мужчина, сгибая колено и разминая мускулы предплечья.

— И ты сделаешь для меня все что угодно, не правда ли?

— Угум, гмм.

— Тогда почему же,— внезапно закричала она, сев на постели,— ты, черт возьми, ничего не сделал этим утром, когда старая ведьма набросилась на меня?

Мужчина вздохнул и с сожалением повернулся от зеркала лицом к ней. Тело его было твердым, но лицо удивительно мягким, почти детским. Прекрасным и мягким. Выражало оно дружелюбие и описывалось лучше всего как до крайности бессмысленное.

— Телин, милая, я мог бы кое-что сказать, но чего бы я этим добился? Только вызвал бы у нее больше подозрений по отношению к нам. Она уже все равно твердо решила задать тебе жару, и все сказанное мной вряд ли смогло бы отвлечь ее от этого. Кроме того, она, знаешь ли, была права. Ты-таки напортила с этим...

— Заткнись. Этого я наслушалась утром от нее. Наверняка ведь, она не могла ожидать, что я буду отвечать за неумелость людей, нанятых-то в первую очередь ее ребятами?

Рори Маллап ван Клеесф опять вздохнул и начал натягивать золоченый халат.

— Полагаю, что так, милая. Но, впрочем, когда она вообще бывала в чем-нибудь разумна? Я в общем-то не понимаю тонкостей таких дел. Она сделалась страшной сукой, не правда ли?

Телин выскользнула из постели, и подойдя к нему, села рядом. Она собственнически обняла его за массивные плечи.

— Слушай, Рори, я уже говорила тебе. Мы можем добиться хоть какого-то счастья только одним способом: ликвидировав эту старую шлюху раз и навсегда.

Рори усмехнулся. Природа не обделила его чувством юмора, хоть и крайнѣ примитивным.

— Ай-яй-яй, разве можно так говорить о любимой тетушке?

— Да. Только так и можно говорить о ней! И я при том ей льщу. Каждый раз, когда мы обсуждаем ее ликвидацию, во мне берут верх инстинкты милосердия. Но если конкретней...

— Пожалуйста, милая, я сейчас не в настроении.

— Рори,— она снова выпрямилась.— Ты любишь меня... или ее?

— Не надо непристойностей, милая! Ты понятия не имеешь, ни малейшего понятия, какая это трудная задача — необходимость постоянно изображать интерес к этому мешку хирургических чудес. Особенно,— он посадил ее к себе на колени и поцеловал,— после тебя.

— Мммм. Вот такие твои речи мне нравится слушать! — Он снова заставил ее замурлыкать.— Значит, ты посодействуешь мне?

— Как я уже говорил, если ты выдвинешь разумный и приличный план. Любовь любовью, а я не намерен провести остаток своей жизни на каком-нибудь тюремном спутнике из-за какого-то лишь наполовину разработанного замысла. Я не гений, но достаточно умен, чтобы понять это. Потому пошевели мозгами за нас обоих. А я обеспечу любые потребные мускулы, которых,— добавил он, любовно разминая трицепс,— у меня более чем достаточно.

Она выскользнула из его объятий и сердито топнула по покрытому глубоким мехом полу.

— Перестань хоть на минуту восхищаться самим собой и попытайся быть серьезным. Убийство — это не забава.

— Отнюдь, когда оно связано с твоей теткой.

— О, ты невозможен! Ладно, слушай, ты знаешь, как она любит купаться в том маленьком бассейне, там, где все эти красивые рыбки, улитки и прочие? — Глаза ее сузились в щелки.— И что она старается плавать там каждый день?

— Да, я знаю это место. Ну и что?

— Будет ведь очень просто заминировать этот бассейн, как тебе кажется?

Он с сомнением покачал головой:

— Ее люди такое заметят. Ты же знаешь, как она осторожна.

— Не заметят, если мы замаскируем мину под одну из тех проверенных лягушек или что-нибудь еще! — Она так и сияла. — Да, под лягушку. Я уверена, что такое устройство можно изготовить. Да, водонепроницаемое, небольшое, но тем не менее способное вместить смертельный заряд. А ты сможешь, пока я подбрасываю эту штуку в воду, гм, «усыпить» на минуту охранника, больше нам не понадобится.

— План кажется неплохим, милая. Да, Телин, я тоже так думаю! — Он взял ее на руки и нежно поцеловал. — Мне, однако, интересно узнать одну вещь. Почему ты раньше не придумала что-нибудь в этом роде?

Губы ее скривились в хищной улыбке, которая, как она знала, была почти точной копией улыбки тетки.

— О, я придумывала, придумывала. Но до этого утра я не испытывала на самом деле достаточного побуждения! Сегодня я наконец убедилась, что она совершенно обезумела. Будет всего лишь добрым делом подарить ей вечный сон.

Рашалейла Нуаман отключила экран слезки и по-кошачьи улыбнулась самой себе. Щедрость и заботливость ее племянницы... ну, просто потрясали. Так значит, она набралась наконец достаточно смелости, чтобы действительно спланировать это дело! Да, самое время. Но доверить такое этому болвану ван Клеефу! Це-це-це. Плохая мысль, плохая. Как вообще мог кто-то влюбиться в автомат, полнейшее ничтожество, вроде этого! О, разумеется, в постели он был великолепен. Но за ее пределами он был ничто, пустое место, нуль. Само собой, с добрыми намерениями и любящий. Как большой щенок. А, ладно. Пусть себе наслаждается своими играми. Это будет хорошей практикой для Телин. Поднимет ее уверенность в себе и все такое. В конечном итоге, однако, бедняжку придется резко привести в чувство. Она захихикала. Такие безделицы прекрасны, но не в рабочее время. А это кое о чем напоминает. Надо поручить смотрителю убрать всех этих миленьких лягушечек. По крайней мере, временно. Нет смысла зря терять их. Наверное, завтра на ужин.

Она немного поспешила выключить экран, разыгравшийся стимулированный ум ее племянницы осенила новая мысль.

— Нам также следует держать старую суку в состоянии неуравновешенности, Рори. Пока пытаемся пробить это дело. Она, знаешь ли, не полная идиотка.

— Я полагаю, это неплохая мысль,— отозвался ван Клеef, разминая квадрицепсы.— Ты что-нибудь придумашь.

Лицо ее осветилось.

— Я придумала, о, я придумала!

Она потянулась и подошла к фарфоровому столу. Потайная кнопка открыла экран связи, который, как она знала, не прослушивался автоматическими мониторами слежки ее дорогой тетушки. Это была единственная машина в поместье, чью схему она проверила сама. Она быстро отстучала короткую серию цифр, помчавшую ее вызов по особой и очень секретной системе ретрансляции к тому сектору пространства, с которым мало кто имел контакты.

В конечном итоге экран прояснился, и лицо начало обретать четкость.

— Ну, доброго света вам, Амувен ДЕ, и да будет в вашем доме всегда полно праха.

Лицо ААннского бизнесмена сморщилось в зубастой улыбке.

— Как всегда, как всегда. Очень рад снова видеть вас, госпожа Руд!

ГЛАВА 9

Флинкс уже несколько минут молча глядел в главный иллюминатор салона, отлично сознавая, что позади него кто-то есть. Но повернись он сразу, это породило бы ненужную неловкость. Он повернулся только сейчас, увидел двух ученых и понял, что заботиться ему было не о чем, оба не обращали на него никакого внимания. Они растянулись на шезлонгах и созерцали великолепный хаос искаженных двигателями небес. Не обращая внимания на их пристальные взгляды, призматическое великолепие текло дальше без изменений.

— Не беспокойся на счет нас, Флинкс. Мы пришли сюда ради того же, насладиться зрелищем.— Философ вновь перенес свое внимание к большому иллюминатору и искаженным эффектом Допплера солнцам, пылавшим намного резче, чем когда-либо могли светить в своем естественном состоянии.

Но сосредоточенность и настроение Флинкса были уже нарушены. Он продолжал стоять лицом к двум ученым.

— Сэры, вам не кажется странным, что когда столь многим бывает так трудно договориться друг с другом, вы, принадле-

жащие к двум предельно различным расам, сумели так хорошо поладить?

— Твои вопросы, юноша, боюсь, никогда не будут отличаться излишней деликатностью.— Цзе-Мэллори повернулся к транксу: — В былые времена мы с моим другом существовали довольно в тесной, можно даже сказать, интимной связи. Этого требовала наша работа. И не так уж мы сильно различаемся, как ты, возможно, думаешь.

— Я помню, вы несколько раз называли друг друга братьями по кораблю.

— Да? Полагаю, называли. Мы так и не привыкли к мысли, что другие могут счесть это необычным. Настолько это естественно для нас.

— Вы были артиллерийским расчетом?

— Нет,— ответил Трузензюкс,— мы летали на стингере. Маленьком, быстроходном, с одним средним проектором СККАМ.

— Что же касается наших отношений, не связанных с корабельной жизнью, Флинкс, то я не уверен, что мы с Тру можем дать тебе объективный ответ. Наши личности, кажется, просто-напросто дополняют друг друга. Всегда дополняли. Взаимопритяжение между людьми и транксами — это нечто такое, над чем не один год бились психологи обеих рас, да так и не дали удовлетворительного объяснения. Есть даже пары и группировки, которым становится физически плохо, если они надолго разлучаются со своей инородной половиной. И это, кажется, действует на обе стороны. Своего рода психологический симбиоз. Субъективно же, мы просто чувствуем себя друг с другом крайне комфортно. Ты знаешь о событиях, приведших к Слиянию, питаро-челанксийской войне и тому подобном?

— Боюсь, только разрозненные отрывки. Регулярное посещение школы — это нечто такое, что рано стало избегать меня.

— Гмм. Или, как я подозреваю, наоборот. Тру?

— Расскажи пареньку сам. Я уверен, что он найдет человеческую версию повести более приятной.

— Ладно. Люди и транксы знают друг друга сравнительно небольшой период времени. Сегодня в такое трудно поверить, но это правда. Разведкорабли обеих цивилизаций впервые встретились друг с другом немногим больше двух з-веков назад. К тому времени человечество пребывало в космосе уже несколько з-веков. За это время оно в ходе изысканий и колонизации планет столкнулось со многими чуждыми формами жизни. Разумными и нет. То же самое относилось и к транксам, пребывавшим в космосе даже несколько дольше, чем человечество.

С самого начала между двумя расами возникло некоторое взаимоприятие. Благоприятные реакции с обеих сторон намного перевешивали ожидавшиеся предубеждения и антипатии.

— Подобные чувства существовали также и на транксийских планетах,— вставил Трузензюэкс.

— Я думал, что рассказывать буду я.

— Извини, о всемогущий!

Цзе-Мэллори усмехнулся и продолжал:

— Транксы были столь же чуждой расой, как и все уже встреченные человеком. Стопроцентные инсектоиды, с твердым покровом, открытой системой кровообращения, фасетчатыми глазами, жесткими нестигаемыми сочленениями... и восемью конечностями. И они были яйцекладущими. Как выразился один тогдашний комментатор трилевидения: «Они были совершенно и великолепно странными».

— Если я правильно помню, ваш народ в то время тоже наделал немало глупостей,— пропищал философ. Цзе-Мэллори раздраженным взглядом заставил его заткнуться.

— По прошлому опыту можно было бы ожидать, что человеческая реакция на открытие расы гигантских насекомых будет враждебной или, по крайней мере, умеренно параноидной. Это оказалось стандартной формой взаимоотношений при всех предыдущих контактах. Человек на своей родной планете тысячи лет сражался с меньшими и более примитивными родственниками транксов. Фактически, хотите верьте, хотите нет, но первоначально слово «жук» имело дополнительный уничижительный смысл.

Но к тому времени человечество уже усвоило, что ему придется жить в мире и гармонии с существами, чья внешность может быть отталкивающей. Делу не помогало и знание, что многие из тех существ считали человека, как минимум, столь же отталкивающим на вид, какими человек считал их.— Он выжидающе поглядел на Трузензюэкса, но почтенный ученый — по крайней мере, временно — притих.— Поэтому действительная реакция между людьми и транксами оказалась вдвойне неожиданной. Две расы отнеслись друг к другу словно пара давно разлученных близнецов. Людей крайне восхищали такие черты транксов как спокойствие, способность к хладнокровному принятию решений, вежливость и парадоксальный юмор, так как они искали такие качества в себе. По тому же принципу транксов привлекало в людях безрассудство в соединении с расчетом, эгоистичная уверенность в себе и чувствительность к окружению.

Как только обе расы проголосовали по вопросу о Слиянии и одобрили его подавляющим большинством, несмотря на ожидаемое противодействие со стороны финансовых шовинистов, оно оказалось гораздо менее сложным, нежели думали даже оптимисты. Щелкающая речь транксов с сопутствующими посвистываниями имела на самом деле разумный фонетический эквивалент среди тысяч земных языков и диалектов.

— Африканские разновидности,— произнес словно про себя Труэнзюкс. — Коса*.

— Да. Транксы со своей стороны могли, правда, с трудом, овладеть главной человеческой языковой системой — земшарским. Конечным итогом огромных усилий фонетиков, семантиков и лингвистов с обеих сторон явился язык, который, будем надеяться, соединяет лучшие аспекты обоих. Щелчки, свист и некоторые из грубых скрежетаний ульречи сохранились в нетронутом виде, наряду с большинством более плавных гласных звуков земшарского. Получилось то, что вероятно, ближе всего к универсальному языку, за исключением телепатии, из всего, что у нас когда-нибудь появится: симворечь. К счастью для деловых отношений, большинство других рас с голосовым аппаратом тоже могут сносно овладеть ей, по крайней мере, настолько, чтобы с ними можно было договориться. Даже ААнны, которые, как оказалось, освоили ее лучше многих.

Мигом возникло и распространилось общество взаимного восхищения. Весьма скоро оно перекинулось и на другие аспекты нового челанксийского образа жизни. Наши политики, судьи и законодатели не могли не восхититься красотой и простотой, с которой соединились у транксов правительство и право. Это практически произведение искусства, построенное, как оказалось, из самой старой структуры Улья. Не то чтобы она так уж отличалась от древнейших человеческих муниципалитетов и народов-государств. Просто несколько разумней. Транксийские юристы и магистраты вскоре расчистили массу завалов, забивших человеческие суды. Помимо присущего им высочайшего природного чувства справедливости, их никто никоим образом не мог обвинить в каком-либо пристрастии.

С другой стороны, спорт земного происхождения совершенно революционизировал самую большую проблему транксов, проблему досуга. Они просто не представляли, что существует столько организованных способов развлечься. Когда они открыли для себя шахматы и дзюдо, с запуском «блингов» и тому подобным сразу покончили.

* Коса — южноафриканское племя банту.

— Черный пояс третьей степени,— гордо заметил Трузензюзекс.— Хотя я и малость поскрипываю от такой деятельности.

— Я заметил. Я мог бы продолжать и продолжать, юноша. Человеческие планеты завалили изысканными образцами тонкого мастерства транксов. Механизмами, ремесленными изделиями, домашней автоматикой, сложной электроникой и так далее. Даже цвет тел обеих рас был взаимоприятным, хотя запах транксов имел решительное преимущество над человеческим.

— Тут спорить нечего,— пропыхтел философ. И заслужил за это еще один острый взгляд.

— Когда транксы заполучили земную литературу, живопись, скульптуру и такие, кажется, никак не взаимосвязанные вещи, как мороженое и детские игрушки... короче, две расы слились просто изумительно хорошо. А о величайших челанксийских достижениях, модифицированном КК-двигателе ты должен знать.

Но величайшим толчком к Слиянию, наряду с питаро-челанксийской войной, было образование Объединенной Церкви. Среди обеих рас существовали мощные, относительно новые группы со схожими верованиями. Когда они узнали о существовании друг друга, об инородной организации с практически идентичной теологией и целями, то вскоре образовали союз, быстро одолевший всех, кроме самых консервативных членов старых утвердившихся церквей. В немалой степени сила Объединенной Церкви заключалась в том, что она настойчиво называла себя нерелигиозной организацией. Впервые народ мог получить духовное руководство высшего уровня без обязательного исповедания веры в Бога. В те времена это было настоящей революцией.

— Насколько мы можем судить,— вставил Трузензюзекс,— она все еще уникальна в том плане, что является единственным многорасовым духовным учреждением в Галактике. В ней есть члены и других рас, помимо людей и транксов.

— Боюсь, что я к ней не принадлежу,— сказал Флинкс.

— Меня это не тревожит. Церковь это действительно меньше всего волнует. Прозелитизм ей, знаете ли, чужд. Она чересчур занята важными делами. Разумеется, она будет рада иметь вас или любого другого в качестве нового члена, но вы должны прийти сами. Гора должна идти к Магомету, потому что Магомет достаточно занят в своей епархии!

— Что? — не понял Флинкс.

— Забудь об этом. Архаическое выражение. Даже наш материалист-капитан — член Церкви.

— Я об этом догадался. Верит ли он также в Бога?

— Трудно сказать,— задумчиво проговорил Цзе-Мэллори.— Меня больше волнует, верит ли Бог в него, потому что у меня есть предчувствие, что прежде чем закончится это путешествие, нам понадобится любая внешняя помощь, какую мы только сможем заполучить.

— Да, а как насчет питаро-челанксийской войны? — вспомнил Флинкс.

— Ах, это. Гмм. Завтра, а? Сейчас мне не помешает выпить рюмочку. Не читал так много лекций с... очень давних времен.

Верный данному слову, на следующее утро он продолжил свою повесть за чаем с пирожными. Да, кроме всего прочего, в космосе быстро начинаешь скучать. Число его слушателей, однако, возросло, поскольку в салоне сидели теперь все, кроме Вульфа. Пришла его очередь нести вахту.

— Я знаком с подробностями,— вставил Малайка, по-хозяйски обхватив рукой талию Сиссиф.— Но думаю, что с удовольствием послушаю, как расскажете вы. Я знаю, что мои версии неверны! — и оглушительно расхохотался.

— Итак,— начал Цзе-Мэллори, бессознательно подражая капитану.— Спустя примерно пять з-десятилетий после первоначального контакта землян с транксами, отношения между двумя цивилизациями росли в геометрической прогрессии. Однако обе стороны все еще осторожничали друг с другом. Контакт между двумя религиозными группами находился еще в стадии образования, а слияние было мечтой в умах немногих выдающихся провидцев обоих рас. Их еще сильно превосходили в численности «патриоты» с обеих сторон.

Потом произошел первый контакт землян с питарами. Эта раса занимала две густонаселенные планеты в секторе Ориона. Они были совершенно неожиданным фактором. Чужая раса, схожая с людьми на девяносто шесть и три десятых процента. Действительно достопримечательное и пока до сих пор несравненное совпадение по форме. Внешне они практически не отличались от людей. С виду они весьма близко подошли к земному идеалу. Мужчины: высокие, красивые, мускулистые и исключительно хорошо сложенные. Женщины: на сто процентов женственные и, по меньшей мере, столь же привлекательные, как и мужчины. Человечество прошло короткую истерическую фазу, когда все даже отдаленно питарское становилось объектом подражания. Сами питары казались достаточно сердечными, если и чуточку нервными и эгоцентричными. Обе расы обменялись безграничными обещаниями о взаимной помощи и вечной дружбе.

У питаров было высоконачное общество, и в некоторых областях их исследования удивительно близко совпадали с земными. В вооружении, например. Причины этого очевидного раздвоения в их кажущейся миролюбивой цивилизации стали ясны позже. Чересчур поздно. Оно также явно имело диспропорциональное влияние на их общественную организацию.

Человеко-питарская дружба прогрессировала со скоростью, сравнимой с человеко-транксийской. Спустя несколько лет после первого контакта каботажный грузовоз случайно забрел к большой, но расположенной в стороне от главных торговых путей человеческой колонии. К Дереву, или как она больше известна теперь, Аргус V. Вся колония, примерно шестьсот тысяч душ была полностью и безжалостно стерта с лица земли неизвестной формой жизни. На всей планете не осталось в живых ни одного мужчины, женщины или ребенка. Особенно бросалось в глаза отсутствие трупов женщин. Причину этого тоже открыли позже. Ну, посыпались выражения сочувствия со стороны других разумных рас, включая питаров. Они казались возмущенными до предела, как и все прочие. Большинство рас выслало тогда разведчиков попытаться обнаружить эту новую и опасную чужеродную расу, прежде чем сами станут жертвами подобной жестокости.

Два месяца спустя на орбите вокруг одной из двух лун опустошенной планеты нашли человека в древней спасательной шлюпке. Крейсер уноп-пата — вы знаете эту расу? — патрулировал там в то время просто из любезности и случайно залетел в диапазон действия слабого передатчика шлюпки. Они никогда раньше не встречались с сумасшедшими людьми и сильно недоумевали, что с ним делать, пока не смогли наконец передать ближайшим человеческим властям. Ими, по случаю, оказалась большая исследовательская группа, прочесывавшая Дерево в поисках ключа к происшедшему. После месяца интенсивной терапии психику парня удалось восстановить до степени почти вразумительной речи.

Им потребовалось некоторое время для уяснения смысла его рассказа. Рассудок его сильно сошел с резьбы от месяцев беспомощного дрейфа в космосе, страхов встретить вражеский корабль и от того, что он увидел на самой планете. Просто счастье, что у него не хватило смелости совершить самоубийство. Рассказанная им страшная повесть с тех пор не раз публиковалась, и я лично нахожу ее отвратительной и поэтому опушу кровавые подробности.

Враг нанес удар без предупреждения, обрушив смерть на неподготовленное население. Не имевшая регулярных военных

сил — ни нужды в них — планета оказалась совершенно беспомощной. Попробовали было пустить в ход полицейские катера, но они, как и следовало ожидать, оказались бесполезными. Все призывы к милосердию, переговорам или принятию капитуляции встречали тот же ответ, что и яростное сопротивление.

Когда всякое сопротивление было подавлено и полностью уничтожена или забита межзвездная связь, захватчики высадились на кораблях смутно знакомых очертаний проверить, что осталось от разгромленной колонии.

Наш единственный уцелевший был столь же удивлен, как и все прочие, когда скрытые трехмерные экраны сфокусировались на шлюзах десантных челноков, и из них хлынули войска питаров. Они безжалостно уничтожали человеческое население, обращаясь с людьми так, словно те были самыми низшими, самыми мерзкими организмами во вселенной. Они прихватывали с собой немногие ценности и тому подобное, но, по большей части, казалось, наслаждались убийством просто из любви к нему. Как ласки на Земле. На этом этапе рассудок пациента снова начал шарахаться прочь от реальности. Лечившие его психиатры считали, что если бы он остался нормальным, то никогда не смог бы справиться с стрессами, навалившимися на его мозг из-за побега. Вроде четырех дней без еды и тому подобного. Питары работали основательно. Они имели детекторы жизни и отыскивали уцелевших, как бы хорошо те ни спрятались.

Наш информатор жил в небольшом городке неподалеку от экватора планеты. Когда-то он служил механиком на корабле и купил маленькую устаревшую спасательную шлюпку, с которой любил возиться в свободное время. Опять же требовалось быть сумасшедшим, чтобы предположить, что эта развалюха сможет когда-нибудь добраться до ближайшей луны. Прежде чем вражеские войска добрались до его района, он сумел перенести на крошечную шлюпку провиант и осуществить успешный взлет. Боевые корабли на орбите явно больше не ожидали никаких судов с поверхности планеты. Все космопорты уже были уничтожены, а все коммерческие КК-корабли на парковочной орбите расплыли на атомы, когда они пытались бежать, или же захватили питарские призовые команды. Никто не думал о попытке бежать просто в космос. Луны непригодны для обитания, и в той системе нет никаких других планет, способных поддерживать человеческую жизнь. Или, возможно, у них не было аппаратуры, способной засечь столь крошечную и устаревшую систему двигателя, как у него. Так или иначе,

он безопасно проскочил через их повернутые наружу экраны на замкнутую орбиту вокруг первой луны. Он вообще не ожидал, что его подберут. Все, о чем мог думать его помешанный мозг, это о том, как бы убраться подальше от мерзости внизу. Спасли его по чистой случайности.

Такова была суть его повести. Среди тошнотворных деталей, выуженных у него зондами, было и то, что питары сделали с телами убитых женщин. Это было настолько отвратительно, что власти попытались скрыть факты от широкой общественности, но, как это обычно происходит в подобных случаях, слух просочился. Последовавший взрыв был сильным и широко распространённым. Войну даже и не объявили формально. Потому что большинство членов Земного Конгресса были офицерами запаса и бросились к своим кораблям. *

Собралась гигантская армада и рванулась в питарскую звездную систему. К большому удивлению всех, питары сумели удержать свои позиции со спутниковых и планетных баз. В космосе их корабли не могли тягаться с человеческим флотом, вдобавок к тому, они сильно уступали ему в численности, но питары учитывали возможность такого развития событий и их ученые установили оборонительно-наступательную сеть, которую не могло пробить вооружение звездолетов. Все свелось к войне на истощение сил, которую питары надеялись выиграть, сделав ее слишком дорогой для того, чтобы хоть кто-то мог выдержать. В результате их фактически блокировали от остальной вселенной или, как имели обыкновение выражаться наиболее вежливые, поместили в состояние «принудительного карантина».

Похоже было на то, что такое положение могло сохраняться бесконечно долго. То есть до тех пор, пока к делу не подключились транксы. Подобно большинству разумных рас, транксы прослышали о деталях резни на Аргусе V. Однако в отличие от большинства других, они твердо решили сделать что-то более эффективное, чем установление блокады. Последней каплей, с точки зрения транксов, послужило то, что питары сделали с человеческими самками. На транксийских мирах самка считается объектом преклонения и символом беспомощности даже больше, чем на самых галантных из гуманоидных. Это наследие их древних предков, когда надо было защищать и кормить одну яйцекладущую царицу-матку. Поскольку эта позиция стала образом жизни, то понятно, почему именно земные самки и самки других гуманоидных рас, общавшихся с транксами, оказались среди первых проповедниц идеи Слияния.

Поэтому транксы добавили свои флоты к человеческим. Сперва это не произвело никакого эффекта, помимо усиления

и так уже почти совершенной блокады. Затем человеко-транксийские группы ученых сделали свои первые крупные открытия по системам КК-двигателей, комплексу оружия СККАМ и другим. И, наконец, изобрели устройство, способное успешно проникать сквозь боевую сеть питаров. Его применили. В это время среди челанксийских ученых было желание попытаться сохранить для изучения хоть один осколок питарской цивилизации. Они наделись найти объяснение их расовой паранойе. Однако при тех чувствах, что царили на человеческих планетах, это оказалось невозможным. Есть также некоторые причины считать, что и сами питары не допустили бы этого. Так сильно они упали духом. В любом случае, они дрались до последнего города.

Остались три планеты, выжженные и пустые. Одна человеческая, две питарские. Их нечасто посещают, разве что любопытные да испытывающие тягу к острым ощущениям.

Научные экспедиции, работавшие на развалинах питарской цивилизации, пришли к выводу, что эта раса была совершенно неспособна принять или усвоить такие понятия как милосердие, сочувствие, открытость, равенство и схожие с ними абстрактные концепции. Они считали себя единственной расой во вселенной, заслуживающей права на существование. Коль скоро они сумели украсть все знания, какие могли позаимствовать у варваров-людей, они решили уничтожить их. Следующими в их программе ликвидации стали бы другие разумные расы галактики, включая транксов. По сравнению с ними наши недавние современные конкуренты, ААнны, положительно пацифисты.

К счастью, в большинстве аспектов питары и не приближались по остроте ума к ААннам. Развитие их вооружений намного превзошло расовую зрелость, а сомнение — ум. Я часто гадал, была ли питарско-челанксийская война единственным толчком к Слиянию. Ведь были и общая ненависть к питарам, и испытываемая человечеством благодарность за помощь транксов, и страх, что где-то среди звезд может существовать другая компания убийц-психопатов, вроде питаров.

Когда Цзе-Мэллори закончил, в салоне стало очень тихо.

— Ну,— прервала наконец мрачно-задумчивое молчание Ата,— настала моя очередь нести вахту. Мне лучше пойти сменить Вульфа.— Она поднялась с шезлонга и направилась к выходу.

— Ндийе, ндийе.— Коммерсант нагнулся вперед и посмотрел на Сиссиф.— Пошли, моя пакадоге, кошечка. Мы только наполовину одолели эту твою великолепную книгу, и я жду не

ждущу увидеть, чем там обернется дело. Даже если она по большей части из картинок. Вы извините нас, господа?

Девушка, хихикая, вывела его из салона.

Цзе-Мэллори принялся устанавливать уровни для доски психологических шахмат, в то время как Трузензюекс начал тасовать карты и расставлять синие, красные и черные фигуры.

Флинкс поднял взгляд на социолога:

— Сэр, вы ведь не участвовали в питаро-челанксийской войне, не правда ли?

— Чистое Движение, юноша, конечно, нет! Признаю, я пожилой человек и даже старый, но не настолько же! Мой дед, однако, участвовал. Как я полагаю, и все наши предки того времени, тем или иным образом. Разве твои — нет?

Флинкс поднялся и слегка отряхнул штаны. мех ковра имел привычку приставать.

— Извините меня, пожалуйста, сэры. Я вспомнил, что не накормил сегодня Пипа ужином, а мне бы не хотелось, чтобы он стал раздраженным и начал покусывать меня за руку.

Он повернулся и направился к коридору. Цзе-Мэллори с любопытством посмотрел ему вслед, а затем пожал плечами и вернулся к игре. Ходить выпало ему.

ГЛАВА 10

Пока не возникало никаких неприятностей. Первый признак их появился спустя три корабельных дня.

Малайка находился в рубке, проверяя с Вульфом координаты. Трузензюекс застыл в своей каюте в трансе медитации. Он применял эту технику всякий раз, когда желал обдумать проблему, требующую крайней сосредоточенности. А иногда и просто для того, чтобы расслабиться. В таком состоянии ему требовалось меньше телесной энергии. В салоне Цзе-Мэллори пытался объяснить Флинксу особенности семантической загадки. Поблизости сидела Ата, пытаясь от скуки обставить саму себя в древней игре под названием Моно-Полия. Она перемещала непонятные маленькие фигурки и символы, совершая ходы, всегда казавшиеся Флинксу до скуки повторяющимися. Все шло нормально, пока в салон не вошла, раздраженно топая, скупающая Сиссиф, выставленная из Рубки занятым Малайкой. За ней развевался шлейф прозрачных псевдокружев.

— Это место тоскливое! Тоскливое, тоскливое, тоскливое! Тут все равно что... все равно что жить в гробу! — Несколько минут она тихо кипела. Когда никто не удосужился обратить на нее свое внимание, она переместилась поближе к центру салона. — Что за коллекция! Два пилота, два яйцеголовых и мальчишка с ядовитым червяком в качестве приятеля!

Пип внезапно поднял голову и сделал недружелюбное движение в сторону девушки. Флинкс погладил его по затылку, чтобы тот расслабился и напряжение частично покинуло длинные мускулы. Его собственная реакция была слабее, так как он учел неуверенность в себе и смущение в уме девушки.

— Это рептилия и не имеет никакого отношения к...

— Рептилия! Червяк! Какая с того разница? — Она надула губы. — И Макси не позволяет мне даже смотреть, как он играет со всеми этими миленькими координатами, стандартами и прочим! Он говорит, что я «отвлекаю» его. Можете себе представить? Отвлекаю его?

— Я тоже не могу представить, с чего бы это, моя милая, — пробормотала Ата, не отрываясь от игры.

Обыкновенно Сиссиф пропустила бы ее слова мимо ушей. За время пребывания в Дралларе у нее было более чем достаточно времени, чтобы привыкнуть к язвительности Аты. Но скука долгого полета в соединении с накопившимся раздражением заставили ее вспыхнуть.

— Предполагается, что это какое-то фигуральное выражение?

Ата все еще не отрывалась от игры. Она, несомненно, ожидала, что Сиссиф, как обычно, отмахнется от ее замечания и бросится вон из салона в притворном гневе.

— Примерно так.

— А твой язык, — подхватила, пародируя ее речь, Сиссиф, — немного слишком «скверный»! — И быстро ткнула коленом столик с игрой. Будучи складным и не привинченным к корпусу корабля, тот легко опрокинулся. Маленькие металлические предметы и пластиковые карточки полетели во всех направлениях.

Ата, не двигаясь, плотно зажмурила глаза, а потом медленно снова открыла их. Она непринужденно повернулась лицом к Рыси, глаза ее находились на уровне коленей девушки.

— Мне думается, милая, что если мы собираемся продолжить этот разговор, то лучше заняться этим имея равные возможности.

Рука ее метнулась вперед и схватила удивленную Сиссиф за колени. Та испустила пораженный визг и со стуком села. С

этого момента их тела, казалось, настолько слились, что Флинкс с трудом мог различить, где кто. Мысли их не поддавались расшифровке. Начался, так сказать, ненаучный бой, бой без правил. Цзе-Мэллори оставил свою головоломку и сделал похвальную, хотя и опрометчивую, попытку прекратить схватку. Все, что он получил за свои старания — это длинная царапина на щеке. В этот миг в передних дверях появился Малайка, спешно вызванный мягким мысленным побуждением Флинкса. Он с полувзгляда понял всю сцену:

— Что здесь, во имя непристойности семи адов, происходит?

Даже знакомый рев не произвел ни малейшего впечатления на сражавшихся, слишком углубившихся теперь в свою работу, чтобы замечать мольбы всего лишь смертных. Коммерсант двинулся вперед и сделал попытку разделить пару. Фактически, несколько попыток. Это было все равно что совать руки в смерч. Потерпев неудачу, он отступил.

Чем дольше живешь на нижних уровнях Драллара, тем больше приобретаешь знаний о элементарной человеческой психологии. Флинкс произнес громко, но ровно, вкладывая в свой голос как можно больше отвращения:

— Вот это да, если бы вы только знали, как смешно выглядите!

Он также рискнул дать краткую мысленную проекцию двух сражающихся, соответственно приукрасив ее.

В салоне мигом воцарился мир. Вихрь волос, зубов, ногтей и порванной в клочья одежды внезапно остановил свое вращение и распался на два отчетливо различимых тела. Обе тупо уставились на Флинкса, а затем неуверенно — друг на друга.

— Спасибо, киджана. Я знал, что ты кое на что годишься, но твоим талантам явно нет предела. — Малайка протянул руки вниз и схватил обеих девушек за остатки воротников, подняв их за шиворот, словно пару упрямых котят. Девушки молча прожигали друг друга взглядами и казались вполне готовыми начать все заново. Почувствовав это, он так сильно встряхнул их, что у них лязгнули зубы и свалились туфельки.

— Мы ведем миллиардную охоту в редко посещаемой территории за чем-то таким, из-за чего любая фирма в Галактике, стоит ей только пронюхать, с радостью перережет мне глотку, а вы мванамкевиву, кретинки, идиотки, не можете и месяца прожить мирно! — Он снова встряхнул их, хотя и не так яростно. Теперь обе, судя по их виду, были не в настроении драться. — Если это случится снова, я выброшу

вас обеих, кусающихся и царапающихся, если вы этого хотите, из ближайшего шлюза! Почятно?

Две женщины молча уперлись взглядами в пол.

— Ау идию ау ла! Отвечайте сейчас же! — Голос громом прокатился по салону.

Наконец Сиссиф почти неслышно пробормотала:

— Да, Макс.

Он обратил смертоносный взор к Ате.

— Да, сэр,— тихо произнесла она.

Малайка продолжил бы внушение, но Вульф выбрал именно этот момент, чтобы заглянуть в помещение:

— Капитан, я думаю, вам лучше пойти посмотреть на это. На экранах появился предмет или предметы, про которые я сказал бы, что это корабль или корабли. Я хотел бы услышать ваше мнение.

— Нини? — взревел, резко поворачиваясь, Малайка.— Что? — Он выпустил обеих женщин. Обе стояли тихо, пытаясь хоть мало-мальски привести в порядок свою одежду. Периодически каждая бросала взгляд исподлобья на другую, но в данную минуту обе были основательно сконфужены.

— Похоже, он приближается к нам, сэр. Я желал бы, чтобы вы пошли посмотреть... сейчас же.

Малайка повернулся лицом к недавним драчуням:

— Ата, приведи себя в порядок и дуй в Рубку... упеси! Сиссиф, возвращайся в свою каюту и оставайся там.— Обе спокойно кивнули и отбыли в разных направлениях.

— Социолог, пойдите и вытащите своего друга из этого полусна, или как там он его называет. Я хочу, чтобы вы оба были в полном сознании на случай, если произойдет что-то неблагоприятное. У меня такое предчувствие, что вы оба обладаете, по крайней мере, некоторым опытом по части корабельных маневров в глубоком космосе?

Цзе-Мэллори быстро шел к каюте Трузензюзекса. Теперь он остановился и улыбнулся в ответ рослому торговцу.

— В некотором роде,— спокойно согласился он.

— Прекрасно. О, киджана? — Флинкс поднял голову.— Не спускай глаз с этого своего приятеля. Все здесь может немного запрыгать. Я не знаю, насколько возбудим этот чертенок, но я не хотел бы, чтобы он путался под ногами и нервировал занятых людей.

— Да, сэр. У вас есть какие-нибудь догадки, что это такое?

— И да, и нет. И боюсь, что по всей вероятности окажется первое. А это плохо.— Он задумчиво помолчал.— Ты можешь пройти в Рубку, если хочешь, покуда следишь за своим змеем.

Скажи нашим ученым пассажирам, что они тоже могут, если пожелают. Места там хватит. Я не хочу видеть в Рубке только Сиссиф. У этой милой пакадого есть склонность впадать в истерику, когда положение кажется ей неуправляемым, а она не может пустить в ход пальчик... и другие великолепные штучки для устранения этого безобразия. Но я думаю, что другие захотят быть рядом, когда мы выясним, что есть что. И они могут помочь своими предчувствиями. Я высоко ценю предчувствия. Кстати, не можешь ли ты ответить на свой вопрос за меня?

Флинкс сосредоточился. «Оно» было далеко, но кругом на много световых лет не имелось ничего другого, и поэтому дошло очень даже сильно. «Оно» было злобной/странной картиной сухого воздуха, солнца, крови/вкуса соли/облегчения, целиком окутанной холодными, ясными, словно растаявший снег, мыслями, подходящими только к одному виду...

Он поднял взгляд, моргая глазами. Коммерсант внимательно следил за ним с довольно-таки озабоченным видом. Флинкс почувствовал бисеринки пота у себя на лбу. И произнес одно слово, потому что его было достаточно:

— ААнн.

Коммерсант задумчиво кивнул и повернулся к двери.

ГЛАВА 11

Точка, указывающая на действие поля позигравитационного двигателя, стала теперь четкой и находилась далеко «справа» от них, примерно под девяносто градусов к плоскости их курса. Двигалась она, определенно, курсом на сближение. Они все еще не могли быть уверены, что это такое, но, по меньшей мере, один мозг занимал схожую площадь в пространстве.

Флинксу вспомнился процитированный кем-то однажды древний афоризм. Если он не ошибался, там речь шла о двух людях, старом и молодом. Младший сказал: «Никаких новостей — хорошая новость», а другой, земной святой мудро ответил: «Это не всегда верно, мой юный друг. Рыбак не считает, что ему повезло, если у него не клюет». Флинкс не был уверен, что эта притча была подходящей аналогией для данного момента, так как обнаружил, что не согласен со святым.

— Их двое, капитан,— сказал Вульф.— Смотрите...

И верно. Даже Флинкс увидел, что когда большая точка приблизилась, она разделилась на две отчетливые крапинки. Одновременно он почувствовал множество разумов, схожих с первым замеченным им, хотя и намного слабее.

— Два корабля,— произнес Малайка.— Значит, моя единственная догадка ошибочна. Раньше тени. А теперь все во мраке. Усику. И все же, это может быть...

— А какой была ваша догадка, Максим? — спросил Трузензюзекс.

— Я подумал, что один мой конкурент — определенный конкурент — пронюхал о вашем открытии больше, чем мне думалось первоначально. Или что произошла утечка определенных сведений. Если верно последнее, то я бы заподозрил, что кто-то на этом корабле шпион.— Присутствующие обменялись быстрыми беспокойными взглядами.— Такая возможность все еще остается, но теперь я менее склонен подозревать это. Я не знаю ни одного концерна в Рукаве, ни того, о котором я думаю, ни даже «Дженерал Индастриз», который мог бы себе позволить бросить два корабля на то, что имеет очень приличный шанс оказаться бесприбыльным предприятием, основываясь на всего лишь подложной информации из вторых рук. Даже ААннская корпорация-гнездо на это не пойдет.

— В таком случае,— сказал Цзе-Мэллори,— кто же наши гости?

— Не знаю, социолог, хата кидога. Совершенно не представляю. Но мы, несомненно, вскоре выясним. Они того и гляди окажутся в диапазоне приема, если уже не оказались. Будь в этом районе ретрансляционная станция, мы могли бы выяснить это раньше, допуская, конечно, что они пожелали бы дать нам знать о своем присутствии и достаточно точно знали бы, где мы находимся. Мне думается, что это сомнительно...

Ата умело манипулировала с датчиками и переключателями.

— Я все открыла нараспашку, сэр, и если они пошлют нам луч, мы его безусловно уловим!

И они уловили.

Появившееся на экране лицо, благодаря заблаговременному предупреждению Флинкса, никого не потрясло, а вот носимое им одеяние — да, так как оно оказалось совершенно неожиданным.

— Доброе утро вам, «Славная Дырка»,— произнес желтолицый ААннский офицер-аристократ, смотревший на них с экрана.— Или какой там период дня вы переживаете в данный момент. Капитаном, я полагаю, является знаменитый и прославленный Максим Малайка?

— Озадаченный и любопытствующий Максим Малайка вас слушает, если вы именно это имели в виду. — Он двинулся в центр диапазона камеры передатчика. — Вы на одно очко впереди меня.

— Извиняюсь, — сказала фигура. — Меня зовут Рииди ВВ, Второй Барон Тиртона Шесть, офицер Четвертого Флота Всекосмических Оборонительных Сил Императора Маана. Мой корабль называется «Арр», и нас сопровождает в путешествии его корабль-собратье «Унн».

Малайка произнес в направлении микрофона общей связи:

— Это же надо. Ваша мать, должно быть, отличалась могучими легкими. Вы, ребята, оказались немного в стороне от своих обычных трасс, не так ли?

Лицо барона отразило легкое удивление. Как подозревал Флинкс, это была насмешка.

— Право, капитан! Зараженная Зона — пространство незанятое и открытое для всех. Здесь есть много прекрасных, пригодных для колонизации свободных планет, доступных для любой вышедшей в космос расы. Хоть и верно, что в прошлом правительство Его Величества больше занималось внешней экспансией, при случае поиск исключительно многообещающих планет проникает иногда и в такую даль.

— Очень четкое и на вид правдоподобное объяснение, — прошептал Малайке Трузензюекс за пределами диапазона аудиовизуального приема.

— Да, — прошептал в ответ коммерсант. — Я тоже не верю ни единому его слову. Вульф, измени курс на сорок пять градусов Х-плюс.

— Готово, капитан.

— Всегда приятно услышать от кого-то передачу посреди пустоты, и я уверен, что двух эсминцев Его Величества окажется более чем достаточно для любой «исключительно многообещающей» планеты, какую вам может случиться найти. Желаю вам удачи в ваших старательских поисках.

— Ваше пожелание успеха принято в том же духе, в каком оно дано, капитан Малайка. В ответ я хотел бы предложить гостеприимство моего корабля и экипажа, а в особенности нашего камбуза. Мне достаточно повезло иметь на борту шеф-повара, способного творить чудеса с национальной кухней тридцати двух различных систем. Этот парень — настоящий кудесник и будет рад иметь возможность продемонстрировать свои таланты перед такими знающими гурманами, как вы.

Рубку прорезал тихий шепот Вульфа:

— Они сменили курс в соответствии с нашим, сэр. А также прибавили скорость.

— Сохраняй прежний курс. И прибавь-ка скорость... до их уровня. Но сделай это тонко, м-ва-на-муне, тонко! — И снова повернулся к экрану:

— Истинно любезное предложение, барон, и обыкновенно я счел бы его большой честью и с удовольствием принял. Однако, боюсь, что обстоятельства побуждают меня отклонить данное предложение. Видите ли, прошлым вечером нам подали на ужин рыбу, и я уверен, что она была приготовлена гораздо хуже, чем это сделал бы ваш шеф-повар, и поэтому сегодня мы страдаем от жестоких болей в нижней части пищеварительного тракта. Если можно, я отложу ваше доброе приглашение до более удобного случая.

А дальше от микрофона прошептал:

— Все остальные расходитесь по каютам и пристегнитесь. Я постараюсь держать вас в курсе происходящего по вашим внутренним корабельным экранам. Но если вам придется немного поболтаться, я не хочу, чтобы вы портили мою деревянную обивку и пачкали мои ковры!

Флинкс, Цзе-Мэллори и Трузензюекс дружно рванулись к выходу, заботливо оставаясь за пределами диапазона трехмерной видеокамеры. Но Трузензюекс не мог устоять перед желанием поиздеваться над давним врагом. Транксы имели дело с ААннами задолго до человечества.

Он сунул голову в диапазон приема и крикнул:

— Знай, о пескоед, что я уже отведал ААннской кухни, и мое горло сочло ее наждаком для неба. Обедающие камнями быстро приобретают их же психические способности!

ААнн ошетинился, чешуя вдоль шейного гребня встала дыбом.

— Слушай, ты, выползший из грязи, предупреждаю, что...!

— Он оборвал фразу посреди ругательства и усилием воли вновь овладел собой. — Я сохраняю вежливость, хотя ваш корабль она явно покинула, капитан. Будь по-вашему. Вы, знаете ли, не можете убежать от нас. Теперь, когда мы в пределах легкой досягаемости, мои операторы приложат все усилия, чтобы не потерять вас. Наше приближение к вам на минимальное расстояние будет лишь вопросом времени. В данный момент я буду надеяться, что вы еще раз обдумаете мое действительно исключительно вежливое и щедрое приглашение и снизите свое поле. Иначе, — мрачно заключил он, — я очень сильно опасаюсь, что мы вынуждены будем вскрыть вас, словно банку с зит-пастой.

Экран внезапно опустел.

Флинкс в своей каюте лег на койку и начал пристегиваться аварийными ремнями, постоянно прикрепленными к ее краям. Он велел Пипу устроиться рядом с его левой рукой, обвинившись вокруг ограждения на этой стороне постели. И посоветовал ему вести себя тихо. Змей, чувствуя, что происходят важные события, сделал, что ему велели, с минимумом беспокойства и суеты.

Закончив экипировку и устроившись в достаточно удобной позе, насколько это вообще возможно при стягивающих жестких ремнях, он включил небольшой экран, свисавший с потолка каюты. Тот мгновенно обрел четкость, открыв работающих в Рубке Малайку, Ату и Вульфа. И невольно начал вспоминать более знакомые виды и запахи. Это смутило его, но в тот миг он больше всего желал бы снова очутиться дома в Дралларе, жонглировать перед восхищенной толпой и заставлять мальчишек смеяться, сообщая им, в кого они тайком влюблены. То, что он смог уразуметь из мнений/мыслей ААннского командующего, не сулило ничего приятного. Чувство это внезапно исчезло, словно по его мозгу прошлись мокрой тряпкой, и он мрачно приготовился ждать.

В огромной, экзотически меблированной каюте, служащей ее покоями, Сиссиф лежала одна на большой постели, свернувшись в ремнях калачиком. Она чувствовала себя очень одиноко. Приказ пристегнуться ремнями был отдан жестким, не терпящим никаких возражений тоном, которого Макси никогда раньше с ней не позволял себе, и она испугалась. Роскошное личное снаряжение, витиеватая резная мебель, разбросанная по каюте дорогая одежда показались вдруг столь же легкомысленными и ветренными, как детские игрушки. Она знала, она просто знала, когда решила попытаться заменить ту другую маленькую ведьму — как там ее звали? — в качестве постоянной Рыси Малайки, что обязательно случится что-то ужасное, вроде этого. Она знала это!

Коммерсанты так чертовски непредсказуемы!

Она не станет включать экран связи с Рубкой и остальным кораблем. Пусть поживет немного без нее! Вместо этого она погрузилась как можно глубже в подушки из желтого шелка и пообещала себе, что если переживет это ужасное жуткое путешествие в никуда, то обязательно найдет себе какого-нибудь милого стопятидесятилетнего старика... на пороге смерти. Престарелого, богатого, с которым она может ожидать тихой, удобной, короткой брачной жизни... и долгого богатого вдовства.

Бран Цзе-Мэллори спокойно лежал на своей койке, повторяя сто пять аксиом Безразличного Созерцания. Первоначально их

изобрел один блестящий аспирант с целью помочь нервничающим студентам расслабляться на экзаменах. Они должны сглотить и в других ситуациях. Например, при нынешней. Но как бы упорно он ни старался, ему не удавалось продвинуться дальше двадцать первой. Она продолжала вновь и вновь повторяться у него в голове каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на двадцать второй.

«Человечество, должно быть, самая самодовольная раса во вселенной, ибо кто еще станет верить, будто у Бога нет лучшего занятия, чем сидеть круглые сутки и помогать ему выпутываться из затруднительных положений?»

Мысль эта была недостойна того, кто должен был смягчиться за последние годы, но как, ах, как он желал ощутить в руках гашетку пушки, любой пушки. Они рефлекторно сжимались и расслаблялись, оставляя глубокие борозды на мягком одеяле.

Эйнт Трузензюекс спокойно лежал на своем модифицированном шезлонге, полностью вытянув ноги и скрестив на груди стопы и иступки в надлежащей позе «У». Он пытался держать половину своего ума сфокусированной на корабельном экране, в то время как другая монотонно зачитывала ритуальные слова.

— Я, Тру из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс, сим молю, чтобы я не навлек бесчестия на своих предков. Я, Тру из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс, сим молю, чтобы в грядущее время Бедствий я мог оказать честь своей первой матери, матери клана и матери улья. Я, Тру из семейства Зен, клана...

Ата Мун и человек по имени Вульф думали совсем об ином. Они были чересчур заняты для всего прочего. А Максим Малайка, отвечавший за них за всех, тоже был занят по горло. К тому же, он был слишком напуган, чтобы иметь время для таких вещей как беспокойство. В его мысли ворвался Вульф:

— Они приблизились до расстояния в пять тысяч, сэр. При такой скорости они через пять-десять минут будут в пределах действия корпускулярного луча.

— Чуви! И прочие невыразимые! Черт подери!

Ата обеспокоенно поглядела на него:

— Неужели мы не можем попробовать увернуться от них, Максим? Я хочу сказать, капитан?

— Да, хаша, Ата. Никоим образом. Это ААнские эсминцы. Они построены так, чтобы догонять и щелкать корабли побыстрее нашего. «Славная Дырка» — каприз богача, а не военный корабль. Но она довольно-таки скоростная, шарти. По необходимости. При любом приличном расстоянии между нами во время первоначального контакта мы могли бы

ускользнуть за пределы диапазона их детекторов и оторваться от них, но они сели нам на хвост прежде, чем мы узнали, кто они такие. В любом случае, их двое. От одного мы еще могли бы ускользнуть, но от двух — никогда. Не при таком расстоянии.

Ата подумала вслух:

— Разве мы не можем просто, ну, рискнуть и сдаться? Я хочу сказать, что, принимая во внимание все, этот барон казался совсем не таким уж и ужасным. Просто нетерпеливым. И мы не воюем с его народом, и вообще...

— Ндотб. Мечтай. ААнны, Ата, действуют совсем не так. — Он твердо сжал губы. — В лучшем случае они... нетерпимы... к тем, кто сотрудничает с ними. А с теми, кто отказывается... Если тебе любопытно узнать подробности, спроси у Вульфа. Он пять лет пробыл в ААннском концлагере во время последнего настоящего челанксийско-ААннского конфликта. Может, есть и другие, протянувшие так же долго в одной из этих преисподних и дожившие до того, чтобы рассказать об этом. Если так, то я их не встречал.

— Капитан прав, мисс Мун. Я бы предпочел скорее выброситься в космос и лопнуть, словно глубоководная рыба, чем снова оказаться в плену у этих... — Он кивнул на экран, где продолжали свое неотвратимое движение белые точки. — Наряду с прочими пристрастиями, они большие мастера утонченных видов пыток. Очень большие. У них это, понимаете ли, своего рода вид искусства. Большинство моих шрамов не видны. Они, понимаете ли, здесь. — Он постучал себя по виску. — Если желаете услышать какие-то подробные описания...

Ата содрогнулась:

— Не надо.

— Этот Рииди кажется довольно порядочным... для ААнна, но рисковать... Если бы я мог освободить Вульфа от расчетов или себя от компьютера... тандуноно! Нет, погодите! — Он склонился над микрофоном. — Ниний ниоте! Цзе-Мэллори, социолог. И вы, жук! Кто-нибудь из вас прежде применял когда-нибудь космическое оружие? Хотя бы на тренировке?

Цзе-Мэллори в своей каюте чуть палец не сломал, спеша избавиться от ремней. А Трузензюекс прервал свой ритуал в таком месте и в такой манере, что заслужил бы осуждение всех членов своего клана, узнай они про это.

— Вы хотите сказать, что на этой лоханке есть пушка? — закричал Цзе-Мэллори. — Какого типа? Где? Говори, меркантилист! Взрывное оружие, корпускулярные пушки, тор-

педные аппараты, разрывные снаряды, камни... мы с Тру управимся со всем!

— Же? Надеюсь, что так. Слушайте. За вашими каютами находится на ам, хранилище. Там есть ход, он ведет в грузовой отсек. Потом по выдвижному трапу. Дойдите до конца, заблудиться там невозможно. Будьте осторожны, в той части корабля гравитации нет. Наверху вы найдете средний дискретный лазер, установленный на окружающем корабль универсальном поясе. Я сейчас подаю к нему энергию.— Он на миг замолк, пока его руки совершали манипуляции за пределами диапазона камеры.

— Он рассчитан на одного. Сожалею, философ. Но вы можете помочь ему с компьютером. Если ему не придется следить за целями и боевым экраном одновременно...

Двое «мирных» людей уже отправились в путь. Малайка мысленно прочел молитву, надеясь, что ученые не разрежут корабль, и вернулся к своим таблицам.

— Как у вас дела, Вульф?

— Они по-прежнему приближаются, сэр. Теперь не так быстро, так как мы сами набрали скорость, но все еще приближаются. Вы хотите перейти на максимум?

— Нет, нет, пока не нужно. Это наш последний вздох, если он нам понадобится. Пусть пока продолжают думать, что «Славная Дырка» — всего лишь еще один грузовоз. Я сперва хочу посмотреть, что могут сделать наши яйцеголовые с пугачом.

Яйцеголовые, о которых шла речь, с головокружительной скоростью неслись по выдвижному трапу. К счастью, им не мешал продвигаться никакой плавающий в воздухе груз. Огромная металлизированная полость была почти полностью пустой. Лениво плавали в паутине ограждений несколько ящиков, придавая бледно-зеленой пещере и ее призрачной атмосфере некоторую перспективу. Ощущение это усиливалось освещением или, точнее, отсутствием оною. Поскольку этот корабельный отсек посещали редко, за исключением прибытий и отбытий с грузовых станций, освещение было сведено к минимуму.

Они без труда отыскивали развилку на конечном звене основного пути. Цзе-Мэллори подпрыгнул вверх и начал плыть к тросу. Дотянувшись до него, он начал быстро подтягиваться, перебирая руками. Трузензюекс, знал он, от него не отстанет. Инсектоид со своими четырьмя руками мог подниматься быстрее, но у него не было причин обгонять Брана, поскольку он никак не мог соперничать с ним в управлении спроектированной с расчетом на человека пушкой.

Они добрались до оружейной башни, сферы из толстого металла, похожей на волдырь на коже корабля. В ней имелась собственная аварийная энергетическая установка и запас воздуха. Двигаясь вдоль пояса корабля, пушка могла встретить приближавшуюся угрозу с любой стороны. Цзе-Мэллори лишь на секунду задумался, что же она делала на частной яхте, а затем оказался внутри башни и пристегнулся к сиденью стрелка. Трузензюзекс задрал за ними люк и переместился к компьютеру прицеливания слева от Брана. В более современном оружии они объединялись бы в единственном шлеме, облегающем голову стрелка. Инсектоид принялся извлекать из аварийных отделений брасы, замки и ремни, пока не соорудил себе достаточно прочные крепежные ремни около компьютера.

Бран сжал в правой руке гашетку со всей нежностью гордого отца, ласкающего своего новорожденного. А левую положил на сенсорный датчик боевого экрана. Он на мгновение неохотно отпустил гашетку и затянул нервные сенсоры вокруг растопыренной левой руки. Он разок сжал ее, чтобы убедиться, что датчики не жмут, а затем вернул правую к рукояти гашетки. А вслед за тем принялся внимательно изучать экран и диск прицела. Определенно ранняя модель, но, впрочем, лазерное оружие мало изменилось в своей основной конструкции за несколько веков и, вероятно, не изменится еще несколько столетий. Слишком уж простой и эффективной была эта основная конструкция. Он не сомневался, что сможет с первой же попытки действительно управлять им. И если уж о том речь, то он, черт возьми, обязан это сделать! Вряд ли преследователи дадут им пальнуть для пристрелки.

Под действием импульсов от его левой руки зажегся боевой экран. Он с радостью увидел, что его боевые рефлексы все еще действуют. На экране светились две точки размером с ноготь его большого пальца. На миг он чуть не ударился в панику, ему показалось, что он вновь очутился на борту «Двадцать Пятого». Если бы вражеский корабль сумел настолько приблизиться в боевой ситуации, то их уже давно распылили бы на атомы. Но, впрочем, это же не боевая ситуация. По крайней мере, пока. Он выбросил из головы эту неприятную цепочку мыслей. Тут нечто такое, из-за чего точат языки дипломаты. Явно ни один из приближающихся кораблей не ожидал встретить даже символическое сопротивление. Для них это просто игра в пятнашки. Они догоняли открыто и без предосторожностей. Возможно, они, дай то Бог, отключат защитные экраны или, по крайней мере, сократят их энергию.

Слева от него Трузензюэкс начал сыпать дробью цифр и координат. Один из эсминцев держался немного ближе другого. Такое небрежное построение было неизбежным результатом излишней уверенности со стороны противника. Бран начал мысленно прочерчивать траекторию выстрела в центр. Палец его заколебался над гашеткой, и он обратился в микрофон внутрикорабельной связи:

— Слушайте, Малайка. Они там охотятся за чем-то, а поскольку у нас есть только одна вещь, из-за которой стоит идти на риск межзвездного инцидента, они захотят получить нас живыми. Они приближаются к нам так, словно ожидают, что им придется всего-навсего поймать нас в сеть, как ошипанную птицу, гич. Я уже встречался ранее с ААнниями. Они не страдают избытком воображения, но соображают чертовски быстро. Это означает: один хороший выстрел, и только один, а потом нам лучше бежать во все лопатки. Насколько близко можете вы их подпустить, чтобы у нас оставался хоть какой-то шанс оторваться от их детекторов? Допуская, что они придут в такое замешательство, что позволят нам это.

Малайка быстро подсчитал в уме:

— Гм... гм... мара ква мара... Этому Риинди придется решать: разнести нас на атомы или сделать еще одну попытку... решит, несомненно, в пользу последнего... обязан взять нас живыми, или вообще ничего не добьется... я могу дать вам еще две тысячи миль дистанции. Нет, теперь уже полторы.

— Вполне годится,— сказал, сосредоточившись на экране, Цзе-Мэллори. «Должно сгодиться»,— подумал он.— Мы здесь узнаем, что расстояние достигнуто, когда на это укажет компьютер? — Малайка не ответил.

— Это приведет нас почти до... трех,— заметил Трузензюэкс.

— Полагаю. Дай мне знать, когда достигнем расстояния три и одна десятая.

— А времени хватит?

— Старый жук, мой добрый друг,— усмехнулся Цзе-Мэллори.— Мои рефлексy за минувшие годы может и замедлились, но еще не умерли! Хватит. На Вселенную!

— На Вселенную! — донесся ровный ответ.

В рубке Малайка с задумчивым лицом повернулся к Вульффу:

— Ты слышал?

Человек-тень кивнул.

— Тогда отлично. Начинай притормаживать. Да, притормаживать! Если он говорит, что ему удастся сделать только

один выстрел, я хочу, чтобы он не промахнулся. Поэтому давай как можно аккуратней сделаем вид, что прекращаем убегать.

Вульф начал послушно снижать скорость. Не сразу, но ААинские компьютеры это заметят.

— Три и семь... три и шесть... — отсчитывал цифры с машинной точностью и четкостью голос Трузензюзекса.

Тело Брана оставалось неподвижным, но внутри он все-таки слегка дрожал. Он-таки постарел.

— Тру, э, ты не заметил в том аварийном шкафчике никаких ГИП-наркотиков?

— Гиперболизирующих ИП? Три и пять... ты же знаешь, что это снадобье стерегут столь же бдительно, как и схему СККАМ. О, разумеется, ублюдочные-то снадобья существуют и доступны на любом черном рынке. Все, что требуется сделать, друг мой, это, заимствуя выражение, «раздраконить себя»... три и четыре... не говоря уж о рефлексах... вероятно, скорее задраконить их. Расслабься.

— Знаю, знаю! — глаза его не отрывались от экрана. — Но, позвонки побори, желал бы я сейчас принять что-нибудь!

— Лучше выругаться покрепче... три и три... представь себе, что ты опять в университете работаешь над диссертацией старика Нови. Это должно породить в тебе достаточно злости, чтобы ты разорвал эти корабли голыми руками...

Бран улыбнулся, и напряжение покинуло его. Тогда, в университете, Нови был их любимым объектом ненависти.

—...три и два...

Теперь он так и видел перед собой уродливое лицо старого ублюдка Нови. Он гадал, что же в конце концов случилось со стариком после... Палец его сжался на гашетке.

—...три и од...

Кнопка гашетки была уже нажата.

Через миг из «Славной Дырки» выскочило в ничто лезвие изумрудно-зеленого света, ярче солнца. Миллисекунду спустя оно вонзилось в веер двигателя ближайшего корабля ААннов, которым по воле случая оказался «Уни». Возникла беззвучная вспышка ослепительно сверкающего золотого пламени. За ней последовал взрыв испарившихся твердых тел и расширяющееся, быстро рассеивающееся облако ионизированного газа.

Боевой экран показывал одну белую точку и одну крошечную туманность.

В орудийной башне Бран лихорадочно пытался навести лазер для выстрела по второму кораблю, но так и не получил настоящего шанса.

После секундного молчаливого созерцания распада Малайка разрешил себе издать один оглушающий вопль:

— Озиии-еее! — А затем: — Вульф, Ата, даешь ходу! — Ата хлопнула по кнопке, и «Славная Дырка» прыгнула вперед с максимальным ускорением.

На все еще существующем ААннском корабле «Арре» паника царила только в тех отсеках, где власть барона Рииди ВВ была периферийной. Вокруг него же экипаж выражал только фатальную покорность судьбе.

Единственной приятной мыслью на уме у всех было, что они сделают с людьми на этой яхте, когда командир и техники выжмут из них все, что хотят знать. Никто не смотрел в лицо барону из страха встретиться с ним взглядом.

Полированные когти барона в бессильном гневе скребли по чешуе левой руки. В правой находился микрофон.

— Главный механик,— спокойно обратился он по связи,— будьте любезны, полную мощь. Все, что вы можете выделить, помимо экранов.— Он не потрудился спросить, включены ли они теперь.

Он снова повернулся к господствовавшему на мостике огромному боевому экрану. На нем белая точка быстро уменьшалась, но не сумела исчезнуть совсем. Теперь и не сможет. Не спуская глаз с экрана, он обратился к экипажу по корабельной связи:

— В потере «Унна» нет ничьей вины. Не ожидая межпространственного вооружения на частной яхте данного типа, мы включили только противометеоритные экраны. Теперь эта ошибка исправлена. Противник быстроходнее, чем оценивалось первоначально. Он явно надеялся уйти за пределы детекторов в суматохе, порожденной потерей братского корабля. Этого не произошло. И не произойдет. Мы кончили играть по правилам. Накрутите себе хвосты, господа, наша задача — догнать корабль! И когда мы догоним, я могу пообещать вам кое-какие интересные развлечения!

Вдохновленный этим экипаж «Арра» взялся за дело с энтузиазмом.

Бран разок коротко выругался, когда уцелевший ААннский корабль съехался за пределами дальнобойности.

Трузензюзекс деловито выпутывался из самодельных крепежных ремней.

— Расслабься, брат. Ты действовал именно так, как мы хотели. Даже лучше. Они отключили экраны, спору нет, иначе

не рвануло бы так здорово. Мы, должно быть, попали им прямо в генератор. Какое зрелище!

Цзе-Мэллори последовал совету и насколько смог расслабился.

— Да. Да, ты совершенно прав, Тру. Во второй раз нам бы так не повезло. Если бы у нас вообще был второй раз.

— Именно так. Я предлагаю вернуться теперь в каюты. Эта игрушка стала теперь бесполезной. Вот будь у нас настоящая пушка... а, ладно. После тебя, Бран.

Трузензюэкс вновь открыл люк, и они нырнули в него. Направляясь обратно через сумрачные зеленые полости отсека, они упустили поздравления Малайки, когда те полились из репродуктора уже пустой оружейной башни.

— Клянусь хвостом туманности Черный Конь! Они сумели-таки! Эти слабые, простые, миролюбивые ндугузури сумели-таки врезаться им! Разнести с одного выстрела боевой корабль из этого старья! — Он покачал головой. — Может, мы еще и не выкрутились, но, клянусь пророками, теперь эти ящеры поймут, что побывали в бою.

Вульф вернул коммерсанта к действительности:

— Они снова начинают настигать нас, сэр. Медленнее, чем раньше. Намного медленнее. Но мы гоним, пустив в ход все, что у нас есть, а они все равно сокращают расстояние.

Ата кивнула, соглашаясь с ним:

— Экран, может, еще и не показывает этого, но приборы подтверждают. При таком темпе у нас есть еще около трех, нет, четырех часов, прежде чем они окажутся на расстоянии действия парализующего луча.

— Же! Значит, все. Пепонга пи? Сколько злых духов?

Он откинулся в кресле. Коль скоро они приблизятся, то сделают мумии из всех, кто был на борту, а потом на досуге размотают им мозги. Методы могут варьироваться, но будут, несомненно, уникальными по своей неприятности. Этого нельзя допустить. Как только ААнны подойдут достаточно близко, он позаботится, чтобы все получили смертельную дозу чего-нибудь из аптечки для гарантии невозможности допроса. Или, возможно, лучше лазер? Сожженных в пепел ААннские техники, как ни хороши они, восстановить не смогут. Да, это наилучший выбор. После того как он покончит со всеми остальными, ему надо будет удостовериться, что он не попадет мимо мозга. У него будет только один выстрел. Тебе лучше начать искать зеркало, Максим!

Если бы только был какой-то способ набрать достаточно скорости, чтобы выскочить за диапазон детекторов! Хотя бы на несколько микросекунд — этого может хватить. Космос огромен.

Дай ей этот драгоценный интервал — и «Славная Дырка» оторвется от преследователей. Он бессознательно положил ладонь на руку Аты:

— Должен быть какой-то способ набрать еще пол-кратного!

Он не заметил, как задрожала ее рука, когда он накрыл ее, ни того, как она смотрела на нее. Он внезапно убрал руку, так и не осознав, какое воздействие произвел на своего второго пилота.

Флинкс тоже обдумывал эту проблему, на свой собственный лад. Он мало разбирался в звездной навигации и еще меньше — в КК-двигателях..., но ведь Малайка забыл больше, чем он мог узнать за всю жизнь. Связи в мозгу торговца разветвлялись на миллион цепочек. Он терпеливо пробегал то по одной, то по другой, выводил на поверхность полузабытые усвоенные знания и их применение, туда, где собственная система Малайки могла выудить их, осмотреть и отбросить. В некотором смысле это походило на пользование системой поиска в Королевской Библиотеке. Он продолжал это с терпением, которого и не подозревал в себе, пока...

— Но акили! Здравый смысл!... — Малайка замолк, и его глаза открылись так широко, что Ата действительно встрепенулась. — Ата! — Она невольно подскочила при этом крике.

Он нашел его. Каким-то образом мысль поднялась из тайников в глубине его мозга, где годами лежала нетронутой.

— Слушай, когда впервые добрались до Зараженной Зоны, изыскательские корабли прошли сквозь нее — какую-то часть ее — с целью нанести на карту, верно? В конечном счете эта идея была отброшена как непрактичная, — в смысле дорогая — но все первоначально собранные сведения остались. Именно так и положено делать. Сверься с памятью машины и выясни, нет ли поблизости от нас каких-нибудь нейтронных звезд.

— Что?

— Великолепная мысль, капитан, — сказал Вульф. — Я думаю... да, есть возможность, — разумеется, минимальная и трудная — что мы сумеем утащить их за собой. Куда приятней, чем простое самоубийство.

— Именно так, Вульф, за исключением одного. Я думаю даже не о сложном самоубийстве. Мвализури, поговори со своей машиной и узнай, что она скажет!

Ата быстро отстучала запрос. Машине потребовалось только мгновение, чтобы выдать на экран длинный список ответов.

— Ну да, есть одна, капитан. При нашем теперешнем темпе хода, примерно в семидесяти двух корабельных минутах от нашей текущей позиции. Координаты имеются и, в данном

случае, записаны с точностью до девяти... девяти и семи десятых.

— Тогда начинай отстукивать их! — Он повернулся вместе с креслом и нагнулся над микрофоном радиосвязи. — Всем внимание! Теперь, когда вы, служители мира и спокойствия, действительно умиротворили половину наших преследователей, я получил достаточный стимул, чтобы выдать равно безумную идею. То, что я... то, что нам предстоит попробовать, теоретически возможно. Я не знаю, делалось это раньше или нет. Никаких данных о неудачной попытке нет. Я считаю, что мы должны рискнуть. Любая альтернатива предпочтительней верной смерти. Иначе плен неизбежен.

Трузензюзекс нагнулся, насколько позволяли ремни, и произнес в свой микрофон:

— Могу я спросить, что вы... мы попытаемся сделать?

— Да, — поддержал Вульф. — Мне, признаться, и самому любопытно, капитан.

— Же! Мы направляемся к ближайшей нейтронной звезде этого сектора, координаты которой у нас имеются. При нашей нынешней скорости мы вонзимся в гравитационный колодец на нужной касательной через семьдесят... теперь уже шестьдесят девять минут. Следующие несколько минут Ате, Вульфу, компьютеру и мне самому предстоит дьявольская работа: прокладка курса. Если мы сможем попасть по этому полю в определенную точку при нашей скорости... я надеюсь, что громадное притяжение звезды отшвырнет нас с достаточной скоростью, чтобы убежать за пределы диапазона ААннских детекторов. Они едва ли могут этого ожидать, и даже если они вычислят, что мы затеяли, то не думаю, что наш друг барон сочтет, что стоит трудиться делать то же самое. Ему есть что терять. Все. А нам, в данный момент, почти ничего. В любом случае, только мы — люди — достаточно безумны, чтобы попробовать подобный фокус, квели?

— Да. Поддерживаю предложение. Согласен, — ответил Трузензюзекс. — Будь я способен запретить этот идиотский план, то заверяю вас, я бы это сделал. Однако, так как это не в моей власти... давайте приступим, капитан.

— Обречены на слабые похвалы, а, философ? Есть и другие возможности, вату. Либо мы пролетим мимо точки касания и понесемся дальше, в каковом случае вся попытка становится никчемной и мы будем взяты в плен, либо мы нырнем слишком глубоко и будем захвачены звездным колодцем, затянuty и разбиты на мелкие кусочки. Как капитан я наделен властью

принять такое решение, но это не совсем обычное плавание, и поэтому я ставлю на голосование. Кто против?

По связи дошло только слабое фырканье, относящееся, несомненно, к Сиссиф (она поддалась любопытству и включила связь). Его нельзя было истолковать как возражение.

— Же! Значит, попробуем. Настоятельно рекомендую вам потратить некоторое время на проверку ремней и улеться как можно удобней. Если мы заденем поле звезды точно по касательной, то я почти убежден, что «Славная Дырка» сможет выдержать действие затронутых сил. Если не сможет, то это не будет иметь значения, потому что наши тела пропадут задолго до корабля. Хайдхуру. Не имеет значения. Я понятия не имею, чего следует ожидать в физиологическом плане. Поэтому приготовьтесь как можно лучше духом и телом, потому что через шестьдесят... — он оборвал фразу и взглянул на хронометр, — ...шесть минут все так или иначе определится.

Он прервал связь и начал бешено выбивать на пульте компьютера команды и запросы.

Если у них есть какое-то утешение, подумал Флинкс, так это то, что не будет никакого медленного наращивания силы тяжести на корабле. Они либо преуспеют, либо нет, на такой крайне высокой скорости все кончится в один миг... как сказал Малайка, все так или иначе определится. Он не хотел думать о том, что случится, если они промахнутся мимо точки контакта и нырнут слишком близко к звезде. Народец в колодец. Не смешно. Он увидел себя и Пипа раздавленными всмятку, плоскими как бумага, и это тоже оказалось не очень забавным.

Хронометр, не ведающий жалости к человеческим заботам, продолжал отсчитывать время. Осталось шестьдесят минут... сорок... двадцать... десять... пять... три... две...

А затем, невероятно, до страшного суда осталось только шестьдесят секунд. Прежде чем он нашел время поразмыслить над этим изумительным фактом, произошел легкий толчок. По кораблю растекался, словно желе, безмолвный вопль из самой глубокой бездны времени. Он висел на краю каньона ничто, откуда тот отчаянно пытался проглотить его. А он отказывался быть проглоченным. ОТКАЗЫВАЛСЯ. Булавка среди других булавок в чашке молока, в то время как где-то миллион ногтей скребли по тысяче истерически воющих школьных досок — РРРРИИИППИИИПП...

ГЛАВА 12

На борту эсминца «Арр» главный навигатор мигнул, глядя на детекторный экран, а затем повернулся и уставился туда, где сидел на командном кресле барон.

— Командир, челанксийское судно исчезло с моих экранов. Мы также стремительно приближаемся к нейтронной звезде немалого гравитационного потенциала. Ваш приказ?

Барон Рийди ВВ славился своей настойчивостью. Мысль, что уже почти пойманная добыча сбежала от него, была крайне непривлекательной. Однако он не был и дураком. Глаза его устало закрылись.

— Смените курс на тридцать градусов вправо к нашей нынешней плоскости. Снизьте скорость до крейсерской, нормальной.

Затем он снова поднял взгляд, открыв глаза, на боевой экран. Где-то там находилась белая точка. И там, тоже невидимая, бездонная шахта невообразимой энергии закрывала завесой возможное бегство. Или быстрое самоубийство. В его мозг просочилось легкое подозрение о намерениях людей. Он не испытывал ни малейшей склонности пытаться повторить их действия. Жив этот идиот или мертв, он об этом не узнает много месяцев... и именно это-то больше всего и бесило.

Он размял длинные пальцы, уставясь на ярко отполированные когти, которые были подстрижены до размеров, подходящих высокопоставленному аристократу. На двух из них сверкали коллоидные самоцветы. Он сцепил их перед грудью и толкнул вперед. Те из экипажа, кто был знаком с обрядами знати, узнали этот жест. Он указывал на Концепцию Непрактичной Мощи. При данных обстоятельствах это представляло собой отдачу чести скрывшемуся врагу.

— Установите курс возвращения на базу «Пре Глин» и передайте нашему другу промышленнику следующее сообщение... нет, я не желаю межзвездной огласки. Просто передайте: «Перехватил предсказанное судно и произвел положительное аудиовизуальное отождествление. Повторяю, положительное. Преследовал до...— дайте наши текущие координаты, шкипер,— ...где контакт с последним был непоправимо потерян из-за,— он слегка улыбнулся,— неожиданного спурта скорости преследуемого судна. В боевых действиях с последним потерял эсминец «Унн» со всем экипажем». Связист, добавьте следующее примечание и зашифруйте его моим личным кодом: «Сударь. Ваша просьба оказалась до крайности дорогостоящей. Вопреки

вашим указаниям мы столкнулись не с перепуганным грузом устранных менял, как вы заставили меня поверить. В результате вашей халтурной работы я теперь оказался в неудобном положении вынужденного отчитываться за проведенное вне базы время перед моим добрым другом, князем Каатом Ц. Вопрос насколько он добрый друг подвергнется теперь тяжелому испытанию. Как и ваша способность давать крупные взятки кому надо. Надеюсь, ради нас обоих, что последняя окажется достаточной. Объяснить потерю «Унна» будет куда труднее. Если произойдет утечка сведений об истинных обстоятельствах этого идиотского предприятия, то этого будет более чем достаточно, чтобы приговорить нас к смерти от пыток знойной степени в руках Мастеров. Будьте добры не забывать об этом». Подпишите это: «Искренне ваш Рииди ВВ, барон, и т. д., и т. п.». И принесите мне выпить.

ГЛАВА 13

Стояла осень. Мамаша Мاستифф закрыла лавку, завернула обед и взяла их обоих в Королевские Парки. День выдался безоблачный, потому-то они и выбрались из дома. Буквально безоблачный. На Мотыльке это не просто приятное исключение, а целое событие. Он отлично помнил, как бесконечно глазел на странного цвета небо. Оно стало голубым, столь отличающимся от нормального светло-серого. От него болели глаза. Мысли животных, птиц сделались странными и путанными. А мелкие торговцы апатично сидели себе в ларьках и тихо кляли солнце. Оно украдо у них всех клиентов. Небо стало мягче, а в Дралларе любая мягкость была редкостью. Поэтому все взяли выходной, включая короля.

Королевские парки занимали обширную территорию. Вначале их создали строители первых ботанических садов для заполнения пространства, оставшегося после постройки этих огромных сооружений. Из-за какой-то чудовищной бюрократической ошибки их открыли для простой публики, и с тех пор так и осталось. Огромные сверкающие стволы знаменитых железных деревьев устремлялись, прямые и гордые, на невозможные высоты над его мальчишеской головой. Они казались куда более вечными, чем сам город.

Железные деревья сбрасывали листву. Каждую вторую неделю приходили королевские садовники и собирали все опавшие

листья и ветки. Железные деревья попадались редко, даже на Мотыльке, и эти огрызки были чересчур ценными, чтобы выметать их. По территории парка фланировали стражники в лимонно-зеленых мундирах, больше для защиты деревьев, нежели людей.

На чудесных гимнастических снарядах и гигантских шагах играли дети. Король считал, что раз уж народ допустили в парк, то и он может с таким же успехом в полной мере насладиться пребыванием в нем. Дралларские короли отличались жадностью, да, но не исключительной.

Флинкс был слишком робок, чтобы присоединиться к хихикающим бегающим фигуркам на игровой площадке. И они все боялись Пипа, глупые! Хотя была там одна девочка... сплошные кудряшки, голубые глаза и румянец. Она нерешительно топталась на месте, упорно стараясь показать, что ей все это не интересно, но без успеха. Мысли у нее были приятными. Мини-дракончик скорее завораживал ее, чем отталкивал. Они находились на грани знакомства на простой, но очень правильный лад, который так быстро утрачивают взрослые, когда сверху спланировал большой невидимый лист и ударил его прямо между глаз. Листья у железного дерева тяжелые, но не настолько, чтобы нанести рану, даже маленькому мальчику. Только смущение. Она начала неудержимо хихикать. Рассвирепев, он ушел, с горящими от ее смеха ушами, с мозгом, парализованным мыслью, что она увидела его в таком виде. С минуту он подумывал науськать на нее Пипа. Но это был один из тех импульсов, которые он научился обуздывать очень рано, когда способности змея были предельно ясно и страшно продемонстрированы на их настойчивой мучительнице, бродячей собаке-дворняге.

Несмотря на то, что он уходил все дальше и дальше, ее смех преследовал его, словно призрак. Уходя, он наносил злобные и бесполезные удары по беззаботно плававшим вокруг него листьям ржавого цвета. А иногда он даже не прикасался к ним, когда они, сломавшись, падали наземь.

ГЛАВА 14

Затем небо перестало быть голубым. Не было оно больше и светло-серым. Оно стало пастельно-зеленым.

Флинкс перестал молотить руками и огляделся кругом. Пип прекратил бить хозяина перепончатыми крыльями по лицу и,

улетев, удобно свернулся вокруг ближайшего ограждения койки, удовлетворенный вызванной им реакцией. Крепкая конструкция дракончика явно мало пострадала от болезненного воздействия. Флинкс еще не знал, обругать ли его или поцеловать.

Он попробовал сесть, но повалился на спину, истощенный этим коротким усилием. Самое интересное — кости его вообще не беспокоили. Но мускулы! А также связки и сухожилия, вся связующая паутина, соединяющая части скелета. Ощущение такое, словно их связали конец к концу, растянули, скатали в шар и сбили в одну из наименее аппетитных фрикаделек Мамаши Мاستифф.

Это стало настоящим испытанием, но он, наконец, сумел сесть. События последних...— сколько он пробыл без сознания? — вернулись к нему, когда он растирал онемевшие ноги, восстанавливая кровообращение. Как только он вновь почувствовал себя достаточно хорошо, то поспешил нагнуться и включить микрофон корабельной связи. На случай, если другие находились в менее удовлетворительном состоянии, он объявил медленно и четко, так, чтобы его наверняка поняли.

— Капитан? Капитан! Рубка? Есть там кто-нибудь? — Он почувствовал все прочие разумы, но не их состояние, так как его собственный был еще слишком взбаламучен, чтобы сфокусироваться.

— Рахиси, киджана! Не волнуйся. Рад слышать, что ты тоже очнулся.— В голосе торговца слышался знакомый здоровый грохот, но Флинкс прочел в его мозгу напряжение. Еще через минуту на маленьком видеоэкране вспыхнуло его изображение. На грубом лице прибавилась морщина-другая, а в бороде — несколько седых волос, но в остальном каменная физиономия осталась прежней. И хотя его тело и душа выглядели измотанными, лицо отражало прежний энтузиазм.

— Мы с Вульфом оставались в сознании, хотя и не на ногах, мой о. Узито! Какое испытание! Кажется, наш друг, твердолобый философ, носящий свой внутренний скелет снаружи, вынес это лучше, чем все остальные. Он пришел сюда и привел нас в чувство.

Голос инсектоида донесся по репродуктору откуда-то извне пределов действия камеры, но Флинкс мог определить транкса по силе его мыслей, бывших и впрямь лучше организованными, чем у его спутников.

— Будь остальное ваше тело, капитан, таким же твердым, как лоб, вы, по крайней мере, не нуждались бы в моей помощи.

— Же! Ну, киджана, Цзе-Мэллори был на ногах дольше всех нас, и, по-моему, Гер Жук как раз сейчас приводит в

сознание Ату... Мы собирались потом отправить его осмотреть тебя, Флинкс, но я вижу, в этом нет нужды.

— Мы су... — Но Малайка, казалось, не расслышал, а Флинкс слишком устал, чтобы зондировать его мозг.

— Мвана муне и мтото, что за сучья скачка! Извиняюсь, бвана Трузензюекс. Не хотел обидеть. Это старое земное выражение, означающее приблизительно «неистово мчаться в пекло». Я знаю только, что оно подходит к нашей нынешней ситуации. Наверно, его сочинили для дружеского Мунгу. Преображение! Флинкс, мой мальчик, мой киджана, мой мтото, мы пронеслись мимо той звезды так быстро после того, как задели поле, что наш управляющий компьютер не смог управиться с этим! Эта автоматика не создана для программирования такой скорости, и мне очень неприятно говорить тебе, какова сейчас наша скорость! Если бы только существовал какой-то способ проделывать эту штуку в обычных условиях... Ой! — Он вздрогнул и осторожно коснулся рукой шеи. — Однако, должен признаться, в настоящее время кажется, что эта система имеет определенные недостатки. Учави! Многие я бы отдал за то, чтобы увидеть лицо нашего друга барона, когда мы пропали с его экранов, же! Так вот, без предупреждения. Хотел бы я знать, станет ли он... выпутывайся из этой паутины, киджана, и ступай сюда. У меня есть для тебя маленький сюрприз, и отсюда он выглядит гораздо лучше.

Флинкс почувствовал, что к его мускулам начал возвращаться тонус. Он освободился от остальных ремней и медленно соскользнул с койки. Возник неловкий момент, когда ему пришлось схватиться для опоры за стенку, балансируя на трясущихся ногах. Но теперь все начало быстро нормализовываться. Он несколько раз, на пробу, обошел каюту, а затем повернулся и направился к Рубке, а Пип удобно обвился вокруг его левого плеча.

Малайка слегка повернулся вместе с креслом, когда на мостике появился Флинкс.

— Ну? Что за сюрприз? — Он заметил, что Трузензюекс исчез, но почувствовал присутствие инсектоида в другой части корабля.

Малайка явно заметил его ищущий взгляд. Или, возможно, он становился чувствительным. Надо ему быть поосторожнее рядом с рослым торговцем.

— Трузензюекс пошел помочь Сиссиф. Похоже, она очнется последней, рудиша.

Это было несомненно верно. Он ясно видел Ату и Вульфа, занятых у приборов.

— Киджана, этот здоровенный пинок в... полученный нами форсаж толкнул нас так, что мы намного опередили предусмотренный график... по заранее рассчитанному пути! Именно так я и спланировал дело, когда мы устанавливали координаты соприкосновения. Зачем зря пролетать на волосок от смерти, если это можно вдобавок обернуть к своей выгоде... но, честно говоря, я не думал, что поле «Славной» сможет так точно держать нас на курсе. Однако оно удержало — и вот мы здесь.

— И где же это? — спросил Флинкс.

Малайка так и светился самодовольством.

— Не больше чем в девяноста минутах корабельного времени от намеченной цели! — Он снова повернулся к пульту, бормоча про себя: — Эх, если бы только существовал какой-то способ сделать это коммерчески воз...

Флинкс сравнил расстояние, пройденное ими до встречи с ААнским кораблем, с тем, что им еще предстояло бы пройти в нормальной обстановке — в результате он получил такое ускорение, о котором ему даже мысль в голову не приходила.

— Это, конечно, великолепно, сэр. И все же было бы неплохо, если бы...

— Гм? Если бы что?

— Если бы, оказавшись там, мы нашли что-нибудь, ради чего стоило там оказаться.

ГЛАВА 15

Сама планета была красавицей. Она идеально подошла бы для колонизации, если бы не злополучная нехватка суши. Но даже тот факт, что девяносто процентов суши сосредоточилось в одном небольшом континенте, не мог воспрепятствовать такой эксплуатации. В океанах тоже можно устраивать фермы и добычу полезных ископаемых, как на колониальных мирах вроде Диса и Реплера. А океаны Форсажа, как они называли планету, были достаточно зелеными для предположения, что в них достаточно живности для поддержания морской культуры челанксийского типа. К счастью, на большинстве найденных на данный момент планетах реакция хлорофилла оказалась нормальной.

По контрасту, единственный континент казался странно сухим. Это особенно обескуражило Трузензюекса, так как транкс предпочел бы влажный тропический климат.

Насколько они могли определить с орбиты, все обстояло точь-в-точь так, как описывала звездная карта. Состав атмосферы, с его необычной пропорцией свободного гелия и других редких газов, интенсивность ультрафиолетового излучения, средние и крайние температуры и так далее. Их предшественник-наблюдатель упустил из виду только один факт.

Насколько могли определить их зонды, на поверхности Форсажа ветер никогда не стихал до скорости менее чем 70 километров в час. В определенных точках над океаном, особенно поблизости от экватора, он отличался замечательной устойчивостью. Юго-восточная часть планеты в настоящее время представляла из себя плацдарм одного такого гигантского шторма. Метеорологический компьютер полагал, что неподалеку от его центра ветры двигались со скоростью свыше 780 километров в час.

— Невероятно! — воскликнул Малайка, увидев на экране оценку результатов первых исследований. — М ч а в и м ч в а н г а н и й к о!

— Вполне, — согласился Трузензюзекс. — Определенно. Поди запусти тут зонд! — И ученый разразился свистящим смехом транксов.

Малайка пришел в замешательство и от смеха, и от намека.

— Будьте любезны, переведите.

— Это значит, — вставил, перекрывая смех инсектоида, Цзе-Мэллори, — что это более чем возможно. — Он был полностью поглощен вращающейся сферой внизу. Необычный серебристо-золотой оттенок атмосферы возбудил в нем интерес. — И там могут быть места, на континенте, где каньоны и тому подобное создают еще более высокие скорости.

Коммерсант сделал глубокий вдох, со свистом выпустил воздух и схватился за всегда висевший у него на шее маленький деревянный образ.

— Намна гани махаили? Что это за место? Неудивительно, что там нет ничего, кроме одного маленького континента и нескольких висивабову. Такие ветры скосят возвышенности, как солому! — Он покачал головой. — Почему тар-айимы выбрали подобное место для создания своего чего-то-этакого, мне ни за что не угадать.

— Мы много чего не знаем о тар-айимах и их мотивах, — заметил Цзе-Мэллори. — Намного больше, чем знаем. С их точки зрения оно могло быть идеальным. Может быть, они считали, что самая непривлекательность его отвадит разведку их врагов. И у нас нет никаких окончательных выводов относительно того, что они считали гостеприимным климатом.

Вспомните, мы даже не знаем наверняка, как именно они выглядели. О, мы получили смутное представление. Голова здесь, главные конечности там, и так далее. Но при всем том, что мы действительно знаем, они могут быть даже полугубчатыми. Милый ураган со скоростью триста километров в час мог быть для них освежающей ванной. В каком случае я бы ожидал, что Кранг окажется модным курортом.

— Пожалуйста! — попросил Малайка. — Без непристойностей. Если это правда, то почему мы не обнаружили таких ветров на каких-нибудь других планетах, где, как нам известно, обитали тар-аймы?

Цзе-Мэллори пожал плечами, такой поворот разговора его не интересовал.

— Возможно, с тех пор погода изменилась. Возможно, ее изменили они. Возможно, я не прав. Возможно, я сошел с ума. Фактически, бывают времена, когда мое последнее предположение переходит в уверенность.

— Я заметил, — не удержался от шпильки Трузензюекс.

— О! Если бы я знал все ответы, — сказал социолог, — то был бы Богом. При каких обстоятельствах я бы наверняка находился вне этого корабля, и не сидел в тесноте с остальными психопатами!

Он снова обратил взгляд к экрану, но Флинкс ощутил привкус веселья у него в мозгу.

— Капитан? — вмешался спокойный голос Вульфа. — Предположительные данные геологоразведывательных зондов указывают, что континент имеет базальтовую основу, но на поверхности состоит главным образом из осадочных камней, сильно кальцинированных и с высоким содержанием известняков.

— Угум. Символично. Это также объясняет, как ветер мог так быстро снести все горы. Еще через миллион лет, если исключить любой подъем океанского дна, вероятно, не останется ни клочка суши, торчащего над водами этой планеты. К счастью, об этом мне незачем беспокоиться. — Он отвернулся от экрана. — Ата, иди приготовь челнок. И действуй с расчетом, что повезешь вниз нас всех. Слава Мунгу, похоже, что скафандры нам не понадобятся, но обязательно удостоверься, что краулер в хорошем рабочем состоянии. И посмотри, нельзя ли соорудить что-нибудь для защиты глаз от этого адского ветра. Так, чтобы нам не пришлось использовать шлемы от скафандров. Же?

Она направилась к выходу, но он остановил ее у двери.

— И удостоверься, что у нас большой запас веревок. Я бывал на планетах, где дождь разъедал скафандры прямо до

кожи, если фауна не добиралась до тебя первой, и если флора не обгоняла фауну. Но эта первая, на какой я когда-либо бывал, где главной заботой будет, как бы нас не сдуло.

— Да, капитан.— Ата удалилась, пройдя по пути к выходу мимо прибывшей Сиссиф. Обе достаточно оправились, чтобы обменяться мгновенными многозначительными взглядами, но, сознавая, что Малайка смотрит на них, ничего не сказали.

— Думаю, что у нас не будет больших затруднений с обнаружением этой вашей штуки, господа, при условии, что она и впрямь существует. Похоже, тут нет никаких каньонов или других пересеченных местностей, где можно ее спрятать, а поскольку ваш друг, кажется, нашел ее без труда, я не вижу никакой причины, почему бы мы, с гораздо более хитрыми приборами, не смогли сделать того же. Да, мы должны найти ее быстро. Афиазну, господа. Ваше здоровье!

Он хлопнул в огромные ладоши, и вызванный этим грохот был в замкнутом пространстве рубки просто оглушающим.

— Он выглядит, словно ребенок, ожидающий получения новой игрушки,— прошептал Цзе-Мэллори Трузензюексу.

— Да. Будем надеяться, что она и впрямь носит скорее эстетический, нежели военный характер.

У челнока имелся собственный шаровидный ангар на дне огромного грузового отсека. Сиссиф, признавший в отсутствии опыта передвижения по выдвигным трапам, пришлось помогать спуститься. Но то, как она прильнула к оказавшему такую любезность Малайке, намекало на иные мотивы, чем неведение. Мощный кораблик был настоящим космическим судном, хотя и куда более обычным и менее просторным, чем «Славная Дырка». Его приводили в движение ракеты самой современной модели, а для атмосферного полета имелся реактивный двигатель. Будучи предназначенным для простых полетов земля-космос-земля, он имел ограниченный крейсерский диапазон. К счастью, им требовалось обследовать только небольшой район суши. Со «Славной Дырки» это можно было бы произвести более спокойно и неспешно, но Малайка не собирался задерживаться здесь дольше необходимого, ввиду сопутствующих неудобств. Он хотел вниз.

То, что не понадобятся хоть и гибкие, но все же неуклюжие скафандры, должно очень помочь. Ата снабдила всех очками, чьей первоначальной целью было защитить носящего их от сильного ультрафиолетового излучения, но они хорошо послужат и для ограждения глаз от пыли и носимых ветром частиц. Для Трузензюекса она сумела соорудить их из пары пустых контейнеров из-под полимеров.

В углу Сиссиф обиженно спорила с Малайкой:

— Но я не хочу туда, Макси. Действительно не хочу.

— Но захочешь, моя мвана кондувиву, обязательно захочешь. Нджу, идем, мы все будем вместе. Я не думаю, что наши друзья ААнны найдут нас, просто не представляю, как они это смогут, но все-таки опасаюсь такой возможности. На случай такого неприятного происшествия я хочу, чтобы все находились в одном месте. И я также не знаю, на что мы наткнемся внизу. Мы спускаемся на развалины умершей полмиллиона лет назад цивилизации, более развитой, чем наша, и предельно безжалостной. Может, они оставили какое-то нехорошее приветствие для запоздавших гостей? Поэтому, на всякий случай, все должны быть вместе и иметь возможность приложить руку к нашему делу. Даже твою, изящную и маленькую.— Он чмокнул звучным поцелуем упомянутый набор пальцев.

Она выдернула руку и топнула ногой (ее любимый способ протеста, но при нулевой гравитации — неэффективный).

— Но, Макси!...

— Старехе! Не «максий» мне. Определенно нет, милая.— Он положил руку ей на плечо и мягко, но решительно развернул ее кругом, подтолкнув в направлении к пассажирскому входу в челнок.

— Кроме того, если бы я предоставил тебя самой себе на борту, ты вполне могла бы стереть навигационные кассеты, пытаясь заказать обед у автоповара. Нет, ты отправляешься с нами, ндегедого, моя птичка. К тому же твои волосы будут так красиво выглядеть, развеваясь на нежном ветерке.

Ее язвительный голос слабо донесся из шлюза:

— Ветерок! Я слышала, как ты говорил об урага...

«Или,— подумал Флинкс, застегивая пояс с пистолетом, выданным ему Атой,— возможно, что наш капитан не забыл, как ловко нашли нас ААнны. Может быть, он думает, что дорогой, милой, беспомощной Сиссиф нельзя полностью доверять». Он пошел тихо, ища в уме упомянутой особы какой-либо намек, могущий подкрепить возможное подозрение коммерсанта. Если там что-нибудь и имелось, то оно было либо похоронено слишком глубоко, либо слишком хорошо спрятано, чтобы он отыскал. А по краям его зонда просочились иные вещи, смутившие даже его, шестнадцатилетнего паренька из Драллара. Он неуклюже поспешил убраться. Пусть Малайка сам несет на душе этот груз.

Его больше восхищал пистолет. Рукоятка — сплошная филигрань и инкрустация, куда более красивая, чем практичные

дезинтеграторы, виденные им в зарешеченных и затемненных оружейных лавках Драллара. И, безусловно, такой же смертельный. Он знал, что может натворить эта модель и как с ней обращаться. В тех же лавках он стрелял из этого и схожего оружия с холостыми магазинами, в то время как хозяева снисходительно взирали на это и обменивались покровительственными замечаниями с постоянными клиентами.

Он был прекрасен. Компактный и эффективный лазерный пистолет мог сварить человека на расстоянии в пятьсот метров или зажарить на дистанции в метр. Он мог сваривать большинство металлов или прожигать насквозь любую разновидность обычного пластикового препятствия. В общем и целом он являлся полезным и многоцелевым инструментом, а не только оружием. Хоть Флинкс и надеялся, что на поверхности планеты он ему не понадобится, да к тому же с ним был Пип, но приятная тяжесть пистолета на поясе вызывала у него ощущение уверенности.

По желанию Малайки им всем также выдали полный пояс выживания. Даже Сиссиф, пожаловавшейся, что его вес портит ей фигуру. Это вызвало нелестное замечание со стороны Аты, которого Рысь, к счастью, не слышала, иначе в крошечном шлюзе судна мог возникнуть еще один небольшой катаклизм.

Пояс оборудовали и спроектировали для применения на планетах, варьировавшихся не более чем на десять процентов от челанксийской нормы. Кроме обязательного пистолета, пояс содержал среди прочего концентрированные пайки и взбадривающие пилюли, сахарный и соляной раствор, портативную рацию, палатку для двоих, которая была водонепроницаемой, сохраняла тепло тела и складывалась в пакет меньше кулака, батареи для радиации и пистолета, инструменты для ориентации, изготовления гвоздей или посева зерна. Там также имелся чудесный компактный ридер мини-микрофильмов с примерно пятьюдесятью книгами на катушке. Среди подборок выделялись два основных произведения: «Универсальный Словарь Изустного Общения» (в семи томах, сокращенное издание) и Библия Объединенной Церкви «Священная Книга Универсальных Истин и других Забавных Анекдотов».

Если бы Флинкс прихватил с собой всю свою квартиру на Дралларе, то все равно жил бы хуже, чем с этим единственным сказочным устройством вокруг талии.

Беспреданно дующие вокруг планеты страшные ветры и вихревые потоки наверняка затруднят им спуск. Однако под умелым управлением Аты он прошел почти столь же гладко, как мог бы пройти на «Славной Дырке». Единственные

неприятные моменты были, когда они проходили сквозь ионизированные слои атмосферы. Естественные слои несущихся в воздухе металлических частиц (их встретилось два) показались двум ученым необычно густыми, но покуда они шли на ракетах, это не представляло опасности.

В отличие от роскошного челнока, поднявшего их с поверхности Мотылька, этот челнок был оборудован больше для перевозки грузов, нежели пассажиров. Однако, несмотря на малую величину и редкие иллюминаторы из плексисплава, Флинкс все-таки немного видел землю внизу. Единственный континент протянулся от северного полюса до точки чуть ниже экватора. На этой высоте он выглядел в основном красно-желтым, с большими кляксами тускло-зеленого здесь и там. Маленькие речки, жалкие и незначительные по сравнению с медно-голубым цветом всепланетного океана, лениво извивались среди низких холмов. Никаких речных каньонов, естественно, не было. Любой такой исчез бы тысячелетия назад под изнурительным бешеным натиском неустанных ветров.

Он на миг встревожился за Пипа, который наотрез отказался надеть крошечные самодельные очки. Внимательное изучение его головы открыло, что рептилия обладает прозрачными мигательными мембранами, опускавшимися для защиты глаз. Раньше он их никогда не замечал, вероятно, потому что просто не смотрел. Он мысленно выругал себя за недогадливость — животное, живущее на деревьях, обязано иметь какую-то естественную защиту от несомых ветром предметов. Но, впрочем, и ни один из двух ученых этого тоже не заметил. На самом-то деле Пип больше планировал, чем летал. Если он сможет там, внизу, справиться с ветрами, то, несомненно, будет чувствовать себя на поверхности Форсажа куда лучше, чем любой из них.

Небольшой межкаютный интерком донес до них из Рубки голос Малайки. В крошечной пилотской рубке едва хватило места для двух пилотов, и рослый торговец создал там немилосердную тесноту. Но он настаивал на желании оставаться «на макушке». Сказано было буквально.

Они пролетели на реактивных двигателях лишь несколько десятков километров, когда молчание в челноке нарушил взволнованный крик:

— Май ша! Вот он! Посмотрите в иллюминаторы справа.

Все дружно устремились на ту сторону корабля. К движению присоединилась даже Сиссиф.

Они все еще летели высоко, но когда сделали вираж, то в поле зрения появились развалины города приличных даже по тар-аймским стандартам размеров. Строили они как всегда

хорошо, но на этой планете очень немногое могло долго оставаться в своем первоначальном виде. И все же отсюда он казался столь же хорошо сохранившимся, как и любой из тар-айимских городов, виденных Флинксом на видеокассетах. Когда они снизились, чужая схема города, в виде расходящихся от фиксированной точки концентрических полумесяцев, стала видна так же четко, как рябь с берега пруда.

Но их взгляды приковал к себе не город, а здание, стоящее на обрыве в самом центре метрополиса. Единственное безликое сооружение в виде прямоугольной пирамиды, срезанной ровно на вершине. И здание, и круглое основание, с которого оно поднималось, отличались однообразным желто-белым цветом. Самая макушка строения, похоже, была покрыта каким-то стекловидным материалом. В отличие от остального города, оно выглядело идеально сохранившимся. А также самым высоким из когда-либо виденных ими отдельных строений.

— Ваба Гиза! — донесся по интеркому притихший голос Малайки. Он явно осознал, что связь включена. — Всем занять места и пристегнуть ремни. Нам предстоит приземлиться у подножия того утеса. Рафики Цзе-Мэллори и рафики Трузензюекс, если вы пожелаете, мы исследуем весь город, балку за балкой, но я ставлю свой маджичо, что ваш Кранг находится в некоем здании на вершине некоего холма!

Они приземлились на широком отрезке открытой песчаной местности слева от города и обрыва. Ата, не уверенная относительно состава почвы, на которую им предстояло приземлиться, мудро решила воспользоваться посадочными полозьями вместо колес.

Под ними быстро промелькнули развалины чудовищного космопорта за последним полумесяцем города. Приземляться там Малайка запретил, так как желал сесть как можно ближе к самому зиккурату. Он считал, что чем меньшее расстояние им придется преодолевать по земле и чем ближе они смогут оставаться к самому кораблю, тем безопаснее он будет чувствовать себя, бродя по разрушенному городу. Вдобавок, огромный космопорт несомненно служил также военной базой, и если остались еще какие-то функционирующие автоматические устройства для встречи незваных гостей, то они, вероятно, сосредоточены именно там. Поэтому посадка прошла немного жестче, чем могла бы. Но теперь они приземлились, целые и невредимые, и получили еще одно преимущество, о котором никто не подумал. Поразмысли кто-нибудь об этом, оно стало бы очевидным.

Ветер нескончаемо пылил из-за здания и холма, под которым они приземлились. Хоть обрыв ни в коем случае не был перпендикулярным, он оказался достаточно крутым, чтобы отрезать добрую часть вечного шторма. Это означало, что, вдобавок к ликвидации возможной проблемы вынужденной посадки корабля, работать у самого челнока будет легче. Корабельный метеорологический компьютер зарегистрировал силу ветра в пределах места их приземления всего-то в сорок пять километров в час. Положительно, рай.

— Ата, Вульф, помогите мне вывести краулер. Остальные проверьте свое снаряжение и удостоверьтесь, что все получили запасные очки.— Он повернулся к Цзе-Мэллори: — Же! Они построили свой город за самым большим ветроломом, какой смогли найти. Вроде как опровергает вашу теорию «ласковой ветряной ванны»?

— Не поносите моих догадок, капитан, а то больше не буду их высказывать.— Его глаза и мысли явно были заняты чем-то иным.

— Вульф?

— Здесь, капитан,— скелет вышел из передней каюты. Он выглядел даже более эксцентрично, чем обыкновенно, в очках и с серебряным поясом. Выражение его лица было странным.

— Капитан, где-то под этим городом находится активный источник тепловой энергии.

— Не атомный? — переспросил Малайка. Гравитационная энергостанция была, конечно, невозможна на любом небесном теле с приличным собственным гравитационным полем. И все же в тар-айимской науке имелись аспекты, которые челанксийские исследователи даже не могли представить.

— Нет, сэр. Определенно термальный. И к тому же большой, согласно сенсорам, хотя проверка производилась очень быстро.

Брови Малайки исполнили сальто-мортале.

— Интересно. Это вызывает у вас, господа, какие-нибудь «догадки»?

Цзе-Мэллори и Трузензюэкс оторвались от увлеченного созерцания монолита на вершине и обдумали вопрос.

— Да, несколько,— начал философ.— Среди которых подтверждение того, в чем мы были почти уверены: что это молодая планета в довольно молодой системе. Качать энергию ядра планеты достаточно трудно и на самом юном мире, которым эта планета все же не является. Но качать может не всякий. Проблема в том, чтобы сохранять над этим процессом достаточный контроль и суметь канализировать его энергию, не вызывая всепланетных землетрясений или пробуждения вулканов

под крупными центрами-ульями. Мы сами в этом все еще не такие уж большие специалисты.

— И,— продолжил Цзе-Мэллори,— это предполагает, что им требовалось для чего-то чертовски много энергии, не так ли? И хотя это довольно большой тар-айимский город, но, кажется, единственный на планете.— Он обратил взгляд к Малайке за подтверждением, и торговец медленно кивнул.— Так что мне лично непонятно, для чего им понадобилось идти на все эти хлопоты, когда их квазиатомные электростанции обеспечили бы более чем достаточно энергии для этого единственного города. Особенно со всей доступной тут водой.

— Капитан,— нетерпеливо сказал Трузензюекс,— мы будем счастливы выдвинуть для вас любые пространные гипотезы, но позже. Сейчас я желал бы, чтобы вы позаботились об извлечении нас из трюма этого наземного транспорта.— Его голова повернулась к иллюминатору, и огромные золотые глаза уставились на панораму снаружи.— Я почти не сомневаюсь, что когда мы попадем в тот Туарвех на вершине этого утеса, там найдутся ответы на ваши незадаанные вопросы и, будем надеяться, на большинство наших.

— Если мы попадем в него,— добавил Цзе-Мэллори.— Вполне возможно, что, уезжая, хозяева заперли дом и не оставили никакого ключа.

ГЛАВА 16

Краулер оказался низкой приземистой машиной, ползающей на двух гусеницах из дюралесплава. У него также имелось универсальное сферическое «колесо» в центре тяжести для облегчения поворота. Ата предварительно проделала некоторые расчеты по безопасности и получила, что он будет относительно устойчивым при ветрах вплоть до двухсот пятидесяти километров в час, с каковой точки управление им начнет становиться делом достаточно хитрым. Флинкс лично не имел ни малейшего желания подвергнуть ее расчеты практическому испытанию. Малайка, очевидно, тоже. Он настоял на заполнении всех пустых мест в машине тяжелыми предметами. Если ветры станут настолько скверными, то не поможет и все добро, что они смогут набить в него. Но оно, по крайней мере, окажет им что-то вроде психологической поддержки.

Не самым малым из этих «тяжелых предметов» была мощная лазерная пушка на треноге.

— Просто на случай,— пояснил коммерсант,— если открыть дверь будет несколько труднее обычного.

— Для путешествующего на своей личной яхте мирного торговца вы, похоже, запасли целый арсенал,— пробормотал Трузензюэкс.

— Философ, я мог бы представить вам аргументы; изобилующие привлекательными семантическими оборотами, но я изложу это в нескольких словах, и весь разговор. В моем бизнесе очень сильная конкуренция.— И вскинул вызывающий взгляд на транкса.

— Как скажете,— слегка поклонился Трузензюэкс.

Они сели в краулер, маневрировавший поблизости от входа в грузовой отсек, чтобы свести к минимуму первоначальную силу ветра. В большом наземном краулере они все разместились с комфортом. Его спроектировали для перевозки тяжелых грузов, и даже с рассеянными по нему «тяжелыми предметами» Малайки там с избытком хватало места для пассажиров. Заскучав, желающий мог забраться по лесенке в кабину водителя с ее двумя койками и куполом из плексисплава. Места там хватало на четверых, но ее сразу же оккупировали Малайка, Вульф и двое ученых, и они не проявляли склонности освободить место. Поэтому Флинксу пришлось довольствоваться для обзора местности крошечными иллюминаторами в главном отсеке. Он оказался наедине с двумя женщинами, сидевшими в крайних противоположных концах каюты и обменивавшимися между собой смертоносными мыслями. Менее благоприятную атмосферу трудно и вообразить. Как он ни старался, они начали вызывать у него головную боль. Многое бы он отдал за то, чтобы находиться наверху.

Они ползли теперь вверх по склону утеса, двигаясь зигзагами, когда наклон становился слишком крутым даже для мощных шипастых гусениц краулера. Продвигались они медленно, но ровно, в конце концов, машину спроектировали с целью добраться целыми до пункта Б из пункта А, а не для гонок под хронометраж. Свою задачу она выполняла эффективно.

Как и можно было предсказать, почва оказалась крошащейся и мягкой. И все же она была больше камнем, чем песком. Гусеницы глубоко зарывались в нее, мотор стонал. Это несколько тормозило их продвижение, но гарантировало превосходную силу сцепления с почвой. И все же, Флинкс не хотел бы оказаться лицом к лицу с настоящим порывом ветра в этой медлительной машине.

Наконец они одолели последний подъем. Оглядываясь назад, Цзе-Мэллори мог различить вдали обшарпанные шпили и башни города, затемняемые вечной пылью и ветром. Смотреть вверх было труднее. По переду купола начали барабанить гравий, грязь и сломанные ветки от крепко обнимающих землю растений. В первый раз стал слышен сквозь толстую защиту вой ветра, похожий на звук рвущейся ткани, усиленный эхом.

Вульф взглянул на анемометр:

— Сто пятнадцать и пятьдесят две сотых километра в час, сэр.

— Ж е! Я надеялся на лучшее, но могло быть и хуже. Намного хуже. Никто не собирается отправляться на долгую прогулку. С вихрем мы, может, и справимся, но ураган создал бы некоторые неудобства!

Когда они двинулись дальше от края утеса, воздух начал становиться достаточно прозрачным, чтобы они увидели свою цель. Они ехали, и ветер постепенно замирал, по мере того как они въезжали под защиту здания. Шесть пар глаз уставились вверх... все задирая и задирая головы, пока не показалось, что намного проще лечь и смотреть прямо вверх. Только Вульф, сфокусировавший взгляд на приборной доске, не поддался приманке монолита.

Он возвышался над ними, исчезая наверху в вихрях пыли и облаках, не нарушаемый ни карнизом, ни окном.

— Как хуюкубва? — сумел наконец прошептать Малайка.

— Насколько он велик по моему мнению? Я не очень-то могу сказать, — ответил Цзе-Мэллори. — Тру? У тебя самая лучшая среди нас дальность зрения.

Долгий миг философ хранил молчание.

— В человеческих категориях?

Он опустил взгляд, посмотрев на них. Если бы он мог моргать, то моргнул бы, но глазные щитки трансков реагировали только на присутствие воды или сильного солнечного света. Импровизированные очки придавали его лицу несколько комический вид.

— Немного больше километра у основания... со всех сторон. Сверху он, знаете ли, выглядит идеальным квадратом. Наверно... — он бросил еще один короткий взгляд вверх, — километра три высотой.

Испытываемое ими легкое подрагивание внезапно исчезло. Теперь они ехали по гладкому желто-белому кругу, в центре которого располагалось строение.

Малайка пригляделся к материалу, по которому они ползли, а затем снова посмотрел на здание. Тяжелый краулер не оставлял никаких следов на прочной поверхности.

— Как по-вашему, что это за материал?

Цзе-Мэллори тоже разглядывал ровную поверхность:

— Не знаю. Когда увидел его сверху, то, естественно, был склонен считать, что это камень. Как раз перед тем как мы приземлились, я подумал, что он выглядел довольно «мокрым», как определенные тяжелые пластики. Теперь же, когда мы едем по нему, я ни в чем не уверен. Может, керамика?

— Наверняка, упроченная металлом,— добавил Трузензю-зекс.— Но что касается поверхности, то полимерная керамика будет, разумеется, неплохой догадкой. Она совершенно отличается от всего, что я когда-либо видел ранее на других тар-айимских планетах. Или, если уж на то пошло, от всего, что я видел в городе, когда мы подлетели.

— Гм. Ну, поскольку они построили свой город под защитой этого утеса, как ветролома, то я не сомневаюсь, что любой мланго будет на этой стороне строения. Же?

Как выяснилось достаточно скоро, Малайка был совершенно прав.

В отличие от всего таинственного сооружения, материал, использованный для постройки двери, оказался легко узнаваем. Это был металл. Дверь возвышалась на добрых тридцать метров над кабиной краулера и вытянулась по меньшей мере на половину того же расстояния в обе стороны. Сам металл был незнакомым, тускло-серого цвета и обладал странным стеклянным глянцем. Очень похожим на утренние туманы родины Флинкса. Дверь располагалась в нише стены здания глубиной в несколько метров.

— Ну, вот и ваша дверь, капитан,— промолвил Цзе-Мэллори.— Как мы проникнем за нее? Лично я признаюсь в полном отсутствии вдохновения.

Изучая вход, Малайка качал головой в благоговении и подавленности. Нигде не было видно ни одного сочленения, стыка или шва.

— Гони прямо к ней, Вульф. Ветер здесь практически стих. Придется нам вылезти и поискать звонок или что-нибудь в этом роде. Если мы не найдем что-нибудь похожее на ручку или замочную скважину, то развернем пушку и попробуем войти менее вежливым способом.— Он с сомнением посмотрел на массивный квадрат.— Хотя я надеюсь, что без этого можно будет обойтись. Я знаю, как упрямы тар-айимские металлы.

Как оказалось, эту проблему разрешили за них.

Где-то в недрах колоссального строения, долго пребывавшие в спячке, но не умершие механизмы почувствовали приближение искусственной машины, содержащей в себе биологические существа. Они сонно заворочались, пробуждая отдохавшие цепи памяти. Схема и состав приближающейся машины не были знакомыми, но они не были и враждебными. Существа в машине были равно неизвестными. И среди них был мозг I-го класса. Незнакомый, но и не враждебный. А прошло так много времени!

Здание поспорило само с собой несколько секунд.

— Приторфози, Вульф! — Коммерсант заметил движение перед краулером.

С плавностью и бесшумностью, порожденными постоянной смазкой, огромная дверь разделилась. Медленно, с тяжеловесностью большого груза две половинки разошлись ровно настолько, чтобы краулер мог проехать со всеми удобствами. А затем остановились.

— Наверно, нас ждут?

— Автоматика, — прошептал загипнотизированный Трузензюкс.

— Я тоже так думаю, философ. Заезжай, Вульф.

Молчаливый пилот послушно включил двигатель, и мощная машина, гроыхая, покатила вперед. Малайка осторожно осматривал стороны узкого отверстия. Металл не был разумно тонким листом. И даже умеренно тонким.

— Добрых девятнадцать-двадцать метров толщины; — прозаически заметил Цзе-Мэллори. — Интересно, кому ей предназначалось преграждать вход.

— Очевидно, не нам, — ответил Трузензюкс. — Вы бы могли баловаться со своей игрушкой много дней, капитан, и сожгли бы ее прежде, чем оставили на двери хоть царапину. Хотел бы я попробовать на ней снаряд СККАМ, просто чтобы посмотреть: кто выйдет победителем. Я никогда не слышал ни о каком искусственном сооружении, способном устоять перед снарядом СККАМ, но, впрочем, я также никогда не видел и улье-блок двадцатиметровой толщины из тар-айимского металла. Этот вопрос, несомненно, навек останется академическим.

Они проехали несколько метров внутрь, когда дверь начала медленно скользить, закрываясь за ними. Бесшумность этого процесса производила жуткое впечатление. Вульф, держа руку на рычаге, вопросительно взглянул на Малайку. Однако коммерсант, по крайней мере внешне, не был озабочен этим.

— Она открылась, впуская нас, Вульф. Думаю, что она сделает то же самое, выпуская нас. — Двери закрылись. — В

любом случае, к ванини беспокоиться? Теперь это не имеет значения.

Их ждал еще один сюрприз. Если стены из псевдокерамического материала не были полыми, что было едва ли вероятным при такой двери, то достигали в толщину добрых ста пятидесяти метров. Намного больше, чем требовалось всего лишь для поддержки веса здания, как бы оно ни было велико. Это выдавало стремление к неприступности. Подобное и раньше находили в развалинах тар-айимских крепостей, но никогда ничего приближающегося по масштабам к этому.

Флинкс не знал, что их ждет внутри. С тех пор как открылись огромные двери, он последовательно просканировал все, но не смог засечь ничего думающего. И он сетовал на свой чисто боковой обзор из краулера.

Сверху до него донесся голос Малайки. Он был странно приглашенным.

— Катика, все там. Ата, открой шлюз. Здесь есть воздух, и он пригоден для дыхания, также есть свет и нет ветра, и сам не знаю, верить этому или нет, хотя мой моджичо говорит мне... но чем раньше вы это увидите...

Дальнейших приказов им не требовалось. Даже Сиссиф пришла в волнение. Ата пробралась к небольшому пассажирскому шлюзу, и они смотрели, как она отключает тройную систему блокировки. Тяжелая дверца сама распахнулась наружу. Металлический трап выдвинулся до соприкосновения с полом, пожужжал, когда установил твердый контакт, и отключился.

Флинкс вышел первым, следом за ним Ата, двое ученых, Малайка, Сиссиф и, наконец, Вульф. Все стояли совершенно молча, обозревая раскинувшуюся перед ними панораму.

Интерьер здания был полым. Описать его можно было только так. Где-то наверху, знал Флинкс, эти стены соединялись с потолком, но как он ни напрягал зрение, все равно не мог разглядеть его. Здание было таким огромным, что, несмотря на превосходную циркуляцию, внутри образовались облака. Четыре гигантских плиты стен подавляли его, но в открытом пространстве такой величины клаустрофобия невозможна. По сравнению с вечным воем ветра и шуршанием пыли снаружи, полная тишина внутри здания наводила на мысли о соборе.

Свет, будучи предназначенным не для челанксийских глаз, являлся целиком искусственным. Он был слегка голубовато-зеленым. Он был также более тусклым, чем они предпочли бы. Синий от природы хитин философа выглядел в нем хорошо, но остальных он делал на вид слегка рыбообразными. Тусклое освещение не столько препятствовало обзору, сколько заставляло

вещи казаться расплывчатыми, словно их рассматривали сквозь не совсем прозрачное стекло. Температура тут стояла умеренная, даже несколько жарковатая.

Краулер остановился, потому что дальше ехать он не мог. Оттуда, где они стояли, тянулись ряды за рядами какие-то сидения или кресла. Здание представляло собой колоссальный амфитеатр. Ряды тянулись без перерывов вплоть до противоположной стены строения. Там они кончались у подножия... чего-то.

Он бросил, вдаль всего один взгляд и рискнул быстро прозондировать других. Малайка оценивающе оглядывал амфитеатр, Вульф с обычным для него безразличным выражением лица брал пробу воздуха прибором на поясе. Сиссиф *крепко прижалась к Малайке, с тревогой оглядываясь в беспокойном безмолвии. Лицо Аты носило то же выражение осторожного наблюдения, что и у рослого торговца.

Двое ученых находились в состоянии, настолько близком к нирване, насколько это вообще возможно для ученых. Мысли их двигались так быстро, что Флинксу оказалось трудно даже ощутить их. Они устали на сооружение в противоположном конце огромного помещения. Для них поиск оправдал себя, даже если они не знали, что именно нашли. Цзе-Мэллори выбрал этот миг, чтобы шагнуть вперед, а за ним Трузензюэкс. Остальные тронулись гуськом за учеными по центральному проходу между сиденьями.

Прогулка оказалась не очень утомительной, но Флинкс был благодарен за возможность отдохнуть в конце ее. Он сел на край возвышенного помоста. Он мог бы занять одно из сидений внизу, но они никак не подходили по очертаниям к человеческой физиологии и были несомненно такими же неудобными, как и выглядели.

На помост, где он сидел, вела большая лестница. На противоположном конце его безупречный купол из стекла или пластика накрывал единственную безыскусную кушетку. Со стороны зрительного зала в купол вел большой овальный дверной проем. Он возвышался на добрый метр над самым рослым членом экспедиции и был намного шире, чем потребовалось бы даже дородному Малайке. Само ложе имело легкий наклон в сторону амфитеатра. Его возвышенный конец частично накрывал купол поменьше, походивший по виду на стакан для бренди. От него и из-под кушетки шли к машине толстые кабели и провода.

Сама «машина» возвышалась над ними на сотню метров и шла вдоль всей стены зрительного зала. Многое в машине

оставалось скрытым, но Флинкс видел циферблаты и кнопки, отражавшие свет, сочившийся из-за полукрытых пластин. Те, что он смог различить, были спроектированы явно без мысли о человеческих и транксийских конечностях.

С верха тусклого металлического покрытия машины к невидимому отсюда потолку тянулось бесчисленное множество разноцветных труб. Лазурные, персиковые, голубые, розовые, бело-желтые, как слоновая кость, пурпурные, желто-зеленые, оранжевые, светло-черные, дымчатые, бело-золотые, ярко-зеленые... — всех воображаемых оттенков и тонов. Некоторые не превышали в диаметре нескольких сантиметров, другие выглядели достаточно большими, чтобы с легкостью поглотить челнок. На углах они вливались в ткань строения. Флинкс медленно повернулся кругом и увидел выпуклости в стенах, протянувшиеся даже над входом, указывавшие на присутствие других колоссальных труб. Он напомнил себе, что никак не может быть уверенным в том, что они полые, но почему-то создавалось впечатление, что это трубы. Иногда его таланты действовали независимо от мыслей.

— Ну,— произнес Малайка. И снова повторил: — Ну, ну!

Он казался неуверенным в себе, редкое для него состояние. Флинкс улыбнулся мыслям коммерсанта. Великан не был уверен, радоваться ему или нет. Что и говорить, он определенно что-то нашел. Но он не знал, что это такое, не говоря уж о том, как его сбыть. Он стоял, в то время как все остальные сидели.

— Я предлагаю доставить все, что понадобится для наших исследований.— Трузензюекс и Цзе-Мэллори подробно изучали все вокруг и едва ли расслышали его.— Это дело мне не по зубам, и поэтому я слагаю его со своих плеч. Надеюсь, вы, господа, сможете выяснить, что делает эта штука? — Он взмахнул широкой ладонью, охватывая все, что они могли видеть.

— Не знаю,— сказал Трузензюекс.— Так, экспромтом, я бы сказал, что наши знакомые браннеры были правы, когда говорили, что эта штука — музыкальный инструмент. С виду она, разумеется, похожа на него, а обстановка здесь,— он показал на амфитеатр,— склонна поддерживать это предположение. Однако, я, хоть крылья оторви, не могу пока понять, как он действует.

— С виду похож на конечный продукт самых худших кошмаров безумного мастера-изготовителя органов,— добавил Цзе-Мэллори.— Наверняка я не скажу, если мы не вычислим, как управлять этой штуковиной.

— А вы вычислите? — спросил Малайка.

— Ну, она, кажется, все еще хотя бы частично под током, и что-то двигает двери — Вульф записал источник энергии, — что-то включает свет... и, надеюсь, поддерживает циркуляцию воздуха. Спроектировали ее не в соответствии с нашими концепциями, но эта штука, — он показал на купол, накрывающий ложе, — выглядит очень похожей на сиденье оператора. Конечно, она также может быть местом упокоения для их почитаемых покойников. Мы этого не узнаем, пока не копнем немного глубже. Я предлагаю перевезти сюда из челнока все, что нам может понадобиться.

— Мапаџано! Согласен. Вульф, мы с тобой начнем перевозить вещи из челнока. Это дело пойдет достаточно быстро, коль скоро мы выгрузим кое-что из того барахла, что я чавалил в краулер. Похоже, мы немного задержимся здесь, хата кидогобая!

ГЛАВА 17

Постоянное пребывание внутри здания вызывало странное чувство. Не заточения, так как дверь идеально срабатывала даже для одного лица, при условии, что оно несло с собой хотя бы один предмет металлической искусственной конструкции. Особенное удовольствие доставляло приближаться к огромным порталам, вытянув перед собой рацию или пистолет, и заставлять миллионы тонн непробиваемого металла бесшумно раздвигаться, открывая персональный проход в метр шириной и тридцать метров высотой.

Ночью снаружи было лучше, но не намного. Несмотря на очки, назойливая пыль в конечном итоге добиралась-таки до глаз. Да и продрогнешь там.

Цзе-Мэллори и Трузензюекс возились с громадной аппаратурой, заглядывая за те панели в серо-голубой стене, что открывались, и игнорируя те, что не желали открываться. Не было смысла проникать силой, рискуя поломать сложное устройство. Зачем, когда они могли провести долгие годы, исследуя легко доступные части. Поэтому они продолжали копать в открытых внутренностях Кранга, не сдвигая с положенного места ни единого провода, действуя с предельной осторожностью, чтобы не сломать ненароком какую-либо важную схему. Покуда ученые и Малайка бились над загадкой машины, Ата и Флинкс иногда отправлялись на краулере в огромный

город. Вульф оставался помогать Малайке, а Сиссиф просто сидела рядом с ним. Поэтому Флинкс заполучил наблюдательный купол краулера практически в свое личное распоряжение.

Ему с трудом верилось, что строения, сумевшие сохранить красоту даже в руинах и под многовековым слоем пыли, были воздвигнуты в качестве домов самой воинственной расой, какую знала галактика. Эта мысль набрасывала на безмолвные развалины какой-то таинственный покров. Никаких украшений на изъеденных песком фасадах зданий не имелось, но это, в принципе, ничего не значило. Все несущественное для действительной опоры строений давным-давно искрошилось. Они заезжали далеко в глубину города, воспользовавшись тем, что некогда служило главным бульваром.

Сама улица находилась где-то далеко внизу, погребенная под тысячелетними наслоениями песка и почвы. Они признали в ней улицу только из-за отсутствия зданий. Вероятно, этот город заносило по меньшей мере сотню раз, и каждый новый цикл стесывал какую-то часть его первоначального вида. Они вскоре открыли, что каждый вечер возникало какое-то слабое электростатическое поле и удаляло дневные наносы пыли и мусора у подножия Кранга на всю ширину желто-белого круга. Но в городе никакой подобной заботы на глаза не попадалось. По вечерам, когда заходило солнце, пески превращались в кроваво-красные, а руины пустых зданий искрились, словно топазы и рубины в оправе из сердолика. Лишь постоянный непрекращающийся ветер нарушал спокойную красоту пейзажа, его никогда не затихающие стенания казались эхом проклятий всех исчезнувших рас, когда-либо покоренных тар-аймами.

ГЛАВА 18

Неделю спустя они все собрались на небольшое совещание на помосте. Поблизости стояла маленькая портативная печка, получавшая энергию от термоэлемента и придававшая месту неуместно домашний вид. Скоро, подумал Флинкс, они станут развешивать в рядах выстиранное белье. Ученые нашли, что удобнее спать и есть там, где они работали, вместо того чтобы проделывать каждый день прогулки до краулера. Они могли бы подогнать краулер прямо к подножию помоста, но при всем, что они знали, сами сиденья могли играть какую-то важную роль в работе Кранга. Кроме того, превращать часть обстановки

этого места в мусор казалось едва ли самым лучшим способом подойти к раскрытию его тайн. И очень хорошо, что они этого не сделали, так как спящая машина могла отметить этот жест как враждебный и немедленно предприняла бы надлежащие действия.

Домашнюю атмосферу усугубляли запахи жарящегося бекона с яйцами и джуквила для Трузензюэкса. В данный момент Ата и Сиссиф готовили ученым обед. Такая необходимость возникла после того, как все мужчины продемонстрировали крайнюю несообразительность в работе с прибором, который 90 процентов работы выполнял сам. Отлично зная, что он мог бы управиться с печкой лучше, чем любой другой из них, Флинкс, когда ему предложили попробовать, сослался на неведение и отказался. Он не испытывал ни малейшего желания быть связанным работой повара, особенно тогда, когда мог проводить время, наблюдая, как двое ученых анализируют изумительные внутренности машины.

— Эта штука становится с каждым днем все невероятней,— говорил теперь Цзе-Мэллори.— Вы знаете, мы нашли ходы во всех углах здания, где машина исчезает в стенах.

— А я-то гадал, куда это вы исчезали,— сказал Малайка.

— Они тянутся даже не представляю насколько далеко под нами. При всем, что я могу определить — к центру планеты, хотя я думал, что жар сделает подобное расширение невозможным даже для тар-аймов. И мы не имеем ни малейшего представления, насколько далеко она простирается на горизонтальном уровне. До океана? Под него? Нам там, знаете ли, пришлось нелегко. Там сплошные лестницы, проходы, спуски и ничего, спроектированного для рук человека или транкса. Но, помогая друг другу, мы все-таки кое-как справились. Там, должно быть, есть где-то механические лифты, но мы не смогли их найти. Впервые мы спустились вниз три дня назад... извиняемся, что встревожили вас своим долгим отсутствием. Полагаю, нам следовало сообщить, куда мы отправляемся, но мы сами не знали и, разумеется, не ожидали, что будем бродить так долго. Исследования так захватили нас, что мы потеряли всякое чувство времени. Мы шли более-менее прямо вниз, остановившись только дважды, на небольшой отдых и сон. Эти трубы, или что бы там это ни было,— он показал на ряды выстроившихся над ними гигантов,— продолжают под полом и спускаются на уровни, до которых мы не добрались. Большинство механизмов оказались совершенно незнакомыми для нас, а мы, осмелюсь заявить, знакомы с образцами тар-айимской

инженерии не хуже любого в Рукаве. Но большая часть этого добра нам явно не по зубам.

С приближением к поверхности автоматика становится практически сплошной. Далее вниз она достаточно разделяется, чтобы в ней можно было распознать отдельные компоненты. Вся она выглядит с иголочки новенькой. Металл во многих местах был теплым, подтверждая то, что мы все время подозревали: машина постоянно подпитывается энергией. И там, должно быть, миллионы километров проводов. И все же мы понятия не имеем, что она делает, капитан. Я сожалею об этом больше, чем когда-либо сможете печалиться вы, но можете утешиться сознанием, что чем бы она ни была, она, несомненно, самая большая и самая лучшая из всех своего типа.

На этом заметно уставший Трузензюзекс и закончил рассказ. Последнюю неделю философ работал в невероятном темпе, и возраст начал сказываться. На корабле он хорошо маскировал его своей энергией и юношеским духом.

— Неужели вы не смогли открыть хоть что-нибудь относительно ее функций? — взмолился Малайка.

Цзе-Мэллори вздохнул. В последнее время он делал это часто.

— По-настоящему — нет. Мы оба все еще склоняемся к теории музыкального инструмента. Однако против нее есть много беспокоящих нас аргументов. — Он посмотрел на Трузензюзекса, и тот подтверждающе кивнул.

— Же? — подтолкнул их Малайка.

— Хотя бы такой: мы не можем заставить себя поверить, что во время самого большого военного кризиса столь воинственная раса, как тар-айимы, посвятит столько усилий и материалов чему-либо гражданского характера. Например, металл для таких дверей, вероятно, требовался для строительства боевых кораблей. И все же его привезли и использовали здесь. С другой стороны, мы знаем, что они испытывали огромную тягу к искусству. Вкусы их сильно склонялись в военную сторону. Возможно, они почувствовали необходимость в проекте для стимуляции патриотического чувства, и это был их способ добиться его. Возможно также, что в этом имелись психологические выгоды, которые мы не можем и отдаленно представить себе. Если это кажется маловероятным, то подумайте об имеющемся у нас отсутствии фактов для построения гипотез. Я и сам готов не верить ни одному из своих предположений. И еще одно. Вы случайно не заметили необычного серебристо-золотого оттенка в атмосфере, когда мы приземлялись?

— Нет... да! — вспомнил Малайка. — Я видел его раньше на других планетах и поэтому не считал слишком неординарным. Эти... слои мбили, если я правильно помню, казались гуще и упорядоченней большинства. Но я не видел причин удивляться. Я видел также и учетверенные слои. А причиной их необычайной густоты вполне могло быть эрозийное воздействие этих вачави упепо, колдовских ветров.

— Верно, — согласился Цзе-Мэллори. — По-моему, это называется Ветроблеск. Как вы сказали, могло быть и естественное объяснение странной густоты тех слоев. Я вообще привлек к ним ваше внимание только потому, что на одном из достигнутых нами уровней мы нашли то, что, похоже, является частью огромной станции управления погодой. Среди прочего, некоторые приборы оказались занятыми только хранением информации по этим двум уровням в атмосфере. У нас хватило времени только быстро осмотреть ее, так как нашей главной заботой являлось быстрое обследование. Но единственная причина, почему мы ее вообще заметили, заключалась в том, что металл там оказался очень теплым, выдававшим массу жара, и казался работающим на полную мощность. Это нечто такое, что мы наблюдали только в очень немногих местах. Мы теперь думаем, что эти слои имеют какое-то отношение к действительной функции Кранга. Какой именно, не могу себе представить.

— Если говорить конкретней, — в разговор вступил Трузензюекс, — эта штука, — он указал на прозрачный купол и лежанку под ним, — все больше и больше походит на центральный пульт управления всей автоматикой. Я знаю, кажется трудным вообразить, что это чудовище управляется единственным существом, лежащим на той скамейке, но факты, кажется, поддерживают эту гипотезу. Я лично отношусь к ней скептически. Нигде поблизости от этой штуки нет никакой кнопки, рубильника или схожего устройства. И все же, одно ее расположение и изоляция вроде бы подтверждают ее важность.

Пристальное изучение того шлема, или головного убора, или чего бы то ни было, показывает, что он связан с тем, что может быть какой-то разновидностью сенсорного приемника. Если машина и в самом деле еще способна больше чем на частичную активацию, тогда теоретически всего лишь приближение к этому передатчику должно произвести нужное воздействие. В действительном физическом контакте с оператором, кажется, нет необходимости. Так что тот факт, что размер и форма наших голов ни в коей мере не соответствуют черепам

тар-айимов, по всей вероятности, не должен послужить нам препятствием.

— Значит, вы думаете попробовать включить ее,— сделал вывод Малайка.

— Мы обязаны это сделать.

— Но что если она настроена откликаться только на электромагнитные конфигурации, генерируемые мозгом тар-айима?

— У нас нет никаких указаний, что для активации машины необходимы «электромагнитные конфигурации» вообще какого-либо типа,— возразил Цзе-Меллори.— Но если окажется, что дело в этом, и вы не сможете раздобыть живого и сотрудничающего с нами тар-айима, я очень сильно опасаюсь, что мы можем спокойно упаковаться и отправиться домой.— Он пожал плечами.— Я и Тру чувствуем, что путь прослеживания схемы завел в тупик. Мы можем продолжать ковыряться в этой куче механизмов тысячу лет — настолько она велика — и нисколько не приблизиться к пониманию того, как она действует.

— А попробовать включить ее... разве это не может быть очень опасным? — спросила Ата.

— Это вполне может стать смертельным, моя милая. Мы решили это давным-давно. Например, там может быть обратная связь, способная... по этой самой причине и по нескольким другим, я попробую включить ее первым. Если мы, тем не менее, не сумеем активировать ее и не возникнет никаких явных вредных последствий, то я не вижу никакой причины, почему бы и всем остальным не попробовать то же.

— Только не мне! — громко заявила Сиссиф.

— Эй, минуточку,— начал было, не обращая на нее внимания, Малайка.

— Извините, капитан,— сказал Трузензюэкс.— Стархе! Как вы сказали бы, не беспокойтесь. Бран прав. Возможно, наше образование не совсем подходит для оператора этой штуки, но знакомство с работами тар-айимов и то малое, что мы знаем об их психологии, могут помочь нам справиться с любыми способными возникнуть непредвиденными затруднениями. Сожалею, но тут вовлечено слишком многое, чтобы позволить вам сделать первую попытку. Мы не на борту корабля. На данную минуту ваша кандидатура отклонена, капитан.

— Же! — прогромыхал Малайка.

Цзе-Мэллори шагнул ко входу в купол:

— Тогда давайте приступим.

— Вы хотите сказать, сасаа кууме? — переспросил Малайка.

Цзе-Мэллори остановился.

— Не вижу, почему бы и нет. — Он снова заколебался у входа и оглянулся. — Я не ожидаю, что случится многое, не говоря уж об опасности. А если случится, то я не жду, что это будет большой защитой, но ради моего личного психологического комфорта, сойдите, пожалуйста, все с помоста. Безусловно на сиденьях, или в креслах, или что это там такое, должно быть достаточно безопасно. Тар-айимы явно пользовались ими, когда действовала эта штука, поэтому им полагается быть безопасными также и для нас. Теоретически.

— Социолог, против теоретической раны я не возражаю. — Малайка улыбнулся с явным намерением успокоить и присоединился к другим, уходившим с возвышения к рядам «сидений» внизу.

Кроме Брана на помосте остался только Трузензюэкс. Официально он находился там для наблюдений, но и он, и Цзе-Мэллори знали, что если что-то случится, то от помощи инсектоида, вероятно, будет мало толку. Он сделал ритуальный глубокий вдох и вошел в купол.

Керамико-пластиковая плита стала теперь знакомой после многих дней продолжительного и подробного изучения. Он взобрался на гладкую холодную поверхность и повернулся лицом к зрительному залу, слегка подняв голову. Из купола потолок монолита казался почти видимым. Возможно, прозрачный материал действительно производил легкое увеличение.

Плита была намного длиннее, чем требовалось для размещения его долговязого и худого тела. Она, однако, не подогревалась. Он обнаружил, что неуютно ерзает на твердой холодной поверхности и желает, чтобы она превратилась в теплую постель. Это слишком походило на капсулы в лаборатории криогенного анабиоза. «Сделай это по-быстрому!» — скомандовал мозг телу. Вонзая каблук в неподатливую поверхность, он толкнул себя повыше. Одним движением его голова очутилась полностью внутри шлема.

Шлем принял бледно-красный оттенок, переходящий в желтый, а затем в светло-зеленый. А также стал слышен легкий гудящий звук. Он явно исходил из самой плиты. Вот и все. Ни фейерверков, ни даже нескольких простых вспышек молнии.

Лицо Цзе-Мэллори в куполе кривилось, но явно от сосредоточенности, а не от боли. Странное дело, мозг его стал для Флинкса непроницаемым. Если купол и не производил

ничего другого, то экранировал мысли всякого, кто лежал под ним.

Двадцать минут спустя он вышел из купола, мотая головой, в то время как другие столпились вокруг него.

— Же? — спросил Малайка.

— Же? — переспросил выглядевший раздраженным социолог.— Ну, мы доказали одно. Если эта машина все еще способна функционировать так, как ей предназначалось, то этот шлем определенно является исходным пунктом.

— Я не могу поверить, что все это безумие построили для того, чтобы на пластиковом головном уборе заиграли красивенькие разноцветные огни!

— Нет, конечно же, не для того.— Цзе-Мэллори тоскливо оглянулся на плиту и на опять ставший прозрачным шлем.— Похоже, что я способен активировать ее, но лишь в очень малой степени. В моем мозгу явно чего-то не хватает. Или, возможно, для этого требуется всего лишь определенного рода тренировка, о которой мы ничего не знаем. Не знаю. Я со своим мозгом попробовал все, что мог. Самогипноз. Йогу. Упражнения Банда. Совершенное объективное сосредоточение. Открытое подсознание. Результаты вы видели. Или, скорее, отсутствие их.

— Вы что-нибудь почувствовали, вообще, все что угодно? — спросил Флинкс.

— Гмм. Да, странное ощущение. Не болезненное и не угрожающее. Просто странное. Словно что-то пыталось проникнуть ко мне в голову. Щекотку снаружи мозга, едва заметную. А когда я попытался сосредоточиться на этом ощущении, оно ушло и спряталось. Должен сказать, что я разочарован.

— Же? Вы, может, думаете, что у вас монополия на это? — Коммерсант выглядел расстроенным, имея на это все основания.— И что же теперь?

— Теперь я предлагаю попробовать остальным людям. По-моему, я с избытком продемонстрировал ее безвредность, если и ничего другого. Поддержание ее настроенности на мозг одного типа может вызвать благотворный кумулятивный эффект.

Один за другим остальные по очереди забирались под прозрачный шлем. За исключением, конечно же, Сиссиф, отказавшейся даже приближаться к нему. Малайка сумел вызвать сильное желтое свечение прозрачного материала. Флинкс действовал так же хорошо (или так же плохо, сказать не мог никто), как Цзе-Мэллори, только его цвет обладал еще и неровным пульсированием. Словно для опровержения утверж-

дений Цзе-Мэллори, он вышел из купола с определенной головной болью. Ата и Вульф сумели вызвать светло-красный, почти розовый цвет. Им больше повезло, когда наконец сделал попытку Трузензюекс.

В ту же секунду, когда его стареющая радужная голова вступила в зону эффективности, мягкие цвета сразу же пробежали спектр от бледно-розового до темно-синего. Цзе-Мэллори пришлось отметить это, чтобы привлечь внимание всех. Повторяющиеся неудачи вызвали скуку. Но теперь никто не скучал. Гудение из основания плиты сделалось четко слышимым даже за пределами купола. На одной из открытых панелей огромной серой массы машины начали слабо светиться огоньки. Шлем к тому времени принял темно-лавандовый цвет.

— Посмотрите на купол! — указал Флинкс.

На несколько дюймов в высоту купол светился сплошным немигающим малиновым цветом. Время от времени мягкий свет полз на несколько миллиметров вверх, а потом опускался обратно и исчезал в полу.

Час спустя Трузензюекс, шатаясь, выбрался из купола. Цзе-Мэллори пришлось поддерживать философа за грудную клетку-б, так как ноги не держали старого инсектоида. Они вместе, пошатываясь, спустились к первому ряду сидений. Лицо Трузензюекса оставалось беспристрастным, но обычное здоровое свечение у него в глазах заметно потускнело.

— Ты, брат, безусловно правильно определил это, — выдохнул он, — когда сказал, будто нечто пыталось проникнуть тебе в голову! Я опять почувствовал себя, словно юноша, пытающийся вылупиться из своей куколки. Уфф! Могу сказать, однако, что из этого ничего не вышло.

— Неверно, — возразил Флинкс, а Малайка подтверждающе кивнул. — Вы заставили сам купол светиться красным, во всяком случае, вокруг основания.

— Да? — последовал свистящий транксийский смех. — Полагаю, что это своего рода достижение. Изнутри я не мог этого заметить. Я сосредоточился довольно глубоко и со своими оптическими нервами не работал. Возможно, это значит, что мы на правильном пути? — Он повернулся лицом к Малайке. К его мускулам постепенно возвращались прежние силы. — Капитан, я переиначу свое предыдущее утверждение. Дайте мне на это еще три-четыре недели, и я так или иначе выясню, сможет ли когда-нибудь человек или транкс управлять этой штукой. И окажется ли ваш вклад потерей или нет.

Малайка выглядел скорее смирившимся, чем подавленным. Его собственная безуспешная борьба с Крангом прибавила немного терпения, если и не дала других результатов.

— Бадо Джузи. «Еще не вечер». Старая поговорка в моей семье, господа. Вы уже сделали намного больше, чем я имел право надеяться. Работайте не спеша, господа, работайте не спеша.

Далеко внизу в тайных местах планеты лениво заворчалось сознание Кранга... Оно более полно рассмотрело импульсы, пробудившие Первичное Звено слабыми детскими зондированиями и давлениями. Даже в своем полуспящем состоянии он был разумно уверен (плюс-вероятность — 90.97, минус-вероятность — 8.03, случайные факторы — 1.00), что наверху присутствовал мозг первого класса. Единственный, вполне способный пробудить Кранг к состоянию Низамы, или полной эффективности. Он явно предпочел пока не раскрываться. Машина подумала и позволила своим секциям, управляющим разумом, снова впасть в спячку в состоянии готовности.

Когда мозг будет готов, будет готов и Кранг.

В конце концов, именно для этого его и создали.

ГЛАВА 19

Как оказалось, Трузензюекс не получил своего месяца. Ни даже трех недель. Они возились с доступными частями внутренностей машины, когда рация Малайки сообщила о пришедшем заатмосферном вызове. В порядке безопасности его портативная рация находилась в постоянном контакте с большим передатчиком краулера. Флинкс присутствовал при этом, помогая ученым в физическом аспекте их работы. Сиссиф, Ата, Вульф вернулись в краулер, сортируя припасы в его просторном трюме.

Для облегчения работы ученых рядом с их портативной печкой поместили две койки. Другие все еще находили более удобным спать в знакомой тесноте краулера, несмотря на необходимые для этого ежедневные прогулки.

Оба ученых на мгновение прервали свою работу, заметив странное выражение, появившееся на лице Малайки. Флинкс уловил его из внезапного замешательства мыслей коммерсанта. Он все утро наблюдал, как ученые трудятся над неизвестными обозначениями и непонятными переключателями. Девять десятых того, что они пытались сделать по части механики, ускользало

от его понимания. Он был способен помочь им в более тонких частях операций, обладая, как они выражались, определенным «чувством» того, что где располагалось. И как всегда, их разговор как на устном, так и на мысленном уровне просто заворачивал.

— Капитан...— начал было Цзе-Мэллори.

— Нас вызывают,— ответил коммерсант.— С Орбиты.

Мысли его отражали равные доли подозрения и недоверия. Он включил кнопку вещания на крошечной рации.

— Вульф, ты слушаешь это?

— Да, капитан,— прошел лишенный модуляций ответ из отдаленного краулера.

— Отлично. Передай «слышим» и переключай его. Кто-то знает, где мы. Мало толку отрицать это.— Он повернулся к другим.— Может быть, нас сейчас прослушивают, хотя я сомневаюсь, что такое возможно сквозь эти стены. Но, впрочем, я также сомневаюсь, что нас вызывает другой звездолет, а дело обстоит именно так. Хайдхуру. Ничто не имеет смысла. Оставьте свои рации и слушайте, если желаете, по моей. Нет резона извещать возможного противника о том, сколько у нас действует передатчиков. Если, конечно, он этого уже не знает.

Флинкс в первый раз увидел коммерсанта столь подавленным. Очевидно, напряжение было сильнее, чем он хотел показать. В любом случае, по рации он сказал лишь: — «Да?»

Ответивший голос был от природы высоким. Но если тон и казался чуть женственным, то слова — нет.

— Капитан Максим Малайка, Глава Дома и Плутократ? Я привез вам привет, сэр, от мадам Рашалейлы Нуаман и «Нуаман Интерпрайзис».— Губы Малайки скривились в беззвучном ругательстве, заставившем Флинкса покраснеть.— Поздравляю!

Этого надменного презрения оказалось достаточно, чтобы подстегнуть язык коммерсанта.

— Чертовски достойно с вашей стороны. А кто ниний ниоте?

— Простите? А, я. Я фигура маловажная. Но в целях облегчения дальнейшего разговора — который, заверяю вас, нам обязательно предстоит — вы, возможно, знаете меня как Эйбла Никососа.

— Же, мистер Никосос. Я целиком согласен, что персона вы маловажная. Мне любопытно, как вы сюда попали. Эта планета, кажется, приобретает всеобщую известность.

— Как так? Гмм. Что же касается вашего вопроса, капитан, то, — в голосе сквозило притворное удивление,— мы

последовали за вами. Большую часть пути от Мотылька. На почтительном расстоянии, конечно. И если уж об этом зашла речь, то вы безусловно немало меняли свой курс в начале путешествия. Да, попетляли вы. Но после первой недели мы без труда вычислили ваш примерный курс. Знаете, это четвертая посещаемая нами в этом секторе звездная система с планетами. Мы более-менее знали, где находится нужная нам, но не имели точных координат. Это затруднило нам дело, да, затруднило, когда вы совершенно пропали с экранов. Эти координаты находились на клочке материала, который... но это неважно. Теперь все это — далекое прошлое, не так ли?

— Вы случайно не получили кое-какой помощи от некоего ААинского барона?

— ААинского барона? — писклявый голос отразил удивление. Малайка взглянул на Флинкса.

— Он говорит правду, сэр. И они, определенно, на постоянной орбите.

Двое ученых с удивлением посмотрели на Флинкса. Они ничего не сказали, но он почувствовал в их мыслях легкое негодование на его скрытность. Ему отчаянно хотелось рассказать им, насколько необходимо было сохранить эту скрытность. Даже сегодня пси-чувствительные личности не пользовались всеобщей популярностью, факт, узанный им рано и болезненно еще в детстве. Теперь, однако, было не время пускаться в объяснения.

Голос по рации продолжал:

— С чего бы нам иметь какое-то отношение к ААиннам? Скверный они народ, скверный! Нет, в самом деле, сэр. Мы нашли вас целиком сами, несмотря на трудности, причиненные вашим исчезновением. Но мы ведь нашли вас, не так ли? Так что ничего не стряслось.— Замечание прервал короткий смешок.— Мой корабль находится на орбите в паре диаметров поля от вашей «Славной Дырки». Мы сперва послали луч к ней. Когда мы не получили ответа, а шлюз отказался впустить нас — как умно с вашей стороны, капитан,— мы предположили, что вы уже сделали посадку на поверхность. Один взгляд на ваш челночный причал подтвердил это.

— Телатини нгуруве! Тридцать свиней. Это предельное число, которое можно набить в стандартную капитанскую каюту, в случае, если вы этого не знаете.

К оскорблениям этот голос, кажется, был совершенно невосприимчив.

— Це-це-це, капитан. Вы смущаете мою скромную натуру.

— На это мало шансов.

— Так или иначе, излучения ваших компонентов открыли бы нам ваше местоположение, даже если бы вы отказались отвечать на вызов. Что, я уверен, вы хорошо сознавали.

— Капитан,— обратился Флинкс.— Я думал, вы говорили...

— Вспомни о ретрансляции на рацию челнока. Именно ее-то они и засекли. В любом случае, они едва ли могли упустить нас.— Мысленно он уже готовился к обороне в последнем окопе.

— Где вы сейчас, друг Никосос, помимо того, что на орбите?

— Хорошая догадка, капитан. Мы летим над этим бедным влагой континентом. Не сомневаюсь, довольно близко к вам. Вскоре мы должны приземлиться, в какое-то время я надеюсь поприветствовать вас лично.

Голос замолк, а потом снова заговорил:

— В чем бы там вы ни прятались, оно действительно должно быть кое-чем. У нас масса трудностей с приемом вашей передачи.

— Вы проделали долгий путь ради кучи ничего, Никосос. Мы уже не одну неделю работаем над этим, как вы столь точно выразились, «чем бы то ни было». Мы не сумели вычислить, что оно делает, не говоря уж о том, как оно это делает.

— Разумеется, капитан, разумеется! — В голосе теперь звучали юмористические нотки.— Лично я, когда меня слишком глубоко пробирает космический холод, люблю пролететь сквозь ближайший сверхгигант М и согреть свои замерзшие косточки. Как я сказал, мы с вами скоро увидимся.

— Он не верит нам,— сказал Флинкс.

Малайка кивнул:

— А потом?

— Ну, это представляет проблему, а? Я, разумеется, не могу помахать вам ручкой, желая счастливого пути домой, потому что тогда вся моя упорная работа будет напрасной, не так ли? Впрочем, убийство тоже, в общем-то, не мой профиль. Наверное, можно будет что-нибудь придумать...— Малайка отключил рацию и повернулся к остальным.

— Же, вы слышали. Там, где речь идет о новых планетах, владение — девять десятых древнего права, но я сомневаюсь, что Раша позволит мне вызвать церковные силы Оценки.— Он переключил рацию на межличностную частоту.

— Вульф, ты все слышал?

— Да, капитан,— донесся ровный ответ человека-тени. Флинкс гадал, а был ли пилот вообще способен на никогда не проявляемое им волнение.— Боюсь, однако, что ваша подруга

восприняла это довольно тяжело. Она упала в обморок. Мисс Мун сейчас заботится о ней.

— Же! Тогда она, во всяком случае, на время утихомирится. Мы вскоре присоединимся к вам. Нам всем лучше оставаться памоджа.— И снова отключил рацию.

— Что вы предлагаете? — спросил Цзе-Мэллори.

— Я мало что могу, социолог. Даже если бы этот Никосос оказался настолько мджинга, что приземлился бы без защитного экрана, было бы тяжело пытаться пробиться с боем. Хотя у нас имеются,— тут он посмотрел прямо на Флинкса,— свои собственные сюрпризы. Однако я уверен, что люди, оставленные им на корабле, будут прослушивать все, что происходит. В челноке мы окажемся в их власти. Если этот Никосос не прихватил с собой экран, и если мы сможем застать его врасплох и нанести им непоправимый урон несколькими выстрелами, прежде чем они успеют предупредить свой звездолет, и если мы сможем проскочить к «Славной Дырке» под их детекторами, и если мы сможем попасть внутрь и запустить генератор, прежде чем они заметят,— вот тогда у нас будет неплохой шанс смыться или отбиться от них.

— Слишком много «если»,— непринужденно заметил Трузен-зюэкс.

— Кабиса, именно. И все же, у нас есть и другое оружие. Можете не сомневаться, я его испробую. Взятки, например, часто оказывались на войне действенной, чем ядерная энергия. Но боюсь, что Раша не отправит на такое важное задание уязвимую в этом отношении тварь. Во всяком случае, не того, кто поддается искушению полного подкупа. А вот частичного... Я могу придумать еще только одно. У этого здания только один мланго. Выставить пушку и палить по первому, кто войдет в него. Покуда у них нет определенного представления о том, насколько мы запаслись продовольствием и оружием, он может стать достаточно нетерпеливым для мелкого торга с нами. К несчастью, у нас мало что имеется, даже с тем, что мы могли бы перевезти сюда из челнока. Мибу, ему нужно всего-навсего сжечь челнок и отправиться на досуге поразвлечься сафари на Ниневии, с координатами для Регистрации!

— А почему бы ему не сделать это в любом случае? — спросил Флинкс.

— У него иное задание, киджана, иначе он даже не потрудился бы вызвать нас. Просто вывел бы из строя «Славную» и отправился своей дорогой. Ему явно требуется выяснить о Кранге все, что можно.— Он сделал жест в сторону двух ученых.— Раша знает о вас. Я сам ей сказал, чурка я

этакий. Она могла бы нанять и своих экспертов, но знает вашу репутацию. Поэтому за вашу жизнь я не беспокоюсь. Только за вашу репутацию. Я считаю также, что смогу устроить кое-что для себя. Слишком много народу будет задавать неудобные вопросы, если я внезапно исчезну... даже в исследовательском путешествии в незаселенные районы. И он не может заколачивать столько феда! О, он все равно не может позволить себе отпустить на свободу кого-нибудь из нас. Вероятно, ему приказано держать нас где-то со всеми удобствами, пока Раша не сможет подтвердить свои права на эту планету всеми возможными методами. Тот завуалированный намек на «убийство» был, вероятно, его способом начать торг.

— Предложение, капитан,— сказал Трузензюэкс.

— Нди йо?

— Предполагая, что все сказанное вами верно, почему бы просто не согласиться и не отдать ему то, что он хочет?

— Что! — Даже Флинкс поразился.

— Заверяю вас, что Кранг останется бесполезным и для него, и для его хозяйки. Я был оптимистичен, когда сказал, что мне потребуется три недели для оценки потенциальной полезности машины. Мы можем многое узнать из нее о тар-аймах, в этом я ничуть не сомневаюсь. Мне думается также, что я могу сказать с большой долей уверенности прямо сейчас, что в остальном она никогда не будет ничем большим, как выдающейся лодковиной для археологов и туристов.

— Лакини, но...вы же заставили ее заработать! Во всяком случае, часть ее.

— Все сделанное мной не более чем надраивание спиралей двигателя генератора Каплиса. Наверное, мне удалось разогреть ее и придать ей вид функционирующей, но я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу довести ее даже до частичной действенности. И мы по-прежнему не больше, чем раньше, представляем себе, что ей полагалось делать. Мне думается, никто не сможет продвинуться дальше... кого бы там ни привлекла ваша мадам Нуаман.

— Если вы убеждены...— начал Малайка.

Трузензюэкс вопросительно посмотрел на Цзе-Меллори.

— Утверждать нельзя ничего, капитан, но я без колебаний присоединяюсь к оценке моего брата.

— Мбуа ули мвенгу! Тогда отлично. Забудем разрушение в пользу более хитрых маневров.— Он активировал рацию на канале широкого вещания. Теперь, когда он опять очутился на знакомой почве, голос его обрел прежнюю уверенность.— Никосос!

Послышалось шипение, треск, тишина, а затем вновь раздался писклявый голос:

— Незачем кричать, капитан. Вы подумали?

— Слушай, агент. Я дам тебе возможность приобрести то, что ты желаешь, и сберечь по ходу дела несколько жизней. У меня здесь в полной готовности шестимиллиметровая лазерная пушка и уйма зарядов, но я не вижу ничего, за что стоит драться. Желаю тебе удачи в попытках заставить ее заработать, если сумеешь, в чем я сомневаюсь. Весь город — твой. Я желаю только как можно быстрее покинуть эту нуклю. Можешь получить и наши заметки, если пожелаешь. Все, что мы выяснили о самом Кранге... чего в сумме очень мало. Но у меня здесь мальчик и две женщины, и я хочу вытащить их из этого.

— Ах, как трогательно! Не ожидал от вас такого восхитительного альтруизма, капитан. Да, я думаю, что несмотря на отданный мне приказ, можно будет организовать финансовое соглашение, удовлетворяющее все заинтересованные стороны. В любом случае, пролитая кровь имеет склонность расстраивать мне печень. Хотя уверен, что вы поймете, когда я скажу, что вы и ваши спутники должны будете некоторое время оставаться моими гостями. Минимальный срок, на самом-то деле. Но очень необходимый.

— Естественно, я понимаю такую необходимость и буду рад подписать...

— О нет, капитан, этого не потребуется. Я верю вам на слово. Ваша репутация широко известна. Лично я нахожу честность в нашей профессии несколько вредной, но в данном случае она к моей выгоде. Нет, как бы вам ни хотелось иметь такое соглашение в письменном виде, я предпочел бы не допускать существования такого официального документа. Такие вещи имеют привычку исчезать, а потом оказываться в самых неприятных местах. Теперь уже скоро. Наш полет пока был интересным, капитан, но боюсь, что я нахожу эту планету скучной. Если вы будете так добры, оставить свой передатчик включенным, мы последуем по его импульсам. Это может ускорить завершение всего этого неприятного дела. Я уверен, что вы желаете затягивать его даже меньше, чем я.— И отключился.

— Капитан,— донесся из рации голос Вульфа.— Меня от этого просто мутит. Неужели нет никакого другого способа?...

— Никакого, Вульф. Я тоже предпочел бы драться, но... Оставь открытой передачу для них, как он требовал. По крайней мере, наша работа здесь, похоже, оказалась бесплодной, иначе

я и не рассматривал бы такого варианта. Мы можем пожелать им побольше того же самого. Что бы они ни нашли в городе, пусть забирают на здоровье. В конце концов, все это дело было чем-то вроде охоты на дикого мбизу.

— Но он же практически угрожал убить!...

— Вульф, пожалуйста, я знаю. Джуа тяжелое. И все же у нас нет выбора. Я тоже не доверяю ему. Но он может просто улететь теперь и вернуться попозже за нашими мумифицировавшимися трупами. Нет, держу пари, он предпочтет хапнуть лишний кредит, содержащийся в моем предложении. Почему бы ему не сделать этого? — Он пожал плечами, невзирая на то, что Вульф этого видеть не мог.

— Вульф, не будь соотношение сил таким... — Он вздохнул. — «Правила Дома».

— Я понимаю, капитан.

Малайка отключил рацию и тяжело опустил на одно из «сидений». Он вдруг сделался очень старым и усталым.

— Конечно, если бы вы, господа, открыли, как заставить работать эту машинези, я бы даже думать не стал...

— Мы тоже понимаем, капитан, — сказал Цзе-Мэллори. — Плохой выбор вообще не выбор. За себя мы никогда не беспокоились. Он должен по крайней мере показать нас Нуаман, чтобы убедить ее в нашей бесполезности. И наше внезапное исчезновение тоже вызовет толки в определенных кругах.

— Нуаман. Будь проклята эта сука! — Он обратил взгляд к небу. — В сей день я навек забуду, что эта тварь человек и мванамке!

Он заметил взгляд Флинкса.

— Биби, дамой она, киджана, перестала быть задолго до твоего рождения.

ГЛАВА 20

В километре над ними очень довольный Эйбл Никосос развалился в кресле роскошной каюты челнока и передал приказ пилотам. Он радостно потирал руки. Дела шли неплохо. Почти столь же неплохо, как если бы он получил, как и планировалось, ту карту на Мотыльке. Присутствие Малайки на планете чуточку осложняло дело, но не очень сильно. Похоже, что дело от этого станет еще выгодней. Кроме жирной премии от старой ведьмы за успешное выполнение более трудного, чем

первоначально намечалось, задания, будет богатый выкуп за Малайку... уплаченный авансом. Как и условлено ранее, двое яйцеголовых будут отправлены к Нуаман. А как только будет выплачена достойная сумма выкупа — разве слово Малайки не было всегда надежным? — парня можно будет выкинуть из ближайшего шлюза. Что же касается двух женщин, ну, усадьбе предков требовались новые игрушки. За последние несколько лет цена на здоровых молодых женщин нестерпимо подскочила. Нестерпимо! И во всем виноваты эти проклятые ханжи-церковники. «Насилие антиобщественно», понимаете ли! При скорости, с которой он их использовал, его хобби становилось слишком дорогим. Добавление двух новых даровых лиц (и тел, о да!) будет таким образом не только финансовой, но и эстетической прибылью. Он ничуть не сомневался, что обе окажутся молодыми и привлекательными. Иначе какие у них могут быть дела с этим шкодливым Малайкой?

Если же они совершенно не в его вкусе, он все равно сможет их использовать. Наверное, менее оптимально, но они все-таки могут оставаться пригодными для службы. А он знаток слыл не зря.

Когда челнок спикировал к городу, начали выдвигаться его дельтавидные крылья.

ГЛАВА 21

Малайка, Цзе-Мэллори, Трузензюзекс и Флинкс медленно брели обратно к краулеру. Никто не произнес ни слова, Флинкс уже твердо решил не позволять отобрать у себя пистолет. Он мог оказаться не меньшим специалистом по части вероломства! Он прочел путаные и мелкие свинячьи мыслишки Никососа, как ни трудно это далось, из-за того, что их носитель столь быстро двигался над поверхностью планеты. Существовала возможность, что двое ученых и Малайка легко отделаются, но, судя по мыслям агента, шансы, что ему и двум женщинам удастся то же самое, казались мизерными. В конечном итоге ему не следует рассчитывать, нет, не следует ожидать, что коммерсант поставит на кон свою жизнь из-за него, или из-за двух женщин, или даже из-за двух ученых. Выживание — такой довод, что мораль просто не идет с ним ни в какое сравнение. Поэтому ему лучше планировать предпринять какие-либо действия самостоятельно. Такая оценка их нынешнего

положения была нелестной, но логичной. И это пугало его наравне с реальностью смертельного исхода. Он слегка вздрогнул, несмотря на тепло в помещении.

Последние несколько минут его что-то беспокоило, в дополнение к страшным предчувствиям. Он передернул плечами, несмотря на отсутствие там зуда. Вот оно! Не зуд, а отсутствие постоянного знакомого трения. Дракончик куда-то запропастился. Поглощенный событиями последних минут и сосредоточенный на мозге агента, он и не заметил пропажи змея. Он резко повернулся:

— Пип? Где Пип?

— Просто для уверенности,— пробормотал себе под нос Малайка, не расслышав тихого вопроса Флинкса. И щелкнул рацией: — Вульф, я не люблю играть, не держа в запасе по крайней мере нескольких карт. Разбери винтовку и установи ее дулом к входу.

— Да, капитан! — донесся полный энтузиазма ответ.

— Если этот малый так ловко связал и упаковал нас,— поинтересовался Цзе-Меллори,— то зачем утруждать себя возней с винтовкой? Я думал, вы раз и навсегда оставили мысль попытаться вырваться из этой передраги с боем?

Флинкс осматривал пространство вокруг них. Змея по-прежнему не было видно. Без привычного присутствия рептилии он чувствовал себя нагим.

— Более-менее, так оно и есть. Мы знаем, что он нас припер к стенке, и он знает об этом, но он не знает, что мы знаем, что он нас припер к стенке.

— Пожалуйста, попроще.

— Ндийо. Разумеется. Представим это так. Человек ведет переговоры с куда меньшим высокомерием, чем мог бы, когда знает, что сидит под дулом пистолета того, кто боится за свою жизнь. У нас достаточно мало рычагов, поэтому мы должны использовать и самые маломощные из всех, какие сможем найти.

Несмотря на разнообразные призывы, свист и увещания Флинкса дракончик не показывался. Это было необычным, но не беспрецедентным. Иногда у змея появлялось собственное мнение. Трузензюзекс не мог продублировать применяемые Флинксом прерывистые призывы, но помогал в визуальной части поиска. Это, по крайней мере временно, отвлекало его от мысли о злополучном стечении обстоятельств.

— Где он вероятнее всего мог спрятаться, малыш? — спросил ученый.

— О, я не уверен, сэр. В разных местах.— Теперь он был по-настоящему обеспокоен и лишь в пол-уха слушал философа. Он не чувствовал присутствия дракончика, и одно это вызывало у него беспокойство.— Он не часто выкидывает подобные фокусы. Полагаю, на него подействовала общая депрессия. Он, знаете, чувствителен к подобному. Он предпочитает прохладные замкнутые места. Вроде...

И он резко оборвал фразу. Он увидел вдали мини-дракончика. Тот прямо у него на глазах порхал вокруг прозрачного купола. Потом природное любопытство одолело-таки его, и, несмотря на предупреждающую мысль Флинкса, он засунул голову под прозрачный шлем. То, что случилось вслед за тем, удивило обоих наблюдателей. Дракончик проделал в воздухе неуклюжий вираж и, казалось, упал на самого себя, свернувшись в плотную спираль на самой высокой точке скамьи. Он лежал, застыв, не двигаясь, под куполом, пульсировавшим теперь неопределенным желтым цветом.

Все мысли об их непосредственных трудностях были мгновенно отброшены в пароксизме страха за своего постоянного спутника. Не обращая внимания на предостережения Трузензюекса, он бегом кинулся к только что покинутому ими месту. Малайка обернулся и, издав ругательство, бросился вслед за юношей. Его короткие ноги не могли тягаться с ногами Флинкса, но тем не менее он сумел развить достаточно впечатляющую скорость.

Приблизившись к куполу, Флинкс почувствовал под ногами легкую дрожь, но не обратил на нее внимания.

А Трузензюекс обратил. И взглянул на Цзе-Мэллори.

— Да, брат. Я тоже это почувствовал.— Голос его стал задумчивым. Снова дрожь, на этот раз сильнее.

— Что же происходит? — произнес озадаченный Трузензюекс.— Я думал, мы установили, что по крайней мере эта часть планеты сейсмологически безопасна.— Он обеспокоенно посмотрел на сводчатые стены, определяя их крепость и устойчивость.

Пол вновь содрогнулся, но уже гораздо сильнее. Дрожь не прекращалась и становилась все сильнее и, хотя никто этого не замечал, усиливалась по мере того как Флинкс приближался к куполу.

— Что же происходит? — прошептал Цзе-Мэллори.

— Элитат! Не уверен,— ответил философ таким же приглушенным тоном,— но я думаю, что наша загадка вот-вот разрешится сама собой.

Флинкс забрался на помост и мчался к куполу. Пип все еще не двигался. Юноша едва заметил сотрясающую строение

дрожь. Когда он приблизился к своему неподвижному приятелю, странное гудение, начавшееся у него в голове, стало еще хуже. Он нетерпеливо мотнул головой, очищая ее, но без толку. У него возникло странное ощущение эйфории, перемежающееся с болью.

«Не борись с этим», — казалось, шептало что-то. Он услышал тихо разбивающиеся на берегу волны. Дракончик лежал, плотно зажмурив глаза. Он, похоже, дергался под аккорды какой-то безмолвной песни. Первая мысль Флинкса была о конвульсиях, но движения рептилии, хотя и неправильные, казались для этого слишком ровными. Он начал было засовывать руку под большой шлем, к своему попавшему в беду приятелю. Гудение возросло, и он качнулся назад под внезапным приступом головокружения.

НЕ... БОРИСЬ... ТЫ!

Пип в беде... Беде.

Он снова мотнул головой, и на этот раз подобное действие, вроде бы, принесло ему небольшое облегчение. Все сливалось, его мысли потеряли четкость. Он сфокусировал слезившиеся глаза на змее и решительно нырнул под шлем.

П * О * Я * В * Л * Е * Н * И * Е

Внутри его черепа рухнула древняя плотина, ослабленная случаем и эволюцией. Прилив сдерживаемого ею был ужасен.

Обыкновенно прозрачная структура купола взорвалась массой искрящихся, сверкающих зорь. От венца до основания, все цвета видимого спектра... и, вероятно, невидимого тоже. Пурпурные, зеленые, золотые преобладали над красными, голубыми и другими основными цветами. Блещающий вихрь гневной, почти металлической переливчатости плел сложные и непонятные узоры в материале самого купола. Внутри здания феерические сетки из фосфоресценции, люминесценции и шаровых молний протравливали в воздухе световую паутину.

На ложе в куполе внутри здания, который и являлся Крангом, Флинкс лежал, застыв в кажущемся бессознательном состоянии, рядом со своим притихшим приятелем. Шлем над ними пульсировал темным огненно-фиолетовым цветом.

— Капитан... — пробился сквозь треск рации голос Вульфа, искаженный водопадами помех, но Малайка этого не заметил. Пораженный, он резко остановился, как только купол начал свою слепящую игру цветов.

Гигантские трубы машины пульсировали звоном, как от наковален, по их стенкам ползли кольца светящегося электричества. Они злобно трещали, словно разрываемая пластиковая фольга.

—... межпространственный вызов!...— У Вульфа не появилось возможности уловить ответ Малайки, ибо голос Никососа заставил его замолчать:

— Что ты там пытаешься выкинуть, купчишка? Предупреждаю тебя, без фокусов! Я прикажу своим людям уничтожить твой корабль! Мне нужен только сигнал передатчика. Целый сектор континента к востоку от вас... пылает, да, пылает, под поверхностью, кажется. Эта местность выглядит, словно охваченная пожаром. Не знаю, что ты затеял, приятель, но если ты хоть...

Голос исчез в Ниагаре помех. В этот миг мир наводнили X, У, Н и, по какой-то причине, Г.

Малайка сделал шаг вперед и рухнул на пол как подкошенный. По крайней мере, позже ему думалось, что он упал. При всем, что он сумел действительно вспомнить, он мог плавать в воздухе. Ведь воздух в амфитеатре, казалось, внезапно решил показать свое присутствие, вынуждая его отступить и опуститься. Он тонул в нем. Мсаада! Забавно, они никогда не замечали, какой он плотный. Плотный. Голова его попала в гигантские клещи... нет, не клещи. Тысячи миллионов сапог чеканили чуждые марши по его голове, в то время как хоровод смеющихся электронов пытался стянуть с него скальп. Он почувал запах гари — и апельсинов.

Когда он катался по полу, пытаясь сохранить целой голову, раскалывающуюся на куски, то мельком увидел Цзе-Мэллори. Социолог находился в схожем положении. Лицо его представляло собой ужасающее зрелище, когда он сражался с силой, толкающей их всех к тихому помешательству. Частично лишенное контроля разумом, высокое тело извивалось и трепетало на бледно-белом полу, словно задыхающаяся самаки. Трузензюзекс, с другой стороны, неподвижно растянулся на спине. В первый раз на памяти коммерсанта мембраны его глаз закрылись. Ноги философа выпрямились во всю длину и застыли, но стопоруки слабо колыхались в воздухе, заряженном статическим электричеством.

Внизу биллион километров цепей и других элементов, являвшихся спящим разумом Кранга, заворочались, пробуждаясь. Да, мозг 1-го класса. Но заблокированный! Заблокированный от природы! И, что самое главное, несознающий самого себя! Это было неслыханно! Да, мозг 1-го класса можно ослабить, но только искусственно. Заблокировать? Никогда! И, вдобавок, естественным образом! Такая ситуация являлась... невероятной. Она противоречила Закону.

Кранг столкнулся с Уникальным Обстоятельством. Ему придется принимать окончательное решение самому. Проявлять инициативу. Но он не мог сам управлять собой. Для этого был необходим мозг наверху. Он осторожно прозондировал. Коль скоро блоки будут удалены... сотрудничество...

ПЕРЕНАЛАДЬ СВОИ КЛЕТКИ, ОРГАНИЗМ... ВОТ ТАК!

Осторожно, осторожно.

Наверху тело Флинкса разок дернулось.

Я не могу этого сделать!

ТЫ ДОЛЖЕН. ЭТО... НЕОБХОДИМО.

Это больно!

НЕВЕЖЕСТВО ВСЕГДА ПРИЧИНЯЕТ БОЛЬ. ПОПРОБУЙ.

Тело Флинкса вновь заизвивалось. В голове у него безжалостно пульсировал, вырастая, казалось, до невозможных размеров, слепящий шар боли.

Я... не могу!

Кранг рассмотрел ситуацию. Более сильная пульсация могла снять блокировку... и, возможно, навек уничтожить мозг. Рассмотрим альтернативы. Если мозг заблокирован, то как же он вообще мог стимулировать первичную активацию?

На нахождение ответа ему потребовалась доля наносекунды. Поблизости находился мозг-катализатор. Это все объясняло знакомыми Крангу понятиями. Действуя быстро через посреднические каналы мозга 3-го класса, огромная машина произвела необходимую переналадку в мозге 1-го класса. И с облегчением почувствовала, как растворяются барьеры. На этот раз дело пошло легко. Они и с самого начала были слабыми и с прорехами. Энергия ЭТП начала течь по поджидавшим каналам. Дальнейшего вмешательства не требовалось.

Р * Е * А * Л * И * З * А * Ц * И * Я

Э * Н * Т * Р * О * П * И * И

За один краткий миг Флинкс осознал всю Вселенную. Она показалась ему очень маленьким непрозрачным хрустальным шариком. Мгновение прошло, и он в первый раз ясно все увидел. Да, совершенно ясно. Он почувствовал то, что лишь наполовину замечал, подозревал прежде. И такое, что вообще не замечал. Он увидел чудесную структуру, являвшуюся Крангом. Он воспринял чудесную структуру, каковой являлся сам. Для полного пробуждения инструмента требовалась определенная энергия. Сейчас лишь крошечная часть его пульсировала сознанием. Да, вот, и вот.

Кранг пробудился. Пробудился к полному сознанию в первый раз за последние полмиллиона лет. Гимн-марш. Славно! Лившаяся теперь от настроенного мозга-активатора печальная

песнь была незнакомой и грубоватой по исполнению. Но Кранг понимал, что за пятьсот тысячелетий вкусы могли измениться. Важно, что Экран автоматически возник, как только мелодия обеспечила необходимые ключевые импульсы.

Сенсоры Кранга мгновенно просканировали небо на много световых лет во всех направлениях. Поскольку активатор ничего не делал на инструктажном уровне, кроме трансляции ощущений опасности, машина ввела систему общего оптимального сканирования и надеялась, что ее окажется достаточно. Она признала в активаторе новичка. Его надо направлять. Где-то мелкая цепь должным образом отметила, что единственный корабль чуждой конструкции был распылен в момент активации Экрана, попав в него, когда тот возник. На волосок! Кранг опять пожалел, что мог действовать только с частью сознания до мгновения полной активации. К счастью, судно не проникло. Никакого вреда не причинено. Активатора уведомили, и он согласился. Еще один корабль — нет, два — притаились как раз за пределами Экрана. Хотя они оставались неподвижными и не предпринимали никаких враждебных действий, активирующий мозг указал Крангу сфокусироваться на участке пространства, занимаемом большим из двух судов. Машина послушно выполнила указание.

Ее поле оптимальной фокусировки на близком расстоянии являлось сферой минимум в тысячу километров. Она могла без всякого труда поразить указанное судно, совершенно не задев в то же время другое. Эти невероятные сенсоры могли образовать необходимый конус проекции в метре от любой желаемой точки. Это намного больше, чем требовалось. Она извлекла из сотрудничающего теперь мозга 1-го класса необходимые уточняющие данные. Будь у Кранга ноги, он притопывал бы ими, отбивая такт.

Наверху ритмические пульсации, превращавшие в труху мысли Цзе-Мэллори, на мгновение прекратились. Они тут же трансформировались в совершенно неопиcуемый гибрид между пронзительным криком и ревом. Ультразвуковой визг летучей мыши, усиленный в миллион раз и едва слышимый, сопровождаемый электротрубами и литаврами. Это не давило столь нестерпимо ему на череп, по сравнению с прежней музыкой. Социолог сумел перекатиться на спину и лежал, не двигаясь, тяжело и неровно вдыхая враждебный воздух, который, казалось, не желал попадать в его легкие.

Он повернул голову. Движение причинило ему боль. Он боролся, пытаясь не дать этому скрежещему стону проникнуть слишком глубоко, зная, что если он расслабится и позволит

ему захватить его, то острые как нож звуки начнут кромсать нервы и нейроны. Он мог предотвратить это.

Малаяк явно оказался крепче любого из них. Каким-то образом он сумел, шатаясь, подняться на ноги и начал, кренясь и отклоняясь, двигаться в направлении помоста. Он одолел половину расстояния, когда задвигалось здание.

В момент первого звука Вульф врубил двигатели краулера и рванул к двери. К счастью, большая машина стояла повернутой в этом направлении. Когда его ударило первым полным аккордом, он свалился с сидения водителя, зажав ладонями уши. Но краулер, установленный на данный курс, тупо продолжал ползти дальше. Как и прежде, огромные двери раздвинулись. В тот же миг, как они закрылись за краулером, попытка прекратилась.

Вульф медленно взобрался на сиденье и сумел остановить отчаянный бросок машины, прежде чем тот швырнул бы ее с обрыва. Он не знал, что произошло, все было слишком быстрым! Но он знал, что капитан и остальные все еще внутри. Он быстро проверил грузовой отсек. Обе женщины без чувств растянулись среди припасов, — то ли от воздействия этой «штуки», то ли от их быстрого рывка — он не мог этого определить.

Что же делать? Беспомощно растянувшись на полу краулера, ни на что не способный от мучительной боли, он мало чем может помочь капитану или кому бы то ни было. В данный момент о возвращении внутрь не могло быть и речи. Попытка наладить связь произвела только океан помех. Возможно, ему удастся найти в челноке что-нибудь, способное заэкранировать его мозг и позволить ему вновь вступить в этот ад. Ему не было дано времени на обдумывание этой проблемы.

Здание, все миллионы тонн его, меняло свое местоположение. Оно накренилось вперед, и на мгновение его обуял страх, что оно опрокинется на малюсенький краулер. Оно не опрокинулось. Оно зависло на секунду, паря в вихревом небе, а затем слегка повернулось к югу. И начало глухо гудеть. Вибрация ощущалась и сквозь пол кабины. На высоте нескольких миль в насыщенном пылью воздухе он увидел, что верхние метров сто строения начали пылать иссиня-черным цветом. Он никогда раньше не видел чего-нибудь пылающего черным цветом, и этот феномен загнипотизировал его. Он продолжался каких-то тридцать секунд. Круглое основание, на котором покоилось здание, казалось, слегка посветлело. На некотором расстоянии вокруг здания воздух на мгновение принял розовый оттенок. А затем все прекратилось.

Кранг произвел устранение второго судна столь же буднично, как и первого. Весь процесс с момента первоначальной активации до настоящего времени занял немногим меньше двух минут.

Кранг терпеливо ждал дальнейших приказаний от Активирующего Звена. Директивы уничтожить другой чуждый звездолет не поступало. Фактически, мозг тут же устранился от управления Крангом. Машина поспорила сама с собой. Прошло очень много времени с тех пор, как она последний раз работала на полную мощь. Она вновь открыла, что ей это ощущение вполне нравится.

Но зашитые в нее инструкции были четкими и не оставляли никакого места для логических отклонений. При отсутствии активирующего мозга ей полагалось вернуться к состоянию спячки на пониженной мощности. Это означало дезактивацию всех, кроме самых элементарных ремонтно-охранительных функций. Кранг вздохнул. Цели построивших его, казалось, часто отличались от его желаний, но у него не было возможности изменить свою программу. Огромные лопасти в глубине известняковых пещер, канализировавшие непрекращающиеся вихри планеты, начали опускаться. Генераторы, черпавшие бессчетные эрги энергии из расплавленного ядра планеты, уменьшили подачу, и кипящий железо-никелевый центр успокоился.

Медленно, но эффективно Кранг приступил к выполнению задачи по выключению самого себя.

ГЛАВА 22

Флинкс сполз со скамьи и поднялся. Голова у него все еще пульсировала, но настоящая боль почти исчезла. Он напивался допьяна только раз в жизни. Теперь к нему вернулись воспоминания о мучившем его после этого чудовищном похмелье. После того как они пронеслись вблизи от нейтронной звезды, у него были измочалены и измотаны мускулы. Теперь они контролировались натянутой не менее туго, чем струны рояля, оскорбленной и подвергнутой жестокому насилию нервной системой, а костный мозг вибрировал в точном соответствии с тяжёловесным ритмом смолкнувшего Кранга. Он заглянул внутрь, бессознательно перестраивая определенные клеточные структуры. Боль растаяла, оставив после себя вспышку света.

Он огляделся кругом.

С помощью своего друга Трузензюзекс медленно поднимался на ноги. Флинкс совершенно не желал представлять себе, что именно пережил инсектоид с его незащищенным экзоскелетом. Неожиданный наклон здания помешал Малайке добиться успеха в его попытке добраться до помоста. Теперь он сидел на краю скамьи, массируя колено и заботливо проверяя себя на предмет возможных повреждений. В общем, он казался целым, так как с его толстых губ срывалось во все возрастающем изобилии множество ругательств на замечательно большом числе языков.

Удостоверившись, что с его челанксийскими спутниками все в порядке, Флинкс обратил все свое внимание к змею. Маленькое кожистое тело плотно свернулось в спираль под колпаком активации. Оно не подавало никаких признаков жизни. Стараясь не угодить под этот купол головой, он взял Пипа со скамьи. Тот все еще не шевелился. Он осторожно прозондировал тельце своим обновленным стимулированным мозгом. Его вытолкнули в новую незнакомую вселенную, и он все еще испытывал некоторую неуверенность (а если честно — страх) в своих способностях. Он прозондировал глубже. Мини-дракончик послужил проводником силам, управиться с которыми было выше его возможностей. Подобно перегруженному конденсатору, ему требовалась определенная реорганизация и переналадка.

Остальные собрались вместе и стояли с другой стороны, молча следя и тактично не выражая сочувствия. Незанятой частью своего мозга он быстро обыскал их головы. Все трое были еще ошеломлены событиями последних нескольких минут. Почти так же сильно, как и он, подумал Флинкс с горькой иронией. Он чувствовал излучаемую ими симпатию, и ему становилось лучше.

Последняя переналадка, одна упрямая артерия... нет, тут! Одно тонкое веко затрепетало, поднялось. Выглянул и повел взглядом маслянисто-черный глаз. Он повернулся вверх и встретился со взглядом Флинкса. Медленными рваными движениями дракончик начал раскручиваться. Флинкс высунул язык. Пип резко выбросил свой, до соприкосновения в старом жесте дружбы и приязни. Флинкс почувствовал, как напряжение начинает покидать мускулы Пипа, и успокаивается пульс.

Он бросил привычку плакать примерно с того времени, когда открыл, что это не приносит никакой пользы, кроме промывки зрачков. И все же сейчас в уголках его глаз появилась подозрительная влага. Он отвернулся, чтобы ненароком не оскорбить этим других. Если бы он оставался лицом к ним или взял на себя труд прозондировать, то мог бы заметить на лице Трузензюзекса нечто большее, чем всего лишь сочувствие.

Челнок остался невредим, и они поднимались в верхние слои атмосферы с большей легкостью и уверенностью, чем при путешествии вниз. Управляли Ата с Вульфом. Другие находились в задней части салона, сосредоточив свои мысли впервые за последнее время не на настоящем, а на будущем.

— Ну, сэр,— сказал Малайке Тузензюзекс.— Мы приносим вам свои извинения. Похоже, что наш вклад оказался исключительно бесприбыльным. Признаться, вначале это нас по-настоящему не заботило. Но после перенесенных вами расходов и опасностей я желал бы, чтобы вы могли получить с этого что-то в смысле более материальной выгоды.

— О, вы теперь без нужды пессимистичны, мой твердо-панцирный ра ф и к и.— Коммерсант энергично запыхтел невзрачно дурно пахнущей трубкой.— Мне достался город, несомненно заполненный до отказа тар-аймскими артефактами и изобретениями... если я когда-нибудь смогу откопать их из этого дьявольского песка! Прекрасная, пригодная для обитания планета. С процветающей водной экологической системой, вероятно, совместимой с челанксийской нормой. Я думаю, эта планета может даже вернуть к жизни парусные корабли, н д и й о!

— Этот аспект ускользает от моего понимания,— сказал философ.

— Когда мы вернемся, я покажу вам триоиды. Один из наиболее поэтических образчиков технологического прошлого человека. Нет, нет, с точки зрения феда я не готов считать это путешествие банкротством! И всегда можно поиграть с Крангом, ж е? Даже если наш юный друг настаивает, что все дело в нелепой случайности, к которой он не имеет ни малейшего отношения.— Он вопросительно посмотрел на Флинкса, который их всех старательно игнорировал.— Но вот для вас, боюсь, это стало настоящим разочарованием. Вы теперь, должно быть, даже более подавлены, чем когда мы приземлились, ж е?

— Все зависит от того, как посмотреть на это,— сказал Цзе-Мэллори.— Когда мы пустились по следу этой штуки, мы на самом деле понятия не имели, что ожидали найти, за исключением того, что это что-то большое. Когда мы нашли ее, то не знали, что именно нашли. А теперь, когда мы покинули ее... ну, когда вы будете готовы вернуться и раскопать те артефакты,— он взглянул на брата по кораблю,— мы с Тру будем более чем счастливы помочь вам в сортировке, если не

в раскопках. И мы все еще можем, как вы говорите, «поиграть» с самим Крангом. Он, по меньшей мере, будет основой для многих объемистых научных работ.— Он улыбнулся и покачал головой.— Одни только психологические и социологические намеки... а, Тру?

— Безусловно, брат.— Транкс усердно пытался изобразить человеческую позу глубокой задумчивости, потерпел неудачу и удовольствовался вместо этого выражением ностальгической беззаботности. Результат также вышел не совсем удачным.

— Похоже, что легенды браннеров и наших первобытных гоминидов имели под собой некоторое основание. Кто бы такое заподозрил? Кранг — и оружие, и музыкальный инструмент.

Они теперь покинули атмосферу, и Ата проложила курс на сближение со «Славной Дыркой».

— Это многое говорит нам о тар-айимах, не упоминая уж о большом шаге к объяснению их интереса к двум таким, казалось бы, противоположным областям, как война и искусство. Не могу, однако, сказать, что мне нравится их вкус. Лично я предпочитаю Дебюсси и Корецкого. Несомненно, для их ушей — или что там у них было — такие звуки являлись приятными и волнующими, может быть, даже патристичными.

— Песня смерти грохочет, гибель людей в литавры бьет,— процитировал Цзе-Мэллори.

— Порзакалит, двадцать третий сонет,— сказал Трузензю-зекс.— Для этого требуется-таки поэт.

— Возможно, я чересчур туп,— проговорил Малайка,— но я все еще не понимаю, как эта келедекуу заработала!

— Вы, капитан, в этом отношении не одиноки, скорее, типичный представитель большинства. Однако, если пожелаете, я могу выдвинуть гипотезу.

— Так валяйте, выдвигайте!

— Очевидно,— продолжал транкс, осторожно отмахивая прочь ядовитые клубы дыма, производимые дымящей трубкой коммерсанта,— машина генерирует какой-то вид вибрации, признаться, я лично колеблюсь навешивать на него ярлык «звуковые волны». Вероятно, какая-то смесь звуковых и гравитационных характеристик волновых форм, которые мы не можем отождествить, хотя и заметили их воздействие!

Помните, как при нашем первоначальном прохождении сквозь атмосферу я отметил необычную плотность двойного слоя ветроблеска? — Малайка кивнул.— Вероятно, эти слои поддерживаются искусственно. Волновое излучение — давайте назовем его, за неимением лучшего или более точного термина, К-волнами — генерируется Крангом. Эти волны проходят сквозь нижний слой металлического ветроблеска, но не сквозь верхний, более плотный. И соответственно, «зацикливаются» потом между

двумя слоями, так как теперь они достаточно ослаблены, чтобы оказаться в состоянии прорваться обратно сквозь нижний. Ручаюсь, так они скачут вокруг всей планеты. И наверное не один раз, ибо их постоянно обновляют генераторы Кранга.

— О, теперь я знаю, что это, вероятно, не звуковые волны,— сказал Малайка,— но всепланетная циркуляция в атмосфере? Из единственного генерирующего источника... поддержание определенной минимальной силы... требуемая мощность... Вы действительно думаете, что такое возможно?

— Я, мой дорогой Малайка, считаю возможным все — если явно не продемонстрировано обратное,— тем более, когда дело связано с этой машиной.

— Это могут быть даже простые звуковые волны,— вставил Цзе-Мэллори.— В прошлом на самой Земле, в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году по старому календарю, в главном океане произошел взрыв вулкана на острове под названием Кракатау. Ударная волна несколько раз обогнула земной шар. Грохот взрыва — помните, простые звуковые волны — слышали на всем полушарии. Учитывая способности тар-айимов и тот факт, что это было намного больше, чем всего лишь звуковые волны, я бы считал генератор таких волн достаточно мощным оружием. Кроме того, мне кажется, что вас не требуется долго убеждать после полученной нами крайне захватывающей демонстрации.

— Вывод постфактум,— сухо сказал Трузензюэкс.— Очень проникательно с твоей стороны, брат. Однако, так как я в этом отношении чуть-чуть осведомленней тебя...

— Спорно!

—...то я брошу это дело. Тар-айимы, как ты говоришь, были вполне способны усиливать природу, извините за каламбур.

— Я бы предположил тогда, что это объясняет случившееся с нашим рафики Никососом,— пробормотал вполголоса Малайка.— Как только его челнок вошел в район действующих вибраций...

— Деструктивное колебание? — добавил Цзе-Мэллори.

— Растрясло на куски? Возможно,— согласился Трузензюэкс.— Или они вызвали аварию, или ослабили атомную структуру. Даже в том, что было, вероятно, самым безопасным местом на планете, вибрации — «музыка», если вам угодно — чуть не развалили мой скелет. Устройство не невозможное. Фантастическое — да, но не невозможное. Меня лично больше интересует метод, примененный для ликвидации их звездолета.

— Ндийо,— согласился Малайка.— Как насчет этого? Он и близко не подходил к атмосфере и поэтому не мог попасть в капкан слоев ветроблеска.

— Если бы Кранг вдобавок к поддержанию непроницаемого защитного экрана вокруг планеты не имел также способностей к нападению, то он бы был не более чем патовым устройством,— продолжал транкс.— Устройство целиком оборонительного характера противоречило бы всему, что мы знаем о психологии тар-аймов. И вы все знаете, как к концу нашего тяжелого испытания столь значительно изменилось качество вибрации. Так вот, Флинкс, ты говоришь, что почувствовал уничтожение другого звездолета, и все же не было никаких признаков взрыва? Ни вспышки, ничего?

Безопасный вопрос, и это он едва ли мог отрицать.

— Совершенно верно, сэр. Он просто... пропал.

— Гм. Подозреваемая возможность, которая, вероятно, никогда не будет подтверждена, но... вспомните, что наш корабль находился на очень небольшом расстоянии и все же явно не пострадал... Я подозреваю, господа, что Кранг — это гравитационный генератор, но такой мощи, о какой не мечтали даже древние Боги.— Он посмотрел прямо в лицо Малайке.— Капитан, что произойдет, если гравитационное поле диаметром приблизительно в один сантиметр и с напряжением, сравнимым по силе с поверхностью нейтронной звезды, столкнется с реальной массой?

Смуглое лицо Малайки за несколько секунд отразило всю гамму чувств от озадаченности до понимания и изумления. А голос отразил сразу все состояния.

— Маниса! Это пустит в ход Прерывание Шварцшильда! Но это же!...

— Невозможно? — улыбнулся Трузензюекс.— Простите, капитан, но как еще это можно объяснить? Для генерации необходимой такому полю энергии понадобится корабль размером с планету... намного проще использовать планету, а? И помните, нет никаких свидетельств взрыва. Конечно же нет. Даже свет не может убежать от поля такой силы! А гравитация следует закону обратного квадрата, поэтому наш корабль практически не подвергался опасности. Более идеальное избирательное оружие трудно и вообразить. Всего лишь в километре от мишени вы даже не заметите такого поля. Но коснитесь его — и пшик! Мгновенно перестанете существовать! Надеюсь, что у любого хватит здравого смысла, капитан, не баловаться чересчур много с таким устройством.— Голос транкса обрел оттенок стали.— Мы совершенно недостаточно знаем об управлении таким полем. Что если мы откроем способ самораспространения такого поля? Кранг-то явно может это сделать, как именно, я и вовсе не могу себе представить. Но если будет спущено такое неуправляемое поле, то оно просто будет бродить по вселенной, заглатывая... все.

Тут в каюте стало тихо.

— Но я думаю, на это мало шансов,— продолжал он более бодро,— если наш юный друг не сможет опять активизировать механизм. Не говоря уж о том,— добавил он,— чтобы столь же успешно управлять им.

Флинкс уже некоторое время прочитывал грядущее завуалированное обвинение. Он знал, что его требуется опровергнуть. Они не должны думать, что он способен управлять таким угрожающим оружием. Особенно, напомнил он себе, когда он сам не был уверен в этом!

— Я же говорил вам, сэр, я не знаю, что случилось. Машина управляла мной, а не наоборот!

— И все же,— многозначительно сказал транкс.

Было бы легко перестроить мозг инсектоида так, чтобы тот просто принял объяснения Флинкса за чистую монету. Слишком легко. Кроме того, идея преднамеренного вмешательства в мыслительные процессы другого существа была несколько отталкивающей и пугающей. Особенно когда мозг, о котором шла речь, был признанно мудрее его собственного. Сила, напомнил он себе, не знание. В будущем ему понадобится побольше последнего.

— Послушайте,— он думал быстро. Теперь это стало легко.— Что касается «управления» этим устройством, то вы сами говорили, что машина состоит из бесконечно сложных цепей. Коль скоро ее включили, она вполне способна справиться с ситуацией к собственному удовлетворению. Я всего лишь послужил чем-то вроде «водородной свечи», включающей КК-двигатель.

— Гм. А как вы объясните то, что она предприняла именно такие действия, а не какие-нибудь другие?

— Может быть, корабль Никососа сделал движение, истолкованное машиной как враждебное, и она ответила как положено. Наверно, она просто была настроена и готова, когда я вступил в нее. Я, безусловно, мало отличаюсь от прочих здесь присутствующих. (Ложь!) Вероятно, мой дар, или талант, или как вам там угодно называть его, имел к этому какое-то отношение. Вспомните, когда я в первый раз вступил в нее, это ничего не вызвало.

— У меня такое ощущение, что к этому имели немалое отношение твои собственные страхи в ту минуту. Да, это правдоподобно.

— Верно,— продолжал Флинкс, благодарный за открывшийся выход.— Я был напуган, когда вошел в него в этот раз, действительно напуган. (Правда.) Машина обязана была уловить мое эмоциональное напряжение. Она ведь, вдобавок, инструмент искусства! Вероятно, при этих условиях ее мог стимулировать

любой из нас. (Возможно, а не вероятно.) В любом случае, сейчас все кончено, и я не испытываю никакого желания, ни малейшего, снова попробовать это сделать! (Смесь правды и неправды.)

— Достаточно, малыш! Ты слишком агрессивен для моего бедного, старческого ума. (Вздор!) На данном этапе я удовлетворен. (Флинкс прочел иное, но это не имело значения.) Ты убедил меня в честном и равном словесном бою. Попробуй сыграть со мной в психологические шахматы, и я выиграю у тебя даже веснушки! И все же...— Он взглянул на дракончика, а потом опять на Флинкса.— Ты говоришь, что не чувствуешь в себе изменений? Никаких постэффектов?

Флинкс покачал головой с уверенностью, вызвавшей бы гордость у Мамаши Мاستифф.

— Нет. Я действительно не знаю, что случилось. Мой мозг был...— Он оборвал фразу, когда бортовые огни внезапно погасли. Челнок проскочил в свой причальный док в грузовом трюме «Славной Дырки».

— Вот и все,— резюмировал Малайка. К большому удовлетворению всех, его трубка догорела.— Мне очень хотелось бы обсудить это все с вами поглубже, господа, но как-нибудь в будущем. Нафаси, ндийо? Если я не заполучу в самом скором времени в свое горло что-нибудь привычного жидкого состава, то я окончательно рассохнусь.

Он двинулся по узкому проходу между ними и открыл небольшой пассажирский шлюз. Внутрь просочился бледно-зеленый свет из грузового трюма. Обхватив одной рукой Сиссиф, он начал спускаться по выдвижному трапу. Следующей отправилась Ата, за ней — двое ученых. Флинкс снял с подлокотника кресла уютно свернувшегося мини-дракончика и поместил его себе на плечо. И поспешил убраться из челнока. Вульф до сих пор продолжал оставаться личностью, общения с которой Флинкс предпочитал избегать. Добравшись до жилых отсеков, все отправились своей дорогой: Ата и Вульф — в рубку, Малайка и Сиссиф — в свою каюту. Коммерсант еще не пропустил ни капли спиртного, но зато спасся от выкупа и приобрел планету. Даже если он никогда не реализует ни гроша со своего вклада, одного этого вполне хватало, чтобы он был слегка навеселе. Двое ученых приготавились возобновить свою бесконечную игру в психологические шахматы, словно никогда и не прерывали ее.

— По закону это не психоз,— донесся до Флинкса голос заспорившего Цзе-Мэллори.— И ты отлично это знаешь!

— Ай, Бран, как ты можешь такое говорить? Наверняка ведь, когда я совершил скачок на четыре клетки той фигурой

вторичного детского страха...— Голоса их растаяли, когда он свернул за угол, направляясь к своей каюте.

Флинкс взглянул на свое плечо: дракончик, явно утомленный пережитым, крепко заснул. Он на мгновение остановился, а затем пожал плечами и усмехнулся. Насвистывая знаменитый и замечательно фривольный мотивчик, он фланировал по коридору в ожидании самого большого псевдобифштекса, какой только мог выдать автоповар. Ему требовалось о многом поразмыслить.

И, подумав, многое сделать.

ГЛАВА 24

Рашалейла Нуаман лежала на своей огромной постели, празднично изучая потрепанную полуголую фигуру племянницы. Девушка явно проявила больше силы, чем здравого смысла, возражая против требования мадам явиться к ней.

— Телин,— вздохнула она.— Ты знаешь, я ужасно разочаровалась в тебе. Глупость я могу иногда понять, но небрежность в работе — непростительна. Я конечно же знала о твоём забавном плане разделаться со мной.

При этих словах девушка вздрогнула, и ее взгляд заметался по комнате в поисках пути к бегству. Даже допуская, что она смогла бы выскользнуть из рук двух бесстрастно стоящих по бокам от нее великанов, бежать на безвоздушной луне было некуда.

— О, пусть это тебя не беспокоит детка. Меня-то не беспокоит. На самом деле я сочла эту попытку довольно восхитительной. Ты для разнообразия показала, что в тебе есть немного пороку. Но то, что ты вмешалась в мой бизнес, это, моя милая,— голос ее опасно понизился,— было с твоей стороны неудачным выбором. Наверно, я отнеслась бы к тебе с большей симпатией, если бы ты преуспела. И к тому же с ААннами! Боже мой! Полагаю, тебе известно, что они самые злейшие враги человечества?

— Не надо всучивать мне эту патристическую лажу, старая ханжа! — огрызнулась злым и язвительным тоном Телин.— Ты бы продавала младенцев Дьяволу, если бы думала, что он более чем суеверие... и дело будет достаточно прибыльным.

— Ты говоришь глупости, девочка. А также дерзости. Разумеется, не продавала бы. По крайней мере, не просто назло кому-то, как ты. Риск получить клеймо врага Содружества и

быть отлученной от Церкви потребовал бы гарантий куда большего потенциального дохода, чем такая мелочь, которой добивалась ты. И помимо всего прочего, твоя подростковая выходка вынудит меня терпеть уйму невыносимых насмешек от одного очень давнего и дорогого друга. Который, между прочим, как меня уведомили, давно уже зарегистрировал заявку на некую планету посредством межпространственной ретрансляции, неоспоримую никоим образом. Теперь я вынуждена буду обратиться к официальным средствам приобретения того, что и так мое по праву. Как тебе может быть известно, такие процедуры крайне несправедливы. Однако мы здесь не для обсуждения этого. Мы здесь должны определить, дорогая племянница, что же мне с тобой делать. Боюсь, что твои наклонности приняли довольно опасный оборот. Я этого не страшусь, но мои люди тоже способны ошибаться. Соответственно, я вынуждена отправить тебя отдохнуть, до тех пор пока тебя не убедят направить свою недюжинную энергию на более продуктивные цели. Тебе в изобилии предоставят время раскаяться и перестроить свои мятежные наклонности. В звездной системе Катар есть превосходное и очень известное медицинское учреждение. Им управляет группа исключительно хороших терапевтов, не раз помогавших мне в прошлом. Хотя их методы часто ставятся под сомнение, особенно Церковью, успехи их нельзя отрицать. Директор — мой личный и давний друг.

— Рори, — умоляюще произнесла Телин.

— Я уверена, что они будут более чем счастливы принять тебя на время в качестве гостыи. К несчастью, они специализируются на детских неврозах и сексуальных маньяках самой крайней разновидности. Так вот, как ты думаешь, какое отделение ты сочтешь более удобным для своего пребывания?

— Рори! — голос девушки стал теперь испуганным и визгливым.

Рори Маллап ван Клееф спокойно стоял в ногах постели, одетый в шелковую набедренную повязку и бусы.

— О, тебе незачем терзать своего соучастника и доверенного, моя милая. Дорогой Рори знает, с какой стороны постели ему медом намазано, — Раша сладко улыбнулась.

Голос его был ровным и мягким, почти нейтральным:

— Я очень сожалею, любимая. — Он напряг бицепс. — Я, конечно же, по-прежнему люблю тебя, но не вижу, почему нам обоим нужно страдать из-за этого несчастного препятствия. Я буду ждать тебя. — Затем, после задумчивого молчания: — Надеюсь, это не осложнит наших отношений.

Ответ Телин был непечатным.

— Це-це-це! Что за выражения. И это к тому же после всех этих дорогостоящих школ. Да, детка, я уверена, что тебя поместят в отделение, наиболее соответствующее твоим склонностям. Не вижу никакой причины, почему бы тебе не воспользоваться случаем пополнить свое образование, в то время как мы займемся улучшением твоего характера.

Она пренебрежительно махнула рукой, и плюющуюся и визжащую девушку выволокли из спальни.

— Не забудь, милая, я полагаюсь на тебя. Надеюсь, ты покажешь своим любезным хозяевам истинный дух Нуаман. Возвращайся к нам целой, хорошо? — Она скорбно покачала головой, когда закрывшиеся двери оборвали затихающие вопли девушки. — Це-це-це. Не уверена, что эта девушка когда-нибудь будет готова взять на себя бразды правления фирмой. Все ложится на мои плечи, а я стара. Но не настолько стара. — Она протянула руку. — Рори... поди сюда...

Они проделали полпути к дому и без всяких препятствий летели дальше к Мотыльку. Флинкс оторвался от игры в хрустальный солитер, ставшей теперь ребячески простой. Ощущение сильного взрыва эмоций стало слишком велико, чтобы его можно было игнорировать. Так как по расписанию сейчас было время сна, в салоне находился только он один, и эта суматоха его удивила.

В салон вошла довольно растрепанная на вид Ата. Она явно не ожидала никого встретить, и присутствие Флинкса заметно расстроило ее.

— Ну, — неуклюже начала она, пытаясь одновременно привести в порядок одежду, — мы почти, э, закончили наше путешествие, Флинкс. Ты, как мне представляется, ждешь не дожидаясь прибытия домой... и получения приготовленной тебе Малайкой пачки кредитов!

— Да, и того, и другого. Вы, полагаю, направляетесь сменить в Рубке Вульфа?

— Хммм? О, да, естественно! — Ему пришлось скрывать свое веселье при виде того, как она ухватила за этот предлог. — Да, я только что сходила произвести некоторые изменения в, э, расположении корабельных припасов. Они становятся громоздкими. Мне пришлось... довольно долго потрудиться над наведением там порядка.

— И вы навели?

Она широко улыбнулась:

— О, да. Теперь все будет на своих местах. — И исчезла на выходе.

Спустя немного времени в салон проковыляла гораздо более растрепанная Сиссиф, и ее одежда и она сама пребывали почти в равном беспорядке. Лицо ее выражало лютую ненависть. Это выражение исчезало, только когда она морщилась из-за особенно болезненного синяка. Она уделила ему лишь один рассеянный взгляд, а потом удалилась, шатаясь, в направлении их с Малайкой каюты.

Стало быть, все получили выгоду от экспедиции, за исключением привлекательного и разъяренного меньшинства в одну особу. Он вздрогнул и вернулся к своей игре, потерявшей теперь привлекательность. Требовалось многое сделать, а он не знал, как к этому подступиться. Если он никак не сможет отказаться... Малайка, знал он, готовит для него большие дела. Он не мог представить себя в той роли, в какой виделся коммерсанту. Придетым для торжественных заседаний, разоряющим конкурентов в пух и прах свой поразительной проницательностью. Наверное, можно будет организовать компромисс. Но это может означать расставание с рынком, с его тамошними друзьями. Мамаша Мастифф, вероятно, приспособилась бы к такой жизни без всякого труда. Он усмехнулся. А может ли Высшее Общество приспособиться к ней? А серьезней, как приспособится он? Когда нынче всякий уверен в собственной правоте и пребывает в непоколебимом убеждении, что «его способ делать дела — единственно верный».

И еще он видел, что могут сделать малоприятные личности с другими, в достаточной мере, чтобы желать исправить такое положение. А там будут мозги, которые окажут сопротивление таким усилиям. И кто он такой, чтобы судить жизнь других? Хотел ли он играть роль Бога? Кроме того, ему всего... ну, ему было почти семнадцать, не так ли? Он обладал талантом, и один невинный человек и двое виновных умерли из-за того, что он применил его не так, как следовало бы. Теперь он обладал Силой, и кто знает, сколько там умерло в космосе из-за нее? Силой. Чушь! Он и на одну десятую не был таким человеком, как Цзе-Мэллори. Ему понадобится помощь подобных людей, или же он, скорее всего, наделает страшных ошибок. А они теперь могут оказаться смертельными для многих. Мог ли он управиться с тем, чем он теперь стал? Хотел ли он этого?

И все же там лежала целая вселенная, и казалось позорным не посмотреть на нее.

Теперь, когда он мог видеть.

ЗВЕЗДА СИРОТЫ

ГЛАВА I

— Гляди, куда прешь, квот!

Коммерсант прожег взглядом стройного оливковокожего юношу и устроил целый спектакль из поправки своей едва помятой одежды.

— Прошу прощения, благородный сэра,— вежливо ответил юнец.— Я не заметил вас в этой давке.

Это было одновременно и правдой, и ложью. Флинкс не увидел заносчивого предпринимателя, но он почувствовал воинственность этого человека за несколько секунд до того, как последний отклонился со своего пути, преднамеренно вызвав столкновение.

Хотя его все еще плохо изученные таланты сильно обогатились несколько месяцев назад благодаря встрече с Крангом — этим ужасающим полуразумным оружием ныне исчезнувших хозяев Галактики тар-айимов — они оставались такими же непостоянными, как и прежде. Опыт с выступлением в роли органического катализатора для колоссального устройства чуть не убил и его, и Пипа. Но они выжили, и он изменился в каких-то, пока еще непостижимых, отношениях.

В последнее время он обнаружил, что в одно мгновение мог засесть мысли самого короля в дралларском дворце, тогда как в следующее — даже мысли тех, кто стоял поблизости, оставались закрытыми плотней, чем сума нищего. Это создавало многочисленные неясности, и Флинкс часто проклинал этот дар, так как капризность последнего держала его в состоянии постоянной психической неуравновешенности. Он был словно наездник, отчаянно вцепившийся в гриву неистовствующей дьяволопы, старающийся удержаться и в тоже время пытающийся укротить брыкающегося скакуна.

Он подвинулся, чтобы обойти раздетую тушу, но этот субъект загородил ему дорогу.

— Детей надо учить уважению к старшим,— осклабился коммерсант, явно не желая, подобно Флинксу, считать инцидент исчерпанным.

Флинкс почувствовал раздражение в уме этого типа и поискал глубже. Он засек смутные намеки на сорвавшуюся как раз этим самым утром крупную сделку. Это объясняло его раздражение и явное желание найти кого-нибудь, на ком можно сорвать злость. Пока Флинкс обдумывал это открытие, тип устраивал грандиозный спектакль из засучивания рукавов, демонстрируя свои массивные ручки. Его раздражение растаяло под любопытными взглядами текущей толпы торговцев, лоточников, нищих, ремесленников, замедлявших шаги и начинавших образовывать маленький вихрь в круглосуточном урагане дралларского рынка.

— Я же сказал, что сожалею! — напряженно повторил Флинкс.

— Еще бы не сожалеть. Я думаю, мне придется преподавать тебе...

Коммерсант остановился на полдороге, угрожающий кулак внезапно замер в воздухе. Его лицо вдруг быстро побледнело, а глаза, казалось, прилипли к плечу Флинкса.

Из-под свободных складок плаща юноши каким-то образом появилась голова. Теперь она рассматривала коммерсанта ровным неморгающим взглядом, олицетворявшим инопланетную смерть, аромат застывшего метана и обморожение. Сама по себе голова была крошечная и не производила большого впечатления, чешуйчатая и бесстыдно рептильная. Затем это существо вылезло еще больше, и оказалось, что голова присоединена к длинному цилиндрическому телу. Распахнулись лениво затрепетавшие в воздухе два перепончатых крыла.

— Извините,— услышал свой севший голос коммерсант,— это все была ошибка... на самом деле виноват я.

Он болезненно улыбнулся, посмотрев налево-направо. Глаза небольшой кучки собравшихся людей бесстрастно глядели на него в ответ.

Было интересно видеть, как этот тип, казалось, растаял в стене смотревших. Они поглотили его столь же аккуратно и чисто, как морской окунь — тихоходную ангельскую рыбку. Сделав это, неподвижные ряды снова влились в перемешающийся поток народа.

Флинкс расслабился и, протянув руку, почесал летучего змея под кожистой мордой. «Полегче, Пип,— шепнул он, придумывая для своего приятеля теплые, расслабляющие мысли.— Это пустяки, все уже улажено».

Успокоенный мини-дракончик издал шипящий свист и скользнул обратно под складки плаща, прижав к телу сложенные перепончатые крылья. Коммерсант быстро узнал рептилию. Человек немало попутешествовавший, он знал, что не существовало никакого известного противоядия от яда аласпинского миниатюрного дракона.

— Может быть, он сам усвоил урок, который хотел преподать нам,— сказал Флинкс.— Что скажешь, если мы зайдем к Сморчку Симму и возьмем пива и несколько соленых крендельков тебе? Ты хотел бы этого, суммм?

Змей утвердительно сумммнул ему в ответ.

Почти скрытый в толпе, неприятного вида тучный господин поблагодарил довольного ювелира, положив в карман безразлично сделанную им покупку. Покупка была совершена для отвода глаз, чтобы скрыть истинную цель пребывания здесь.

По бокам у него стояло двое человек. Один был коротким и гладким, с лицом как у мокрого хоряка. Другой демонстрировал торс, как у гальванизированного бройлера, и половину лица. Его единственный глаз постоянно дергался, когда он смотрел вслед удаляющейся фигурке Флинкса, в то время как его маленький спутник энергично обратился к покупателю крошечного пианино из золота и жемчуга.

— Вы видели выражение лица того парня, Чаллис? — спросил он толстого человека.— Этот змей — горячая смерть. Нам ничего не говорили ни о чем подобном. Тот здоровенный идиот спас не только свою собственную жизнь, но и мою, и Нангера тоже.

Одноглазый кивнул:

— Да, вам придется найти кого-нибудь другого для этой грязной работы.

Его низенький спутник выглядел абсолютно согласным с ним.

Толстый коммерсант остался спокоен, почесал один из своих многочисленных подбородков:

— Разве я не был щедр? Поскольку вы оба у меня на постоянном содержании, я, в принципе, ничего не должен вам за эту задачу.— Он пожал плечами.— Но если вопрос в том, чтобы дать еще денег...

Гладкий хорек покачал головой:

— Вы можете купить мои услуги, Чаллис, но не мою жизнь. Вы знаете, что случится, если яд этого змея попадет вам в глаза? Никакое известное противоядие не сохранит вам жизнь дольше, чем на шестьдесят секунд.

Он пнул гравий и грязь под ногами, все еще влажные от регулярного утреннего дождя.

— Нет, это не для меня и не для Нангера тоже.

— Точно,— степенно согласился одноглазый тип. Он чихнул и кивнул в направлении уже удалившегося юноши.— С чего вы вообще помешались на этом пареньке? Он не силен, не богат и не особенно красив.

— Меня интересует его голова, а не тело,— вздохнул Чаллис,— хотя речь идет о моих удовольствиях.— Пыхтя, сложенно проткнутая подушка, он повел их сквозь суетящуюся, кричащую толпу. Люди, транксы и представители дюжины других коммерческих рас легко, словно смазанные, скользили вокруг и мимо них, сплошь занятые важными делами.

— Дело в моем янусском камне. Он вызывает у меня скуку. Лицо низенького выразило отвращение.

— Как может заскучать кто-либо, достаточно богатый, чтобы иметь янусский камень?

— О-о... Но я заскучал, дорогой Нолли, заскучал.

Нангер полуослабилсЯ:

— Что за беда, Чаллис? Вас подводит воображение? — Он рассмеялся коротким зычным лающим смехом.

Чаллис усмехнулся ему в ответ:

— Едва ли, Нангер, но мой мозг, кажется, не годится для того, чтобы производить тот четкий, детальный раствор, на какой способен кристалл. Для этого мне нужна помощь. Вот потому-то в эти последние месяцы я и трудился, подыскивая подходящего ментоадепта, пытаюсь найти вспомогательный мозг, требующийся для управления кристаллом. Я заплатил уйму денег за нужную информацию,— закончил он, кивая знакомому высокому осирийцу. Птицевидный щелкнул в ответ клювом и сделал жест своей грациозной страусиной шеей, его выделяющаяся из общей массы фигура, покачиваясь, уверенно пробиралась через толпу.

Нангер остановился купить кусок пирога; Чаллис продолжил свое объяснение, когда они пошли дальше.

— Так вы понимаете, зачем мне нужен этот паренек?

Теперь Нолли говорил с явным раздражением:

— А почему бы просто не нанять его? Посмотреть, не станет ли он участвовать добровольно?

Лицо Чаллиса выразило сомнение.

— Нет, я думаю, это не сработало бы, дорогой Нолли. Ты ведь знаком с некоторыми из моих фантазий и тому подобным? — Голос его стал вдруг нечеловечески спокойным и пустым.— Ты принял бы участие по доброй воле?

Нолли отвел взгляд от ставших внезапно пугающими зрачков, и, несмотря на свое прошлое, содрогнулся.

— Нет,— еле слышно прошептал он.— Нет, полагаю, не принял бы...

— Здорово, малыш,— прогремел Сморчок Симм — этот великан был не способен разговаривать иначе, чем криком.— Как жизнь, и что ты слышал о Малайке?

Флинкс сел на один из табуретов, выстроившихся рядом с изогнутой стойкой, заказал пиво со специями для себя и чашку соленых крендельков для Пипа. Летучий змей грациозно соскользнул с плеча Флинкса и проделал свой путь к деревянной чашке с трапециевидной выпечкой. Это действие было замечено сидевшей поблизости парой пучеглазых отталкивающих типов, которые быстренько покинули свои места и ретировались к самым удаленным кабинкам.

— У меня довольно давно не было никаких контактов с Малайкой, Симм. Я слышал, что он занимается бизнесом где-то за пределами нашей системы.

Богатый друг-коммерсант Флинкса дал ему возможность покончить с представлениями своего личного цирка одного актера, снабдив его существенной суммой за помощь в исследовании тар-аймской планеты Кранг. Много денег ушло на устройство Мамаши Мاستифф, приемной матери Флинкса, в хорошо обеспеченной товарами лавке в одном из лучших рыночных округов Драллара. Ворча на свою капризность, старуха вызволила Флинкса еще ребенком с невольничьего ряда и вырастила его. Она была единственной когда-либо известной ему родней. Она все еще ворчала, но с любовью.

— Фактически,— продолжал он, потягивая поперченный отвар,— Малайка хотел, чтобы я отправился с ним. Но хотя я и уважаю этого старого гедониста, у него в конечном итоге возникнет идея облачить меня в накрахмаленный костюм, зачесать мне волосы назад и выработать хорошую дикцию.— Флинкс заметно содрогнулся.— Я не смогу этого вынести. Скорей уж я вернусь к жонглерству и играм в отгадки со зрителями. А что насчет тебя, о отец неотесанных мужиков? Я слышал, что муниципальные войска снова досаждали тебе.

Хозяин бара оперся своей, два с половиной метра ростом, почти двухсоткилограммовой тушей на амортизирующую стойку из дерева и пластика, которая протестующе затрещала:

— Рыночный уполномоченный явно воспринял как личное оскорбление, что я выкинул первую группу чиновных добродеев, присланных им закрыть мое заведение. Может быть, мне не следовало ломать их фургон. Теперь они пытаются действовать

хитрее. Только на этой неделе у меня побывал один, утверждавший, что он своими глазами видел, как я подавал определенные галлюциногенные напитки лицам, не достигшим совершеннолетия.

— Ты явно заслужил, чтобы тебя вздернули за твои крайности,— с псевдосерьезным видом заметил Флинкс. Он тоже считался по закону слишком юным для многого, что подавал ему Симм.

— Так или иначе,— продолжал великан,— этот чертов сын вылетает из задней кабинки, машет своей муниципальной карточкой умиротворителя и пытается сказать мне, что я арестован. Он, мол, намерен забрать меня, и мне лучше всего спокойно отправиться с ним.— Сморчок Симм сокрушенно качал массивной головой, пока Флинкс сделал несколько больших глотков.

— И что же ты сделал? — Флинкс слизнул жидкость с уголков рта.

— Я действительно не хотел больше никаких неприятностей и уж конечно не еще одного обвинения в нападении. Я подумал, что намекающая демонстрация умеренно физического характера действительно убедит этого господина изменить свое мнение. Она убедила, и он тихо удалился.— Симм показал на опустевшую теперь кружку Флинкса: — Еще налить?

— Разумеется, так что ты сделал? — повторил он.

— Съел его карточку умиротворителя. Вот твоё пиво,— он поставил вторую кружку рядом с первой.

Флинкс понимал удовлетворение Сморчка Симма. Ему требовалось поддерживать свою репутацию. Его заведение было одним из немногих мест в Дралларе, куда человек мог зайти с гарантией, что на него не нападут или как-нибудь не облапошат буйные разбойники. И все потому, что Сморчок Симм беспристрастно разделялся со всеми такими нарушителями спокойствия.

— Вернусь через минуту,— сказал Флинкс своему другу. Он соскользнул с табурета и направился в то помещение, чья планировка и назначение мало изменились за последние несколько столетий. Как только он вошел туда, на него навалилось изобилие богатых ароматов и ощущений: застоявшегося пива, крепких напитков, беспокойства, напряжения, старой воды, влажности, полного страха ожидания. Комбинация насыщенных мыслей и носящихся в воздухе запахов чуть не подавила его.

Посмотрев налево, где это давление было сильнее всего, он заметил легкое подергивание обеспокоенно следившего за ним

человека. Флинкс увидел внешнее спокойствие этого человека и почувствовал его внутренний страх. В одной руке он держал осмотический шприц, его палец обвился вокруг него, словно это было оружие. Когда Флинкс начал было звать на помощь, его поднимающийся крик оборвало что-то темное и тяжелое, опустившееся ему на голову. Мысленный же крик оборвал холод шприца...

Он очнулся и увидел беспорядочную панораму огней. Они раскинулись перед ним и ниже его, видимые сквозь стену и пол из прозрачного пластика.

Он медленно поднялся, сел с некоторыми затруднениями, поскольку его запястья сковывали хромированные металлические наручники. От них тянулась длинная трубка из гибкого металла, исчезающая среди богатой мебели. Эта цепь извивалась по толстому прозрачному ковру, словно какой-то червяк с зеркальной спиной.

Присмотревшись, Флинкс увидел, что огни были пульсацией города Драллара, среди них господствовали находившиеся слева светящиеся шпили королевского дворца. Это зрелище позволило ему сориентироваться. Сравнив положения дворца с узором нижних огней, он понял, что его держат пленником в одном из четырех отгороженных инурбов города. В этих охраняемых, огражденных от посторонних лиц анклавах находились дома высших классов, как дралларских, так и торговавших здесь жителей иных планет. Значит, напавшие на него были далеко не трущобные вояки.

Он был не в состоянии уловить какие-либо эмоции или мысли вокруг себя. Сейчас все заполонило собой легкое пульсирование в мускулах правого предплечья, куда попала игла. Совсем иного рода ауру порождал его собственный гнев за то, что он не заметил враждебных эманаций напавших на него до того, как зашел в туалет.

Вдруг он заметил отсутствие еще одного ощущения: пропал утешающий груз Пипа у него на плече.

— Здравствуй,— робко поздоровался тонкий, серебряный голосок.

Резко обернувшись, Флинкс оказался лицом к лицу с ангелом. Он расслабился, скинул ноги с кушетки и с удивлением посмотрел на появившуюся девочку. Ей не могло быть больше девяти-десяти лет, и она была одета в голубовато-зеленый комбинезон с бахромой и длинными рукавами из какого-то прозрачного кружевного материала. Длинные белокурые покры-

тые лаком волосы волнами спадали до самых бедер. Младенчески голубые глаза смотрели на него с удлинённого лица умудренного херувима.

— Меня зовут Махнахми,— мягко уведомила она его; ее голос поднимался и падал словно трель малой флейты.— А тебя?

— Все зовут меня Флинкс.

— Флинкс,— она пососала кончик большого пальца.— Это смешное имя, но приятное.

Улыбка показала превосходный жемчуг зубов.

— Хочешь посмотреть, что мне купил папочка?

— Папочка,— откликнулся словно эхо Флинкс, оглядывая комнату. В ней господствовали большая дуга прозрачной стены, балкон и находившаяся внизу искрящаяся панорама. Снаружи была ночь... но была ли это ночь того же дня? Сколько он пролежал без сознания? Неизвестно... пока.

Комната была меблирована в стиле позднего Сиберата: пышные подушки, кресла и диван, поднятые на тонких, как карандаши, стропях из дюралесплава, со всем прочим, подвешенным к потолку на такой тонкой проволоке из дюралесплава, что остальная мебель казалась плавающей в воздухе. На сводчатом куполе потолка господствовали массивные ветви люминесцентных кристаллов сподумена и кинзита. Они окаймлялись округлыми люками, открывавшими теперь заполненное звездами небо. Климатические регуляторы не давали вечернему дождю попасть в помещение.

Его похититель был очень богатым человеком.

Наблюдения прервал полный обиды из-за невнимания голос девочки:

— Ты хочешь посмотреть ее или нет?

Флинкс пожелал, чтобы подрагивание в правом предплечье поутихло.

— Разумеется,— рассеянно кивнул он.

Улыбка вернулась, когда девочка сунула руку в карман комбинезона. Она подошла поближе, гордо разжала кулачок, показывая что-то, лежащее на ладони. Флинкс увидел, что это миниатюрное пианино, сделанное целиком из филигранного золота и настоящего жемчуга.

— Оно действительно играет,— взволнованно сообщила она ему.

Она дотронулась до крошечных клавиш, и Флинкс прислушался к почти невоспринимаемым нотам.

— Это для моей куклы.

— Оно очень красивое,— похвалил Флинкс, вспоминая времена, когда такая игрушка стоила бы ему кредитов больше, чем он мечтал когда-нибудь иметь.— А где сейчас твой папочка?

— Здесь.

Флинкс повернулся к источнику этого простого и все же каким-то образом угрожающего слова.

— Да, я уже знаю, что вас зовут Флинкс,— сказал вошедший, махнув унизанной кольцами рукой.— Я знаю о вас уже многое.

Из шаровидной тени появились два человека. У одного была вмятина в черепе, наполовину оплавленная каким-то сильнейшим жаром и лишь приблизительно реконструированная инженерами от медицины. Его спутник-коротышка проявлял теперь больше самообладания, чем когда держал для Флинкса шарик в туалете у Симма.

Коммерсант снова обратился к нему:

— Меня зовут Конда Чаллис. Наверное, вы слышали обо мне?

Флинкс медленно кивнул:

— Я знаю о вашей фирме.

— Хорошо,— отозвался Чаллис.— Всегда приятно быть узнаваемым, и это избавляет от определенных объяснений.

Неприятное пульсирование в правом плече Флинкса начало утихать, когда вошедший расположился в поджидавшем его кресле. От Флинкса его отделял круглый плоский стол из металла и пластика. Полулицый и его низкорослая тень расположились поудобней — но не слишком удобно, заметил Флинкс — рядом с ними.

— Я вижу, Махнахми, ты развлекала нашего гостя,— обратился Чаллис к девочке.— Теперь пойдی куда-нибудь и поиграй, как положено пай-девочке.

— Нет. Я хочу остаться и посмотреть.

— Посмотреть? — напрягся Флинкс.— Что посмотреть?

— Он собирается воспользоваться кристаллом. Я знаю это!

— Она повернулась к Чаллису:

— Пожалуйста, папочка, позволь мне остаться и посмотреть! Я ни слова не скажу, обещаю.

— Извини, детка, как-нибудь в другой раз.

— Как-нибудь в другой раз, как-нибудь в другой раз,— повторила она.— Ты никогда не даешь мне посмотреть. Никогда, никогда, никогда! — И столь же быстро, как солнце, вспыхнувшее после ливня, ее лицо озарила широкая улыбка.— Ну ладно, но позволь мне хотя бы попрощаться с ним.

Когда Чаллис нетерпеливым кивком дал добро, она разве что не прыгнула в объятия Флинкса. К большому его расстройству, она обвила его руками и ногами, чмокнула в щеку и прошептала в правое ухо ритмичным, незрелым сопрано:

— Лучше делай, что он тебе говорит, Флинкс, или он выпустит тебе кишки.

Каким-то образом он сумел сохранить на лице нейтральное выражение, когда она отпустила его с обезоруживающе невинной улыбкой.

— Пока. Может быть, папочка позволит нам потом поиграть.— Повернувшись, она вприпрыжку выбежала из комнаты через дверь в противоположной стене.

— Э... интересная девочка,— сглотнув, заметил Флинкс.

— Ну разве она не очаровательна,— согласился Чаллис.— Мать ее была исключительно красива.

— Значит, вы женаты? Вы мне кажетесь человеком не того типа.

Коммерсант, похоже, был искренне шокирован:

— Я — с пожизненными брачными узами? Мой милый мальчик! Ее мать была куплена прямо здесь, в Дралларе, много лет назад. Прилагаемая родословная утверждала, что она обладала исключительными талантами. Они оказались очень небольшие, пригодные для салонных фокусов, но мало для чего еще. Она, однако, была способна и на кое-что еще, так что я считал, что деньги потрачены не совсем напрасно. Единственным недостатком было рождение этого ребенка, произошедшее в результате моего опоздания на стандартную дебионъекцию. Я не думал, что задержка будет иметь значение.— Он пожал плечами.— Но я ошибся. Ее мать доставляла мне удовольствие, поэтому я разрешил ей родить девочку... У меня, однако, есть склонность не беречь свое имущество. Мать после этого прожила недолго. Временами я чувствую, что девочка унаследовала мизерные таланты своей матери, но все попытки доказать это потерпели неудачу.

— И все же, несмотря на это, вы продолжаете держать ее при себе,— с любопытством заметил Флинкс. На секунду Чаллис, похоже, смутился, ощущение, которое быстро прошло.

— На самом деле, это не так уж и загадочно. Учитывая, как умерла ее мать, о чем девочка не знает, я испытываю некоторое чувство ответственности за нее. Хотя я не особенно люблю детей, она подчиняется с охотой, какой могут позавидовать и те, кто постарше ее.— Он широко усмехнулся, и у Флинкса возникло впечатление голого белого черепа, наполненного ломаными ледяными торосами.

— Она достаточно большая, чтобы понимать: если она не будет слушаться, я просто-напросто продам ее.— Чаллис нагнулся вперед, сопя от усилия положить грудь на выпирающий живот.— Однако, вас доставили сюда не для того, чтобы обсуждать детали моей домашней жизни.

— Тогда зачем же меня сюда доставили? Я слышал что-то о кристалле. Я немного разбираюсь в хороших камнях, но я, разумеется, не специалист.

— Да, кристалл.— Чаллис отклонил дальнейшие устные объяснения, вместо этого он поманипулировал переключателями, скрытыми наклоненным противоположным краем стоящего между ними стола. Свет померк, и зловещая пара подручных Чаллиса исчезла, хотя Флинкс чувствовал поблизости их бдительное присутствие. Они находились между ним и единственной четко определенной дверью.

Внимание Флинкса быстро отвлекло тихое гудение. Когда верх стола отодвинулся в сторону, он увидел все устройство. Стол был толстым сейфом. Что-то поднялось из центральной выемки, скульптура из светящихся компонентов, окруженных паутиной тонких проводов. В центре скульптуры находился прозрачный шар из стеклосплава. В нем содержалось что-то, выглядевшее похожим на чистый природный кристалл размером примерно с голову человека. Он сиял странным внутренним светом. На первый взгляд он напоминал кварц, но более длительное изучение показывало, что здесь был уникальнейший силикат.

Центр кристалла был полым и имел неправильные очертания. Он был полон темно-бордовых и зеленых частиц, плававших медленно, как во сне, в прозрачной вязкой жидкости. Частицы были мелкими, как пылинки. Местами они почти достигали стенок кристалла, хотя у них, в общем, имелась тенденция держаться компактно вблизи от его середины. Иногда бархатистые пылинки резко дергались и носились кругом, словно подгоняемые какой-то невидимой силой. Флинкс, как загипнотизированный, уставился в его смещающиеся глубины...

На Земле жил богатый человек по фамилии Эндриксон, который последнее время, казалось, ходил будто во сне. Семья его любила, и друзья были очень привязаны к нему. Им также, сквозь зубы, восхищались конкуренты. Эндриксон, хотя в данный момент он выглядел кем угодно, только не человеком острого ума, был одним из тех странных гениев, которые сами не обладают никакими творческими способностями, но

проявляют вместо этого редкую способность распоряжаться и направлять таланты людей более одаренных, чем они сами.

В 5:30 вечера 25 числа пятого месяца Эндриксон шел медленнее обычного по тщательно охраняемым коридорам Завода. У Завода не было названия — предосторожность, на которой настояли нервные люди, чьим занятием было беспокоиться о таких вещах, — и он был построен на западном склоне Анд.

Проходя мимо трудившихся на Заводе мужчин, женщин и инсектоидных транксов, Эндриксон приветливо кивал и всегда удостоивался почтительного ответа. Они все двигались в противоположном направлении, поскольку рабочий день для них закончился. Они все были в пути — эти очень, очень талантливые существа — к себе домой в Сантьяго, Лиму, Дели и Нью-Йорк, а также в земные колонии транксов в бассейне Амазонки.

Один, еще не сменившийся с дежурства, вытянулся по стойке смирно, когда Эндриксон завернул за угол в последний защищенный переход. Увидев, что посетитель не был его непосредственным начальником — господином, носившим свое раздражение, как и свое нижнее белье, поверх брюк, — хорошо вооруженный охранник расслабился. Эндриксон, знал он, был другом всем.

— Здравствуйте... Дэвис, — медленно произнес босс.

Дэвис отдал честь, а затем внимательно изучил шефа, обеспокоенный его внешним видом.

— Добрый вечер, сэр. Вы уверены, что чувствуете себя хорошо?

— Да, спасибо, Дэвис, — ответил Эндриксон, — у меня в последнюю минуту возникла одна мысль... Это ненадолго. — Он глядел на какой-то светящийся предмет неправильной формы, который держал в ладони. — Не хочешь ли посмотреть мое удостоверение личности?

Охранник улыбнулся, осмотрел необходимую полоску обработанного пластика и пропустил Эндриксона в камеру, за которой находилась мастерская, огромная пещера, дополнительно расширенная точным инженерным расчетом и необходимостью. Это было сердце Завода.

Уверенной походкой Эндриксон спустился по лестнице на опечатанный этаж увеличенной пещеры, проходя мимо громадных машин, длинных верстаков, и величественных сооружений из металла и других материалов. Мастерская была сейчас пустынна. Она останется такой до тех пор, пока не явится, пять часов спустя, утренняя смена.

Пройдя треть этажа, он остановился перед внушительной дверью из серовато-коричневого металла, единственным разрывом в сплошной стене из того же материала, что отгораживал просторную часть пещеры. Пользуясь свободной рукой и в то же время по-прежнему устоясь на предмет в другой руке, он вынул кольцо с несколькими металлическими цилиндриками. Он выбрал цилиндрик, прижал большой палец к выемке на его конце, а затем вставил другой конец в дырочку на двери и толкнул его вперед. Механизм двери произвел и поглотил сложную серию излучений. Они вынесли суждение о цилиндрике и о державшей его личности.

Удостоверившись, что цилиндрик закодирован как надо и что его владелец находится в устойчивом психологическом состоянии, дверь пропела тихое согласие и утонула в полу. Эндриксон прошел, и дверь, заметив его прохождение, снова поднялась, закрыв щель позади него.

Впереди обрисовалось не совсем законченное устройство, почти заполнявшее собой эту часть пещеры. Оно было окружено внимательной армией приборов: следящими устройствами, отдыхающими инструментами, контрольными пультами и бесконечными пробирками с разнообразными компонентами.

Эндриксон игнорировал этот знакомый коллаж, и целеустремленно направился к единственному черному пульта.

Он задумчиво посмотрел на его переключатели и датчики, а затем воспользовался еще одним из цилиндриков на кольце, для того чтобы вернуть пульт к жизни. Лампочки послушно вспыхнули, а датчики зарегистрировали для него величины.

Над ним вырисовывалась огромная масса незаконченного КК-двигателя звездолета. Окончательное завершение будет и должно быть только в свободном космосе, поскольку активированное позигравитационное поле двигателя, взаимодействуя с гравитационным полем планеты, произвело бы серию землетрясений и тектонических смещений в масштабах катаклизма.

Но этот факт Эндриксона в данный момент не волновал. Им овладела куда более интригующая мысль. Достаточно ли завершён двигатель, чтобы функционировать? Ему хотелось знать. Почему бы не получить интересные факты из первых рук...

Он взглянул на красоту в своей ладони, затем воспользовался вторым цилиндриком, чтобы отпереть плотно запечатанную коробку на одном конце черного пульта. Под кожухом коробки находилось несколько кнопок, сплошь покрытых ярко-красной эмалью. Эндриксон услышал, как где-то визгливо

озвыл клаксон, но сигнал тревоги умолк, когда он включил кнопки в правильном порядке. Он предавался огромному удовольствию. С активацией переключателей жидкого состояния по монолиту из стекла, пластика и металла начали растекаться команды. Далеко за противоположной стороной двери Эндриксон слышал крики и топот бегущих людей. В то же время была активирована термоядерная искра, и Эндриксон увидел полное зацепление, зарегистрированное на надлежащих мониторах.

Он удовлетворенно кивнул. Замкнулись последние реле, связавшие с механизмом встроенный в двигатель компьютерный мозг. На короткую секунду поле Курита-Кита обрело существование. В голове Эндриксона на миг мелькнула мысль, что такое никогда не следует делать иначе как в глубине свободного космоса.

Но последние мысли он посвятил изысканной красоте и странным словам, заключенным в предмете, который он держал в руке...

Будь двигатель закончен, могла бы произойти крупная катастрофа. Но он не был завершен, и поэтому поле быстро распалось, не способное поддержать само себя и распространиться до своего полного, двигательного диаметра.

Поэтому, хотя в шестистах километрах, в центре Вальпараисо, вылетели окна, опрокинулось несколько старых зданий и треснула древняя колокольня церкви Санта Авила де Севиль, лишь немногие вещи в непосредственной близости претерпели сколько-нибудь значительные изменения.

Однако Эндриксон, Завод и близлежащая технологическая община Санта Роза де Кригтобаль (населением 3200 человек) исчезли.

Гору высотой в 1352 метра, у подножия которой поднялся городок и в недрах которой был высечен Завод, сменил окруженный расплавленным стеклом кратер глубиной в 1200 метров.

Поскольку логика настаивала, что это событие не могло быть ничем иным, помимо несчастного случая, именно так и постановили специалисты, вызванные найти объяснение, специалисты, не имевшие доступа к той самой красоте, которая так совершенно ослепила ныне испарившегося Эндриксона...

Флинкс моргнул, пробуждаясь от тантализирующей красоты янусского кристалла. Он продолжал пульсировать своим ровным, естественным желтым люминесцентным светом.

— Вы видели когда-нибудь прежде такой камень? — спросил Чаллис.

— Нет, хотя я слышал о них. Я достаточно знаю, чтобы узнать его.

Чаллис, должно быть, коснулся какой-то скрытой кнопки, потому что на краю стола обрел жизнь свет низкой интенсивности. Пошарив во встроенном в стол ящике, коммерсант достал небольшой предмет, напоминавший абстрактную деревянную скульптуру птицы в полете, с опущенными крыльями. Он был сработан так, чтобы налезать на человеческую голову. Гладкие в целом очертания прибора нарушали только несколько видимых проводов и модулей.

— Вы знаете, что это такое? — осведомился коммерсант.

Флинкс признался, что не знает.

— Это шлем оператора, — медленно объяснил Чаллис, помещая его на свои жесткие волосы. — Шлем и заключенные в этом столе механизмы транскрибируют человеческие мысли и передают их в кристалл. У камня есть определенное свойство.

Чаллис произнес «свойство» с таким благоговением, какое большинство людей приберегают для описания своих богов или возлюбленных.

Коммерсант прекратил возиться с невидимыми кнопками и со шлемом. Он сложил руки перед своим сжатым брюхом и уставился на кристалл.

— Сейчас я кое на чем сосредоточусь, — тихо сказал он своему очарованному слушателю. — Это требует небольшой тренировки, хотя некоторые могут обойтись и без нее.

Пока Флинкс увлеченно следил, частицы в центре кристалла начали перестраиваться. Их движение перестало быть хаотичным, и было ясно, что направляли эту переаранжировку мысли Чаллиса. Здесь было нечто, о чем ходили слухи, но что имели честь видеть немногие только очень богатые люди.

— Чем больше кристалл, — продолжал Чаллис, явно напрягаясь, — тем больше цветов присутствует в коллоиде и тем ценнее камень. Общим правилом является только один цвет. Этот камень содержит два и является одним из самых больших и прекрасных, что существуют, хотя даже маленькие камни — редкость.

Есть камни с присутствующими примесями, создающие трех- и четырехцветные демонстрации, и известен один камень с пятицветным содержанием. Вы бы не поверили, узнав, кому он принадлежит и что с ним делают.

Флинкс следил, как пылинки в центре кристалла начали принимать полутвердую форму и облик по указаниям Чаллиса.

— Никто, — продолжал коммерсант, — не сумел синтезировать маслянистую жидкость, в которой плавают взвешенные цветные частицы материи. Если кристалл разбить, восстановить его невозможно. И равно нельзя перенести коллоид полностью или частично в новый контейнер. Трещина в сложном жидкокристаллическом образовании уничтожает индивидуальный пьезоэлектрический потенциал камня. К счастью, кристалл так же тверд, как и корунд, хотя и не приближается по прочности к предметам из дюралесплава.

Хотя контуры постоянно смещались и дрожали, ни на секунду не становясь совершенно твердо зафиксированными, они приняли узнаваемые очертания нескольких личностей. Одна, похоже, была женщиной с преувеличенной фигурой Юноны. Из других один был гуманоидным самцом, а третий — чем-то совершенно чуждым. Вокруг них поднялось двухстороннее помещение, наполнившееся странными предметами, никогда не сохранявшими свою форму больше чем на несколько секунд. Хотя их формы постоянно менялись, производимое ими впечатление — нет. Флинкс увидел вполне достаточно, чтобы желудок вывернулся наизнанку, прежде чем все в кристалле растворилось вновь в облако светящейся пыли.

Оторвав взгляд от кристалла и подняв глаза, он заметил, что коммерсант снял шлем и вытирал пот надушенным платком с высокого лба. Освещенное приглушенным светом, скрытым внизу за краем стола, его лицо стало физиономией неразборчивого в средствах маньяка.

— Легко начать, — утомленно пробормотал он, — но дьявольски трудно поддерживать реакцию. Когда твое внимание переключается на одну фигуру, остальные начинают распадаться. А когда в пьесе требуется представить сложные действия нескольких таких созданий, это почти невозможно, особенно когда есть склонность становиться столь увлеченным... действием.

— Какое все это имеет отношение ко мне? — прервал его Флинкс. Хотя вопрос был адресован Чаллису, его внимание было приковано к этим двум полуошутимым фигурам, охранявшим выход. Ни Нолли, ни Нангер не шевелились, но это не означало, что они ослабили свою бдительность. И охраняемая ими дверь едва ли окажется незапертой. Флинкс разглядел несколько отверстий в выходившей на город стене из стеклосплава от пола до потолка, но он знал, что там ждал отвесный скат на улицу по меньшей мере в пятьдесят метров высотой.

— Видите ли,— уведомил его Чаллис,— если я не стыжусь признаться, что я унаследовал самый преуспевающий семейный бизнес в виде «Чаллис Компани», то я не считаю также себя и дилетантом. Я улучшил дела фирмы благодаря приобретению людей со многими различными талантами.

Он показал на дверь:

— Дорогой Нолли и Нангер два таких примера. Я надеюсь, что вы, мой милый мальчик, будете еще одним.

— Я все еще не уверен, что понимаю,— медленно произнес, лукавя, Флинкс.

— Это можно легко исправить.— Чаллис растопырил и поднял пальцы.— Чтобы удержать взвешенные частицы при манипулировании этой, состоящей из частиц, глиной, требуется особого рода мозг. Мои мысленные сценарии сложны, чтобы насладаться ими, мне требуется вспомогательный мозг. Ваш! Я проинструктирую вас относительно своих желаний, что я желаю и вы исполните мои замыслы.

Флинкс мысленно вернулся к тому, что он мельком увидел несколько минут назад в незавершенной пьеске, к тому, что сотворил Чаллис внутри крошечного божьего мира кристалла. Во многих отношениях он был куда более зрелым, чем полагалось для его семнадцати лет, и он в свое время повидал много вещей. Хотя кое от чего из этого вырывало бы и опытного солдата, большинство из них были безвредными извращениями. Но под всей выраженной Чаллисом поверхностной сердечностью и вежливыми просьбами о сотрудничестве бурлило глубокое озеро неочищенных сточных вод, и Флинкс не собирался служить коммерсанту в нем лощманом.

Выживание на рынке Драллара с детства сделало Флинкса в какой-то мере реалистом. Поэтому он не отверг с ходу предложение коммерсанта и не высказал того, что было у него на уме: «Вы вызываете у меня тошноту и отвращение, Конда Чаллис, и я отказываюсь иметь какое-то отношение к вам или к вашим болезненным фантазиям». Вместо этого он сказал: — Я не знаю, откуда у вас появилась мысль, что я могу оказать вам такую помощь.

— Вы не можете отрицать свое собственное прошлое,— хихикнул Чаллис.— Я собрал на вас маленькое, но интересное досье. Самое примечательное, что ваши странные таланты заметно фигурировали в помощи одному моему конкуренту по имени Максим Малайка. Перед этим и последующими инцидентами вас замечали демонстрировавшим экстремальные психические способности посредством дешевых цирковых фокусов ради получения нескольких кредитов от прохожих. Я могу

предложить вам существенно больше за применение ваших талантов. Отрицайте это, если сможете.

— Ладно, допустим, я могу сделать несколько фокусов и одурачить несколько туристов,— уступил Флинкс, изучая в то же время соединявшие его запястья тонкие серебристые браслеты и пытаясь найти скрытую защелку.— Но то, что вы называете моими «талантами»,— неустойчиво, и большую часть времени не поддается моему контролю. Я не знаю, ни когда они возникают, ни почему они пропадают.

Чаллис кивал с сильно не понравившимся Флинксу видом.

— Естественно, я понимаю, что все таланты — художественные, спортивные, любого рода — требуется тренировать, дисциплинировать и развивать до своей полноты. Я намерен помочь вам овладеть вашими. В смысле примера...— Чаллис взял что-то, похожее на древние карманные часы, и нажал на крошечную кнопку. Из легких Флинкса мгновенно исчезло дыхание, и он выгнулся вперед дугой. Его руки сжались в кулаки, когда он содрогался, и он почувствовал себя так, словно кто-то подпилил кости в его запястьях; боль так же внезапно прошла, и он стал способен обмякнуть и повалиться назад, охая и дрожа. Когда он обнаружил, что снова может открыть глаза, то увидел, что Чаллис пристально смотрел в них, выжидательно и заинтересованно. Его взгляд ничем не отличался от взгляда химика, наблюдающего лабораторное животное, только что получившее инъекцию возможно смертельного вещества.

— В этом... не было необходимости,— сумел прошептать Флинкс.

— Возможно, и нет,— бездушно согласился Чаллис,— но это было инструктивным. Я видел, как бегали ваши глаза, пока вы говорили. В самом деле, вы, знаете ли, не сможете выбраться отсюда. Даже если бы вы сумели каким-то образом добраться до центральной шахты лифта мимо Нолли и Нангера, там ждут и другие.— Коммерсант помолчал, а затем внезапно спросил: — Итак, неужели то, что я желаю, настолько отвратительно для вас? Вы будете хорошо вознаграждены. Я предлагаю вам обеспеченное существование в моей фирме. В обмен вы можете отдыхать как вам угодно. Вас будут вызывать только для помощи в управлении камнем.

— Меня беспокоит этичность этого дела, а не жалование,— стоял на своем Флинкс.

— Ах, этичность.— Чаллиса позабавили слова Флинкса, и он не пытался этого скрыть.— Это вы наверняка сможете преодолеть. Альтернатива будет намного менее субъективной.—

Он праздно побарабанил двумя пальцами по поверхности псевдочасов.

Притворяясь, что наслаждается всем этим, Флинкс думал. Его запястья все еще подергивались, и боль проникла до самых плеч. Он мог снова вынести эту боль, но не часто. А что-нибудь более интенсивное наверняка выключит его. Его зрение все еще имело тревожную тенденцию терять фокус.

И все же... он не мог сделать того, что хотел Чаллис. Эти образы — у него закрутилось в желудке, когда он вспомнил, — участвовать в таких непристойностях... Нет! Флинкс обдумывал, что сказать, все что угодно, лишь бы предотвратить новую боль, когда к его щеке прижалось что-то сухое и гладкое. За этим последовало легкое, как перышко, ласковое поглаживание по шее чего-то невидимого, но знакомого.

Чаллис явно ничего не увидел в темноте, так как когда он снова заговорил, его голос был таким же ровным, как и раньше. Его пальцы продолжали лениво играть на овальном пульте управления.

— Бросьте, мой дорогой мальчик, нужно ли, в самом деле, растягивать это еще больше? Я уверен, что вы получаете от этого меньше удовольствия, чем я.

Палец перестал барабанить и придвинулся к кнопке.

— Эй!

Крик раздался поблизости от двери, и за ним последовали приглушенные ругательства и смутно воспринимаемое движение. Двое охранников Чаллиса безумно прыгали кругом, размахивая руками и молотя что-то невидимое.

Голос Чаллиса в первый раз сделался злобным и гневным:

— Что с вами случилось, идиоты?

Нангер нервно ответил: — Здесь с нами что-то есть.

— Вы оба выжили из своего жалкого ума. Мы в восьми этажах от поверхности и тщательно экранированы от механического вторжения. Ничего не может быть.

Нангер перебил заверения коммерсанта воплем, с подобным которому мало кто мог когда-либо столкнуться.

Флинкс наполовину ожидал этого. И даже у него от этого звука пробежал по спине холодок. А что это сделало с Нолли или с Чаллисом, ставшим вдруг карабкаться через спинку кресла и шарить у себя на поясе, можно было только догадываться.

Флинкс услышал треск, за которым последовало столкновение с чем-то тяжелым и вышедшим из-под контроля. Это был Нангер. Полулицый плотно прижал к глазам обе руки и дико шатался во всех направлениях.

— Камень... берегите камень! — взревел в панике Чаллис. Двигаясь с удивительной скоростью на четвереньках, он добрался до края стола и ударил по выключателю. Свет мгновенно погас.

В слабом освещении от стены-окна Флинкс смог разглядеть, как коммерсант отсоединил верхнюю часть аппарата, шар, содержащий сам кристалл, и выжидая, осторожно держал его в руках, оберегая от повреждений.

Неожиданно в комнате возник еще один источник света в виде резких перемежающихся вспышек иглолучевого пистолета. Нолли выхватил оружие и отчаянно дрался с налетавшим на него и парившим над ним противником. Затем на столе что-то начало гудеть, требуя внимания, и Чаллис поднял трубку и выслушал. Флинкс тоже прислушивался, но не смог ничего расслышать. Чтобы там ни было сказано, оно извлекло несколько свирепых ответов из коммерсанта, чьи небрежные манеры теперь совершенно исчезли. Он буркнул что-то в микрофон, а затем швырнул его обратно на стол. Взгляд, который он бросил на Флинкса в почти полной темноте, был смесью ярости и любопытства.

— Я вынужден с вами распрощаться, мой милый мальчик. Надеюсь, у нас будет возможность встретиться вновь. Я думал, что вы всего лишь нищий со слишком большими для своей головы талантами. Вы явно нечто большее. Сожалею, что вы не выбрали сотрудничество. Ваша материнская линия намекала, что вы могли бы.— Чаллис усмехнулся.— Я никогда не повторяю ошибок. Считайте это предупреждением.

Все еще ползя на четвереньках, он проделал путь до скрытой двери. Когда она открылась, Флинкс мельком уловил стоявшую там золотистую фигурку.

— Снова подслушиваешь, отродье? — пробурчал, поднимаясь на ноги, Чаллис. Он дал девочке затрещину, схватил ее за руку. Она заплакала и отвела взгляд от Чаллиса, когда дверь, закрываясь, повернулась.

Когда Флинкс обратил свое внимание на другую дверь, в голове у него уже все завертелось от небрежного замечания коммерсанта. Но прежде чем Флинкс смог обдумать все, что вытекало из этой фразы, он был поражен цунами маниакальной психической энергии, чуть не сбившим его с кушетки. Оно было невообразимо сильным, мощней всего, что он когда-либо получал от человеческого мозга. Оно содержало вопящие образы Конды Чаллиса, медленно распадавшиеся, словно игрушки. Эти видения беспорядочно смешивались с другими картинками, и среди них проплыло несколько изображений самого Флинкса.

Он вздрогнул под таким титаническим воем. Некоторые из мелькавших образов были намного омерзительнее всего, что пытался создать внутри кристалла Конда Чаллис. Мозг коммерсанта, может, и был предельно развращенным, но мозг, стоявший за этой психической бурей, не останавливался на подобной ерунде.

Флинкс уставился на закрывающуюся дверь, видя в последний раз черные глаза на ангельском лице. В этом несформировавшемся теле, понял он, обитал измученный ребенок. И все же даже это откровение не вызвало в нем той же вспышки дикого волнения, что последнее небрежное заявление Чаллиса. «Ваша материнская линия».

Флинкс больше знал о вселенной, чем о своих настоящих родителях. Если Чаллис знал хотя бы слухи о предках Флинкса... пожелание коммерсанта встретиться вновь обязательно сбудется.

ГЛАВА 2

Дверь в центральную шахту открылась, когда Нолли попытался скрыться. Вместо пустого лифта он наткнулся на фигуру гигантских пропорций, поднявшую его в воздух, отобрав при этом иглолучевой пистолет. Новоприбывший быстро сделал оружие безвредным, скомкав пистолет в кулаке с силой механического пресса. Пальцы Нолли, которым довелось по воле случая сжимать иглолучевик, при этом пострадали, и потеря сознания предшествовал вскрик от боли. Сморчок Симм пригнулся, чтобы не задеть притолоку, отбросив в сторону обмякшее человеческое тело. Одновременно длинное тощее тело легко устроилось на плече Флинкса, и влажный кончик языка знакомо пощекотал ему ухо. Протянув руку за спину, Флинкс почесал мини-дракончика под челюстью и почувствовал, как расслабилось длинное мускулистое туловище. «Спасибо, Пип».

Поднявшись, он обошел стол-сейф и поиграл с кнопками на другой стороне. В скором времени он преуспел с освещением всей комнаты. Там, где ломился и спотыкался Нангер, дорогая мебель была сломана и перекручена. Его тело, уже начавшее коченеть от вызванной ядом смерти, лежало, скрючившись, на одном из погнутых кресел. Неподвижная фигура его спутника валялась у двери. Из сплюсненной руки сочилась кровь.

— Я все гадал,— уведомил Симма Флинкс,— когда же ты попадешь сюда.

— Это было трудно,— стал оправдываться бармен, голосом, гулко раздававшимся из бездонной бочки его груди.— Твой приятель проявлял нетерпение, исчезал и снова появлялся, когда я отставал. Как он узнал, где тебя можно найти?

Флинкс любовно поглядел на сонную теперь чешуйчатую голову.

— Он учуял мой страх. Видит Живая Вода, я звал его достаточно громко.— Он протянул вперед скованные запястья.— Ты мог бы что-нибудь сотворить с ними? Я должен найти Чаллиса.

Симм взглянул на наручники с выражением легкого удивления на лице: — Вот уж никогда не думал, что месть в твоём характере, Флинкс.

Протянув массивные большой и указательный пальцы, Симм осторожно защемили одну из узких соединительных лент. Мгновенное давление заставило металл лопнуть с резким хлопком. Повторение процедуры освободило другую руку Флинкса.

Осматривая свое правое запястье, когда он растирал его левой рукой, Флинкс не смог заметить никаких следов, ничего, указывающего на интенсивную боль, причиненную этим устройством.

Он обдумывал, как ответить на замечание своего друга. Как он мог надеяться объяснить этой добродушной громадине важность замечания Чаллиса?

— Я думаю, что Чаллис может что-то знать о моих настоящих родителях. Я не могу просто-напросто забыть об этом.

Ответ Симма поразил его своей непривычной злостью:

— Что они тебе? Что они для тебя сделали? Они были причиной того, что с тобой обращались как с движимым имуществом, как с какой-то собственностью. Если бы не вмешательство Мамаши Мاستифф, ты был бы сейчас личным рабом, возможно, у кого-нибудь вроде Чаллиса. Твои настоящие родители! Ты ничего им не должен, и уж меньше всего — доставить удовлетворение, показав им, что ты выжил!

— Я не знаю, при каких обстоятельствах от меня отреклись, Симм,— возразил наконец Флинкс.— Я должен выяснить. Должен.

Бармен, сам сирота, пожал массивными плечами:

— Ты, Флинкс, неприспособленный к жизни идеалист.

— А ты — еще больший,— отпаривал юноша,— вот поэтому-то ты мне и поможешь.

Симм пробурчал что-то неразборчивое, что вполне могло быть ругательством.

— Куда он вышел?

Флинкс показал на скрытую дверь, Симм подошел к ней и для пробы привалился к металлической панели. Шарниры подались внутрь с удивительной легкостью. За дверью они обнаружили короткий коридор, ведущий к маленькому личному лифту, быстро доставившему их к основанию этой роскошной башни.

— Как ты вообще попал сюда? — спросил Флинкс своего друга.

Симм дернул углом рта:

— Сказал ребятам из службы безопасности, что у меня есть пропуск на встречу с местным жителем — обычная процедура в подобных центральных районах.

— Кто-нибудь потребовал показать его?

Симм даже не улыбнулся.

— Ты бы стал? Только один охранник попробовал было, но я думаю, с ним будет все в порядке, если о нем позаботятся как надо. Осторожней теперь, — предупредил великан, когда лифт остановился. Пригнувшись сбоку от двери, он выпрыгнул наружу, как только дверь достаточно открылась, чтобы пропустить его. Но их не ждала никакая засада. Вместо этого они оказались в гараже наземных машин, с обильными признаками недавнего бегства.

— Держи свои монументальные ушки на макушке, — тихо посоветовал другу Флинкс, — и посмотри, не сможешь ли ты выяснить, куда сбежал Чаллис. Я намерен поработать со своими собственными источниками...

Когда они вышли через открытую дверь гаража, никто их не остановил и не помешал уходу, хотя скрытые камеры заметили его. Но те, кто наблюдал через эти камеры, радовались, увидев что эта пара уходит.

— Ты уверен, что они уже не здесь? — гадал вслух Симм. — Кто-нибудь мог взять машину, чтобы отвлечь внимание.

Флинкс ответил с того рода сверхъестественной уверенностью, на понимание которой Симм и не претендовал, но которую научился принимать:

— Нет, поблизости их больше нет.

Пара вышла за пределы последней стены, окружавшей центральный район. Не было никаких формальностей, никаких рукопожатий: этим двум не требовалось ничего подобного.

— Если ты что-нибудь узнаешь, свяжись со мной в лавке Мамаши Мاستифф, — проинструктировал великана Флинкс. — Что бы там ни случилось, я дам тебе знать о своих планах.

Возвращаясь по концентрическим кругам рынка, он плотно закутался в плащ. Падали последние капли утреннего дождя. Из-за низких тяжелых от воды туч показались первые солнечные лучи.

Вокруг него не прекращалась деятельность. На этом коммерческом перекрестке Содружества бизнесом занимались круглые сутки.

Флинкс знал великое множество встреченных им обитателей этого мира. Некоторые были богатыми и великими, а некоторые — бедными и ничтожными. Некоторые были нелюди: одни — больше, другие — меньше, хотя все притязали на членство в одной и той же расе.

Проходя мимо прилавка торговца сладостями Кики, он решительно смотрел только вперед. Было еще слишком рано, а его желудок был слишком пуст для конфет. Кроме того, его внутренности все еще слегка пошаливали от постэффектов «безвредного» камешка Чаллиса. Поэтому он купил у Председателя Нильса небольшой ломоть отрубного хлеба, покрытого ореховым маслом.

Нильс был бродячим торговцем пищей лет сорока с небольшим и с авторитарной манерой поведения. Все называли его Председателем. Он правил своим углом рынка с видом диктатора, ничуть не подозревая, что он сохранял свою власть только потому, что торговцы и лоточники находили забавным подыгрывать его тихому помешательству. Однако в его выпечных изделиях никогда не бывало никаких иллюзий. Флинкс жадно откусил от треугольного ломтя, наслаждаясь хрустевшими иногда толчеными орехами, смешанными с коричневым маслом.

Небо все еще намекало на возможность появления солнца, редкое происшествие в обычно окутанном тучами Дралларе.

Заморив червячка, Флинкс начал пробираться через сектор, заполненный красивыми витринами постоянных лавок.

Этот сектор существенно отличался от района самодельных сараев и складов, где он вырос. Когда Флинкс впервые предложил переместить сюда древний прилавок из шумных глубин рынка, Мамаша Мاستифф голосисто запротестовала.

— Я не буду знать как себя вести,— спорила она.— Что я понимаю в обращении с разодетыми клиентами и богатыми людьми?

— Поверь мне, мать,— хотя они оба знали, что она не была его настоящей матерью, но она выступала в этой роли для половины бездомных в Дралларе,— они точно такие же люди, как и твои старые клиенты, только теперь эти идиоты будут приходить с более толстыми бумажниками. Кроме того,

что мне еще делать со всеми этими деньгами, которые мне всучил Малайка?

В конечном итоге он вынужден был купить лавку и таким образом поставить ее перед свершившимся фактом. Когда он сообщил ей об этом, она не один час поносила его — пока не увидела эту торговую точку. Хотя она продолжала бормотать страшные проклятия всему, что он ей показывал: товары высшего класса, шикарные жилые помещения наверху, приборы автоматической варки,— ее сопротивление рухнуло с удивительной скоростью.

Но имелась все же две вещи, которые она отказывалась сделать. Одной было сменить свой ручной, домашней выделки наряд, такой экзотический коллаж из бус, колокольчиков и ткани, какой только можно вообразить. Другой было пользоваться маленьким лифтом, сновавшим между помещением лавки и жилыми покоями наверху.

— День, когда я не смогу одолеть единственного лестничного пролета,— протестовала она,— будет днем, когда ты сможешь забальзамировать меня, набить ватой и выставить на витрине среди продающихся диковинок.

Чтобы продемонстрировать свою решимость, она сразу же приступила к восхождению по короткой лестнице на четвереньках.

Никто не знал, насколько стара Мамаша Мастифф, а она не говорила. И не соглашалась ни подвергнуться дорогой косметической хирургии, которую теперь мог позволить себе оплатить Флинкс, ни равно применять любые другие искусственно редуцирующие возраст устройства.

— Я потратила слишком много времени и усилий, готовясь к роли старой карги, и я не собираюсь теперь ее бросать,— заявила она ему.— Кроме того, чем более жалкой и дряхлой я выгляжу, тем больше вежливости и сочувствия бывает от сосунков-клиентов.

Неудивительно, что лавка процветала. Хотя бы потому, что многие из лучших ремесленников в Дралларе были равно низкого происхождения, и они очень любили продавать ей свою лучшую продукцию.

Когда Флинкс завернул за угол, то увидел, что она ждет его у заднего входа.

— Снова всю ночь шастал. Я полагаю, ты был отнюдь не в каком-нибудь приличном месте, вроде Розового Дворца или Грехвиля. Ты хочешь оказаться с перерезанным горлом прежде, чем тебе стукнет восемнадцать,— упрекнула она его, предупреждая погрозив пальцем.

— Это маловероятно, мать.— Он прошмыгнул мимо нее, но не желая, чтобы от нее так легко отделались, она последовала за ним в маленькое хранилище, позади лавки.

— И этот твой летучий вурдалак не будет, знаешь ли, каждый раз спасать тебя. Только не в подобном городе, где всякий пожимает тебе ладонь одной рукой и держит готовый вонзиться тебе в спину нож в другой. Продолжай так вот гулять глухой ночью, мой мальчик, и в один прекрасный день тебя принесут ко мне бледного и бескровного. И предупреждаю тебя,— продолжала она, повышая голос,— у тебя будут дешевые похороны, потому что я тружусь от зари до зари не для того, чтобы оплачивать шикарное погребение для дурака!

Тираду прервало резкое гудение.

— Так что я тебе в последний раз говорю, мой мальчик...

— Разве ты не слышала звонка, мать? — усмехнулся он.— Первый утренний посетитель.

Она посмотрела через дверной занавес из бус:

— Ха, туристы, судя по их виду. Видел бы ты танзанит в кольце у женщины.

Она заколебалась, раздираемая желанием удовлетворить одновременно и любовь, и скупость.

— Но что такое пара клиентов, когда...

Новое колебание.

— И все-таки, тут по меньшей мере двенадцать каратов в одном камне. И по одежде они к тому же походят на землян.

Наконец она в замешательстве и негодовании воздела руки к небесам:

— Это мое наказание. Ты возмездие за грехи моей молодости. Прочь с моих глаз, негодный мальчишка. Поднимись наверх и умойся, и не забудь про дезинфектант. От тебя пахнет трущобами. Не забудь хорошенько вытереться... Ты для меня не слишком большой и не слишком взрослый, чтобы я не могла оставить тебя с красной задницей.

Она ускользнула за занавеску — и произошла радикальная метаморфоза.

— Ах, сэр, мадам,— плавно заворковал елеинный голос, голос любимой бабушки каждого,— вы оказываете честь моей маленькой лавочке. Я бы вышла раньше, но должна ухаживать за своим бедным внуком, он отчаянно болен и сильно нуждается в дорогостоящем лечении. Врачи опасаются, что если операция не будет произведена в скором времени, он потеряет зрение, и...

Ее плавная речь оборвалась, когда дверь лифта закрылась за Флинксом. В отличие от Мамаши Мاستифф он не испытывал

угрызений совести, пользуясь современными удобствами, и уж, конечно, не сейчас, когда он так устал от пережитого за ночь. Входя в верхние помещения, он гадал, сколько же таких в корне отличных друг от друга интонаций может исходить из одного и того же морщинистого горла.

Позже, за вечерней едой (приготовленной им, поскольку Мамаша Мاستифф весь день была занята клиентами), он начал объяснять, что произошло. На сей раз она, для разнообразия, не читала ему нотаций и не наказывала его, а лишь вежливо слушала, пока он не закончил.

— Так, значит, ты теперь собираешься преследовать его, мой мальчик,— сказала наконец она.

— Я должен, мать.

— Почему?

Он отвел взгляд:

— Я предпочел бы не говорить.

— Ладно,— она вытерла куском хлеба остатки своей мясной подливки.

— Я многое слышала об этом Чаллисе, массу слухов о его вкусах в определенных делах, и ни одного — доброго. О его бизнесе известно меньше, хотя поговаривают, что «Чаллис Компани» стала процветать, с тех пор как он стал во главе фирмы.— Она шумно рыгнула и вытерла рот уголком своей многослойной юбки.

— Я думаю, что смогу управиться, мать.

— Пожалуй, пожалуй,— пренебрежительно ответила она,— хотя по всем правилам тебе следовало бы дюжину раз умереть до своего пятнадцатилетия, и я полагаю, что этот ухмыляющийся дьявол не мог быть всякий раз ответственным за твое спасение.

Она удостоила ядовитого взгляда маленькое искусственное дерево. Пип удобно обвился вокруг одной из его ветвей. Минидракончик не поднял головы. Отношения между ним и Мамашей Мастифф всегда носили характер беспокойного перемирия.

— Прежде чем ты отправишься, дай мне кое-кому позвонить,— закончила она.

Пока Флинкс приканчивал десерт и старался выковырять из коренных зубов остатки густого желатина, он прислушивался к ее шепоту в микрофон маленького коммуникатора в противоположном конце комнаты. Эта машина придавала Мамаше Мастифф мобильность, которой она не обладала уже целые десятилетия. Это было одним из немногих предоставляемых лавкой удобств, которыми она пользовалась. Это также делало

ее кошмаром всех городских чиновников, каким-либо образом ответственных за повседневную деятельность рынка.

Вскоре она вернулась к столу:

— Твой друг Чаллис отбыл этим утром на грузовом лайнере «Аурига» со своей дочерью и целой стаей слуг.

Ее лицо скривилось в улыбке.

— Судя по тому, что мне сообщили, он отбыл в полной панике. Ты и этот здоровенный недоумок Симм, должно быть, нагнали на него немало страха, но, впрочем, и одного этого великана достаточно, чтобы спугнуть полировку с зеркала.

Флинкс не ответил на ее вопросительный взгляд. Вместо этого он поиграл с краем скатерти.

— Куда направлялась «Аурига»?

— На Ульдом,— сообщила она ему,— у «Чаллис компани» есть много предприятий на Средиземном Плато. Я считаю, что именно туда-то он и отправится, как только приземлится.

— Мне лучше подготовиться,— Флинкс поднялся и направился было в свою комнату.

Сильная морщинистая рука схватила его за запястье, и лицо, похожее на потрескавшуюся равнину, впилося в него ищущим взглядом.— Не делай этого, мой мальчик,— тихим голосом взмолилась она.

Он покачал головой: — Выбора нет, мать. Я не могу тебе сказать, что это за зов, но это зов. Я должен лететь.

Давление на его запястье не ослабло.— Я не знаю, что у тебя за дела с этим нехорошим человеком, но не могу поверить, что это серьезно.

Флинкс ничего не сказал, и она наконец отпустила его.

— Если зов улетать у тебя внутри, тогда лети.— Она отвела взгляд.— Я не знаю, как работает твоя голова, мой мальчик. Никогда не знала, никогда. Но я знаю, что когда у тебя что-то там застрянет, только ты и сможешь вытащить это. Лети же тогда и возьми с собой мое благословение. Даже,— натянуто заключила она,— если ты мне не скажешь, из-за чего все это.

Нагнувшись, он поцеловал узел седых волос на затылке старухи.— Будь благословенна и ты тоже, мать,— сказал он, когда она сильно заискивала от этого жеста.

Упаковка тех немногих вещей, которые он хотел взять с собой, не заняла много времени. Теперь они, казалось, мало что для него значили. Когда он начал покидать комнату, то увидел, что старуха все еще сидит одна за столом, ставшая вдруг крошечной и хрупкой. Как он мог сказать ей, что должен рисковать вынужденной ею жизнью в тщетных поисках людей,

которые не сделали ему ничего, помимо того, что произвели его на свет?...

Когда он позже в тот же день прибыл в дралларский порт, то обнаружил, что устал он только физически. Ум его был острым и бдительным. С годами он постепенно открыл, что ему требовалось все меньше и меньше сна. В иные дни ему могло хватить такой малости, как полчаса. Его мозг отдыхал, когда его не эксплуатировали, что бывало часто.

Он больше не должен был беспокоиться о том, как же он станет путешествовать, потому что на его картометре было зарегистрировано достаточно средств, чтобы поддержать его еще некоторое время. Малайка был щедр. Не все решающие факторы, однако, были финансовыми. Один взгляд на-тех, кто ждал погрузки в первый класс челночного судна, породил в нем острое чувство беспокойства, и потому он зарегистрировался на стандартную стоимость проезда.

Такое путешествие в любом случае будет более просвещающим, потому что это его первое плавание на коммерческом звездолете и второй отъезд с Мотылька. Когда он последовал за очередью в челнок, пройдя под умеренно аристократическим взглядом стюарда, то был потрясен, обнаружив, что готовая реализоваться мечта его детства о путешествии на другую планету на одном из огромных грузовых лайнеров с КК-двигателями не вызвала больше у него никакого волнения. Это беспокоило его, когда он пристегивался к креслу.

Мамаша Мاستифф могла бы объяснить ему это, будь она тут. Это называлось повзрослением.

Путешествие челноком, хотя и терпимое, оказалось пожестче, чем его единственный предыдущий опыт общения с маленькими судами класса поверхность-орбита. Естественно, сказал он себе, более убогое коммерческое судно не могло и близко подступиться к такой роскоши, как челнок с яхты Малайки «Славная дырка». Этот же спроектировали с единственной целью: доставить с земли в невесомость максимально возможное количество существ и груза. Там можно было передать и пассажиров, и груз, иногда с одинаковым обращением, в громадную шаровидную тушу корабля для глубокого космоса.

Вслед за этой передачей Флинкс оказался в предоставленной ему маленькой, компактно спроектированной каюте. Ему едва ли потребовалось время, чтобы осмотреть ее, и ему было мало что распаковывать. Во время недельного плавания он проведет большую часть времени в нескольких гостининых корабля, встречаясь с собратьями-путешественниками и познавая мир.

Переход от субсветовой к КК-двигательной сверхсветовой скорости не стал сюрпризом. Это он уже несколько раз испытал на корабле Малайки.

Одну часть лайнера он особенно полюбил. Из гостинной носового наблюдения он мог смотреть вперед и видеть огромную длину связующих коридорных прутьев корабля, вытянувшихся наружу, словно сужающееся широкое шоссе, соединяющихся позади изогнутого блюдца проектора КК-поля. Оно закрывало находящиеся впереди звезды.

Где-то перед этим огромным блюдцем, знал он, двигатель проецировал гравитационный колодец, как у небольшого солнца. Тот ровненько тянул корабль и, в свою очередь, двигатель-проектор, который затем проецировал поле настолько же дальше вперед, и так далее. Флинкс все еще гадал над объяснением этого процесса и решил, что все великие изобретения были, в сущности, просты.

На третий день он забавлялся сам с собой в корабельной игротке, когда кушетку напротив занял транкс, аккуратно разрисованный в полные коричнево-желто-зеленые цвета коммерции. Меньше метра ростом в грудной клетке-б, он был маленьким для самца. Оба набора нераскрывавшихся крыльев все еще поблескивали у него на спине, указывая, что путешественник был пока не женат. Сверкающие фасетчатые глаза рассматривали Флинкса сквозь многочисленные похожие на бриллианты линзы. Через стол для игр донесся чудесный естественный запах, присущий его виду.

Существо посмотрело на светящуюся доску, а затем с любопытством чуть склонило свою сердцеобразную голову к возящемуся с игрой молодому человеку.

— Вы играете в «Охоту на хибуша»? Люди, по большей части, находят ее слишком сложной. Вы обычно предпочитаете двухмерные игры.— Симворечь насекомого была точной и неяркой, как в учебнике, вариант, на котором говорил любой хороший бизнесмен-транкс.

— Я немного слышал о ней и следил, как в нее играют,— скромно сказал своему собеседнику Флинкс,— сам я по-настоящему играть не умею.

Жвалы щелкнули в жесте интереса и понимания, поскольку негибкое лицо инсектоида не позволяло ничего похожего на улыбку. Легкий кивок головой было имитировать легче.

Вопрос-ответ сыграли роль вежливого приветствия, и транкс более твердо расположился на кушетке, согнув истноги под брюшком, сцепив стопоноги для поддержки грудной клетки и

грудной клетки-б, а иструки задвигались с изящной точностью по доске, настраивая план игры.

— Меня зовут Бисонденбит,— представился он.

— А меня кличут Флинкс.

— Кличут? — Транкс выполнил инсектоидное пожатие плечами.

— Ну, Флинкс, если вы хотите научиться, то я обладаю некоторым искусством в этой игре. То есть, знаю правила. Я не очень сильный игрок, так что я, вероятно, буду вам хорошим первым противником.— Снова щелканье жвалами, сопровождаемое на этот раз свистящим звуком, транксийским смехом.

Флинкс улыбнулся в ответ: — Я очень сильно хотел бы научиться.

— Хорошо, хорошо... это неприветливая группа, и я чистил антенны, пока у меня не стали дергаться нервы,— голова вскинулась.— Ваша самая большая ошибка,— деловито начал Бисонденбит,— в том, что вы все еще пренебрегаете способностью своих фигур двигаться над и под полем, так же, как через существующие туннели. Вы должны держать свои антенны у доски и пытаться проникнуть в передвижения противника.

Транкс коснулся серебристой фигуры внутри трехмерной прозрачной доски: — А теперь оставайтесь настроенным. Вот это — истребитель Доан, и он может двигаться только вбок и вертикально, хотя и никогда не может появляться на поверхности. А вот эта делимая фигура...

За оставшееся время пути Флинкс довольно хорошо узнал Бисонденбита. Свой настоящий бизнес инсектоид продолжал вуалировать в туманные обиняки, но у Флинкса сложилось впечатление, что он занимался торговлей антиквариатом. Наверное, тут будет шанс подцепить какие-нибудь интересные курьезы для лавки Мамаши Мастифф.

Бисонденбит полностью продемонстрировал ту черту характера, которая помогала людям с симпатией относиться к его виду: способность внимательно слушать, каким бы скучным ни был рассказ собеседника. Он, казалось, находил благоразумно отредактированную историю жизни Флинкса завораживающей.

— Послушайте,— сказал он однажды Флинксу за совместным ужином в корабельной столовой,— вы никогда раньше не бывали на Ульдоме и твердо решили повидать этого человека, как там его зовут, Чаллис? По крайней мере, я могу помочь вам сориентироваться. Вы, несомненно, найдете его где-нибудь на Средиземном Плато. Именно там живет большинство человеческих поселенцев.— Инсектоид вздрогнул.— Хотя с какой стати кому-то захотелось бы обосноваться в подобной холодной тундре — выше моего понимания.

Флинкс невольно улыбнулся. Жестокая температура на Средиземном Плато, плоскогорье в нескольких тысячах метров над курящимися влажными болотистыми равнинами Ульдома была уютными 22° С. Транксы предпочитали где-то под сорок, с влажностью как можно ближе к ста процентам.

Слово «колонизация» никогда не употреблялось в связи с такими поселениями, на любой планете. На Ульдоме имелось несколько таких человеческих регионов, из которых Средиземное Плато, с населением почти в три миллиона, было пока что самым большим. Транксы приветствовали такую эксплуатацию всегда избегаемых ими негостеприимных регионов. Кроме того, на самой Земле имелось около четырех миллионов транксов, живущих в бассейне Амазонки, что, в своем роде, уравнивало положение.

Большинство крупных концернов, в которых преобладали люди, объяснил Бисонденбит, устроили свои штаб-квартиры на южном крае Плато, неподалеку от большого челночного порта в Читтеранксе. Этот Чаллис тоже, несомненно, расположился там.

— Тамошний человеческий город носит транксийское название Азерик,— продолжал, тихо посвистывая, Бисонденбит,— по верхнетранксийски это значит «замерзшая пустошь», что в данном случае имеет двойное значение, в которое я не стану углубляться, скажу лишь одно — хорошо, что у вас, людей, есть чувство юмора, приближающееся к нашему собственному. После того как мы приземлимся, я буду счастлив лично проводить вас туда, хотя надолго там не останусь. У вас есть средства?

— Могу наскрести,— осторожно признал Флинкс. Вероятно, тут было виновато его врожденное недоверие к другим, хотя он вынужден был признать, что за последние несколько дней Бисонденбит был не только полезен, но и прямо-таки дружелюбен.

Они вместе погрузились в челнок. Флинкс сел поблизости от иллюминатора из стеклосплава, где у него будет хороший обзор главной планеты транксов, одной из двух столиц Содружества. Планета лениво вращалась под ним, когда челнок отделился от грузового лайнера и начал свой спуск. Над горизонтом светились белым две большие луны, одна была частично скрыта планетой. Где бы не прорывался облачный покров, Флинкс видел голубизну маленьких океанов Ульдома и богатую зелень его густых джунглей.

Вдруг он почувствовал, что сила гравитации прижимает его к креслу, когда челнок рухнул хвостом вперед сквозь облака...

ГЛАВА 3

Читтеранкс был впечатляющим городом. Хотя и небольшой для столь населенного и развитого мира, как Ульдом, местный порт казался огромным по сравнению с Дралларским.

— Город, конечно, по большей части находится под землей. Также как и все транксийские города, хотя поверхность и хорошо используется,— инсектоид озадаченно покачал бриллиантовой головой.— Почему вы, люди, всегда предпочитали строить вверх, вместо того чтобы строить вниз — мне никогда не уразуметь.

Внимание Флинкса больше занимало открывающееся сквозь прозрачный проходной коридор зрелище. Пышные джунгли практически обросли пластиковые стены. Снаружи шел дождь, или, скорее, парило. Жара на вокзале угнетала, несмотря на то что она была компромиссом между великолепной погодой снаружи — как назвал ее Бисонденбит — и арктическим воздухом на близлежащем плато.

Дождь. Флинкс вырос на Мотыльке, и здешняя влажность была чем-то новым и неприятным. Люди могли стерпеть парниковый климат, но без защиты — недолго, и никогда — с удобствами.

Бисонденбит, однако, мог только поворчать о холодке на вокзале, а когда Флинкс возразил, то сообщил ему:

— Это главный человеческий входной порт на Ульдом. Если бы мы приземлились неподалеку от экватора, в Дарете или Аб-Нубе, вы бы, Флинкс, завяли.— Он огляделся по сторонам, когда они вышли из вокзала в скопление надкрышных коммерческих зданий.

— Прежде чем я втиснусь в костюм с подогревом и препровожу вас на плато, позвольте мне немного насладиться разумным климатом. Как насчет того, чтобы пропустить по рюмочке?

— Я бы в самом деле хотел как можно быстрее начать искать Чаллиса.

— Челноки на плато летают каждые десять хронитов,— настаивал Бисонденбит.— Пойдемте. К тому же, вы все еще не сказали мне, что вы держите в этом чемодане? — Транкс показал на большой квадратный чемодан, который Флинкс нес в левой руке.— Там, должно быть, что-то экзотическое и ценное, судя по тому, как вы с ним обращаетесь.

— Я полагаю, оно экзотическое,— признался Флинкс,— но не особенно ценное.

Они нашли небольшую закусочную как раз внутри скопления зданий с регулируемым климатом. Присутствовало очень мало людей, а вот транксов было полно. Флинкс был порядком очарован транксийскими кушетками для отдыха, приглушенным освещением, заставлявшим даже полдень казаться сумеречным, и изукрашенными резьбой общественными питьевыми емкостями, свисающими с потолка над каждой кабинкой.

Бисонденбит выбрал изолированный столик в задней части помещения и дал полезные, хотя и ненужные рекомендации.

Флинкс безо всякого труда дешифровал меню, напечатанное на четырех языках: верхнетранксийском, нижнетранксийском, симворечи и земшарском.

Бисонденбит заказал, после того как Флинкс выбрал, один из нескольких тысяч напитков, составлять которые транксы были мастера.

— Когда вы хотите вернуться на вокзал забрать остальной свой багаж? — небрежно спросил инсектоид, после того как прибыли напитки. Он с одобрением заметил, что Флинкс отверг стакан в пользу одной из кружек с волнистым носиком, используемых самими транксами.

— Вот он, — сообщил ему Флинкс, показывая на свою маленькую заплечную сумку и единственный большой перфорированный чемодан. Бисонденбит и не пытался скрыть свое удивление.

— И это все, что вы взяли с собой в такую дальнюю дорогу, не зная, сколько вам потребуется времени, чтобы найти этого человека, Чаллиса?

— Я всегда путешествую налегке, — объяснил юноша. Напиток был типично сладким, с легким привкусом изюма. Он потек вниз тепло и гладко. Путешествие, решил он, начинает сказываться на нем. Он устал больше, чем ему полагалось бы в такую рань. Он явно был совсем не таким хорошим межзвездным путешественником, каким рисовался себе.

— Кроме того, найти Чаллиса не должно быть трудным. Он, конечно, остановится в местной штаб-квартире фирмы, — Флинкс дал еще одному глотку густой, похожей на мед жидкости проскользнуть в горло, а затем нахмурился. Несмотря на свой возраст, он считал, что хорошо разбирается в интоксикантах, но этот новый отвар был явно покрепче, чем указывало описание в меню. Он обнаружил, что в глазах у него слегка помутилось.

Бисонденбит озабоченно посмотрел на него:

— С вами все в порядке? Если вы никогда не пробовали сукчу, она может быть немного ошеломляющей. Пункт — чистая контузия?

— Пунш,— поправил заплетающимся языком Флинкс.

— Да, чистый пунш. Не беспокойтесь... это ощущение пройдет достаточно быстро.

Но Флинкс чувствовал себя все более и более опьяненным.

— Я думаю... если б я только мог выйти на улицу. Немного свежего воздуха...

Он начал было подыматься, но открыл, что его ноги отвечали довольно равнодушно, в то время как его ступни двигались так, словно он шел по смазанному топчану. Ему не удавалось добиться никакого сцепления.

Бросив эти усилия, он обнаружил, что его мускульная система вступает в состояние анархии.

— Странно,— пробормотал он,— я, кажется, не могу двигаться.

— Не нужно волноваться,— заверил его Бисонденбит, нагибаясь через стол и глядя на него с новой для Флинкса пристальностью.— Я присмотрю за тем, чтобы о вас как следует позаботились.

Когда все визуальные образы померкли, Флинкс почувствовал страх, что его странный новый знакомый именно это и сделает...

Флинкса разбудила гармония разрушения, сопровождаемая издаваемыми на нескольких языках ругательствами. Моргнув — его веки казались словно выложенными платиной,— он безуспешно попытался шевельнуть руками и ногами. Не сумев этого сделать, он удовольствовался тем, что держал глаза частично приоткрытыми. Тусклый свет из невидимого источника озарял небольшую комнату, в которой он лежал. Спартанской мебели из грубо обструганного дерева соответствовали и гладкие стены из серебристого гунита. Когда его восприятие прояснилось, он обнаружил, что металлические полосы на его запястьях и лодыжках надежно прикрепляли его к грубому деревянному помосту, который не был ни кроватью, ни столом.

Он лежал тихо. Хотя бы потому, что его желудок выполнял гимнастику и будет лучше держать свое окружение ослабленным, пока не прекратится внутренняя гистрионика. И еще потому, что окружавшие его ощущения и звуки указывали, что будет неумно привлекать внимание к тому, что он вновь пришел в сознание.

Звуки разрушения производились рассечением его личных принадлежностей. Медленно посмотрев направо, он увидел разорванные остатки своей наплечной сумки и одежды. Их

осматривали трое людей и один транкс. Узнав в последнем своего бывшего наставника в играх и будущего друга, Бисонденбита, он проклял собственную наивность.

Дома, на Дралларе, он никогда не был бы так болтлив с совершенно незнакомым лицом. Но он пробыл три дня в изоляции и без друзей на борту корабля, когда транкс подступил к нему с предложением обучить играм. Благодарность отбросила в сторону инстинктивную осторожность.

— Никакого оружия: ни яда, ни лучемета, ни иглолучевого пистолета. Нет даже угрожающей записки,— пожаловался один из людей на беглой символерчи.

— Что еще хуже,— встрял один из его товарищей,— никаких денег, ничего, кроме паршивого картометра.— Он взял компактный компьютер, регистрировавший и передававший кредиты неподделываемым образом, и с отвращением швырнул его на ближайший стол. Тот приземлился среди остального немногочисленного имущества Флинкса. Флинкс заметил, что остался еще один предмет, который они не валомили.

— Это не моя вина,— пожаловался Бисонденбит, сверкая глазами, как разбитой призмой, на трех высоких людей.— Я не обещал доставить никаких побочных выгод. Если вы думаете, что я не заработал свой магарыч, то я обращусь прямо к самому Чаллису.

Один из людей, похоже, сдался. Вынув из кармана двойную пригоршню маленьких металлических прямоугольников, он вручил их Бисонденбиту. Транкс заботливо пересчитал их.

Заплативший ему человек посмотрел на сдерживающие путы, и Флинкс как раз вовремя закрыл глаза.

— Это большие деньги. Не знаю, почему Чаллис так боится, это же просто мальчишка. Но он думает, что дело стоит запрошенного тобой гонорара. Не понимаю, однако, я этого.

Он показал на самого рослого из трех:

— Вон Чарли может сломать его пополам одной левой.

Повернувшись, он постучал по большому запечатанному чемодану:

— А в этом что?

— Не знаю,— признался транкс,— он все время держал его в своей каюте.

Заговорил третий. Тон его был слегка презрительным.

— Вы все можете перестать беспокоиться об этом. Я изучил этот контейнер с соответствующими приборами, пока вы все занимались гардеробом.— Он пихнул чемодан.— Нет никаких указаний, что он содержит что-то механическое или взрывчатое. Приборы показывают, что он заполнен формованной органикой

и органическими аналогами — вероятно, остальная его одежда.— Он вздохнул.— Вполне можно проверить и его. Нам заплатили за тщательность.— Достав из аккуратного чемоданчика толстый металлический секатор, он вырезал приземистый цифровой замок. После этого крышка чемодана открылась очень легко. Он заглянул внутрь, крикнул.— Все верно, одежда. Похоже, еще пара костюмов и...— Он начал было вынимать первый набор одежды, затем пронзительно закричал и, спотыкаясь, отступил назад, цепляясь за левую сторону лица, вдруг запузырившуюся, словно грязевой вулкан. Из открытого чемодана выбросилась узкая, похожая на ремень фигура.

Бисонденбит завершал что-то на верхнетранксийском и исчез за единственной дверью. Тот, которого называли Чарли, рухнул спиной поперек прикрученного тела Флинкса, паля, не целясь из лучемета в потолок, затем в ужасающем молчании впился в собственные глаза. Предводитель маленькой группы людей почти наступал на брюшко Бисонденбиту, когда что-то попало ему в шею. Завыв, он упал обратно в комнату и начал кататься по полу.

Прошло меньше минуты.

По груди Флинкса скользнуло что-то длинное и гладкое.

— Этого хватит, Пип,— сказал он своему приятелю. Но мини-дракончика было уже никак не убедить. Окончив свой осмотр, он снова поднялся в воздух и начал налетать и разить человека на полу. На одежде и коже напросившегося появлялись всюду, куда попадал яд, зияющие дыры. В конце концов он перестал кататься.

Первый пораженный был уже мертв, в то время как второй лежал, стеная, у стены позади Флинкса, куски кожи свободно свисали с его щеки и шеи, и там, где крайне коррозионный яд Пипа обнажил кость, посверкивало белым.

Тем временем мини-дракончик мягко опустился Флинксу на живот и ласкающе пополз вперед. Длинный язык выскакивал вновь и вновь, касаясь губ и подбородка. «Правая рука, Пип,— проинструктировал Флинкс,— моя правая рука». Рептилия в темноте вопросительно посмотрела на него.

Флинкс на особый лад щелкнул пальцами, и мини-дракончик полуподполз-полуподделет к указанной руке, положив голову на открытую ладонь. Несколько почесываний, а затем рука мягко, но твердо сомкнулась. Змей не оказал никакого сопротивления.

С некоторым трудом подогнув голову своего приятеля куда надо, Флинкс нацелил морду Пипа на место, где металлическая полоса соединялась со столом. Пальцы его задвигались, массируя мускулы за челюстью. Несколько капелек яда просочилось из

сужающейся трубки, тянувшейся через нижнее небо мини-дракончика.

Раздался шипящий звук.

Флинкс подождал, пока шипение не стихнет, а затем с силой потянул. Второй рывок — и разложившийся металл поддался. Осторожно переноса Пипа с места на место, он повторил этот процесс на других узах, и змей при каждом шаге делал то, что он велел.

Освобождая правую ногу, Флинкс заметил справа от себя какое-то движение. Пип тоже заметил и снова взлетел.

Единственный уцелевший завизжал, увидев приближение дракона.

— Прочь, прочь, не подходи ко мне! — в совершенном ужасе невнятно забормotal он.

— Пип! — скомандовал Флинкс. Безмолвная пауза. Минидракончик продолжал нервно парить над скорчившимся человеком, двигая крыльями так, что они сливались, как у колибри, уставая бездушными, хладнокровными глазами в очи истекающего кровью человека с бледневшей сквозь растворившуюся одежду ключицей.

Флинкс наконец отодрал последнюю полосу. Медленно поднявшись на ноги, он осторожно проследовал к другому столу. Одежду было уже не спасти, в такое она пришла состояние. Он начал влезать во второй комбинезон, в чьих складках так уютно свернулся Пип.

— Я сожалею о том, что случилось с вашими друзьями, но не слишком, — проворчал он. Застегнув молнию комбинезона, Флинкс повернулся к пораженному существу на полу: — Расскажите-ка мне всю историю, и не пропустите никаких деталей. Чем больше вопросов мне придется задавать, тем нетерпеливей станет Пип.

Из уст лежащего полился поток информации: — Ваш друг транкс — мелкий преступник.

— Антикварный сервис, — пробормotal Флинкс, — очень смешно. Дальше.

— Ему показалось странным, что юнец, вроде вас, путешествующий один, так заинтересован во встрече с Кондой Чаллисом. Действуя по предчувствию, он связался через луч со здешней конторой Чаллиса и сообщил им о вас. Кто-то наверху дьявольски расстроился и велел ему доставить вас к нам на проверку.

— Имеет смысл, — согласился Флинкс. — И что же предполагалось произвести со мной после того как меня... э... проверят?

Человек забился в угол как можно дальше от парящего мини-дракончика и прошептал: — Пошевелите мозгами, ну что, по-вашему?

— Чаллис утверждал, что он человек основательный, — заметил Флинкс. — Я мог оказаться невинным пассажиром — это не имело бы значения. — Вновь упаковав свои немногие нетронутые принадлежности в чемодан, Флинкс направился к двери, через которую всего лишь несколько минут назад выбежал Бисонденбит.

— Что насчет меня? — промямлил раненый. — Вы намерены меня убить?

Флинкс в удивлении обернулся и, сузив глаза, посмотрел на человеческие обломки, всего лишь несколько минут назад уверенно лапавшие его багаж. — Нет. Для чего? Скажите мне, где я могу найти Конду Чаллиса. А потом я бы советовал вам попасть в больницу.

— Он на верхнем этаже административной башни в противоположном конце комплекса.

— Какого комплекса? — переспросил озадаченный Флинкс.

— Да, верно, вы ведь еще не знаете, где вы, не так ли? — Флинкс покачал головой. — Это четвертый подуровень Ульдомского завода шахтного оборудования Чаллиса. Семейство Чаллиса производит очень много механизмов для горнодобывающей промышленности. Выйдите в коридор за дверью, поверните налево и идите прямо, пока не доберетесь до ряда лифтов. Они все выходят на поверхность. Оттуда любой может направить вас к административной башне, территория завода имеет форму семиугольника, и башня находится в северо-восточном углу.

— Спасибо, — поблагодарил Флинкс. — Вы были очень полезны.

— Не полезен, ядовитый ты маленький ублюдок, — болезненно пробормотал безработный калека, как только Флинкс вышел. — Просто прагматичен, — и принялся медленно ползти к двери.

В коридоре, коль скоро он удостоверился, что никто не ждет в засаде, Флинкс снова щелкнул пальцами: «Пип... теперь отдыхай».

Минидракончик зашипел, соглашаясь, и спланировал в открытый чемодан, тихо зарывшись в сложенную одежду. Флинкс защелкнул простой замок. При первой же возможности ему надо будет заменить сорванный цифровой замок — или же рисковать, что какой-нибудь невинный зевака пострадает от той же судьбы, что и трое его бывших похитителей.

Никто не остановил его, когда он продолжал идти к лифтам. Цифры у дверей были помечены как 4-Б, 3-Б и так далее до нуля, где отсчет начинался снова на нормальный лад. Четыре уровня над землей и четыре уровня под, заметил Флинкс, ноль должен доставить его на поверхность, и именно на эту кнопку он нажал, когда лифт наконец прибыл.

Лифт доставил его в эффектно распланированную четырехэтажную стеклянную приемную. Вокруг него пользовался лифтами постоянный поток людей и транксов.

— Прошу прощения,— издала трель триада транксов, устремившихся в только что освобожденный им лифт.

Хотя казалось, что все глаза сфокусировались на нем, на самом деле никто не обращал на него ни малейшего внимания. У них и причин-то нет, подумал Флинкс, расслабляясь. За ним охотился только один человек и несколько его подручных.

Стол справок, большой стол, удобно отмеченный табличкой, был установлен как раз внутри прозрачного фасада сводчатого помещения. За ним сидел единственный транкс. Флинкс не спеша подошел, пытаясь произвести впечатление, будто он точно знает, что он ищет.

— Извините,— начал он на беглом верхнетранксийском,— не могли бы вы сказать мне, как отсюда попасть в административную башню?

Пожилой, довольно официозного вида инсектоид повернулся лицом к нему. Он был разрисован в черно-желтый цвет, заметил Флинкс, и абсолютно лишен столь любимой транксами эмалированной инкрустации хитина. Чисто деловой субъект.

— Северо-восточный квадрат,— резко ответил транкс, подразумевая, что спрашиваемому следовало знать самому.— Выйдите вон туда через главную дверь,— продолжал он, показывая истружкой, поддерживая в то же время грудную клетку стопоркой на краю стола,— и поверните налево в портал Н. В башне целых двенадцать этажей с каропортом на крыше.

— Благослови вас Улье,— непринужденно поблагодарил Флинкс. Старикан остро поглядел на него:

— Скажите, а что вам нужно в...?

Но Флинкса уже поглотила суетливая толпа. Чиновник поискал его еще с минуту, затем сдался и вернулся к своей работе. По территории фабрики Флинкс продвигался быстро. Дружелюбный рабочий охотно указал ему направление в тот единственный раз, когда он заблудился. Заметив наконец характерный силуэт административной башни, он замедлил шаг, вдруг осознав, что не знает как действовать дальше.

Реакция Чаллиса на его неожиданное появление будет отнюдь не любвеобильной. И на этот раз, если не его подручные, то уж он-то будет подготовлен иметь дело с Пипом. При всех своих смертельных способностях, мини-дракончик был далек от неуязвимости.

Каким-то образом он должен проскользнуть внутрь башни и выяснить, где находится Чаллис. Даже отсюда он чувствовал мощные эманации меньшего, более темного присутствия. Но у него не имелось никаких гарантий, что он застанет Махнахми и Чаллиса вместе. А не чувствовала ли и девочка его присутствия? Это была отрезвляющая мысль.

Решив двигаться быстро и целеустремленно, он храбро прошел широким шагом через главный вход башни. Но это был не фабричный цех. Тут его перехватил — вежливо, конечно — эффектного вида транкс с тремя инкрустированными шевронами на груди-б.

— Роитесь, какое у вас дело,— проворчал инсектоид.— Сообщите, пожалуйста, и его, и свою фамилию.

Флинкс собрался было ответить, как одна дверь сбоку стремительно распахнулась. Оттуда хлынул отряд тяжеловооруженных транксов, и их предводитель показывал и кричал: — Вот он, задержите его!

Быстро отреагировав, чиновник, с которым столкнулся Флинкс, положил иструку ему на предплечье. Флинкс поднял ногу и неохотно пнул. Подобный броне хитин был практически неуязвим, кроме сочленения, куда и ударила нога Флинкса. Сочленение громко треснуло, и чиновник издал болезненное стрекотание, когда Флинкс рванулся к ряду лифтов прямо впереди.

Прыгнув в кабину, он четко развернулся и ударил по самой верхней кнопке, заметив, что она предназначалась для одиннадцатого этажа. А чтобы попасть на двенадцатый, требовался ключ.

Несколько лучемеров прошли двери лифта, даже когда кабина начала свой подъем. К счастью, они не задели никаких жизненно важных механизмов и его подъем не замедлился, хотя пробуравленные в двери три дыры с оплавленными краями давали много пищи для размышлений.

Его внимание привлек сердитый стук и грохот внутри чемодана. Как только замок открылся, рассвирепевший Пип ракетой взмыл в воздух. Быстро обследовав внутренность лифта, мини-дракончик нервно обвился вокруг правого плеча Флинкса. Он плотно свернулся там, напрягая мускулы от возбуждения.

Больше не было смысла продолжать прятать рептилию, поскольку они явно знали, кто он такой. Но кто или что его выдало?

Махнахми — это должна быть она! Он почти ощущал, словно слышал детский издевательский смехок. Ее любовь делать гадости оставалась неопределенной величиной. Вполне возможно, что ее психические таланты превосходили его собственные и по силе, и по недисциплинированности. Конечно, никто не поверил бы этому, имея он шанс рассказать. Махнахми довела свою роль большеглазой невинной девочки до совершенства.

Вопрос, однако, заключался в том, была ли ее злоба основана на расчете или всего лишь на необузданной страсти к несанкционированному разрушению. Он чувствовал, что она может перейти от ненависти к любви, и в обоих случаях равно интенсивной, всего за мгновение. Если бы только она могла понять, что он не собирался причинять ей никакого вреда... Затем до него дошло, что она, вероятно, понимала.

Он был для нее источником потенциальной забавы, не больше.

Нескольких простых манипуляций оказалось достаточно, чтобы взломать механизм двери. Когда кабина прошла мимо десятого этажа, он ловко выпрыгнул, а затем обернулся посмотреть, как лифт подымался дальше. Он принялся лихорадочно рыскать по помещению, бывшим, похоже, комбинацией между конторой и жилыми покоем, принадлежавшими, вероятно, одному из главных помощников Чаллиса. Или, может быть, управляющему заводу.

Если здесь нет никаких лестниц, то он окажется в западне. Он не думал, что телохранители Чаллиса будут настолько глупы, чтобы позволить ему спуститься и сбежать.

По крайней мере эти покои были пусты. Пока он обдумывал свое положение, сверху раздался сильный взрыв. Подняв голову, он увидел, как обломки металла и пластика, дымясь, падают в шахту лифта.

Он вдруг сообразил, что существовал только один способ улизнуть от Махнахми. Он сознательно постарался сделать свой мозг пустым, подавить всякое обдумывание последующих действий, всякий намек на предзнание. Парившая поблизости темная туча медленно растаяла. Он больше не мог заметить присутствия Махнахми, и она должна бы также не ведать о его местонахождении. Существовал шанс, что она, подобно всем прочим, на мгновение подумает, что он погиб в засаде для кабины лифта. Быстрая проверка открыла, что эти покои имели только один выход: единственный, ныне бесполезный лифт.

Никакой другой лифт на этом уровне не открывался. Это оставляло один путь на верхний этаж: через каропорт на крыше. Постепенно его взгляд остановился на овальном окне, выходявшем на завод и Плато за ним.

Флинкс двинулся к окну, обнаружил, что оно легко открывалось. Эту сторону башни украшали декоративные волны и трансксийские камешки. Он посмотрел вверх, обдумывая одну добавочную возможность.

По крайней мере, они больше не будут ожидать его.

Его мозг коротко зарегистрировал великолепную панораму Средиземного Плато, усеянного фабриками и человеческими поселениями. Вдали вытянулись низины, окутанные туманной иглой до самого горизонта.

Опора в виде волнистого металлического экстерьера здания была не такой надежной, как ему хотелось бы, но он справится. По крайней мере, ему придется вскарабкаться только на один этаж. Двигаясь по апартаментам-конторе, он заметил ванную, открыл там окно, и начал восхождение.

Если планировка верхнего этажа радикально не отличалась, он должен попасть в другую ванную (наверное, больше размерами, но, будем надеяться, незанятую), над той, из которой он только что вылез. Это будет самым лучшим местом, откуда он сможет незаметно войти.

Методично двигая руками и ногами, он медленно, но неуклонно продвигался вверх, ни разу не оглянувшись. В Дралларе он забирался и на большие высоты по мокрым, менее надежным поверхностям, и притом в более юном возрасте. И все же здесь он двигался осторожно.

Отсутствие ветра было благословением. В подходящее время он встретил карниз. Окно находилось над ним. Подняв руку, он подтянулся так, что оказался глядящим сквозь прозрачную раму, и с удовлетворением отметил, что окно приоткрыто на несколько сантиметров. Затем он заметил две стоящие в задней части комнаты фигуры. Одна была толстой и вспотевшей, состояние, обязанное отнюдь не недавним упражнениям. Другая была маленькой, белокурой и большеглазой.

Внезапно они увидели его.

— Не дай ему схватить меня, папочка, — с притворным страхом взмолилась она. Открыв свой мозг, Флинкс ощутил охватившее ее возбуждение и почувствовал тошноту.

— Не понимаю, почему вы так настойчиво мучаете меня, — в замешательстве сказал Чаллис, сфокусировав теперь свой лучемер на плече Флинкса, — я не причинил вам большого

вреда. Вы превратились в нечто надоедливое. Всего хорошего.— Его палец начал сжимать курок.

Пип мгновенно сорвался с плеча Флинкса. Чаллис увидел движение змея, переместил прицел и выстрелил. Воспоминание о том, на что был способен мини-дракончик, слишком потрясло коммерсанта — и выстрел ушел «в молоко». Он попал в деревянный наличник над окном, совершенно не задев ни Пипа, ни Флинкса. Из чего бы там ни был сделан этот наличник, он запылал с удовлетворяющей яростью. В несколько секунд промежуток между окном и Чаллисом заполнился пламенем и дымом.

Хотя дым выгнал коммерсанта из комнаты и помешал ему сделать четкий выстрел, но он оставил Флинкса пришпиленным за окном. Он начал спускаться максимально возможной скоростью, а Пип гневно вертелся вокруг его головы и искал, кого бы убить. Флинкс сомневался, что он сможет безопасно добраться до земли раньше, чем Чаллис даст знать охранникам внизу.

Он медленно спустился мимо одного этажа, второго, третьего. На четвертом этаже он заметил, что отражающая, прозрачная только с одной стороны, панель была выбита и заменена прозрачной пленкой.

Два быстрых пинка увеличили отверстие, и он прыгнул сквозь него — чтобы столкнуться лицом к лицу с единственной пораженной женщиной.

Та завизжала.

— Пожалуйста,— взмолился он, издавая успокаивающие звуки и двигаясь к ней.— Не делайте этого. Я не собираюсь причинять вам никакого вреда.

Она снова завизжала.

Флинкс сделал руками сильные утихомиривающие движения.— Тише... они же найдут меня.

Она продолжала визжать.

Флинкс остановился и яростно думал, что же делать. В любую секунду кто-нибудь обязательно услышит этот шум.

Эту проблему разрешил Пип. Он намекающе наклонился в сторону женщины. Она увидела длинную, извилистую, быстродвигающуюся фигуру рептилии, мчащуюся к ней с разинутой пастью на широких перепончатых крыльях.

И упала в обморок.

Это прекратило визг, но Флинкс все еще находился в западне поднятого теперь по тревоге здания, почти без всякой перспективы ускользнуть незамеченным. Его взгляд лихорадочно прошелся по комнате, ища большую коробку, чтобы спрятаться

в ней, или оружие, или хоть что-нибудь полезное. В конечном итоге его внимание вернулось к женщине. Она неловко упала, и он подошел переместить ее в более естественное положение отдыхающей. Поддерживая ее, Флинкс заметил поблизости ванную. Его взгляд метнулся обратно к девушке...

Минуту спустя несколько тяжело вооруженных охранников ворвались в незапертую комнату. Она, казалось, была покинута. Они рассеялись по ней и прочесали, быстро обследовав всевозможные места укрытия. Один охранник зашел в ванную, заметил торчащие из-под щита уединения женские ноги и, извинившись, поспешно вышел. Он покинул помещение вместе со своими товарищами и двинулся дальше осматривать соседний кабинет.

Три кабинета спустя ему пришло в голову, что женщина не ответила на его извинение: ни сказала спасибо, или ладно, ни выругала его. Ничего. Это показалось ему странным, и он упомянул об этом факте своему начальнику.

Они вместе бросились обратно в указанный кабинет, вошли в ванную. Ноги находились все в том же положении. Офицер осторожно постучал по щиту, предупреждая прочистив горло. Не получив никакого ответа, он велел двум другим охранникам отойти и прикрывать выход из щита, который он затем открыл снаружи.

Женщина как раз открывала глаза. Она обнаружила, что сидит совершенно голая на унитазе, глядя прямо в дула двух энергетических пистолетов, находящихся в твердых руках пары решительного вида мужчин в форме.

И снова упала в обморок.

К тому времени когда сильно потрясенную женщину снова оживили, Флинкс уже успел покинуть башню. Никто не заметил вышедшую из здания гибкую, коротко подстриженную молодую женщину. Флинкс превосходно воспользовался найденной в столе женщины косметикой, в Дралларе было полезно обладать умениями, которые другие могли бы счесть нелепыми или даже позорными. Только один чиновник заметил нечто необычное. Но он не собирался упоминать своим коллегам, что окружавший талию женщины двойной кожаный пояс двигался независимо от ее походки.

Выбравшись наконец из башни и с завода Чаллиса, Флинкс отбросил женскую одежду и позволил Пипу соскользнуть с его талии. Презрев нормальные транспортные каналы, как ставшие теперь слишком опасными, он проделал путь к краю возвышенности.

От двухтысячестровой высоты захватывало дух, но он не мог рисковать, ожидая на Плато, пока его не остановит на улице кто-нибудь из вооруженных слуг Чаллиса. И не хотел рисковать, отвечая на не деликатные вопросы властей. Поэтому он глубоко вздохнул, выбрал то, что выглядело менее крутой скалой, и начал свой спуск.

Базальт был почти вертикальным, но раскрошившимся и выветренным, поэтому ему с избытком хватило уступов для спуска. Он сомневался, что Чаллис сообразит, что кто-то подумает спускаться с возвышенности с помощью рук и ног.

Флинкс наткнулся на несколько тяжелых участков, но наросты болтающихся лоз и ползучих растений дали ему возможность успешно их обойти. Руки его начали ныть, а один раз, когда его стопа на миг онемела, он сказался ненадежно держащимся пальцами рук и с пальцами одной ноги в крошечных трещинах скалы.

На тысячестровой отметке скала стала слегка пологой, делая спуск намного легче. Он увеличил скорость. Наконец, весь в синяках, исцарапанный и совершенно истощенный, Флинкс добрался до джунглей внизу. Остановившись на миг, чтобы сориентироваться, он немедленно двинулся в направлении, как он надеялся, порта. Он заботливо выбрал место для спуска так, чтобы ему не пришлось далеко идти сквозь густую растительность.

Но он совершенно не сознавал, что продирается через регион столь же густонаселенный, как и любой из крупных городов Земли. Под ним находился целый транксийский мегаполис, выдолбленный, по традиционной моде, из земли и скалы под изнемогающей от зноя поверхностью. Флинкс шел по парившему над городом зеленому облаку.

Совершенно измотанный, начиная желать, чтобы Чаллис застрелил-таки его, он продрался сквозь еще одно упрямое скопление кустов... а затем споткнулся о поверхность аккуратно вымощенной дороги. Еще через два дня он добрался до порта Читтеранкс. Те, кого он встречал, старательно сторонились его. Он отлично сознавал, что должен был представлять собой после своего спуска по отвесной скале и марша через джунгли.

Несколько транксов поимели жалость к бедному человеку и предоставили ему пищу и воду, необходимую для продолжения пути.

Вид окраин порта здорово взбодрил его. Пип взлетел в воздух при крике радости Флинкса, прежде чем снова устроиться на плече хозяина. Флинкс смотрел на мини-дракончика, похоже,

чувствовавшего себя в тропической жаре спокойно и удобно, поскольку она походила на его родной мир Аласпин.

— Ты-то можешь себе позволить выглядеть довольным, морда пиковая,— завистливо обратился Флинкс к своему спутнику. Пока он трудился, спускаясь по скале сантиметр за сантиметром, Пип свободно летал и парил поблизости, всегда побуждая его спускаться все скорей и скорей, когда единственный неправильный шаг мог означать быструю смерть.

Чинovníк за стойкой банковского филиала при вокзале порта был человеком, но это не мешало ему сохранить самообладание при виде приближавшегося грязного, оборванного юноши. Человек мудрый, он рано в жизни усвоил один основной принцип: странная внешность может указывать на богатство или эксцентричность, не обязательно при том взаимоисключающими друг друга.

Поэтому он обошелся с оборванцем так, как обошелся бы с любым хорошо одетым, явно не бедным подошедшим.

— Чем могу служить, сэр? — вежливо спросил он, тактично отворачивая голову в сторону.

Флинкс объяснил, что ему требуется. Данные им сведения были скормлены в компьютер. Спустя короткое время машина подтвердила, что лицо, стоящее перед стойкой — звать — Флинкс, данное для записи имя — Филип Линкс, узор сечгатки такой-то — такой-то, переменные пульса такие-то — такие-то, конфигурация сердца такая-то — такая-то,— в самом деле является зарегистрированным вкладчиком Королевского Банка на Мотыльке, в городе Дралларе, и что его нынешний баланс на данное число был...

Чинovníк вытянулся немного прямее, пытаясь смотреть Флинксу в лицо.

— Как же тогда, сэр, случилось, что вы потеряли свой зарегистрированный картометр?

— Со мной произошел несчастный случай,— туманно объяснил Флинкс,— и он выпал у меня из кармана.

— Да,— чиновник продолжал улыбаться,— незачем беспокоиться. Как вам известно, только вы можете воспользоваться личным картометром. Мы отметим исчезновение вашего старого картометра, и через час вас будет ждать на этом столе новый.

— Я могу подождать. Однако,— красноречивым взмахом руки указал Флинкс на свою одежду,— я хотел бы купить какую-нибудь новую одежду и немного почиститься.

— Естественно,— согласился чиновник, профессионально сунув руку в ящик стола,— если вы только подпишите этот

бланк и разрешите мне зарегистрировать на нем ваш отпечаток глаза, мы можем выдать любой необходимый вам аванс.

Флинкс запросил до смешного скромную сумму, выслушал указания чиновника о том, где он может снять ванну и купить одежду, и вышел, благодарно пожав ему руку.

Выбранный им в конечном итоге комбинезон был лучше выделки, чем два уже востребованных Ульдомом, но он считал, что обязан позволить себе небольшую роскошь, после того что он пережил.

Ванна заняла большую часть остального часа, и когда он вернулся к столу банковского филиала, то снова походил на человека, а не на натурализовавшегося обитателя джунглей Ульдома. Как обещано, новый картометр для него был готов.

— Не могу ли я еще что-нибудь для вас сделать, сэр?

— Спасибо, вы сделали больше чем достаточно. Я... — тут он смолк и посмотрел налево, — извините, но я вижу одного старого друга.

Он оставил чиновника с раскрытым ртом и чаевыми в десять процентов от снятой со счета суммы.

Центральное помещение вокзала имело высокий купол и было заполнено шумом прибывающих и отбывающих путешественников. Малорослый транкс, позади которого шагал Флинкс, был занят деятельностью иного рода.

— Я думаю, что вам будет лучше вернуть даме ее набрюшный кошелек, — шепнул Флинкс инсектоидному карманику. Пока он говорил, замужняя транксийка с обильно инкрустированным и украшенным драгоценными камнями хитином, чешуйчатым экзоскелетом, элегантно покрытым серебряными полосками, повернулась и с любопытством посмотрела на него.

В то время транкс, которого Флинкс застал врасплох, заметно поразился и резко обернулся, чтобы столкнуться со своим обвинителем.

— Сэр, если вы думаете, что я... — голос превратился в потрескивающее бульканье. Флинкс приятно улыбнулся, тогда как Пип пошевелился у него на плече.

— Здорово, Бисонденбит.

Понятие выпученных составных глаз с физиологической точки зрения было неразумным, но у Флинкса возникло именно такое впечатление. Антенны Бисонденбита тряслись так сильно, что Флинкс подумал, что они могут отвалиться; транкс в выжидающем ужасе уставился на смертельную тень Пипа.

— Набрюшный кошелек, — мягко повторил Флинкс, — и успокойтесь, пока не раскололи себе мозговую коробку.

— Д-д-да,— замкаясь вымолвил Бисонденбит. Интересно! Флинкс никогда раньше не слышал, чтобы транксы заикались. Повернувшись к пожилой самке, Бисонденбит сунул руку в сверххвостительную сумку на грудной клетке-6 и вытащил маленькую шестигранную сумочку, сплетенную из металла золотого цвета.

— Вы только что это обронили, царица-матка,— неохотно пробормотал он, применяя официальное почтительное обращение,— крючки все разогнулись... видите?

Дама проверяла брюшко стопорухой, протягивая в то же время истрюку за кошельком.

— Не понимаю. Я была уверена, что она надежно закреплена...— она оборвала фразу, нагнула голову и выполнила движение черепом и антеннами, показывающее глубокую благодарность, добавив устно,— Ваша услуга оценена, сударь.

Флинкс отпрянул, когда она подарила Бисонденбиту незаслуженный комплимент.

Учтивая поза этого достопочтенного лица продолжалась, пока дама не отошла за пределы слышимости, затем он обратил нервные глаза на Флинкса.

— Я не хотел, чтобы вас убивали... Я не хотел, чтобы убивали кого бы то ни было,— запинаясь, быстро произнес он.— Они ничего не сказали мне об убийстве. Я должен был только доставить вас.

— Успокойтесь,— посоветовал ему Флинкс,— и перестаньте стенать о смерти. В этом деле и так уже слишком много смертей.

— О, тут я согласен,— поддержал транкс; напряжение медленно покидало его.— Но ни одной — из-за меня.— Внезапно его чувства сменилась со страха на интенсивное любопытство.

— Как вы сумели сбежать из башни и покинуть плато? Мне рассказывали, что многие вас высматривали, но никто не видел, как вы отбыли.

— Я улетел,— отставил Флинкс,— после того как сделался невидимкой.

Бисонденбит неуверенно поглядел на него, начал было смеяться, остановился, и снова засмеялся.

— Вы крайне странный малый, даже для человека. Я не знаю, верить вам или нет.— Он вдруг суетливо огляделся по вокзалу, с вернувшейся к нему нервозностью.— Окружающие Чаллиса могущественные люди хотят знать ваше местонахождение. Есть разговор о крупном вознаграждении, уплачиваемом без разговоров. Однако единственный имеющийся у кого-либо

ключ к нашему побегу находится у упрямой в больницу женщины. Она все еще в истерике.

— Я сожалею об этом,— честно пробормотал Флинкс.

— Для меня плохо быть увиденным вместе с вами: вы стали желанным товаром.

— Всегда приятно быть желанным,— ответил Флинкс, легкомысленно игнорируя страх Бисонденбита за собственную безопасность.— Кстати, я и не знал, что транксы числят карманничество среди своих талантов.

— Бесспорно, мы всегда отличались ловкостью. Многие люди прибрали от нас равно... э... полезные способности.

— Могу себе представить,— фыркнул Флинкс,— по воле случая я жил в городе, кишмя кишящем такими способностями. Но у меня нет времени обсуждать этичность сомнительных культурных обменов. Просто скажите мне, где я могу найти Ксанду Чаллиса.

Бисонденбит поглядел на юношу так, словно тот вдруг отрастил лишнюю пару рук.

— Он же чуть не убил вас. И, кажется, не против получить еще один шанс. Не могу поверить, что вы станете продолжать разыскивать столь мощного врага. Мне думается, я неплохо умею судить о человеческих типах. Вы не похожи на руководствующегося местью.

— Я ей и не руководствуюсь,— обеспокоенно отозвался Флинкс, сознавая, что Сморчок Симм считал, что он преследовал Чаллиса по той же самой причине. Люди настойчиво приписывали ему мотивы, которых у него не было.

— Если не месть, то для чего же вы преследуете его... не то чтобы мне было печально видеть, как существо с репутацией Чаллиса немного покорячится, даже если это плохо для бизнеса.

— Просто скажите мне, где он.

— Если вы скажете мне, почему вы его ищете.

Флинкс чуть толкнул Пипа, и летучий змей шевельнулся и зазвучал, показав глотку с мешочком в глубине.

— Не думаю, что в этом есть необходимость,— мягко, но многозначительно произнес Флинкс. Ужаснувшийся Бисонденбит вскинул в слабой защите иструки и стопоруки.

— Неважно,— вздохнул уставший угрожать Флинкс,— если я скажу вам, это может даже просочиться вплоть до Чаллиса. Просто я думаю, что у него имеются сведения о том, кто мои родители и что с ними случилось, после того как они... бросили меня.

— Родители? — озадаченно посмотрел на него Бисонденбит.— Мне говорили, что вы угрожали Чаллису.

— Неправда. У него паранойя из-за одного происшествия в нашем общем прошлом. Он хотел, чтобы я кое-что сделал, а я этого делать не хотел.

— И для этого вы убили несколько человек?

— Я никого не убивал,— возразил несчастный Флинкс.— Убивает Пип, да и то только чтобы защитить меня.

— Ну, мертвый есть мертвый,— глубокомысленно заметил Бисонденбит. Он недоверчиво поглядел на Флинкса.— Я не верю, что какое-нибудь существо, даже человек, может так помешаться на извращенном желании. Неужели для вас узнать кто ваши родители важнее собственной жизни?

— У нас нет традиции общей матери-улья, к которой я мог бы возвести свое происхождение,— объяснил Флинкс.— Да, для меня это очень важно.

Инсектоид покачал двудольной головой:

— Тогда я желаю вам музыкальной охоты в вашем безумном поиске. В другое время, в другом месте я, может быть, стал бы вашим братом по клану.

Нагнувшись вперед, он протянул к нему антенны. После минутного колебания Флинкс коснулся предложенных отростков собственным лбом. Он выпрямился и бросил на шуплого транкса предупреждающий взгляд.

— Постарайтесь,— сказал он Бисонденбиту,— держать свои иструки при своей собственной грудной клетке.

— Не понимаю, почему моя деятельность может быть вашей заботой, покуда она не касается вас,— запротестовал транкс. Он был почти счастлив, так как теперь было похоже, что Флинкс не собирался убивать его.— Вы намерены сообщить обо мне властям?

— Только за промедление,— нетерпеливо ответил Флинкс.— Вы все еще не сказали мне, где Чаллис.

— Пошлите ему кассету с записью вашей просьбы,— посоветовал транкс.

— А вы бы ей поверили?

Бисонденбит щелкнул жвалами:

— Понимаю. Вы странный индивидуум, мужчина-мальчик.

— Вы и сами не инкубатор, Бисонденбит. Где?

Хитиновый покров плеча двинулся, произведя шуршащий звук, словно провели картоном по ковру. Бисонденбит заговорил с некоторой долей гордости.

— Я не из тех, кто нанят Чаллисом для грязной работы,— я скажу вам. Вы, кажется, выгнали его с Мотылька, а теперь вы прогнали его с Ульдома. Главная контора «Чаллис Компани» находится в столице Земли, и, как я полагаю, именно туда-то

он и сбежал. Он, несомненно, будет поджидать вас, если уже не умер от страха. Да, найдите его прежде, чем многие разыскивающие найдут вас,— он начал было уходить, а затем остановился, охваченный любопытством.

— До свидания, Бисонденбит,— твердо распрощался с ним Флинкс.

Транкс начал было говорить, но заметив, как зашевелился мини-дракончик, решил, что лучше не стоит. Он ушел, время от времени оглядываясь через плечо и что-то бурча про себя, неудовлетворенный. Со своей стороны Флинкс не чувствовал за собой никакой вины от того, что позволяет карманнику спокойно уйти. Не тому, кто совершил свою долю деяний на грани и за гранью законности, судить другого.

Почему Чаллис никак не поверит, что он ищет его не ради чего-то столь бесполезного и примитивного как месть? Чаллис мог понять только мыслящих так же, как и он сам, решил Флинкс.

Каким-то образом он должен найти способ обойти это препятствие.

Путешествие от Ульдома до второго столичного мира Содружества, Земли, было приличное, даже при максимальном ускорении. Но в конечном итоге Флинкс оказался потягивающим напиток, глядя в иллюминатор еще одного челночного судна, когда маленький корабль-перевозчик отвалил от грузового лайнера.

Эта была зеленая легенда, Terra Magnificat*, место происхождения человечества, вторая столица Содружества и родина Объединенной Церкви. Это был мир, где однажды первобытный примат поднялся и встал на задние ноги, чтобы быть поближе к небу, никогда и не мечтая, что в один прекрасный день он шагнет за его пределы.

И все же, если не считать царственной голубизны океанов, сам земной шар не был примечательным, покрытый по большей части спиралями белых облаков и грязно-коричневыми пятнами суши.

Он не знал, чего ожидать... наверное, пронзающих облака золотых шпиль или обработанных скал из хрома на фоне морей — все, что было бы одновременно и нелепым, и величественным. Хотя он не мог этого видеть, Земля обладала тем и другим в больших количествах, хотя и в намного более приглушенной форме, чем его грандиозные видения.

* Terra Magnificat (лат.) — Земля Великолепная

Наверняка, подумал Флинкс, когда челнок упал в наружные слои атмосферы, вездесущая изумрудность Ульдома была поразительней, и, если уж на то пошло, переливающиеся желтые кольца-крылья Мотылька были явно живописней.

Но где-то внизу жил и умер его прапра- или прапрапрадед...

ГЛАВА 4

Спускаясь по западно-восточному маршруту, челнок прошел над крупной подходной станцией в Порте, прежде чем начать свое последнее скольжение над бесконечными возделанными полями центральной Австралии. Пролетая, Флинкс увидел изолированные городки, производящие пищу заводы и сверкающие солнечные электростанции, опоясывающие промышленный метрополис Алис-Спрингс. Он похлопал стоящий у его ног сияющий новенький чемодан, услышал расслабленное шипение и пристегнулся для приземления.

Челнок падал к самому большому челночному порту на Земле. Порт составлял нижнюю часть огромного Т-города, чья верхняя планка тянулась на север и юг, обнимая теплый Тихий океан. Брисбен уже сотни лет был столицей Земли, и его порт с длинными открытыми подходами над центром континента и открытым Тихим океаном был самым занятым на планете. Он был также удобен для крупных поселений транксов в Северной Австралии и на Новой Гвинее и для штаб-квартиры Объединенной Церкви в Денпасаре.

Мягкий толчок, и челнок приземлился.

Никто не обратил на Флинкса никакого внимания ни на вокзале, ни позже, когда он шел по улицам огромного города. Он очень сильно ощущал свое одиночество, даже сильнее, чем на Ульдоме.

Столица удивила его. Здесь не было никаких вздымающихся башен. В Брисбене не существовало никакой коммерческой интенсивности западного северо-американского города Лала, или Лондона, или Якутска, или даже рынка в Дралларе. Улицы были почти тихими, все еще местами носящие определенную странную привлекательность архитектуры, восходящей ко временам, предшествующим Слиянию. Что же касается правительственных зданий, то они, по крайней мере, были, как им и подобало, величественными. Но они были построены невысокими, и из-за того, что их окружал со всех сторон ландшафт, казались

тянущимися вверх, словно зеленые волны в каменно-металлическом пруду.

Найти штаб-квартиру «Чаллис Компани» оказалось несложно. Затем осторожные расспросы дали ему местоположение семейной резиденции главы фирмы. Но вот пробраться в эту изолированную и защищенную святая святых — совсем другое дело.

Ему вспомнились замечания Бисонденбита. Как он может добраться до Чаллиса и объяснить, какая у него цель, прежде чем коммерсант убьет его?

Он должен каким-то образом продлить время, которое даст ему Чаллис, прежде чем уничтожить. Каким-то образом... Он проверил свой картометр. Он был небогат, но, конечно, намного богаче нищего. Если он сможет немного растянуть имеющиеся средства, у него будет несколько недель, чтобы найти нужную для выполнения его плана фирму.

Одна такая фирма располагалась в производственном секторе столицы. Секретарь отфутболил его к вице-президенту, который со смущенным выражением на лице посмотрел на подготовленные Флинксом черновые планы и препроводил его к президенту фирмы.

Как инженер, президент без труда понял механические аспекты заказа. Озабоченность у нее вызвали другие вопросы.

— Вам понадобится так много? — спросила она, поджимая губы и праздно расправляя прядь седых волос.

— Вероятно, если я знаю вовлеченных в дело людей. Думаю, что да.

Она сделала подсчеты на крохотном настольном компьютере и снова посмотрела на его список.

— Мы можем произвести то, что вы хотите, но нужное для этого время и желаемая вами степень точности потребуют много денег.

Флинкс дал ей название местного банка и номер счета. Короткий разговор через машину позволил наконец старой женщине сморщить в улыбке лицо.

— Я рада, что помехи убраны с дороги. Денежные дела всегда заставляют меня чувствовать себя немного нечистой, вы понимаете? Э... можно мне спросить, для чего вы собираетесь их использовать?

— Нет, — дружелюбно ответил Флинкс, тогда как Пип лениво переместился у него на плече, — именно потому я и обратился к вам, в маленькую фирму с большой репутацией.

— Вы будете доступны для программирования? — неуверенно спросила она.

— Прямая передача, если понадобится.

Это, похоже, уладило дело, по мнению президента. Она поднялась и протянула руку.

— Тогда, я думаю, мы можем помочь вам, мистер.

Он пожал ей руку и улыбнулся.

— Пользуйтесь просто данным мною банковским счетом.

— Как пожелаете,— согласилась она, откровенно разочарованная.

Контраст между синевой океана и песчаными холмами Золотого Берега был мягким и поразительным. Один высокий гребень особенно густо усеяли широко размещенные, роскошные личные резиденции, старательно расположенные так, чтобы впитывать как можно больше широкого залива и обеспечивать благоразумное, поддающееся патрулированию пространство между соседями.

Один дом блистал своей скромностью. Его воздвигли подальше среди утесов, как топаз в золоте. Лишенный острых углов, он, казалось, составлял неотъемлемую часть покрытого травой крутого берега. Только просторные, свободной формы окна из стеклосплав намекали на прятавшееся за ними жилище.

Поблизости барашковые волны с геометрической правильностью атаковали берег, младшие братья более зрелых волн на юге. Там, в древней деревне, называвшейся Серферспарадиз, многоцветные люди и немалое число адаптировавшихся инопланетян катались на прибое, несомые к суше в гладких мокрых зубах волн-камикадзе.

Флинкс теперь находился тут, но он смотрел, а не участвовал. Он сидел, расслабившись, на невысоком холме над пляжем, изучая самых недавних почитателей архаического спорта. Поблизости отдыхала взятая им напрокат машина.

В данный момент Флинкс наблюдал за смешанной группой молодежи, одни были старше его, другие — моложе. Они учились в одном из великих университетов, сохранивших факультеты в столице. Эта компания презрела доски в пользу более молодого и привлекательного телесного серфинга. Он увидел среди них множество молодых транксов, что было довольно естественно. Синяя раскраска самцов и густо-акваринная самок была почти чевидима на фоне воды и четко показывалась только тогда, когда большая волна разбивалась в белую пену.

Телесный серфинг едва ли был для транксов прирожденной деятельностью, но он был, подобно многим человеческим видам спорта, с радостью воспринят ими. Они привнесли в него

собственную красоту. Хотя транкс в воде никогда не мог тягаться с тюленей гибкостью человека, когда дело доходило до скачки голышом на волнах, они намного превосходили людей. Флинкс видел, как их непотопляемые, с твердой оболочкой тела плясали впереди накатывающихся друг за другом волн, толкая вперед грудную клетку-б, чтобы дать воздуху достичь дыхательных спинул.

Иногда человек забирался верхом на спину друга-транкса для скачки вдвоем. Это не причиняло неудобств оседланному инсектоиду, так как тело у него было потверже и обладало почти такой же плавучестью, что и человеческие эллиптические доски. Флинкс вздохнул. Его отрочество было заполнено менее невинной деятельностью. Обстоятельства заставили его слишком быстро повзрослеть.

Посмотрев на песок, он выставил ногу так, чтобы преградить путь бродячему раку-отшельнику. Большой палец ноги легонько толкнул его в бок. Крошечное панцирнокрытое свирепо замахало в воздухе миниатюрными волосатыми ногами и в гневе швырнуло песчинки в своего огромного противника. Восстановив равновесие, он продолжил свой неразличимый путь, двигаясь лишь чуть быстрее обычного. Жалко, подумал Флинкс, что люди не могут быть также замкнуты в своем мире.

Посмотрев направо-налево по берегу, где скрывался в выветренных утесах дом лимонного цвета, Флинкс подумал, что Чаллис скоро должен прибыть из своей конторы в столице.

Над головой дико закричала чайка, напоминая ему, что время пришло...

Выходя из машины, Конда Чаллис разве что не совсем позабыл про своего юного преследователя. Махнахми выбежала из дома приветствовать его, и они вместе увиделидвигающуюся по дорожке серьезную фигуру в сером комбинезоне. Каким-то образом он проник сквозь внешнюю защиту.

Махнахми втянула в себя воздух, а Чаллис внезапно стал чуть бледнее своего обычного почти альбиносного себя.

— Френсис...

Личный телохранитель Чаллиса не стал дожидаться дальнейших приказов. Заметив реакцию своего шефа и его дочери, он немедленно сделал вывод, что с этой приближающейся личностью нужно расправиться, а не разговаривать. Выхватив пистолет, он выстрелил прежде, чем Чаллис успел закончить свою команду.

Конечно, подходящая по дорожке личность могла оказаться безвредной. Но Чаллис простил ему в прошлом одну такую оплошность, и это подкрепило и так уже превосходную уверенность телохранителя.

Политика Чаллиса, казалось, окупалась, потому что дико жестикулирующая фигура юноши дезинтегрировалась в ужасающей вспышке из незаконно сверхзаряженного лучемета.

— И вот это,— пробормотал с мрачным удовлетворением коммерсант,— наконец и все. Никогда не ожидал, что он подберется так близко. Спасибо, Френсис.

Телохранитель сунул оружие в кобуру, разок кивнул и направился проверить дом.

Махнахми обхватила Чаллиса ручонками за талию. Обычно коммерсант пренебрегал нянчиться с девочкой, но в данный момент он был слишком сильно потрясен и потому не отпихнул ее.

— Я рада, что ты убил его,— шмыгнула она носом. Чаллис странно посмотрел на нее.

— Да? Но почему? С чего бы он напугал тебя?

— Ну...— в ангельском голоске возникло колебание,— он пугал тебя и, поэтому, пугал меня, папочка.

— Гм,— хмыкнул Чаллис. Замечания девочки временами бывали поразительно зрелыми. Но, впрочем, напомнил он себе, улыбаясь, она выросла в окружении взрослых. Через три-четыре года, если не раньше, она будет готова для иного рода воспитания.

Махнахми содрогнулась и спрятала лицо, спрятала его так, чтобы Чаллис не смог увидеть, что содрогание это вызвано отвращением, а не страхом. Френсис вернулся и не обратил на нее внимания. Всю свою жизнь она испытывала на себе мысли, которые сейчас были в голове у Чаллиса, точно зная, чем они были. Они всегда были липкими и жирными, как след, оставленный улиткой.

— Добро пожаловать домой, сэр. Обед скоро будет готов,— доложил стоящий в дверях слуга.— Там есть некто, желающий вас видеть. Оружия нет, я тщательно проверил. Он настаивает, что вы его знаете. Он ждет вас в переднем портике.

Чаллис раздраженно фыркнул и бесцеремонно оттолкнул Махнахми. Было необычным, чтобы кто-то являлся сюда заниматься бизнесом. Контора Чаллиса в тройной башне в центре города была совершенно доступна для законных клиентов, и он предпочитал сохранять свою личную резиденцию, по возможности, для себя лично.

И все же это мог быть Картезан со сведениями о покупке массы руды с Сантоса-5, или, возможно, ... он, не спеша, двинулся к портику, а Махнахми засеменила следом за ним.

Фигура сидела спиной к нему, глядя в широкое овальное окно на расстилавшийся внизу океан. Чаллис нахмурился и начал говорить:

— По моему, я вас не...

Фигура обернулась. Только-только вернувший самообладание, Чаллис был захвачен совершенно неподготовленным. Органические цепи, управлявшие мускулами его искусственного левого глаза, задержались, заставляя глаз дико вращаться в глазнице и еще больше спутывать ему мысли.

— Слушайте,— быстро начала рыжеволосая фигура,— вы должны меня выслушать. Я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Я только хочу...

— Френсис! — в ужасе завизжал коммерсант при виде призрака.

— Дайте мне только минуту, одну минуту на объяснение,— нажимал Флинкс. — Вы только испортите свою мебель, если...— он начал подниматься.

Чаллис отпрыгнул назад, очистив комнату, и лихорадочно ткнул в скрытую кнопку. Дубликат этой кнопки был установлен снаружи каждой комнаты в доме. Она служила ему последней мерой безопасности и сработала с радующей глаз эффективностью.

Сеть голубых лучей выстрелила из скрытых в стенах линз, рассекая и перекрещиваясь в комнате, словно световая колыбель для кошки. Два из них аккуратно разрезали пополам стоящую перед ним фигуру. Ему пришлось подождать, пока фигура не поднимется, иначе лучи прошли бы над ней.

Теперь коммерсант издал нервный смешок, когда фигура рухнула, неуклюже упав на кушетку, а затем свалившись на пол. Позади него, широко раскрыв глаза, стояла Махнахми.

Чаллис постарался выровнять дыхание, а потом осторожно подошел к неподвижной фигуре. Он пнул ее, сперва мягко, потом хорошенько. Она поддалась под его сапогом не так, как ей полагалось.

Нагнувшись, он изучил два прокола, сделанные лучами в верхней части торса. Не было никакой крови, и внутри обеих дыр он увидел нечто обугленное и не походившее на мясо и кости. Плывший от фигуры запах был знакомым — но не тем.

— Электроника и сжатый желластик! — пробормотал он себе под нос.— Неудивительно, что их было двое. Роботы.

— Робот? — пискнул позади него тонкий голосок, — неудивительно, что я не могла... — она внезапно заткнулась. Чаллис нахмурился, полуобернувшись к ней:

— Что-что, Махнахми?

Она сунула пальчик в рот, невинно пососала его, глядя на скривившуюся на полу фигуру.

... не могла увидеть никакой крови, — ловко закончила она.

— Да, но... — неожиданная мысль вызвала озабоченность на его лице. — Где же Френсис?

— Спит, — проинформировал его новый голос. Руки коммерсанта беспомощно упали по бокам, и Махнахми отпрянула, когда, мягко улыбаясь, в комнату вошел Флинкс. В отличие от двух предыдущих, на правом плече у этого юноши тихо шевелилась свернувшаяся вокруг него рептилия.

— Извините. Боюсь, что мне пришлось вырубить его, и нашего сверхъестественного дворецкого тоже. У вас нервный штат, Чаллис. — Рука поднялась и коснулась стены рядом со скрытой кнопкой в коридоре, управляющей многочисленными лучеминами. — Ловко придумано.

Чаллис обдумывал, не следует ли ему броситься на пол, затем перевел взгляд с кнопки на Флинкса и облизнул губы.

— Закончите вы наконец со своей паранойей? — взмолился юноша. — Если бы я хотел вас убить, то давно бы уже ударил по этой кнопке, не так ли? — он постучал по стене рядом с ней.

Чаллис рухнул, расслабясь, когда упал ниже смертельного уровня лучей. Но Махнахми, пригнувшись, подбежала к нему, визжа с детской яростью:

— Убей его, папочка, убей его!

— Уберись, детка, — резко бросил Чаллис, шлепком отбросив ее в сторону. Он снова медленно, осторожно поднялся на ноги и пристально посмотрел на молчаливую фигуру в коридоре. — Вы правы... вы как раз сейчас могли бы легко убить меня — и не убили. Почему?

Флинкс привалился к дверному косяку.

— Я все время пытался сказать вам это. Тот инцидент на Мемфисе — прошлое, оконченное, завязанное. Я следовал за вами не для того, чтобы убить вас, Чаллис. Во всяком случае, не на Удодом и, уж конечно, не сюда.

— Не могу поверить... может быть, вы говорите правду, — признал коммерсант, слова выходили из него с трудом, когда он пытался перестроить свое мышление. — Это настоящий вы, не так ли?

— Да.— Юноша кивнул, показывая на свое плечо, где впечатляюще зевнул Пип.— Я никогда не хожу без Пипа. Вдобавок к тому что он служит мне страховкой, он мой друг. Вам следовало бы заметить, что механизмы появлялись не в сопровождении рептилии.

— Убей его! — снова завизжала Махнахми.

— Заткнись,— напустился на нее Чаллис.— а не то я дам Фрейсису побаловаться с тобой, когда он явится. С чего такая внезапная ярость, Махнахми? Он прав, я уже больше пары раз мог умереть, если бы он действительно желал этого. Я начинаю думать, что он говорит правду. Почему ты так...

— Потому что он...— начала было она, а затем вдруг притихла и молча уставилась в пол.— Потому что он пугает меня.

— Тогда ступай туда, где он не будет тебя пугать. Ступай в свою комнату. Иди, иди, убирайся.

Златовласая девочка повернулась и в раздражении прошагала к двери в противоположном конце помещения, бормоча под нос что-то, чего Чаллис не оценил бы, будь он способен расслышать ее.

Он с любопытством повернулся обратно к Флинксу.

— Если вы не хотите убить меня, тогда почему же, во имя Аукредена, вы преследовали меня через половину Содружества? — Он быстро стал заботливым хозяином.— Тогда заходите, выпейте. Не останетесь ли поужинать?

Флинкс покачал головой, улыбнувшись не понравившейся Чаллису улыбкой.

— Мне не нужна ваша дружба, Чаллис. Только некоторые сведения.

— Если они о янусских камнях или о чем-либо, относящемся к ним, то я ничего не могу вам сообщить.

— Это не имеет никакого отношения к ним или к вашей попытке заставить меня принимать участие в ваших личных извращениях. Когда вы у... уходили из своего дома в Дралларе, то сказали кое-что о характеристиках моей материнской линии.

Чаллис выглядел озадаченным.

— Если вы говорите, что я это сказал, то надо полагать, так и было. Что из этого?

— Я вообще ничего не знаю о своих истинных родителях. Продавший меня моей приемной матери сообщил лишь мое имя и фамилию. И ничего больше.

— Ну, я... я как-то не думал об этом.

— Вы сказали, что собрали на меня досье, что вы скопили массу сведений о моем прошлом.

— Это верно. Чтобы гарантировать, что вы действительно обладали тем талантом, какой я искал, требовалось как можно полнее исследовать вашу личную историю.

— Где вы нашли эти сведения?

— Не вижу никакой причины скрывать это от вас, за исключением того, что я не знаю.— Рука Флинкса придвинулась чуть ближе к роковой кнопке.— Это правда, это правда! — Взыл снова запаниковавший Чаллис.— Что я, по-вашему, прослеживаю все источники мелкой информации, раскопанной моими людьми? — Он вытянулся от преувеличенной гордости.— Я, между прочим, глава одной из...

— Да, да,— нетерпеливо признал Флинкс,— не услаждайте меня списком своих титулов. Вы можете разыскать источник этой информации? Давайте-ка посмотрим, так ли эффективна ваша система розыска, как вы утверждаете.

— Если я это сделаю,— резко спросил коммерсант,— я могу считать, что вижу вас в последний раз?

— У меня нет больше никакого интереса к вам, Чаллис.

Коммерсант принял решение.

— Ждите здесь.

Повернувшись, он проследовал в противоположный конец комнаты. Там он откинул крышку того, что походило на антикварный деревянный письменный стол. Внутри он оказался заполненным серьезными компонентами, скомбинированными в виде сложного пульта. Пальцы Чаллиса быстро прошлись по клавишам управления. Это вызвало несколько минут последующего мигания и звуков из глубин стола.

В конечном итоге он был вознагражден небольшой распечаткой, которую и вставил в проигрыватель.

— Вот она. Идите посмотрите сами.

— Спасибо, но я останусь здесь. Прочтите мне ее.

Чаллис покачал головой при таком неразумном отсутствии доверия, а затем переключил внимание на увеличивающий считыватель.

— Ребенок мужского пола,— начал он механически читать,— зарегистрирован в возрасте семи месяцев в финансируемом Церковью приюте для сирот в Аллахабаде, Земля, провинция Индия. За этой информацией следуют рассуждения сотрудников о совпадающих точках отождествления: отпечатках роговой оболочки, отпечатках пальцев, отпечатках сетчатки, форме черепа и так далее, вместе с чисто внешними физическими данными; цвет волос и глаз, кольца на пальцах и тому подобное.

Эти параметры совпадали с данными сироты в возрасте пяти лет, проданного под именем Филип Линкс такого-то числа на

невольничьем рынке в Дралларе. Мотылек. Мои люди явно сочли, что было достаточно сходства, чтобы связать этих двух лиц.

— Фамилия... тут сказано...? — Флинкс должен был узнать, была ли фамилия Линкс родовой или данной только потому, что он был потомством Рыси*.

— То есть искушенной независимой женщины, бывшей любовницей скорее по своему выбору, чем по выбору мужчины, вольной приходить и уходить, когда пожелает.

Чаллис был не в состоянии сообщить ему.

— Нет. Если вы хотите дополнительную информацию, вам придется поискать ее в оригинальных Церковных архивах, при условии, что вам разрешат доступ к ним. Вы, конечно, можете начать и в Аллахабаде, но не заглянув в оригинальные архивы, будет трудно сказать, где начать. Кроме того, Денпасар сам по себе намного ближе.

— Тогда я отправлюсь туда.

— Вам никогда не получить доступа к этим архивам. Вы думаете, мой милый мальчик, что всякому, кто пожелает, разрешается пользоваться оригинальной Церковной картотекой?

— Вы только скажите мне, где она.

Чаллис усмехнулся:

— На острове, именуемом Бали, примерно в пяти тысячах километров к северо-западу отсюда в Индонезийском архипелаге.

— Благодарю вас, Чаллис. Вы меня больше не увидите.— Он повернулся и покинул коридор.

Как только юноша скрылся из вида, внимание Чаллиса остановилось на установленных в пульте нескольких крошечных экранах. Один показывал его посетителя, готового выйти через переднюю дверь. Чаллис коснулся кнопки. Рыжеволосая фигура взялась за ручку двери — и как он, так и дверь растворились в ослепительной вспышке. Сотрясение потрянуло даже там, где стоял коммерсант.

— Я не облегчаю выход для незваных гостей,— мрачно сказал он пульту.— Но коль скоро они вошли, я забочусь о том, чтобы они не вышли.

Чаллис не стал бы тем, чем он был, оставляя что-нибудь на волю случая. Наверное, нелепая сказка пярня была правдой, а впрочем, наверное, она была только способом заманить Чаллиса в какую-то невообразимую дьявольскую ловушку. Что этот паренек хитер, он продемонстрировал в избытке. В любом случае, ничего не стоило обрести полную уверенность.

* Lynx (англ.) — рысь

Только его жизнь.

Закрыв пульт, он лениво прошел к передней двери. И удивился, увидев стоящую в коридоре Махнахми. Позади нее все еще плыл дым от почерневшей металлической рамы дверей, ограждавшей теперь приблизительно прямоугольный кратер. Углубление распространялось и на отрезок коридора и прилично на железобетонную дорожку, ведущую ко входу.

Девочка что-то держала. Это был кусок руки. С нее капали разноцветные жидкости, и с обоих порванных концов свободно свисали крошечные нити материала.

Чаллис был поражен смесью страха и восхищения, когда уставился на секцию конечности, которую так внимательно изучала Махнахми. В первый раз он начал гадать, какое же именно создание он избрал себе врагом. Что это был больше, чем необычно умный семнадцатилетний парень, он подозревал после того невероятного побега на Ульдоме. Теперь он был в этом уверен.

Рука, конечно, была механической. Флинкс, которого он принимал за настоящего, был всего-навсего более убедительным автоматом, как могла бы сообщить ему Махнахми. Теперь Чаллис взял да испортил ей игру. Но оставшиеся куски представляли интерес. Она с кажущимся небрежным видом изучала арматуру, сравнивая ее с ближайшим осколком механического летучего змея.

Это было просто нечестно! Раз Чаллис вопреки ее совету сообщил машине, что та хотела узнать, она никогда больше не увидит настоящего Флинкса. А он был такой забавный.

Ей придется найти для игры мозг кого-нибудь другого...

Флинкс следил, как рак-отшельник, завершив свои сухопутные исследования, исчезает в услужливо накатившей волне. Одновременно он отключил магнитофон у себя на поясе. С тех пор как коммерсант уничтожил его третье подобие, на пленку больше ничего не записалось.

Поднявшись, Флинкс стряхнул сзади песок и печально подумал о безосновательной паранойе Конды Чаллиса. Наконец он узнал от этого толстого торговца все, что мог, и информация заботливо хранилась в маленьком поясном магнитофоне, действовавшем на удивительных расстояниях. Подобия были дорогой азартной игрой, но оправдавшей себя.

Флинкс вернулся к взятой напрокат машине. На одном сидении был устроен специальный пульт с пятью контрольными приборами в центре. Три стали темными, в то время как два по-прежнему постоянно мигали зеленым светом. Чаллису могло бы быть интересным узнать, что уничтожь он своего третьего

визитера прежде, чем ответить на его вопросы, его ждали два добавочных тщательно изготовленных Флинкса.

Один сладкий миг Флинкс смаковал мысль послать их обоих сегодня ночью в спальню коммерсанта. Но... нет. Это поставило бы его в положение выносящего гот или иной приговор другому человеку.

Вместо этого он отдал двум оставшимся подобиям сигнал «возвращение-на-базу». Два оставшихся огонька начали постоянно мигать, показывая, что они действуют согласно приказу и находятся в движении. Они отправились обратно на завод, где их заказал Флинкс. Там их сложные внутренности будут сохранены, вместе с сопутствующей частью сильно истощенного банковского счета Флинкса.

Заведя маленькую мощную машину, Флинкс установил ее на стандартную схему полета, ведущего в атмосферный челночный порт. Этот чисто планетарный вокзал находился далеко к югу от столицы, ближе к пригородному промышленному городу Сиднею.

Чаллис намекал, что постороннему будет трудно получить доступ в штаб-квартиру Объединенной Церкви. Ну, это он узнает достаточно скоро. Там находилась одна генеалогия, которую он очень сильно хотел исследовать.

ГЛАВА 5

Суборбитальные полеты во все крупные города и провинции на Земле происходили в огромном порту по регулярному расписанию. Встреченный Флинксом служащий был прям телом, но психически поврежден от четвертьвековых ответов на одни и те же пустопорожние вопросы. Он не только не мог ожидать никакого повышения, но и подозревал, что его младшая дочь гуляла с двумя пожилыми мужчинами и одной молодой женщиной одновременно. Когда Флинкс приблизился, он размышлял, что в его время дети вели себя иначе.

— Я только что попытался купить билет до города под названием Денпасар, — объяснил Флинкс, — а на кассовом автомате заглясь надпись «Такого направления нет». Почему?

— Откуда вы, юный сэр? — вежливо осведомился служащий.

Флинкс поразился. За всю жизнь его всего лишь несколько раз называли «сэр». Он начал было отвечать: — Из Драллара,

с Мотылька,— да вспомнил вдруг одно раннее изречение Мамаши Мастифф.

«Всегда отвечай на вопрос как можно короче, мой мальчик,— поучала она его.— Это заставляет людей считать тебя умным и нескучным, в то время как дает им, по возможности, меньше сведений о тебе самом».

Поэтому он сказал просто: — С другой планеты.

— И, рискну предложить, с далекой планеты,— добавил служащий.— Разве вы не знали, юный сэр, что Бали — закрытый остров? Туда дозволяется путешествовать только трем классам людей.

Говоря это, он перечислил их по пальцам:

— Балийцам и их родственникам, Служителям Церкви и правительственным служащим со специальным разрешением.

Он внимательно изучил Флинкса.

— Вы могли бы сойти за балийца, если бы не эта ваша морковная макушка, так что вы явно не местный. Вы не притязаете на звание служителя Церкви и...— он не мог подавить легкой улыбки,— я не думаю, что вы специальный представитель правительства. В любом случае, почему вы вообще хотите туда отправиться?

Флинкс безупречно пожал плечами:

— Я слышал, что это центр Объединенной Церкви. Я думал, что будет интересно посетить такое место, пока я езжу туристом по Земле, вот и все.

А, стандартный ответ. Любые подозрения, которые могли зародиться у служащего, умерли, не успев сложиться.

— Это понятно. Если, однако, вас интересует такой же ландшафт, как на Бали, то вы можете добраться столь близко, как...— он помолчал, сверяясь с проигрываемой перед ним на экране толстой лентой,—...на восточную оконечность острова Ява. Я сам там бывал. Остров можно увидеть из Баньюанги, а Сурабая — прекрасный древний город, очень живописный. Вы можете даже пролететь на флайере над Комодо, где находится станция возрождения динозавров. Но на сам Бали,— служащий с сожалением покачал головой,— можно с таким же успехом попробовать высадиться на Родной Планете Империи, как и попасть в Денпасар. О, если вы сможете проскользнуть в отправляющийся челнок, вы, может, и попадете в город. Но вы никогда не уедете с острова, не ответив обязательно на несколько трудных вопросов.

— Ясно,— благодарно улыбаясь, ответил Флинкс.— Я не знал. Вы очень помогли мне.

— Пустяки, сэр. Наслаждайтесь своим пребыванием на Земле.

Флинкс ушел в задумчивом состоянии. Так значит, существовал шанс, что он сможет каким-то образом попасть на остров. Но хотел ли он быть вынужденным отвечать по отбытии на те трудные вопросы? Не хотел.

Это оставляло его с проблемой получения доступа в такое место, куда не допускали никого. Нет, напомнил он себе, шепча чемодану и его кожистому содержимому, это не совсем верно. На остров разрешалось ездить трем классам людей.

Он не думал, что будет легко подделать правительственное удостоверение, и был слишком молод, чтобы выдавать себя за какую-то важную персону. Существовала возможность примазаться как прислужнику Церкви. Но что насчет...? Разве старик не сказал, что если не считать его рыжих волос, он мог сойти за балийца?

Проходя мимо внутренней панели из полированного металла трехэтажной высоты, Флинкс уловил свое отражение. Немного краски для волос, ускоренный курс по местному диалекту, небольшая лодка — наверняка ведь, это не могло быть так легко!

Но существовал шанс, что его план был настолько простым, что его могут проглядеть те, кто высматривал более изощренных лазутчиков. И Флинкс часто видел, как обладание определенным количеством наглости — не глотательной разновидности — могло оказаться куда полезней в одурачивании бюрократии, чем любые официальные удостоверения в кармане.

Повернувшись, он возвратился обратно к автоматическим билетным кассам. Набрав требование и вставив картометр, он получил челночный билет в один конец до Сурабаи...

Древний рыночный городок сохранил многое от своего аромата семнадцатого века. Флинкс чувствовал себя прямо как дома, узнавая нечто давно им подозреваемое: один переполненный рынок во многом похож на любой другой, куда бы тебя ни занесло.

Все говорили на земшарском и симворечи, вдобавок к древнему местному диалекту, известному как бахаса индонезия. Флинкс легко раздобыл черную краску, и, с измененным цветом волос, быстро стал одним из местных. Несколько недель пребывания оказалось достаточно, чтобы обеспечить его, прирожденного лингвиста, действенным поверхностным знанием языка.

Добыть небольшую лодку оказалось достаточно просто. Если замысел не удастся, он всегда может прибегнуть к объяснению, что он простой рыболов, у которого отказал автолоцман, вызвав отклонение от курса. Кроме того, для любого инопланетного шпиона действительно трудным этапом было бы прохождение

через таможеню входного порта Земли, а это Флинкс уже прошел.

Поэтому после нескольких дней спокойного автоматического плавания он увидел перед собой возвышающиеся пики гор Агунг и Батур, двух господствовавших на острове вулканов.

Под покровом безлунной ночи он приблизился к самой северной оконечности великолепного пустого пляжа, называемого купа, на западной стороне острова. Никакой патруль не появился и не окликнул его, когда он вытащил свою лодочку на песок. Из скрытых ям не выскочило никаких автоматических лучеметов, чтобы испепелить его на месте.

Пока у него все шло вполне успешно. Это, однако, не уменьшило его чувства беспокойства. Одно дело — стоять на пустом пляже, совсем другое — проникнуть в недра самой Церкви.

Двигаясь вглубь острова со своим единственным предметом багажа — перфорированным чемоданом, содержащим немного одежды и Пипа, — он в скором времени встретил небольшую немощеную дорогу через окаймлявшие пляж джунгли. После нескольких часов ходьбы он смог окликнуть машину, культиватор. Ехавший на ней фермер подвез его в Бену, а оттуда было легко нанять автобекак непосредственно в Денпасар.

Все шло настолько хорошо, как только мог надеяться. Фермер счел его чужестранцем, навещающим родственников в городе, и Флинкс не видел ни малейшей причины оспаривать столь удобно обеспеченную ему легенду. И молодой фермер равным образом не проявлял ни малейшего желания переключиться с земшарского на бахаса индонезия, поэтому спешно приобретенный словарь Флинкса не подвергся испытанию.

Хозяйка гостиницы встретила Флинкса как желанного гостя, хотя и настояла на том, чтобы посмотреть животное в чемодане. Флинкс показал ей, надеясь, что женщина не из болтливых. Если слух дойдет до представителей Церкви, кто-то может полюбопытствовать насчет присутствия здесь такого экзотического и опасного инопланетного вида, как мини-дракончик.

Но Флинкс отказывался тревожиться. В конце концов, он удобно устроился в комфортабельном номере в городе, куда, как ему говорили, будет трудно попасть. Завтра он приступит к делу проникновения в систему Церкви.

Первое, что он должен выяснить, это где на острове хранились генеалогические архивы, а потом — через какие процедуры требуется пройти, чтобы получить к ним доступ. Может, ему еще придется прибегнуть к подделке документов. Вероятней же, он закончит тем, что похитит церковное

обмундирование и наглостью проложит себе путь к легкому доступу в архивы.

Флинкс-священник. Он отправился спать, улыбаясь этой мысли и реакции Мамаши Мاستифф, если бы та увидела его в церковном облачении...

На следующее утро он начал свою личную атаку на святая святых самой мощной организации в Содружестве.

Первым шагом было выбрать такси с разговорчивым водителем. Флинкс избрал самого старого, какого только смог найти, действуя по теории, что занятые в такой профессии более пожилые люди были более склонны чрезмерно болтать, а в остальном заниматься своим собственным делом. Водителем Флинкса был седогривый патриарх с большими вислыми усами. Он был стройным и жилистым, как и большинство местных. Женщины отличались единообразной кукольной красотой и, похоже, старели прыжком, от четырнадцати к восьмидесяти годам без всяких промежуточных возрастов.

Некоторые из них уже посматривали на Флинкса несколько заинтересованно, к чему он начинал привыкать, по мере того как становился старше. Сейчас, однако, для этого не было времени.

— Что у вас на уме для сегодняшнего путешествия, сэр?

— Я всего лишь гость, приехал сюда повидать своих родственников в Сингарадье. Прежде чем меня захлестнут дяди и тети, я хотел бы посмотреть остров, не обремененным семейными разговорами. Старые храмы... и новые.

Старикан и глазом не моргнул, лишь кивнул и завел мотор. Экскурсия оказалась столь же основательной, как и старик — болтливым. Он показал Флинксу громадные пляжи в Куте, где накатывались огромные буруны Сунда Бали, не ведая, что Флинкс ночью раньше одолевал эти самые волны. Водитель отвез его к большой научно-исследовательской океанографической станции в Сануре и широко раскинувшейся территории Церковного Университета на окраинах Денпасара.

Он показал ему разные филиалы научно-исследовательских институтов Церкви, построенных все как один в старом балийском стиле, насыщенном железобетонными скульптурами, выстроившимися вдоль всех перемычек и стен. Он провез его через древние рисовые чеки, покрывшие террасами игрушечные горы — самые прекрасные на всей Земле, настаивал старик, даже если фермеры в своих широких шляпах ездили теперь больше на маленьких механических культиваторах вместо водяных буйволов.

Прошло полдня, прежде чем Флинкс дошел до того, что заметил:

— Это совсем не похоже на то, что я ожидал от штаб-квартиры Церкви.

— Ну, а чего вы ожидали? — спросил старик.— Воспроизведения в более крупном масштабе Анклава Содружества в Брисбене? Купола из черных и бронзово-зеркальных металлов и шпили километровой высоты, украшенные мозаикой?

Флинкс откинулся на потертую спинку старого сидения рядом с шофером и принял застенчивый вид.

— Я, конечно, никогда не бывал в столице, но я видел репродукции. Полагаю, что ожидал увидеть здесь нечто похожее.

Старик тепло улыбнулся:

— Я не специалист по мышлению Церкви, сынок, но для моей фермерской души она кажется собранием хороших, не любящих сложности людей. Университет — самое большое церковное здание на острове, лаборатория астрофизики в четыре этажа — самое высокое.— Он на время смолк, пока они ехали над речным ущельем.

— Почему, по-вашему,— спросил он наконец,— Объединенная Церковь несколько веков назад решила расположить свою штаб-квартиру на этом острове?

— Не знаю,— честно ответил Флинкс.— Я не думал об этом. Полагаю, для того, чтобы быть поближе к столице.

Старый шофер покачал головой:

— Церковь находилась здесь задолго до того, как Брисбен сделали столицей Земли. Для путешествующего с духом Гаруды в качестве спутника ты, сынок, кажешься довольно невежественным.

— Духом Гаруды? — Флинкс увидел, что шофер смотрит на сонную голову рептилии, выглянувшую из-за пазухи комбинезона. Он бешено заворачивал мозгами, а затем расслабился.

— Но ведь Гаруда — птица, а не змей.

— Я вижу в твоём приятеле дух, а не облик,— объяснил шофер.

— Тогда хорошо,— признал Флинкс, вспоминая, что чудовищная птица Гаруда была, несмотря на свою устрашающую внешность, добрым созданием.— По какой же причине Церковь присутствует здесь, если не для того, чтобы быть ближе к столице?

— Я считаю, это из-за того, что ценности Церкви и бабийского народа очень схожи между собой. И те и другие

делают упор на творчество и мягкость. Вся наша собственная надменность и враждебность ушли на нашу древнюю мифологию.

Флинкс посмотрел на старика с большим уважением и любопытством. В этот миг он казался чем-то более интересным, чем всего лишь старым таксистом, но это уж сверхподозрительный ум Флинкса снова высматривал себе новые хлопоты.

— Наше самое агрессивное движение — это пожатие плечами, — продолжал старик, с любовью глядя на окружающий ландшафт. — Это происходит от жизни в одном из самых прекрасных мест галактики.

Начался легкий дождь. Старик закрыл откидной верх машины и включил кондиционирование воздуха. Флинкс, гордившийся своей приспособляемостью к чуждой окружающей среде и вынужденный до сих пор играть роль почти местного, издал мысленный вздох облегчения при первой прохладной ласке кондиционера.

Влажность в одном из самых прекрасных мест галактики могла быть удушающей. Не удивительно, что транксийские члены Церкви согласились столь много веков назад построить здесь ее штаб-квартиру.

Они остановились в Убуде, и Флинкс устроил спектакль с осмотром знаменитой резьбы по дереву в рекомендованных стариком лавочках. Это не было исключительно балийским обычаем. У Мамаши Мастифф тоже имелась своя договоренность с гидами в Дралларе.

Экскурсия продолжалась, и необходимость проявлять интерес становилась все более и более обременительной. Флинкс зевал при осмотре слоновой пещеры, моргал у священных источников и видел храмы, построенные на храмах.

Подходящее местоположение для родного дома Церкви, подумал Флинкс, когда тучи рассеялись и за дымящимся конусом 1500-метровой горы Агунг появилась двойная радуга. Аквамариновые рясы и комбинезоны проходящих мимо сотрудников Церкви сливались с неподвижной цветущей растительностью джунглей столь же естественно, как и фруктовые деревья, флегматично стоявшие, следя за всем, вдоль дорог, полей и рисовых террас.

— Это все очень красиво, — сказал наконец Флинкс старому шоферу. — Но я все же хотел бы посмотреть на штаб-квартиру Церкви.

— Штаб-квартиру Церкви? — Старик неуверенно посмотрел на него, потянув себя за ус. — Но ведь весь остров — штаб-квартира Объединенной Церкви.

— Да, я знаю,— ответил Флинкс, стараясь не показаться нетерпеливым.— Я имею в виду штаб-квартиру штаб-квартиры.

— Ну,— старик посмотрел вверх и налево, снова потянув себя за ус.— Самым близким к этому будет Административный Корпус, но я не понимаю, почему бы кому-то захотелось его увидеть.— Удивительное дело, он улыбнулся, показав под своей сморщенной верхней губой белые зубы.

— Все еще ожидаешь башни из драгоценного металла и аметистовые арки, а, сынок? — Флинкс принял смущенный вид.— Я так тебе скажу: хотя на сам Корпус нечего терять зря времени, он находится в уголке, которому позавидовал бы сам Будда.

Шофер принял решение.

— Тогда поехали, я отвезу тебя туда, если уж ты так на это настроился.

Они продолжали ехать на север из Убуда, проезжая по все более и более крутым террасам, когда поднимались по старой дороге. На ней не было никаких доказательств частого движения, которого Флинкс ожидал бы на пути в штаб-квартиру штаб-квартиры. Может быть, старик был прав. Может быть, разыскиваемого им учреждения не существовало.

Может быть, он зря терял время.

Флинкс высунулся из окна и увидел, что его первоначальная оценка состояния дороги все еще оставалась в силе. Покрывавшая путь трава была высотой в несколько сантиметров. Густая и здоровая, она не показывала никаких характерных сгибов, вызванных постоянным прохождением по ней машин.

В конечном итоге машина вздохнула и остановилась. Старикан сделал Флинксу знак выбирать, после чего шофер провел его к краю отвесной пропасти.

Флинкс осторожно заглянул за край. В нескольких тысячах метров внизу на дне долины лежало широкое мелкое озеро. Зелен пестрела обводненными полями и разбросанными домами фермеров.

У противоположного конца озера, неподалеку от подножия дымящейся горы Агунг, раскинулась тесная группа скромных, похожих на коробки двухэтажных строений, покрытых яркой аквамариновой эмалью. Они выглядели строго утилитарными, если не просто уродливыми. Среди них не попадалось ни арок, ни башен.

В одном конце комплекса несколько антенн распустили цветы абстрактных металлических сетей, и поблизости находилась лужайка, где едва хватило бы места маленькому атмосферному челноку.

И это все?

Флинкс недоверчиво уставился на своего гида.

— Вы уверены, что это именно он?

— Да, это и есть Административный Корпус. Сам я там никогда не бывал, но мне говорили, что он по большей части используется для хранения старых архивов.

— Но церковная канцелярия?... — запротестовал было Флинкс.

— А, вы имеете в виду место, где собираются Советники? Это то невысокое, похожее на грейфер здание, которое я показывал вам в самом Денпасаре, то, что рядом с солнечной научно-исследовательской станцией. Помните его? — Флинкс поискал в памяти и обнаружил, что помнит. Оно было лишь чуть более впечатляющим, чем разочаровывающее скопление зданий внизу.

— Совет Церкви собирается раз в год, и именно там принимаются его решения. Я могу отвезти вас обратно туда, если вы желаете.

Флинкс покачал головой, не в состоянии скрыть свое разочарование. Но если это был склад старых архивов, он мог содержать то, что Флинкс явился посмотреть. Если нет — ну, он мог заняться разрешением проблемы отъезда с этого острова, не навлекая на себя нежелательные вопросы. Наверное, в провинцию Индию, в Аллахабад...

— Вы сказали, что никогда не бывали внутри, — повернулся он к старику. — Церковь запрещает там появляться?

Шофера это, похоже, позабавило.

— Насколько я слышал, нет. Просто нет никакой причины появляться там. Но если вы желаете...

Флинкс двинулся обратно к машине:

— Поедьте. Вы можете оставить меня там.

— Ты уверен, сынок? — заботливо спросил старик, поглядывая на закатывающееся солнце во влажном небе. — Скоро стемнеет. У тебя могут возникнуть трудности с поиском транспорта обратно в город.

— Но я думал... — начал было Флинкс.

Старик медленно покачал головой и терпеливо объяснил:

— Ты все еще не слушаешь. Разве я не сказал тебе, что это всего лишь место хранения? Там нет никакого движения, в долине-то. Это место медленно растущих вещей, тусклое, далекое от любого городишки. Будь я Церковником, я бы скорее предпочел расположиться в Беноа или Денпасаре. Здесь одиноко. Но, — он пожал плечами, — деньги ваши. По крайней мере, ночь будет теплой.

Они забрались обратно в машину, и он начал спуск по узкой извилистой тропе, не замеченной Флинком раньше.

— Если вы не достанете транспорта обратно, то можете попробовать спать на земле. Берегитесь, однако, сороконожек, у них неприятный вкус. Я уверен, что какой-нибудь фермер подвезет вас утром до города — если вы встанете достаточно рано, чтобы поймать его.

— Спасибо, — поблагодарил Флинкс, не сводя глаз с долины внизу. С ее сверкающим озером, притулившимся у подножия большого вулкана, она и впрямь выглядела привлекательно, хотя его внимание по-прежнему притягивала прозаическая архитектура Корпуса. Та стала еще менее впечатляющей, когда они подъехали поближе. Аквамариновая эмаль казалась застывшей на фоне богатых коричневых и зеленых цветов опоясывающей горы растительности. Когда они достигли дна долины, Флинкс увидел, что строения были лишены окон. Как и подобает, мрачно подумал он, учреждению, посвященному вещам, а не людям.

Машина остановилась перед тем, что, должно быть, являлось парадным входом, поскольку это был единственный вход. Никаких массивных скульптур, изображающих братство челанксов, никаких бьющих фонтанов по бокам от простой двери с двойными стеклами. В стороне было припарковано несколько непримечательных на вид машин.

Флинкс открыл дверцу и вылез. Пип пошевелился в свободных складках комбинезона, и Флинкс утихомирил своего беспокойного приятеля, пока вручал старому водителю свой картометр.

Шофер сунул его в большую щель на приборной доске и подождал, пока компактный инструмент не перестал гудеть. По завершении передачи финсредств он вручил картометр обратно Флинксу.

— Желаю тебе удачи, сынок. Надеюсь, твой визит окажется стоящим всех твоих хлопот с прибытием сюда. — Он помахал рукой из машины, тронувшись обратно к горной дороге.

«Хлопоты — неадекватное слово, старик», подумал Флинкс, крикнув ему на прощание: — Селамат сеанг!

С минуту Флинкс постоял один перед Корпусом, слушая тихое журчание воды, падавшей с террасы на террасу. Через поля до него донеслось тихое «хут-тут» направляемого рукой фермера механического культиватора. По словам старого шофера-гида, люди тут занимались уборкой своего пятого урожая риса и начинали сеять шестой.

К этому времени Флинкса тошнило от сельского хозяйства, храмов и самого острова. Он проверит, что может предложить это не располагающее к оптимизму строение, попробует поискать в городских архивах Аллахабада и через несколько дней отправится в путь домой, на Мотылек, с информацией или без оной.

Он бранил себя за то, что не принял предложения служащего челночного порта и не попробовал прибыть сюда дипломатическим атмосферным челноком из Южного Брисбена. Вместо этого он зря потратил несколько недель на изучение местного языка и управления небольшой лодкой. Он ожидал встретить бронированную крепость со стенами в полкилометра толщиной, ошетинившуюся лучеметами и проекторами СККАМ. А вместо этого он оказался крадущимся по острову фермеров-рисоводов и студентов. Даже канцелярия была на каникулах.

Флинкс поднялся на несколько ступенек и прошел через двойные двери, с отвращением заметив, что они открывались вручную и не останавливали входившего. Короткий коридор выходил в небольшое округлое помещение с высоким куполом. Его взгляд устремился вверх — и замер. Купол был заполнен трехмерной проекцией всех обитаемых планет — галактики. Каждый мир Содружества был четко отмечен цветом и мелкими заглавными буквами на символери.

Флинкс изучил ее, выделив сперва Землю и Ульдом из-за их более ярких цветов, а затем перешел к Эвории, Амропулосу, Тихой Детской — все сплошь транксийские миры. Потом нашел человеческие планеты: Реплер, Мотылек, Кашалот, Центавр III и V. Слабосветящиеся точки указывали аванпосты челанксийских исследований, окраинные миры, вроде Толстяка с его огромным запасом металлов, Рийнпина с его троглодитами и бесконечными пещерами и ледяного шара далекого-далекого Тран-ки-ки.

Его глаза опустились к изогнутому полу помещения, и он нашел, наконец, свою мозаику, хотя узор на полу был прост. Он состоял из четырех кругов: двух, представляющих полушария Земли, и двух других — Ульдома. Они образовывали квадрат с единственной маленькой сферой в центре, касательной ко всем четырем округлым картам. Центральная сфера содержала вертикальную восьмерку голубого цвета, представляющей собой Землю, пересекаемую горизонтальной восьмеркой зеленого цвета, означающей Ульдом. Там где они встречались, цвета сливались, создавая аквамариновый гербовый цвет Объединенной Церкви.

Целостность стен вокруг него нарушали три коридора: один исчезал вдали впереди, другие вели налево и направо. Все стены между ними были заполнены резьбой, изображающей выда-

ющиеся личности в истории Церкви — как транксов, так и людей — в скромных позах. Самой впечатляющей была сцена, рисующая подписание Акта о Содружестве, официально объединившего Транксов и Человечество. Четвертая Последняя Надежда, Давид Малькезинский, соприкасался лбом с антеннами Триэйнта Арлендувы, в то время как иструка инсектоида была зажата в правой ладони человека.

Справа от этого рельефа были высечены некоторые основные максимы Церкви: Человек — животное, Транкс — насекомое. И тот, и другой — Братья... Не советуй создавать цивилизацию, где физическая сила не взаимодействует с психической... Если бы Бог желал, чтобы человек или транкс посвятили себя Ему, то Он не создал бы миры такими сложными... Фарисейская уверенность в собственной праведности — ключ к разрушению... Список все продолжался и продолжался.

На противоположной стене был высечен список недавних философских сентенций, которые Флинкс с интересом прочел. Он как раз закончил с одной, гласившей о гедонизме, нарушающем Основной Эдикт и перешел к увещанию не доверять всему, что отдает абсолютной правильностью, когда его внимание отвлек голос.

— Не могу ли я помочь вам, сэр?

— Что?

Пораженный Флинкс обернулся и увидел вопросительно глядящую на него в ответ молодую женщину в аквамариновой рясе. Она сидела неподалеку от коридора налево, за скудно покрытым столом. Он даже не заметил ее, пока она не заговорила.

— Я спросила, не могу ли я помочь вам.

Она подошла и встала рядом с ним, глядя ему прямо в глаза. Одно это было необычным. У большинства его новых знакомых первый взгляд шел несколько ниже, к чешуйчатой фигуре, обвившейся вокруг плеча Флинкса или, как в данный момент, выглядывавшей из-за пазухи его комбинезона.

Но эта хрупкая девушка игнорировала летучего змея. Это отдавало плохим зрением или большой уверенностью в себе, подумал Флинкс. Ее безразличие к змею было первой впечатляющей вещью, встреченной им на этом острове.

— Извините,— непринужденно солгал он.— Я как раз собирался подойти и поговорить с вами. Я заставил вас ждать?

— О, нет... просто я подумала, что вы, может быть, устали. Вы уже больше часа изучали картины и надписи.

Его взгляд на миг метнулся к стеклянным дверям, и он увидел, что она говорила правду. Снаружи воцарилась тропическая ночь, черная, как совесть профессионального игрока.

Он расстроился и забеспокоился. Ощущение было такое, словно он смотрел на резьбу в маленькой купольной нише всего лишь несколько минут. Его взгляд снова направился к Трехмерной карте над головой, к инкрустированным живописным картинам и изящно высеченным изречениям. Неужели эти заботливо поднятые цвета, слова и рельефы скрывали какое-то мнемоническое устройство, заставлявшее наблюдателя что-то поглощать себе вопреки?

Его размышления были внезапно оборваны мягким голосом девушки:

— Пройдите, пожалуйста, к моему столу. Оттуда я лучше смогу помочь вам.

Все еще ошеломленный, Флинкс без возражений последовал за ней. На поверхности стола немногочисленные бумаги и несколько небольших экранов, а также кнопки на рядах панелей пультов с противоположной стороны.

— Я занималась,— оправдываясь, объяснила она,— иначе я подошла бы раньше. Кроме того, вы, казалось, наслаждались. Тем не менее я подумала, что мне лучше выяснить, не нужно ли вам чего-нибудь, поскольку мое дежурство скоро закончится, а сменившая меня также начнет игнорировать вас.

Если это была ложь, подумал Флинкс, то гладкая.

— Чем вы занимались?

— Духовным предназначением и философскими уравнениями в их отношении к демографической производной высшего порядка.

— Прошу прощения?

— Дипломатический корпус. Итак,— весело продолжала она,— чем я могу помочь вам?

Флинкс обнаружил, что снова глядит на незапертые стеклянные двери, трехмерную карту над головой, слова и изображения, высеченные на окружающих стенах. Он мысленно сопоставил их с простым экстерьером этого строения, сравнивая его со своими возвышенными воображаемыми картинами того, как ему следовало бы выглядеть.

Все встреченное им на этом острове, от скромности этого корпуса до речи шофера, было смесью простого и изощренного. Опасно ненадежная смесь. На мгновение он серьезно подумывал забыть обо всем этом деле, включая цель своего путешествия через половину Содружества, и, повернувшись, выйти из этих никем не охраняемых дверей. Он потратил немало времени из

своей лихорадочной молодой жизни, пытаясь избежать внимания, и что бы он ни сказал сейчас этой девушке, это обещало доставить его к задающим вопросы.

Вместо того чтобы уйти, он сказал:

— Меня вырастила приемная мать, не имевшая никакого представления о том, кто мои родители. Я по-прежнему не знаю этого. Я не знаю наверняка ни кто я, ни откуда я взялся, и хотя это может не иметь большого значения для кого-нибудь другого, это имеет значение для меня.

— Для меня это тоже имело бы значение,— серьезно ответила девушка.— Но что заставляет вас думать, что мы можем помочь вам выяснить?

— Один мой знакомый указал, что он нашел некоторые намеки, что физически я могу совпадать с ребенком, родившимся здесь, на Земле, в городе Аллахабаде. Я знаю свое настоящее имя, каким оно стояло в... списках работоторговца, но я не знаю, родовое ли это имя или данное мне уже после рождения.

— Филип Линкс.— Он произнес его старательно, отчетливо, но это все равно было не его имя. Оно принадлежало чужаку, это было имя постороннего человека. Он был просто Флинкс.

— Мне сказали, что это — Хранилище Церковных архивов, хотя,— он показал на маленькое помещение с тремя связующими коридорами,— эти здания едва ли выглядят достаточно большими, чтобы вместить даже малую долю этих архивов.

— Мы очень эффективно используем пространство,— сообщила она ему так, словно это должно было все объяснить.— Архивы по Аллахабаду хранятся здесь, так же как записи о каждом существе, зарегистрированном в Церкви.— Взгляд ее сместился, но не на Пипа.

Флинкс повернулся, думая, что она смотрит на что-то позади него. Когда он ничего не нашел и повернулся обратно, то увидел, что она улыбалась ему.

— Это ваши волосы,— легко сказала она.— Краска начинает сходить.

Его рука инстинктивно прошла по волосам и ощутила там влажность. Когда он опустил ее, она была в черных пятнах.

— Вы слишком долго пробыли в городе. Кто бы ни продал вам эту краску, он обманул вас. Зачем вообще красить их, рыжие достаточно привлекательны.

— Один друг думал иначе.— Он не мог сказать по ее мыслям, поверила ли она ему, но она предпочла не развивать эту тему, коснувшись вместо этого кнопки на столе.

— Аллахабад, вы сказали? — Он кивнул. Она нагнулась над столом и обратилась в микрофон. — Проверьте сведения о Филипе Линксе, родившемся в Аллахабаде. — Она подняла на него взгляд: — Как пишется?

Флинкс развел руками:

— В списке работорговца стояло именно Ф-и-л-и-п Л-и-н-к-с, но правописание могло быть и ошибочным.

— Или искаженным, — добавила она, снова обращаясь к микрофону. — Проверьте также различные варианты написания. А также все запросы о названных сведениях за последние... пять лет. — А затем отключилась.

— Но зачем это последнее? — спросил он.

Выражение ее лица было мрачным.

— Вашему знакомому не полагалось иметь доступа к вашим данным. Они касаются только вас и Церкви. И все же кто-то, кажется, сумел добыть разрешение посмотреть их. Позже вам обязательно зададут несколько трудных вопросов, если вы этот Филип Линкс.

— А если нет?

— Вам все равно будут заданы вопросы, только вы не увидите ничьих досье. — Она любезно улыбнулась. — Это, кажется, было не ваше правонарушение... хотя кому-то предстоит потерять свою рясу. Низшие ранги всегда уязвимы для подкупа, особенно когда просьба касается вроде бы безвредной информации.

— Об этом незачем беспокоиться, — заверил ее Флинкс. — Едва ли не единственное, в чем я уверен в этой галактике, так это в том, что я — это я. — Он усмехнулся. — Кто бы я ни был.

— Именно это мы и собираемся выяснить, — сказала она без улыбки.

Коль скоро личность Флинкса была установлена путем разных проверок, девушка снова стала дружелюбной.

— Уже поздно, — заметила она, когда процедуры идентификации были завершены. — Почему бы вам не подождать и не начать свой поиск утром? Тут есть общежитие для гостей, и вы можете поесть в кафетерии с сотрудниками, если у вас есть деньги. Если же нет — вы можете притязать на благотворительность, хотя Церковь косо смотрит на прямое подаяние.

— Я могу заплатить, — сказал Флинкс.

— Отлично. — Она показала на противоположный коридор. — Следуйте за желтой полосой на полу. Она приведет вас в бюро посетителей. Там уже делами займутся они.

Флинкс направился к коридору, оглянулся:

— Что насчет поиска? Как мне начать?

— Возвращайтесь завтра к этому столу. Я всю неделю дежурю с десяти до шести. После этого вам придется поохотиться, чтобы снова найти меня. Мне придется перейти к другой черновой работе, но за остаток этой недели я могу вам помочь. Меня зовут Мона Тантиви.— Она помолчала, глядя за удаляющейся фигурой Флинкса, а затем окликнула, когда он уже вступил в коридор: — Что, если имя Филип Линкс не принадлежит ребенку, родившемуся в Аллахабаде?

— Тогда, — крикнул ей в ответ Флинкс, — вы можете называть меня как вам угодно.

ГЛАВА 6

Отведенная ему комнатуха была маленькой и едва меблированной. Он провел час, смывая пыль минувших дней, и когда вышел из душа, его ждал приятный сюрприз: его комбинезон забрали и почистили. Хорошо, что он взял Пипа с собой в ванную.

Чувствуя себя неуютно чистым, он направился в ближайшую столовую и вскоре смешался с толпой в аквамариновых рясах и костюмах.

Само заведение было необычным. Украшенное представителями местной флоры и фонтанами, его пышность резко контрастировала со спартанским экстерьером здания. Оно было разделено полупрозрачными панелями на три секции.

Одна секция была приспособлена для среднетемпературной зоны климата, особенно любимого людьми, в то время как район находившийся дальше всего от двери, был почти в тумане от жары и влажности — для транксов, слегка суховатый и прохладный — пригодный для тех и других. Все три района были полны народу.

Он порадовался присутствию нескольких людей и транксов, носивших одежду, расцветкой отличающуюся от цветов Церкви, это помогало ему чувствовать себя куда меньше бросающимся в глаза.

Повсюду плыли запахи недавно приготовленной пищи. Хотя некоторые ароматы и были экзотическими, они не могли соперничать с невероятным разнообразием запахов, всегда присутствующим на рынке в Дралларе. Тем не менее он

обнаружил, что у него потекли слюнки. Он ничего не ел после короткого завтрака в городе рано утром.

Вскоре после подачи заказа автоматическому шеф-повару, он был вознагражден вкусным поджаренным мясом неопределенного происхождения и ассортиментом хлебцев и овощей. Но когда он снова спросил об остальном в своем заказе, вспыхнул экранчик: «Всякие разновидности опьяняющих напитков, какими бы слабыми они не были, в столовых Корпуса не разрешаются».

Флинкс проглотил свое разочарование — плохая замена заказанному им пиву — и удовольствовался ледяной шакой.

Пип снова обвился вокруг его плеча. Летучий змей возбудил несколько замечаний, но не страх. Посетителям — от почти детей до старейшин, переваливших далеко за сотню — почему-то было до странного безразлично, что Пип может принести им вред.

Флинкс занял себе место. Его уши были не больше нормальных, и талант — не острее обычного, но слух у него был хорошо натренированный. Чтобы выжить в Дралларе, приходилось до предела использовать возможности всех своих чувств. Прислушиваясь к разговорам, идущим вокруг него в харчевне, он насыщал свое любопытство.

Слева от него пара пожилых транксов спорила о законности произведения генетических манипуляций над невысиженными яйцами. Это имело какое-то отношение к скормскому процессу в противоположность оппордийскому методу, и было много разговоров об этичности вызова мутации породовым внушением неформировавшимся куколкам.

Охотясь за чем-нибудь менее невнятным, он подслушал, как пожилая женщина с двумя шевронами кремового цвета на рукаве платья читала лекцию группе послушников: двум людям и двум транксам. Шеврон представлял собой вышитый атом водорода.

— Поэтому, как вы видите, если проверить исследования, проведенные за последние восемь лет на Плутоне, Глоризе и Типендемесе, то обнаружится, что любые дополнительные модификации системы оружия СККАМ должны принимать в расчет жесткие ограничения, вызываемые самим осмиридием.

Через мгновение донесся еще один обрывок разговора, этот — от мужчины среднего возраста с пышной белой бородой, сидящего позади него:

— Уровни производства на Канзастане и Меж-Канзастане в секторе Брайан предполагают, что при надлежащем внеатмосферном севе производство пищевого зерна можно увеличить на целых двадцать процентов за три следующих посевных года.

Флинкс нахмурился, слушая это интенсивное бурление, но беспокоило его не отсутствие в дискуссиях теологии. Он не мог по-настоящему судить, но даже для его нетренированных ушей казалось, что в присутствии не служителей Церкви обсуждалась масса очень чувствительных вопросов. Доказывали это, что Церковь была неэффективной или типично челанксийской, он не мог решить. Хотя безопасность была не его проблемой, она, тем не менее, тревожила его, когда он закончил свой обед.

Он все еще испытывал тревогу следующим утром, когда вернулся к столу в помещении у входа. Мона Тантиви была на дежурстве и улыбнулась, увидев его приближение. Теперь в помещении было оживленно — служители Церкви постоянно сновали из одного коридора в другой и через двойные двери входа.

— Готовы? — спросила она.

— Я хотел бы покончить с этим как можно скорее, — сказал он более резким тоном, чем собирался. Осознав, что слегка дрожит, Флинкс решительно заставил себя успокоиться.

Женщина укоряюще поджала губы.

— Не ведите себя так, словно вас ждет прививка или что-то в этом роде.

— В некотором смысле, именно так я себя и чувствую, — мрачно ответил он.

И так оно и было. Флинкс вырос с неполным знанием самого себя. Если он не найдет здесь лекарства, то, вероятно, вечно будет нести с собой этот крест.

Женщина медленно кивнула и нажала кнопку. Спустя несколько минут из ближайшего коридора вышел мужчина лет сорока с лишним, сложенный как борец. Улыбка его была очень похожа на улыбку Тантиви, и он излучал то же самое желание оказать помощь и быть полезным. Флинкс гадал, была ли эта позиция естественной или не была ли она тоже частью Церковного курса инструктажа: Развитая Манипуляция Личностью через Традиционную Лицевую Жестикуляцию, или что-нибудь похожее.

Флинкс сердито оттолкнул в сторону свой инстинктивный сарказм. Имело значение только одно: узнать то, зачем он явился.

— Меня зовут Намото, — представился с улыбкой и рукопожатием дородный житель востока. — Рад с вами познакомиться, мистер Линкс.

Флинкс сдерживающе поднял руку:

— Давайте не будем называть меня так, пока не докажем этого. Просто Флинкс, пожалуйста.

Улыбка не растаяла.

— Ладно, кто бы вы ни были. Идемте со мной и посмотрим, что мы сможем выяснить о том, кто вы такой.

После двадцати минут прогулки по переходам и безликим коридорам Флинкс основательно потерял ориентировку.

— Трудно поверить, что Церковные архивы знают о каждом человеке в Содружестве...

—...и о каждом транксе,— закончил за него Намото,— все хранится в этом маленьком здании, но это правда. Хранение информации — наука с тысячелетней историей. Искусство редуцирования документов развили до очень высокой степени. Большинство архивов в этом здании были бы невидимыми под стандартным микроскопом. Наши сканеры и принтеры работают с куда большей разрешимостью.

Он остановился перед дверью, ничем не отличавшейся на вид от сотни уже пройденных.

— Вот мы и пришли.

Единственное слово, выгравированное на полупрозрачной двери просто гласило: «Генеалогия». За этой дверью находилась ранняя история жизней миллиардов челанксов, хотя и не всех из них. Были еще те, кто не желал иметь никаких документов, помимо собственной эпитафии, и некоторые из них этого добились.

С другой стороны, Флинкс всю свою жизнь прожил без документов и устал от этого.

— Число ныне здравствующих Филипов Линксов может оказаться немалым,— высказал предположение Намото, открывая дверь ключом,— хотя из-за определенных просторечных осциологических ассоциаций это менее обычная фамилия, чем многие другие.

— Я знаю, что это значит,— отрезал Флинкс. Пип беспокойно переместился на плечо у хозяина при внезапной вспышке мысленного насилия.

Помещение было огромным. Его большая часть состояла из кажущихся бесконечными проходов, перемежающихся с рядами ограждающего металла, тянувшегося от пола до потолка. Ни один ряд не отличался на вид от своего соседа.

Флинкса привели к ряду из десяти кабинок. Две были заняты исследователями, а остальные были пустыми. Намото уселся перед единственным большим экраном в пустой кабинке и жестом пригласил Флинкса сесть рядом с ним. Затем он прижал оба больших пальца к паре выемок сбоку от экрана.

Под экраном мигнул огонек, и он засветился. Намото нагнулся вперед и произнес:

— Меня зовут Сигета Намото.

Он расслабился. Возникла пауза; машина загудела, и над центром экрана мигнул зеленый огонек.

— Вы идентифицированы, падре Намото,— произнесла нараспев машина.— Жду вопросов.

— Доложите результаты поисков предшествующей ночью сведений по некоему человеку мужского пола по имени Линкс, Филипп. Придержите альтернативное написание до указаний.

Он повернулся и прошептал Флинксу:

— Для начала мы будем исходить из того, что фамилия в списках работорговца указана правильно. Возможное место происхождения,— сказал он машине,— Аллахабад, провинция Индия, Земля.— Падре посмотрел на своего обеспокоенного спутника.— Сколько вам лет... или вы не знаете?

— Мамаша Мастифф говорит, что мне должно быть около семнадцати, хотя она не может быть уверена. Иногда я чувствую себя так, словно мне семьсот.

— А я иногда чувствую себя так, словно мне семь,— любезно отпарировал массивный церковник, возвращая свое внимание к машине.

— Приблизительный возраст отмечен,— заявило устройство.— Результаты поиска появятся.

Намото изучил список.

— Я был прав... это не обиходная фамилия. Есть сведения только о трех Филиппах Линксах, родившихся и зарегистрированных в Аллахабаде за последние полвека. Только один из них вписывается в рамки вашего возраста.

Он вновь обратился к машине:

— Желательна дальнейшая информация.

Возникло короткое гудение, а затем на экране ярко вспыхнула надпись: «ЗАПРОС ПЕРЕДАЕТСЯ НА АЛЛАХАБАДСКИЙ ТЕРМИНАЛ». Затем, минутой спустя: «ПЕРЕДАЧА ЗАВЕРШЕНА... КОДОВАЯ ДЛИНА».

Намото поглядел на последовавшие цифры.

— Кажется, совсем немного сведений. Надеюсь, они стоят...— он вдруг замолк, озабоченный,— с вами все в порядке, Флинкс? Вы дрожите.

— Все отлично... здесь немного прохладней, чем снаружи, вот и все. Скорее.

Намото кивнул:

— Декодируйте переданное.

Руки Флинкса конвульсивно сжались на бедрах, когда отпечатывалось каждое слово.

«ЛИНКС ФИЛИП... НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ... РОДИЛСЯ В 553 Э. С., В 2933 ПО СТАРОМУ СТИЛЮ В ПРИГОРОДЕ САРНАТ БОЛЬШОГО МЕТРОПОЛИСА АЛЛАХАБАД, ПРОВИНЦИЯ ИНДИЯ, ЗЕМЛЯ».

Возникла пауза, во время которой на экране больше ничего не появлялось. Флинкс повернулся к Намото, чуть не крикнув: «И это все?».

— Спокойно, Флинкс... видите, вот еще идет. Распечатка продолжилась.

«ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: ДАННЫЕ ПОМОГАЮЩЕГО ФЕЛЬДШЕРА И НАБЛЮДАЮЩЕГО МЕДТЕХНИКА УКАЗЫВАЮТ НА ПРИСУТСТВИЕ НЕОБЫЧНО ВЫСОКОЙ РОДОВОЙ АУРЫ В Р-ВОЛНОВЫХ ДАТЧИКАХ РОДИЛЬНОЙ ПАЛАТЫ... НИКАКОЙ НЕОБЫЧНОЙ ИЛИ ВРАЖДЕБНОЙ РЕАКЦИИ СО СТОРОНЫ МАТЕРИ... ПОКАЗАНИЯ ДАТЧИКОВ Р-ВОЛН УКАЗЫВАЮТ НА ПОТЕНЦИАЛ ВОЗМОЖНЫХ НЕНОРМАЛЬНЫХ ТАЛАНТОВ ПЕРВОГО КЛАССА...

РОДЫ НОРМАЛЬНЫЕ... НИКАКОЙ Р-ВОЛНОВОЙ РЕАКЦИИ, ПРИПИСЫВАЕМОЙ ТРАВМЕ... ДАННЫЕ ПОСЛЕОПЕРАЦИОННОЙ ПРОВЕРКИ В НОРМЕ... В ОСТАЛЬНОМ РЕБЕНОК НОРМАЛЕН И ЗДОРОВ...

ВОЗРАСТ МАТЕРИ — 22 Г... ИМЯ — АНАСАГА... РОДИТЕЛИ НЕИЗВЕСТНЫ...»

Намото не посмотрел на Флинкса, когда принтер закончил: «ОТЕЦ НЕИЗВЕСТЕН, НЕ ПРИСУТСТВОВАЛ ПРИ РОЖДЕНИИ...»

Флинкс с трудом постарался расслабиться. Теперь, когда это испытание закончилось, он удивился своему напряжению. Имевшаяся информация мало что сообщила ему, а что касается последнего, то его и прежде называли ублюдком, да и намного похуже тоже. Но вся эта новая информация по-прежнему не говорила ему, являлась ли фамилия Линкс родовой или данной одному ему при рождении. Без этого — или дополнительной информации — он с таким же успехом мог и не утруждать себя.

— Имеются ли какие-либо сведения, — спросил он тихим монотонным голосом, — о послеродовом статусе... — слово это вышло теперь удивительно легко, — матери?

Намото запросил об этом машину. Ответ был короткий и красноречивый.

«МАТЬ СКОНЧАЛАСЬ... ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПЛАНЕТЫ, В 537 Г. Э. С. ...ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ ДОСТУПНЫ...»

— Объясните, что...— начал было Флинкс, но Намото знаком велел ему помолчать.

— Минутку, Филип.

Пип нервно пошевелился, когда его хозяин ошетинился.

— Не называйте меня так. Я — Флинкс, просто Флинкс.

— В любом случае, дозвоьте мне еще минутку.— Намото воспользовался небольшим пультом с клавишами, чтобы набрать команду машине. Из замурованных глубин раздался тихий стон. Из почти невидимой щели было вытолкнуто крошечное колесико ленты миллиметровой ширины, такое узкое, что было почти невидимым. Сразу же экран зажегся в последний раз.

«РАСПЕЧАТКА ДОСТАВЛЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ СОВЕРШЕНА... ВТОРОСТЕПЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ ИЗЪЯТА ДЕСЯТЬ СТАНДАРТНЫХ МЕСЯЦЕВ ДВЕ НЕДЕЛИ ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЗАД ОТ СЕГО ЧИСЛА...»

Глаза Намото сузились.

— Сомнений нет, кто-то шарил в вашем досье. Идентифицируйте разрешение на изъятие.

«НЕ В СОСТОЯНИИ ИСПОЛНИТЬ... РАЗРЕШЕНИЕ ИЗЪЯТО СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ ИЗЪЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ...»

— Ловко,— только и смог сказать Намото.— Ваш знакомый хотел гарантировать, что никто другой не получит доступа к любой украденной им информации.

В его голове возник окуртуренный красным образ — Чаллис! Коммерсант одурачил его даже на грани воображаемой смерти. Он признался подобию Флинкса, где он приобрел сведения о Флинксе, не сочтя нужным добавить, что критической информации там больше не было.

Того, что он оставил в Церковных архивах, было как раз достаточно, чтобы удовлетворить любого случайного инспектора и предотвратить активацию любой вызываемой сокращением информации тревоги.

И Флинкс сомневался, что Чаллис дожидался его возвращения обратно в столицу. Так, значит, теперь ему придется начинать всю охоту заново, без малейшего намека на то, куда коммерсант мог сбежать на этот раз. Тихий голос поблизости что-то говорил ему. Намото отключил машину и предлагал ему пленку.

— Вот копия того, что вор оставил в архиве.

Двигаясь медленно и ошеломленно, Флинкс взял ее.

— Я сожалею об остальном, из чего бы оно ни состояло. Я подозреваю, что если вы хотите узнать, что оно содержит,

вам придется снова найти своего знакомого и задать ему несколько прямых вопросов. И когда вы это сделаете, я оценил бы, если бы вы связались с ближайшими Церковными властями. — Падре не улыбался. — Кража Церковных архивов — довольно серьезное преступление. Эта пленка — и та, что украдена — во много раз увеличенный дубликат архивного оригинала. Информацию с нее может считать любой микроскопический сканер. — Он поднялся. — Если вы снова хотите просмотреть ее, воспользуйтесь машиной в кабинке через две ниши. Если я вам зачем-нибудь понадобится, я буду у стола дежурного.

Флинкс медленно кивнул, когда падре повернулся и ушел.

Чаллис! Вор, несостоявшийся убийца, небрежный разрушитель чужих жизней — в следующий раз он, возможно, позволит Пипу убить его. Содружество будет немного чище, лишившись... Что-то обожгло ему плечо и чуть не сорвало с сидения.

Пип разве что не ракетой сорвался со своего наместа, достаточно быстро, чтобы оставить отметину на коже под комбинезоном Флинкса. Неуклюже записывая в карман кассету, тот поднялся на ноги и побежал по проходу за своим запаниковавшим приятелем.

— Пип... подожди... ведь ничего же не случилось!...

Минидракончик уже добрался до входа. И Намото, и дежурный отодвинулись подальше от стола. Они осторожно следили за змеем, медленно отступая назад. С минуты мини-дракончик бился о дверь из полупрозрачного плексита, когда Флинкс вылетел из прохода между кабинками. Он звал рептилию устно и мысленно, молясь, чтобы змей успокоился, прежде чем кто-нибудь в порядке самозащиты выстрелит в него.

Мини-дракончик отступил, паря и извиваясь в воздухе, и разок плюнул. Громкий шипящий звук, и в двери появилась большая дыра неправильной формы. Флинкс сделал отчаянную попытку уцепиться за удаляющийся хвост, но слишком поздно — неуловимый змей уже протиснулся сквозь отверстие.

— Откройте дверь! — крикнул он. — Я должен бежать за ним!

Дежурный стоял парализованный, пока Намото не бросил напряженным шепотом: — Открой дверь, Ена.

Тогда Ена стал быстро двигаться.

— Да, сэр. Мне следует поднять тревогу?

Намото посмотрел на Флинкса, готового вырвать дверь из паза.

— Пип никому не причинит вреда, если не почувствует угрозы мне.

— Тогда что же с ним случилось? — спросил падре, когда дверь ушла в стену. Флинкс рванулся вперед, а падре — по пятам за ним.

— Не знаю... вот он! Пип!...

Закрученный хвост как раз исчезал за поворотом коридора. Флинкс бросился следом.

На поворотах и изгибах коридоров похожего на лабиринт здания Флинкс иной раз терял своего приятеля из виду. Но пепельнолицые служители-люди и бесконтрольно дрожащие антенны трансков отмечали путь мини-дракончика очень четко. Несмотря на свою дородность, падре Намото почти не отставал от Флинкса.

Ощущение было такое, словно они пробежали километры коридоров, прежде чем настигли мини-дракончика. Пип бил кожистыми крыльями о еще один дверной проем, намного больший, чем все пока виденные Флинксом.

Только на этот раз на посту был не всего лишь один студент-дежурный. За фланкирующим цилиндрическим барьером пригнулись двое мужчин в аквамариновых мундирах. Каждый держал в руке маленький лучемет, нацеленный на парящего мини-дракончика. Флинкс увидел небольшую кучку служителей Церкви, выжидающе теснившихся в противоположном конце коридора.

— Не стреляйте! — неистово взвыл он. — Он никого не тронет!

Замедляя бег, он придвинулся поближе к своему приятелю. Но Пип отказывался отвечать на любые призывы, оставаясь решительно вне пределов досягаемости рук, продолжая биться о двери.

— Что бы там ни взбесило его, оно находится по другую сторону, — крикнул он двум вооруженным. — Пропустите его.

— Это запретная зона, парень, — ответил один из них, пытаясь разделить свое внимание между летучим змеем и этим новопривывшим.

— Пропустите нас, — приказал слегка запыхавшийся Намото, выдвинувшись туда, где его было ясно видно. Голос охранника сделался почтительным.

— Извините, падре, мы не знали, что во главе этого вы.

— Не я, змей. Но все равно откройте двери. Под мою ответственность.

У Флинкса была всего лишь минута для того, чтобы погадать, насколько же важной фигурой был его любезный гид, прежде чем удивительно толстые двойные двери начали расходиться. Пип протиснулся через минимальное отверстие, а нетерпеливому

Флинксу пришлось подождать еще минуту, прежде чем проем стал достаточно широк, чтобы пропустить и его.

Затем он оказался на другой стороне, в коридоре, ничем не отличающимся от любого из множества уже пересеченных им.

За исключением...

За исключением ряда из шести лифтов перед ним. Перед крайним лифтом слева ждали два падре-электа. Один был очень старым, высоким и странно деформированным человеком. Он стоял рядом с молодой транксийкой.

Когда Флинкс и Намото проскользнули в коридор, Пип парил в воздухе. Затем он вдруг спикировал на пару, совершенно игнорируя других служителей Церкви, начавших замечать присутствие в своей среде ядовитой рептилии.

— Отзовите его, Флинкс, — приказал Намото. Теперь в его голосе не звучало ни малейшего намека на уступчивость. Он держал в руке лучемер и прицелился.

Флинкс вдруг ощутил, что так сильно притягивало его приятеля. Когда Пип спикировал, горбатый старик с потрясающей ловкостью нырнул и увернулся, практически швырнув свою юную спутницу о дверь лифта. Та извернулась, когда ее толкнули. Этого было достаточно, чтобы предотвратить неприятный перелом, но слишком мало, чтобы помешать ей с силой врезаться в неподатливый металл. Сверкающие сине-зеленые ноги подкосились, и она сложилась у двери.

Необыкновенная прыть старого клирика заставила Намото и других задержаться с вмешательством. Выхватив из складок рясы свой собственный лучемер, этот человек — все еще не издавший ни единого слова, даже простого крика «на помощь» — не целясь, выстрелил в Пипа. Минидракончик плюнул, и нечеловеческие рефлексy едвa дали его мишени возможность избежать разлагающего яда. Яд опалил отделку на стене позади незнакомца.

— Пип, этого хватит! — что-то в голосе хозяина, очевидно, удовлетворило мини-дракончика. Недолго поколебавшись, рептилия развернулась в воздухе и промчалась обратно к Флинксу. Но летучий змей все еще чувствовал себя достаточно неуютно, чтобы презреть свой обычный плечевой насест, предпочитая вместо этого оставаться осторожно парящим неподалеку от правого уха Флинкса. На несколько безмолвных секунд масса народу кратковременно объединилась в параличе неуверенности. Затем Намото разбил чары.

— В каком филиале вы работаете, сэр? — спросил он у объекта нападения Пипа. — По-моему, я не узнаю...

Падре замолк, так как лучемер, недавно направленный против змея, переместился на него. Пытаясь смотреть сразу во всех направлениях, державший его человек обвел смешающимися ледяным взглядом собравшуюся небольшую толпу. Никто не выступил против него, предпочитая вместо этого смотреть и ждать.

— Держитесь подальше, все вы,— предупредил, наконец, он. Акцент его был незнаком Флинксу, слова скорее высвистывались, чем произносились.

Когда старик начал пятиться к дверям, через которые только что прошли Флинкс и Намото, Флинкс осторожно прокрался бочком туда, где он мог оказать помощь пострадавшей юной транксийке. Она как раз приходила в сознание, когда он приблизился к ней. Обхватив обеими руками грудную клетку, он поднял ее на ноги.

— Он... угрожал убить меня,— оглушенно пробормотала она, все еще не слишком твердо держась на истногах и стопоруках. Он чувствовал, как ее грудная клетка-б пульсирует от неровного дыхания.

Явно снова овладев собой, транксийка обвиняюще посмотрела на свырнувшего ее.

— Он сказал, что если я не отвезу его на Командный Уровень, то он убьет меня!

— Вы не сможете выбраться из этого здания, сэр,— уведомил Намото только что обвиненного девушкой человека.— Мне придется попросить вас положить этот лучемер и пройти со мной.— Лучемер качнулся в его сторону, и он остановился после единственного шага.

— Чтобы быть разумным, надо жить,— просвистел-проговорил старик. Не выпуская сжатого в руке лучемета, он сунул руку в складки ряс, она была, заметил Флинкс, исключительно объемистой. Минутный поиск произвел небольшой коричневый кубик, окутанный проводами и неуклюже установленными ручками.— Это стограммовый пакет келита, достаточно, чтобы убить всех в этом коридоре.— Его объяснения хватило, чтобы обратить следивших послушников помоложе в поспешное отступление.

Намото не шелохнулся.

— Никакой объем взрывчатки не поможет вам выбраться из этого комплекса, — уведомил он уже ровным голосом нервного человека.— Более того, хотя этот кубик выглядит похожим на пакет келита, я нахожу это крайне маловероятным, поскольку никакой объем взрывчатки не может попасть в этот комплекс незамеченным. Более того, я не думаю, что вы полномочный

член Церкви. Если это правда, то вы не можете иметь при себе активированного лучемета.

Падре сделал еще один шаг вперед.

— Держитесь подальше, а не то узнаете, активирован он или нет! — визгливо крикнул старик.

Все глаза в коридоре были прикованы к двум главным действующим лицам в угрожающей партии, все разумные глаза.

Флинкс подумал, что увидел что-то,двигающееся под самым потолком и взглянул вдруг направо. Пипа там больше не было.

Невозможно сказать, пришла ли одновременно та же мысль в голову и старику, или он просто заметил движение над головой. Какой бы ни была причина, он нырнул и выстрелил прежде, чем Флинкс смог крикнуть своему приятелю.

Намото оказался и прав, и не прав. Крошечное оружие выглядело похожим на лучемет, но не было им. Вместо этого оно выстрелило крошечным зарядом, который прошел, едва-едва не задев извивающееся тело мини-дракончика. Заряд ударился о противоположную стену и отскочил на пол. Чем бы там он ни был, он, что и говорить, был не взрывчатый, но Флинкс сомневался в его безвредности.

На этот раз Пип был слишком близко, чтобы от него можно было увернуться. Мощные мускулы челюстей и шеи прогнали яд через подкожную трубку в рот мини-дракончика. Яд не попал в глаза, но, несмотря на свою сверхъестественную ловкость, старик не сумел полностью избежать нападения. Яд задел голову и шею. Раздался шипящий звук растворяемой плоти, и человек издал неожиданное пронзительное шипение, напоминавшее выбитый предохранительный клапан древней паровой машины.

Это был не тот звук, который могло произвести человеческое горло. Намото и Флинкс бросились к падающей фигуре. Но даже валясь, он вертел в руке кубик «келита».

Уверенность умирающего была достаточной причиной для того, чтобы Намото рухнул на пол и выкрикнул предупреждение всем остальным. Внезапно раздался приглушенный взрыв — но намного меньший, чем произвел бы келит, и он был вызван не коричневым кубиком. Несколько визгов толпы — и угроза миновала.

Когда Флинкс снова поднялся на ноги, то понял, что наблюдения Намото опять оказались неточными. Сперва лучемет проявил себя оружием, но не лучеметом. А теперь оказалось, что этот лазутчик сумел-таки пронести в комплекс минимальное количество взрывчатки, но недостаточное, чтобы причинить вред кому-нибудь еще, кроме себя. Если это и в самом деле был

келит, то его было самое малое количество. Но тем не менее оно сделало впечатляющее месиво из живота этого человека. Его внутренности были рассеяны по всему коридору.

Флинкс все еще тяжело дышал, когда Пип снова устроился у него на плече. Двинувшись вперед, он присоединился к Намото в изучении остатков того, что несколько минут назад было живым существом.

С приближением смерти ум существа проявился, мысли его многократно усилились. Флинкс вдруг обнаружил что его голова подверглась нападению вихря образов и слов-изображений, но не это, а то, что он уже видел один из них, потрясло его так сильно, что он споткнулся.

Флинкс почувствовал призрачное рябящее изображение толстого человека, которого он сильно желал увидеть вновь, но оставил надежду когда-нибудь вновь отыскать: Конды Чаллиса. Это видение было смешано с миром-изображением, а изображение-мир имело название Ульру-Уйюрр. За его внимание соперничало много других образов, но неожиданное зрелище Чаллиса в мозгу умирающего лазутчика поглотило их.

Пип почувствовал ярость своего хозяина на этого индивидуума долгие минуты назад, еще в архиве. Затем эта злополучная личность внезапно — несомненно — представила себе того же самого Коммерсанта, в неблагоприятных для Флинкса отношениях. Поэтому Пип прореагировал согласно эмоциональному состоянию Флинкса. А напал бы мини-дракончик на чужака, даже если бы тот не выхватил оружия, Флинксу уже никогда не узнать.

Намото изучал труп. Взрыв был ограниченным, но сильным. Большая часть тела была уничтожена.

Протянув руку вниз, падре нащупал то, что, похоже, было куском свободной кожи. Он потянул — и кожа отстала, открывая под ней вторую эпидерму. Она была сверкающей, в пупырышках и чешуйчатой, столь же нечеловеческой, каким был тот последний крик.

Столь же нечеловеческой, как увиденные Флинксом мысли.

В толпе начал подниматься тихий пораженный ропот, продолжавшийся, когда Намото, опустившись на колени, потянул и сорвал сложную маску, создававшую фальшивую структуру лица. Когда весь череп был выставлен напоказ, Намото поднялся, и его взгляд переместился к образчику поддельной кожи, который он держал в руке.

— Липа, — буднично заметил он.

Выронив обрывок кожи, он вытер руки о подол рясы.

— Взрослый ААнн, — пробормотал кто-то в толпе.

— Здесь?!

— Но зачем? Чего он надеялся достичь, со столь малым количеством взрывчатки?

Кто-то позади толпы привлек внимание, подняв крошечный предмет.

— Кристаллический иглодрот,— объяснил тот.— Вот как он прошел мимо детекторов: никакого лучемета, никакого оружия с разрывными зарядами.

— Наверняка ведь,— обратился кто-то к Намото,— он проделал весь этот путь со всеми этими детально разработанными приготовлениями не просто для того, чтобы убить кого-то из маленького игломета?

— Я тоже этого не думаю,— согласился падре, взглянув на тело.— Та взрывчатка — заряд, предназначенный для того, чтобы убить его в случае разоблачения. Но, наверное, он предназначался также для уничтожения чего-то еще.

— Какого рода чего-то еще? — поинтересовалось то же лицо.

— Не знаю. Но нам предстоит проанализировать этот труп прежде чем мы отделаемся от него,— снова опустившись на колени, Намото медленно ощупал прожженное мясо.— Что касается этого, он был хорошо вооружен, его внутренности полны размельченного кристалла. Должно быть носил при себе несколько дюжин иглодротов.

Флинкс дернулся при этом наблюдении, начал было что-то говорить, а затем раздумал и скрыл начало фразы зевком. Он ничего не мог доказать, и в любом случае, это было безумное предположение. Кроме того, если каким-то чудом он окажется хотя бы наполовину прав, то наверняка будет с год допрашиваться Церковными следователями. И тогда он может вообще не найти Конду Чаллиса. Еще хуже, к тому времени бездушный коммерсант может уничтожить украденные им недостающие сведения. Эту оставшуюся часть в головоломке жизни Флинкса.

Поэтому он не мог позволить себе рискнуть высказать ребяческое мнение по поводу того, чем могут быть эти осколки.

В коридор вступил целый отряд служителей в мундирах. Некоторые принялись рассеивать все еще гудящую толпу, в то время как другие приступили к интенсивному изучению трупа.

Один маленький, очень темнокожий человек небрежно взглянул на органические остатки, а затем быстро подошел и встал перед падре.

— Здравствуйте, Намото.

— Сэр,— признал падре, с таким большим почтением в голосе, что Флинкса вытянуло из его собственных личных

мыслей любопытство к новоприбывшему.— Он был хорошо замаскирован.

— ААнн,— заметил невысокий пучок психической энергии.— Они набрались сверхъестественной смелости, раз пытаются просунуть одного из своих сюда. Хотел бы я знать, какая у него была цель?

У Флинкса имелась одна мысль, но она составляла часть информации, которую он предпочел бы не открывать. Пусть эти блестящие церковники догадаются сами. После того как он отберет у Чаллиса потерянную часть самого себя, он сообщит им свои догадки. Не раньше.

Пока новоприбывший разговаривал с Намото, Флинкс вернул свое внимание к рою специалистов, изучавших труп. Он не впервые встречал рептилеподобных ААннов, хотя и впервые во плоти.

Между Содружеством челанксов и обширной звездной империей ААннов существовало непрочное перемирие. Но это не мешало рептилиям нащупывать при каждом удобном случае слабые места в человеко-транксийском союзе.

— Кто разоблачил его маскировку?

— Я, сэр,— проинформировал его Флинкс,— или скорее, мой приятель, Пип.

Он нежно погладил гладкую треугольную голову, и глаза мини-дракончика зажмурились от удовольствия.

— Откуда,— указующе спросил Намото,— змей узнал?

Он повернулся к своему начальнику и добавил для пояснения:

— Мы в то время находились в отделе генеалогии, сэр. На полпути через комплекс.

Ответ Флинкса шел по тонкой линии между правдой и увиливанием от нее. Однако то, о чем он умалчивал, было важнее того, что он сказал.

— Минидракончик может чувствовать опасность, сэр,— гладко объяснил он.— Пип — эмпатический телепат, и мы живем вместе достаточно долго, чтобы развить особую связь. Он, очевидно, почувствовал, что ААнн представлял угрозу, хотя и отдаленную, для меня и прореагировал соответственно.

— Очевидно,— уклончиво пробормотал себе под нос коротышка. Он повернулся лицом к молодой транксийке.— Каким образом попали в это вы, падре-элект?

Она перестала чистить антенны и вытянулась почти по стойке смирно.

— Я находилась на дежурстве у лифта, сэр. Я думала, что он — человек. Он подошел ко мне и сказал, что должен спуститься на Командный уровень.

«Спуститься на», — в мозгу Флинкса начал вырисовываться некий неясный образ.

— Я поинтересовалась, почему он просто не воспользовался своим пропуском в лифт. По идее, никому без пропуска не позволили бы и добраться до сюда. У него он имелся, и он показал его мне. Он настаивал, что либо тот не срабатывал, либо приемник лифта был не в порядке.

Она опустила глаза.

— Я полагаю, мне следовало бы тогда что-то почувствовать, но я не почувствовала.

— Откуда вы могли знать? — утешающе сказал Намото. — Как вы сказали, он же добрался досюда. Однако его личина была недостаточно хороша, чтобы одурачить компьютер безопасности лифта.

— Так или иначе, — продолжала она, — я попробовала свой собственный пропуск на лифте № 1, и тот отреагировал превосходно. Затем я попробовала его пропуск, и компьютер даже не включил надписи «Признан». Поэтому он попросил меня вызвать ему лифт. Я сказала, что лучше будет сперва проверить его пропуск на неисправность. Он сказал, что у него нет времени, но я заупрямилась. Вот тогда-то он и вытащил оружие и велел мне вызвать ему лифт, или же он убьет меня.

Флинкс заметил, что она все еще нетвердо стояла, несмотря на поддержку четырех конечностей.

— Затем прибыли эти два господина, как раз когда я собиралась вызвать лифт. — Она показала на Флинкса и Намото.

— Разве вы не могли включить тревогу? — грубовато поинтересовался коротышка.

Она сделала истрюками сложный транксийский жест беспомощности:

— Когда он вытащил оружие, я была далеко от кнопки бесшумной тревоги на столе, сэр. Я не могла придумать причины вернуться к нему... и я была напугана, сэр. Я сожалею. Это случилось так неожиданно... — она снова задрожала. — У меня не было никаких причин подозревать, что он ААнн.

— Он выглядел человеком и для всех остальных, — утешающе сказал Флинкс. Сердцеобразная голова благодарно посмотрела на него. Хотя это лицо было неспособно улыбаться, она шелкнула ему жвалами, говоря «спасибо».

— Всякий опыт, который не заканчивается смертью, ценен, — авторитетно изрек коротышка. На этом, похоже, ее участие, с его точки зрения, заканчивалось. Его внимание снова направилось к людям, работающим с телом.

— Очистите коридор и доложите мне, как только будет завершен предварительный анализ,— резко скомандовал он. Движения его, заметил Флинкс, были быстрыми, резкими, словно он двигался так же, как и думал, стремительней, чем обычный человек. Одно из этих движений заставило Флинкса застыть под пронизательным взглядом.

— Интересный у тебя приятель, сынок. Эмпатический телепат, говоришь?

— С планеты, называемой Аласпин, сэр,— любезно снабдил его информацией Флинкс.

Коротышка кивнул:

— Я знаю о них, но никак не ожидал увидеть хотя бы одного. И уж, разумеется, не прирученного. Он чувствует опасность для тебя, хм-м-м.

Флинкс слегка улыбнулся:

— Из него получается очень хороший телохранитель.

— Смею надеяться,— Он протянул руку, слишком большую для его тела.— Я — Младший Советник Джошуа Джив.

Теперь Флинкс понял причину того почтения, что оказывалось этому человеку. Он медленно пожал ему руку.

— Никак не ожидал встретить кого-нибудь, столь высоко стоящего в Церковной иерархии, сэр.— Хотя и не добавил, что в лице Брана Цзе-Мэллори и Трузензюэкса, охотившихся с ним за тар-айимским Крангом, он встречал носивших одно время и еще более высокое звание.

— Я возглавляю службу безопасности Корпуса,— снова резкий поворот головы, вместо нормального, лицом к Намото.

— Что вы знаете об этом юноше?

— Он прошел долгий путь в поисках своих природных родителей. Я делал все, что в моих силах, чтобы помочь ему обнаружить их следы.

— Ясно.— Джив снова круто обернулся к Флинксу.— Вам, несомненно, не терпится уйти.

— Я здесь сделал все, что мог,— признался Флинкс. Джив мог оказаться человеком, задающим неудобные вопросы, которых всегда страшился Флинкс.

Младший Советник напоминал ему каниша, небольшого, сверхактивного, мелкого хищника, обитавшего в холодных лесах Мотылька. Это был быстрый, востроглазый убийца, чьи движения было также трудно засечь, как приглушенное ругательство в толпе, и являлся угрозой существам, во много раз превосходящим его размерами.

Как и этот Джив, подозревал Флинкс. Этот человек слишком уж заинтересовался Пипом и отношениями мини-дракончика с

Флинксом. Было, однако, трудно сосредоточиться на Дживе, когда в голове Флинкса все еще бушевал шторм от знания, что Конда Чаллис появился в мыслях умирающего ААнна. Какое имел отношение ящер к человеку-коммерсанту?

— С вами все в порядке, Флинкс? — озабоченно поглядел на него Намото.— Вы выглядите ошеломленным.

— Так оно и было. Я мысленно переносился домой... куда должны бы отправить мое тело.

— И куда же это? — заинтересованно осведомился Джив. Черт бы побрал этого субъекта!

— На Центральную торговую планету под названием Мотылек, в город Драллар.

На лице Советника появилось задумчивое выражение.

— Я знаю этот мир. Интересная, слабонаселенная планета, с долгой историей поселения. Очень независимо настроенный народ. Местное правительство, если я не ошибаюсь, демократическая монархия.

Флинкс кивнул.

— Я думаю, точнее было бы сказать безразличная монархия,— рискнул заметить Намото.

Советник улыбнулся:

— С точки зрения местных это одно и то же.

Он даже улыбается как каниш, заметил про себя Флинкс.

— И ты говоришь, сынок, что можешь иногда ощущать его мысли, а он — твой?

— Чувства, а не мысли, сэр,— поспешно поправил Флинкс.

Советник, казалось, с миг обдумывал, прежде чем спросить:

— Я хотел бы знать, не мог бы ты уделить мне минуту-другую? Мы не задержим очень надолго твой отъезд. Если ты только отправишься с нами вниз...

— Сэр...— хотел было перебить Намото, но Советник отмахнулся от его возражения.

— Это не имеет значения. Юноша наблюдателен, и он уже более чем достаточно услышал о том, что есть уровни и ниже видимого на поверхности Корпуса. Я думаю, он достаточно зрел, чтобы знать, когда надо держать язык за зубами и о чем не нужно свободно болтать.

Он пристально посмотрел на Флинкса:

— Не так ли, сынок?

Флинкс энергично кивнул, и Советник вознаградил его еще одной плотоядной улыбкой.

— Хорошо... мне нравится свободный дух. Так вот, у нас имеется одна небольшая проблема, которую мы были не в состоянии разрешить. Возможно, ты сумеешь подойти к ней

иначе, чем все остальные. Все, о чем я прошу тебя — это сделать для нас усилие. После, безотносительно к результатам, мы посадим тебя в атмосферный челнок, и можешь бесплатно отправляться куда угодно на Земле. Что скажешь?

Поскольку он не очень-то мог отказаться от этого предложения, не сделав Советника вдвое подозрительнее к своим странным способностям чем тот уже был, Флинкс весело улыбнулся и ответил с чудной имитацией невинного энтузиазма:

— Я, конечно, буду счастлив сделать все, что могу!

— Я думал, что ты так и скажешь. Я на это надеялся. Падре Намото, вы вполне можете присоединиться к нам, это может оказаться поучительным. Ваши обычные обязанности может временно исполнять кто-нибудь другой. — Он показал на труп рептилий. — Служба безопасности еще довольно долго будет разбираться с этим месивом.

Затем он повернулся лицом к молодой транксийке:

— Падре-элект Силзензюзекс, вы собирались вызвать лифт. Сделайте это теперь.

— Да, сэр.

Она, похоже, полностью отошла от шока своего почти похищения. Ответив на просьбу Советника отданием чести иструкой и левой антенной, она подошла к ближайшей двери лифта и вставила в щель справа от него сложную трехзубчатую карточку.

Вслед за хитрым толчком с поворотом карточки, щель немедленно вспыхнула мягким зеленым светом. Соответствующее сигнальное устройство мигнуло над дверью и три раза библикнуло. Бесшумно скользя в сторону, дверь открыла кабину лифта удивительных размеров.

Флинкс вошел вслед за падре-элект. Что-то... что-то в ней ворошило знакомые воспоминания. Мысль эта растаяла, когда его внимание захватил ряд цифр на доске прямо за дверью.

В нисходящем порядке цифры на панели гласили: 2-1-0-1-2-3 и так далее вплоть до двенадцатого. Двенадцать этажей ниже уровня земли и только три выше. Он мысленно улыбнулся, вспоминая. Теперь он был уверен, что его таксист был чем-то большим, чем просто разговорчивым стариканом. Но он не солгал Флинксу, он просто описал Корпус таким, каким он был снаружи, не потрудившись упомянуть то, чего нельзя было увидеть.

Транксийка вставила карточку в щель под панелью с цифрами. Флинкс увидел, что там не было никаких кнопок или других приборов управления. Кто-нибудь без карточки мог силой

открыть дверь в лифт, но без этой хитрой штучки треугольной формы его нельзя было активировать.

Она чуть склонила голову в сторону Джива:

— Сэр?

— Седьмой уровень,— указал ей Советник.— Квадрат тридцать три.

— Это госпиталь, не так ли, сэр? Я не очень часто направляюсь в эту сторону.

— Совершенно верно, падре-элект.

Вставив карточку в щель, транксийка сделала ею еще один сложный поворот. На панели вспыхнула цифра семь, а на материале самой карточки появилась длинная серия крошечных цифр. Твердо держа карточку на месте, падре-элект просунула один зубец до цифры 33. Как только этот огонек был накрыт, дверь закрылась.

Флинкс почувствовал, что лифт движется вниз, набирает скорость и смещается в направлениях, за которыми он не мог уследить. Складывая перемены направления с их приблизительно постоянной, плавной скоростью, он быстро решил, что они больше не находились под видимой частью Корпуса.

Когда дверь, наконец, скользнула вбок, Флинкс шагнул в толпу людей и транксов, поражавшую своей плотностью. Здесь в одежде преобладал белый цвет, хотя каждый мундир, ряса или комбинезон были помечены в том или ином месте опознавательным аквамарином.

Джив и Намото показывали дорогу, в то время как Флинкс отстал позади, держась рядом с юной транксийкой. Не дающее ему покоя предположение насчет нее, переросло в уверенность.

Она, однако, заговорила первая, положив изящную иструку на его свободное плечо:

— Мне не представилось случая поблагодарить вас и вашего приятеля за спасение моей жизни. Мне стыдно за свою задержку. Примите эту благодарность сейчас.

Он глубоко вдохнул ее естественный аромат.

— Все благодарности положены Пипу, а не мне,— смущенно промямлил он. — Послушайте, как вас там назвал Советник?

— Падре-элект. Это звание приблизительно.

— Не это,— поправил с любопытством он.— Ваше имя.

— А... Силзензюекс.

— Оно должно расчленяться как Сил, из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс?

— Совершенно верно,— признала она, ничуть не удивившись. Любой человек мог расчленить транксийское имя.— А ваше?

— Флинкс... да, так прозывают. Но у меня есть еще одна причина удостовериться в вашем, выходящая за рамки обмена опознавательными знаками.

Они свернули за поворот в коридоре с пастельными стенами.

— Видите ли, по-моему, я знаю вашего дядю...

ГЛАВА 7

У трансков негнушиеся сочленения, но крайне уверенный шаг. Тем не менее заявление Флинкса заставило его инсектоидную спутницу споткнуться. Многолиновые глаза пораженно уставились на него.

— Моего... что?

Флинкс поколебался, когда они еще раз свернули за угол. Интересно, насколько простирался в ширину этот подземный мир, гадал он. Наверное, на всю площадь острова?

— Я, может быть, неправильно понял произношение,— неуклюже стал оправдываться он.— Но разве вы не в родстве со старым философом Трузензюзексом?

— Повторите еще раз,— настойчиво попросила она. Он так и сделал.

— Вы уверены, что ударение на семейном слогe? — утвердительный кивок.

— Я не уверена, что «дядя» будет подходящим земшарским аналогом, но, да, мы состоим в близком родстве. Я несколько лет не видела Тру, со своего отрочества.

— Вы хорошо его знаете?

— Вообще-то, нет. Он был одним из тех детских богов, понимаете, взрослый, которому поклонялись другие взрослые? Как вам довелось познакомиться с ним?

— Мы не так давно были спутниками в одном путешествии,— объяснил Флинкс

— Он, знаете, был эйнт,— задумчиво продолжала она.— Очень знаменитый, придерживавшийся очень спорных воззрений. Слишком спорных, по мнению многих в Клане. Потом я услышала, что он покинул Церковь...

Предложение быстро умерло.

— В Клане это не обсуждалось. Я практически ничего о нем не слышала с тех пор, как он много лет назад исчез и занялся частными исследованиями совместно с человеческим партнером по стингеру своей юности.

— Браном Цзе-Мэллори,— добавил, вспоминая, Флинкс.

Девушка снова чуть не споткнулась:

— Никогда не знавала человека столь наполненного нектаром неожиданного. Вы странное существо, человек Флинкс.

Когда поднимался вопрос о его странности, это всегда было подходящим моментом сменить тему.

Он показал наверх:

— Так значит, Архивный Корпус над землей немногим больше, чем камуфляж настоящего центра Церкви.

— Я...— она посмотрела вперед, и Флинкс заметил, что Советник не упустил ни единого слова из их разговора, судя по скорости, с которой он ответил.

— Валяйте, скажите ему, падре-элект. Если мы не скажем, он, вероятно, все равно угадает это. Как насчет этого, сынок, ты, часом, не ясновидящий?

— Если бы я был им, я бы не спрашивал, не так ли? — нервно отпарировал Флинкс, пытаясь скрыть свое нарастающее беспокойство из-за наводящих замечаний Советника. Он должен выбраться отсюда. Если он будет все еще здесь, когда слух о его необыкновенном побеге на Ульдоме просочится до уровня Джива, ему могут никогда не позволить уйти. Он станет тем, чего он всегда старался избежать: курьезом, изучаемым вдоль и поперек, словно наколотая бабочка под стеклом.

Но он не мог повернуться и убежать. Ему придется подождать, пока это не закончится.

Теперь, когда ей дали разрешение, Силзензюзекс с энтузиазмом объяснила:

— Наземный Корпус используется полностью, но большая часть сооружения простирается под значительной частью Бали, во многих направлениях. Есть только два входа и выхода. Через архивный центр, сейчас находящийся выше и позади нас, и через подводный челночный порт перед Ломбоком,— ее глаза заблестели.— Это чудесное место. Столь много материала для изучения. Столь многому можно научиться здесь, Флинкс!

Реакция Флинкса пока отнюдь не походила на безграничный энтузиазм. Он подозревал, что Силзензюзекс происходила из довольно изнеженной семьи. Его собственное радостное доверие к почитаемым людям и учреждениям умерло где-то между восьми- и девятилетним возрастом.

Он заметил, как флюоресценция над головой наполняла ее огромные глаза постоянно меняющимися радугами.

— Активное вулканическое горло горы Агунг перехвачено каналом и контролируется. Оно обеспечивает всю энергию,

требующуюся Церковному Комплексу. Весь остров совершенно самообеспечивающийся и замкнутый на себя. Он...

Она оборвала фразу, когда Намото и Джив остановились перед дверью, охраняемой с обеих сторон двумя Церковными Часовыми в аквамариновых мундирах. Их внешняя непринужденность, почувствовал Флинкс, была обманчивой, так же как кажущаяся небрежность, с которой они держали лучеметы.

Произошел обмен надлежащими удостоверениями, и их пропустили в намного меньший коридор. Два добавочных просвечивания еще шестью вооруженными людьми и транксами доставили их, наконец, ко входу в скромную палату. В центре этой комнаты находилась узкая койка. Она была, словно паук в паутине, в сверкающей массе крайне сложной медицинской аппаратуры.

Когда они подошли к койке, Флинкс увидел, что она содержала единственного неподвижного человека. Глаза его были открыты, уставясь в ничто. Косвенное, старательно отцентрированное освещение гарантировало, что его пустым глазам не будет вреда, и крошечное устройство регулярно увлажняло застывшие открытые орбиты. Бодрствующий, но не в мире яви, в сознании, но не осознающий человек плавал нагим, если не считать проводов и трубок, на постели из прозрачного медицинского желатина.

Флинкс попытался разобраться в путанице проводов, кабелей и трубок, которые только-только не переходили в металлическую мумификацию, и решил, что больше всего неподвижный человек напоминал сверхутилизированный энергетический терминал.

Джив взглянул на спящего.

— Это Мордекай Повало, — Он повернулся к Флинксу: — Слышал когда-нибудь о нем?

Флинкс не слышал.

Советник нагнулся над неподвижной фигурой.

— Он уже не одну неделю колеблется между жизнью и смертью. В определенные дни он показывает некоторые слабые признаки улучшения. В другие же дни требуются усилия дюжины врачей, чтобы сохранить ему жизнь. Осталась ли у него какая-то воля к жизни — никто не может сказать. Техники настаивают, что его мозг все еще активен, все еще функционирует. Тело его терпит машины, поддерживающие его работу. Хотя глаза его открыты, мы не можем сказать, регистрируют ли они образы. Одно лишь то, что его визуальные центры продолжают действовать, не значит, что он что-нибудь видит.

Флинкс обнаружил, что его так и тянет к застывшей фигурке.

— Он когда-нибудь выйдет из этой комы?

— По мнению врачей, это не совсем кома. У них нет еще для этого термина. Чем бы это ни было... нет. Они ожидают, что он будет оставаться в таком состоянии, пока его мозг не откажет или его тело не отторгнет, наконец, систему жизнеобеспечения.

— Тогда зачем же,— захотел узнать Флинкс,— сохранять ему жизнь?

На Эвории обитал транкс дизайнер по имени Тинтонурак, прославившийся на весь свет своим блестящим умом — хотя в настоящее время он выглядел счастливым идиотом.

Конечно, его инсектоидное лицо не могло произвести человеческого выражения, но за годы, прошедшие после Слияния, люди научились читать выражения транксов с такой же точностью, с какой их квазисимбиотические насекомые-помощники научились интерпретировать человеческие.

Никакой человек или транкс не заметил в данный момент его выражения, выражения, чуждого лицу самого прославленного члена своего Улья.

Глава своего Клана, он был гордостью своих дядей и теток, своей улье-матки и своих настоящих родителей. Особая магическая сила Тинтонурака заключалась в способности превращать в реальность концепции и замыслы других — потому что он был Мастером-фабрикатором, или прецизионным инженером. Его механические создания не только улучшали первоначальные наброски задумавшего их, они были столь же привлекательны на вид, как и в высшей степени функциональны. Среди его поклонников бушевали споры относительно того, не правильнее ли считать их кумира скульптором, чем инженером.

Среди его многочисленных произведений числились: устройство, аккуратно устранявшее сильную человеческую болезнь, многосложная энергетическая система для гидроэлектростанций, преобладающих на транксийских планетах, и улучшение системы управления огнем для иногда неточной и все же неотразимой системы оружия СККАМ, которая была главной опорой соединенного челанксийского мироблюстительного флота. Были еще и другие, более экзотерические, чем можно было поверить, которые только его магия могла преобразить в действующие устройства.

Но ни одно из его изобретений не было причиной его легкомысленно-довольного выражения лица в этот восьмой месяц Хвостового конца Сезона Высокой Пыльцы на Эвории. Источником его удовольствия был сверкающий предмет, который он держал сокрытым в ящике рабочего стола. Теперь он устоялся на него, упиваясь его посланием и блеском, сидя за работой в лаборатории с шестью помощниками, занимающимися вокруг него делами. Все они были сами по себе уважаемыми учеными и инженерами. Из этой группы четверо были транксами, а двое — людьми. Это было мерой восхищения; вызываемого Тинтонураком, что такие люди добровольно вызвались служить ему помощниками, когда они легко могли бы получить собственные лаборатории и сотрудников.

Жвалы дизайнта задвигались в транксийском смехе, когда он хохотнул при новой мысли. Какая любопытная вещь пришла ему в голову! Что будет, если соединить два жидких металла в колбах его левой иструки с катализатором-растворителем, запертом в контейнере на другой стороне помещения.

Действуя словно в полусне, Тинтонурак подошел к шкафчику и достал растворитель. Вернувшись обратно в кресло, он открыл, что удовольствие стало глубже и тоньше, когда он предпринял этот курс действий.

Дриденвопа работал вместе с человеком Кэссиди, но не настолько интенсивно, чтобы не заметить действий дизайнта. Отвлеченный, он оставил свою работу и уставился, глядя, как Тинтонурак вылил сиропное содержимое одной колбы в другую. Похожие на составленные из драгоценных камней глаза неуверенно сверкнули, когда содержимое переполнившейся колбы выплеснуло новую смесь на стол, а затем на пол. Дизайнт производил свои физические манипуляции столь же чисто, как и мысленные, и это было непохоже на него. Равно как и маска чистого, бездумного восторга на его лице. Дриденвопа сделал было замечание, но затем сдержался. Дизайнт наверняка знал, что делал. Эта успокаивающая мысль отправила его обратно к собственной задаче, пока и он, и Кэссиди, не заметили, что дизайнт переложил контейнер с яркой этикеткой из стопоруки в иструку.

— Разве это не...? — начал было человек Кэссиди на символечи, универсальном галактическом диалекте, когда дизайнт открыл контейнер. Вместо того чтобы закончить вопрос, он издал странный нечеловеческий вой и попытался преодолеть метры разделяющих столов и оборудования, прежде чем случится неизбежное. Но он оказался не в состоянии добраться туда вовремя, чтобы помешать небольшой порции

безвредной жидкости из контейнера попасть в колбу безвредной смеси жидких металлов. Вместе эти безвредные вещества создали быстро растущий шар, настолько горячий и интенсивно излучающий, что заставлял белый фосфор казаться арктически холодным.

Несмотря на увеличившийся накал, Тинтонурак сосредоточился на приятной красоте внутри предмета...

Всегда эффективная пожарная команда местного транксийского муниципалитета прибыла со своей обычной быстротой. Все, что они увидели — лишь опаленный участок между двумя зданиями. Невероятный жар испепелил металлические стены лаборатории. Ее органические обитатели погибли.

Следователи решили, что кто-то совершил необычную, но все же возможную ошибку. Даже самый блестящий ученый мог совершить роковую оплошность, даже транкс мог смертельно ошибиться, загипнотизированный великолепием, которое следователи могли бы понять, не будь оно кремировано вместе с остальным содержимым лаборатории, как и было отмечено.

Джив поразмыслил над вопросом Флинкса.

— Потому что он симптоматичен для того, что в последнее время происходило с внушающей беспокойство частотой по всему Содружеству. Большинство отказывается видеть в этом какую-то закономерность, какую-то связь между происшествиями. Очень немногие, среди них и я, не столь уверены, что эти события не взаимосвязаны.

За последние несколько лет важные лица с уникальными талантами проявляли тревожную тенденцию разносить себя в клочья, иногда — заодно с равно уникальной аппаратурой. Взятые индивидуально, эти происшествия затрагивают только жертвы. Взятые коллективно, они представляют собой нечто опасное для великого множества других.

Молчание в палате нарушалось только эффектным гудением системы жизнеобеспечения, жутковатым сопением механического зомби.

— Из дюжины случаев, Повало — единственный, кто не вполне основательно разделался с самим собой. Хотя, при всем том, что составляет разницу, он мог бы с таким же успехом быть мертвецом. От него, безусловно, теперь мало толку для него же самого.

— Вы говорите, что некоторые из вас считают эти самоубийства связанными между собой, — рискнул спросить Флинкс. — Вы обнаружили что-нибудь, объединяющее их?

— Ничего достоверного,— признал Джив.— Вот потому-то нас так мало. Все они, однако, имеют одно общее. Похоже, что ни у кого из жертв не было никакой причины желать покончить с собой. Лично я думаю, что это крайне многозначительно. Но Совет не согласен.

Флинкс не проявил большого интереса. Сейчас настало время отбросить личное любопытство и заняться сматыванием удочек.

— Что вы хотите от меня?

Джив подошел к ближайшему креслу и рухнул в него.

— Повало был богатым, умным, вполне владеющим собой инженером, занимавшимся важными исследованиями. Теперь он растение. Я хочу знать, почему подобный человек... почему многие подобные люди и транксы вдруг находят необходимым убить себя. Да, убить себя... я не могу называть это самоубийством, когда на самом деле считаю, что тут нечто иное.

— Что мне предлагается сделать? — осторожно спросил Флинкс.

— Ты засек того проникшего ААнна, когда никто другой не подозревал о его присутствии.

— Это была просто случайность,— объяснил Флинкс. Он почесал Пипа под челюстью.— Это происходит, только когда Пип возбуждается, когда он воспринимает возможную угрозу мне.— Он показал на Повало.— Ваш пациент едва ли угроза.

— Я ничего не ожидаю,— успокоил его Джив.— Я просто прошу тебя попробовать. После того, как у тебя не получится, я попробую гадалщиков на картах и чайных листьях.

Флинкс безупречно вздохнул.

— Если вы настаиваете...

— Прошу,— мягко напомнил ему Советник,— а не настаиваю.

Семантика, сардонически подумал Флинкс, но послушно повернулся лицом к койке и сосредоточился на занимавшем ее обмякшем теле. Он постарался проникнуть за эти незрячие глаза, больше боясь того, что может что-то найти, чем того, что не найдет.

Почувствовав усилие своего хозяина, Пип рефлекторно сжал ему плечо. Флинкс без большой уверенности надеялся, что Джив не заметит реакции мини-дракончика. Он почему-то не учел того, что самого его беспокойства, когда он сосредоточился на Повало, будет достаточно, чтобы стимулировать Пипа. Тут имелась-таки угроза, даже если только у него самого в голове.

Никакой слабый туман не завлакивал его зрения. В его ушах не звучало никакой отвлекающей ритмичной музыки.

Койка, ее кокон из проводов, сверкающая аппаратура и полупрозрачный раствор желатина — все было ясным для его глаз, как всегда. И все же... В мозгу у него было что-то, виденное им без этих глаз, что-то, чего там не было минуту назад.

Оно было частью существа на койке.

Молодой человек в расцвете юности — идеализированное искажение Мордекая Повало — ухаживал за женщиной сверхъестественной красоты. Они вместе плавали в густых кучевых облаках, насыщенных влажной любовью. Они бок о бок экстатически ныряли в зеленые глубины мелкого океана. Время от времени фигуры слегка изменялись по сложению, расцветке, но тема всегда была той же самой.

Без предупреждения женщина исчезала: уплывала, улетала, убегала, в зависимости от обстановки данного момента. Безнадежно обезумевший от горя мужчина шел к рабочему столу, нажимал кнопку на крошечном пульте, делавшем все снова хорошим.

В великолепии юности Повало еще ухаживал за гибкой грациозной женщиной, вихрясь и кружась около нее в любовных поворотах, когда они плыли среди розовых облаков...

Флинкс разок моргнул и отвел взгляд от койки. Джив внимательно наблюдал за ним.

— Сожалею,— тихо проговорил он.— Я не смог ничего заметить.

Советник еще с минуту пристально смотрел на него, а затем обмяк в кресле. Он, похоже, состарился на десять лет.

— Я получил то, что ожидал. Спасибо за попытку, Флинкс.

— Я могу теперь уйти?

— Хм? О, да, конечно. Падре-элект,— обратился он к Силзензюекс,— вам лучше пойти с нашим юным другом и показать ему выход.

Затем он снова посмотрел на Флинкса.

— Я распоряжусь о бланке с поручительством для путешествия в любое место на Земле. Ты можешь забрать его на выходе.

— Если вы не против, сэр,— заявил Флинкс,— то я хотел бы сделать еще один заход в Архивы. Я думаю, что смогу найти информацию, относящуюся к моим родителям. И я хотел бы просмотреть копию уже полученной мною информации.

Джив недоуменно посмотрел на Намото, и тот напомнил ему:

— Родители этого паренька, помните?

— Да. Естественно, мы с радостью предоставим любую помощь, какую в состоянии оказать. Падре-элект, вы можете

посодействовать нашему другу Флинксу в поисках любой требующейся ему информации. Одно последнее замечание, сынок,— закончил Джив, снова сумев слегка улыбнуться.— Если ты наткнешься еще на каких-нибудь визитеров, пахнущих словно старый пиджак, вместо человека или транкса, пожалуйста, сообщи об этом, прежде чем твой приятель убьет их, а?

— Сообщу, сэр,— согласился, улыбнувшись в ответ, Флинкс. Его облегчение, когда они покинули комнату, было огромным.

— Куда вы хотите отправиться? — спросила Силзензюекс, когда они снова вышли в главный коридор госпиталя.— Обратно в «Генеалогию»?

— Нет... я думаю, что получил оттуда все, что мог. Давайте-ка попробуем ваш отдел Галографии. Мне думается, я смогу обнаружить мир, куда переселились мои родители.

Это была ложь.

— Никаких проблем,— заверила его Силзензюекс, вежливо щелкнув жвалами.

Когда они продолжали идти по коридору, Флинкс размышлял над тем, что он увидел в мозгу Повало. Идеализированное видение его самого, женщина, облака, моря и пологие холмы — все мягкие, простые образы несложного рая.

За исключением пульта. Все было золотистым, красным и зеленым. Он, конечно же, видел не реальность, а всего лишь симуляцию ее, которую коматозный инженер принимал за реальность.

Эти простые цвета. Странные очертания тел. Флинкс видел их раньше.

Как раз перед своей смертью инженер Мордекай Повало имел и играл с Янусским Камнем.

Камень Повало, естественно, привел Флинкса к мыслям о Конде Чаллисе и его собственном кристаллическом театрике. Конда Чаллис присутствовал в мозгу у проникшего ААнна, наряду с неизвестной планетой Ульру-Уйюрр.

Причудливая серия случайных совпадений, которая, несомненно, никуда не вела. Плевать на ААнна и проклятие, лежащее на бедном Мордекае Повало. В мозгу у Флинкса сейчас не было места ни для чего, кроме Чаллиса и изъятой им из Церковных архивов информации.

Вот потому-то он и направлялся в «Галографию». Его родители... они могли очень даже просто умереть прямо здесь, на Земле. Чтобы выяснить наверняка, он должен найти Чаллиса, а коммерсант вполне мог сбежать на незнакомую планету, вроде этого Ульру-Уйюрра, если такой мир и в самом деле

существовал, а не был всего лишь каким-то аспектом неправильно истолкованного Флинксом мышления ААнна.

Ощущение возникло такое, словно они шли много часов, прежде чем снова добрались до ряда лифтов. Силзензюекс снова применила сложную карточку-ключ, и они отправились в путь по пандусу на другой этаж.

Уровень, на котором они, в конечном итоге, вышли, был пустынен и не шел ни в какое сравнение с суетой госпитального сектора. Она провела его мимо дверей с выгравированными на них составными названиями, пока они не вошли в ту, которую искали.

Внешне, «Галография» выглядела дубликатом «Генеалогических Архивов», за одним исключением. Это помещение было меньше и содержало больше кабинок. И к тому же дежурная здесь была намного моложе встреченной им прежде.

— Мне требуется некоторая помощь в розыске неизвестной планеты.

Дежурная гордо вытянулась:

— Нахождение информации ликвидирует неизвестность. Это — естественный строительный блок Церкви, на котором должны основываться все другие исследования. Потому что без доступа к знаниям как же можно узнать об узанном?

— Пожалуйста,— вежливо попросил Флинкс,— не больше двух максимум на речь.

За его спиной жвалы Силзензюекс щелкнули в еле-еле придушенном веселье.

Профессиональная улыбка дежурной застыла.

— Вы можете воспользоваться катушками с каталогом, в трех проходах прямо,— показала она.

Флинкс и Силзензюекс прошли к указанному ряду.

— Мир, который я хочу проверить, называется Ульру-Уйюрр.

— Уйюрр,— отозвалась она на символечи, и это странное слово прозвучало естественней, когда произносилось ее ориентированным на согласные голосом. Флинкс внимательно следил за ней, но она не подала никаких признаков, что когда-нибудь прежде слышала это название.

Он не мог сразу решить, хорошо это или плохо.

— Это символечевое написание? — спросила она после того, как он устроил спектакль с попыткой вчерне прикинуть, как же выглядит это название в письменном виде.

— Лента не говорит наверняка. Могут быть вариации. Давайте, однако, сперва попробуем фонетическое написание.— Дежурная, похоже, слегка заколебалась, гадая, наверное, могла ли быть Церковная лента столь неопределенной. Но вариантное

написание бывало и у намного лучше известных миров, напонила она себе.

Они пошли по проходу между огромных, почти ничем не примечательных стен банков хранилища информации. В этих металлических брустверах, знал Флинкс, хранились триллионы битов информации о каждой известной планете в пределах и за пределами Содружества.

Эти архивы, вероятно, имели приложение, похороненное где-то под ними в истинном лабиринте Комплекса Корпуса, приложение, закрытое для случайного просмотра. По этой причине, если разыскиваемая Флинксом планета случаем имеет какой-то секретный, запретный характер, ее может и не оказаться в здешних катушках.

Он был несколько удивлен, когда они нашли то, что, похоже, было нужным отделением. Силзензюзекс нажала кнопку поблизости, и металлическая стена ответила устным подтверждением.

— Это может быть иной Ульру-Уйюрр,— предупредила она его, изучая ярлыки и мелкую печать, идентифицировавшие футляр катушки. — Но похоже, что нет никаких ссылок на другой мир со схожим названием.

— Давайте попробуем его,— нетерпеливо сказал Флинкс.

Она вставила карточку-ключ в соответствующую щель. Это устройство было намного проще того, которое управляло лифтами на многих уровнях. Они были вознаграждены крошечной катушкой с тонкой, как нить, лентой. Она прищурилась, глядя на нее — правда, это просто интерпретация ее жестов в человеческих понятиях, ведь у транксов нет век.

— Так, вообще-то трудно сказать, но впечатление такое, что эта лента содержит очень мало сведений,— сказала, наконец, она ему.— Иногда, однако, можно найти катушку, которая смотрится так, словно она содержит двести слов, а на самом деле имеет два миллиона. Эту систему могли бы сделать более эффективной.

Флинкс удивился, что кто-то мог назвать такую систему неэффективной. Но, напомнил он себе, даже самых низших членов Церковные иерархи постоянно убеждали находить средства улучшить организацию. Они называли это духовной методологией.

Было занято только несколько кабинок. Они заняли одну в конце ряда, изолированную от других.

Флинкс взял стул, принесенный для людей, в то время как Силзензюзекс сложила на узкой скамейке, сделанной для транксов, и вставила фрагмент запечатанного пластика в порт

считывателя. Затем она, применяя ту же процедуру, что и ранее Намото, активировала видеозэкран. Тот сразу же засветился.

Был показан ожидаемый статистический профиль: Ульру-Уйюрр был примерно на двадцать процентов больше Земли или Ульдома, хотя и имел гравитацию лишь немного сильнее. Его атмосфера была неусложненной, пригодной для дыхания и содержала много воды. На обоих полюсах имелись обширные ледяные шапки. Дальнейшей характеристикой прохладного климата планеты была степень внешнего оледенения. Это был гористый мир, его умеренная зона могла похвастаться неумеренной погодой, и в первую очередь — ее ледяной север.

— Это не совсем ледяной мир, — заметил Флинкс, — но он прохладнее, чем многие пригодные для челанксийского обитания планеты.

Он внимательно изучил обширный список, а затем нахмурился.

— Немного холодная погода не должна бы отводить все челанксийские поселения на благоприятные места в остальном мире, но я не вижу никаких указаний даже на научный наблюдательный пост. На всякой пригодной для обитания планете есть хотя бы такой. Мотылек содержит население приличных размеров, и есть довольно крупные поселения челанксов на куда менее гостеприимных планетах. Я не понимаю, Силзензюекс.

Его спутница разве что не дрожала от воображаемого холода.

— Он называет ее прохладной, пригодной для обитания. Для вас, людей, Флинкс, возможно. Для транксов же это ледяной ад.

— Признаться, она довольно далека от вашего представления об идеале.

Он повернулся обратно к считывателю:

— Там явно есть животная и растительная туземная жизнь, но никаких описаний или подробностей. Я могу представить, как такая местность может ограничить подобное изучение, но она не может сделать его совершенно невозможным, как там, кажется, произошло.

Он становился все более и более озадаченным.

— Там нет никаких значительных залежей тяжелых металлов или радиоактивных веществ.

Короче, хотя люди и могли бы жить на Ульру-Уйюрре, но там попросту не было ничего, что заманило бы их туда. Планета находилась на окраине Содружества, едва-едва в пределах его космических границ, и она была сравнительно далеко от ближайшего заселенного мира. Не очень привлекательное место

для поселения. Но, черт побери, должен же быть там хоть какой-то аванпост!

Тут был конец ленты, за исключением одного едва разборчивого добавления:

«ЖЕЛАЮЩИМ ПРИОБРЕСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ ОБРАТИТЬСЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ 4325 БМК...»

— Я полагаю, вам так же надоело читать статистику, как и мне,— сказала Силзензюекс, ставя крошечную ленту на перемотку. — С точки зрения поиска ваших родителей, этот мир, наверняка, выглядит тупиком. Что вы желаете посмотреть теперь?

Пытаясь сохранить небрежный тон, он сказал:

— Давайте все же закончим сперва с этим.

— Но это означает копаться в подиндексах,— запротестовала она.— Наверняка ведь, вы...

— Давайте удостоверимся в этом,— терпеливо перебил он.

Она издала транксийский звук, указывающий на сдержанное смирение вместе с обертонами веселья, но спорить больше не стала.

После почти часа перекрестных проверок они разыскали «Приложение 4325, Сектор БМК», приобрели необходимый подиндекс, и вынудили почему-то неохотно отвечающую машину воспроизвести требуемую ленту подподзаголовка. Кто-то, подумал Флинкс, пошел на массу хлопот, чтобы скрыть этот конкретный бит информации, не делая этого очевидным.

На этот раз его подозрения подтвердились. Просунув ленту в считыватель и активировав его, они увидели на экране пылающие красные буквы, гласившие:

«УЛЬРУ-УЙЮОРР... МИР, ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ ОБИТАНИЯ... ЭТА ПЛАНЕТА И СИСТЕМА НАХОДЯТСЯ ПОД ЭДИКТОМ...»

Была проставлена дата первого и единственного осмотра планеты, вместе с датой, когда она была помещена под Церковный Эдикт Большим Советом.

Тут был и делу конец, с точки зрения Силзензюекс.

— Вы добрались до стенки Улья. Не могу себе представить, что привело вас к мысли, будто ваши родители могут быть на планете, находящейся под Эдиктом. Это означает, что ничему и никому не разрешается приближаться на челночное расстояние к ее поверхности. Вокруг нее на орбите должна быть по меньшей мере одна автоматическая мироблюстительная станция, запрограммированная перехватывать и останавливать все, что пытается добраться до планеты. Всякий, игнорирующий Эдикт...

ну,— она сделала многозначительную паузу.— Обогнать или перехитрить мироблюстителю нельзя.— Глаза ее блеснули.— Почему вы так на меня смотрите?

— Потому что я отправляюсь туда. На Ульру-Уйюрр,— уточнил он, видя ее недоверчивое выражение.

— Я беру назад свою ранее высказанную оценку,— резко сказала она. — Вы больше, чем странный человек, Флинкс — или ваш мозг сошел с резьбы из-за травматических событий сегодняшнего дня.

— Резьба моего мозга не сорвана и работает гладко, спасибо. Хотите услышать нечто действительно абсурдное?

Она осторожно поглядела на него:

— Не уверена.

— Я думаю, что все эти самоубийства важных людей, которые так беспокоят Джива, имеют какое-то отношение к Янусским камням.

— Янусским, я слышала о них, но как...?

Он очертя голову понесся дальше:

— Я видел порошок, который мог остаться от дезинтегрированного камня на теле лазутчика.

— Я думала, что он остался от уничтоженных кристаллических иглодротов.

— Он мог остаться также от целого кристалла.

— Ну так что?

— Ну так... не знаю что, но у меня просто такое ощущение, что все это как-то связано: камни, самоубийства, эта планета — и ААин.

Она сумрачно посмотрела на него:

— Если у вас насчет этого такое сильное ощущение, тогда почему, ради Улья, вы не сообщили об этом Советнику?

— Потому что... потому что...— мысли его затуманились, наткнувшись на эту всегда присутствующую стену предупреждения.— Я не могу, вот и все. Кроме того, кто же станет выслушивать подобную сумасшедшую историю, когда она исходит,— тут он вдруг улыбнулся,— от сошедшего с резьбы юнца, вроде меня.

— Не думаю, что вы так уж молоды,— отпарировала она, подчеркнуто игнорируя замечание о резьбе.— Тогда зачем говорить кому-то... зачем говорить мне?

— Я... хотел услышать другое мнение, посмотреть, окажется ли моя история, произнесенная вслух, такой же безумной, как и у меня в голове.

Она нервно щелкнула жвалами.

— Ладно. Я думаю, она кажется безумной. Теперь мы можем забыть обо всем этом и перейдем к следующему миру, который выявил ваш розыск?

— Мой розыск не выявил никаких других миров. Он не выявил также и Ульру-Уйюрр.

Она выглядела раздраженной.

— Где же тогда вы нашли название?

— В...— он едва успел поймать себя. Он чуть было не признался, что выудил его из головы умирающего ААнна.— Этого я тоже не могу вам сообщить.

— Как же мне тогда помочь вам, Флинкс, если вы отказываете мне в разрешении на поиск?

— Отправившись со мной.

Она стояла словно парализованная.

— Мне нужен кто-то, имеющий право не считаться с мироблюстителем. Вы — падре-элект службы безопасности. В противном случае вы бы не дежурили на столь ответственном участке в поверхностном коридоре лифта. Вы можете это сделать.— Он с волнением уставился на нее.

— Вам лучше пойти поговорить с Советником Дживом,— медленно проговорила она ему.— Даже предполагая, что я могла бы сделать такое, я никогда бы не подумала бросить вызов Церковному Эдикту.

— Послушайте,— быстро сказал Флинкс.— Член Церкви высокого ранга не станет и думать об этом и будет поддержан, хотя бы только по причинам безопасности. Даже военное судно Содружества не стало бы. Но вы не настолько высоко стоите в иерархии, чтобы возникла тревога, если вы вдруг исчезнете. Я также держу пари, что в вас есть что-то от вашего дяди, а он — самый способный и толковый индивидуум, какого я когда-либо встречал.

Силзензюзекс оглядывалась по сторонам с видом личности, осознавшей вдруг, что находится в запертой комнате с голодным хищником.

— Я ничего этого не слышала,— неистово забормотала она.— Не слышу. Это... это кощунство и... идиотизм.

Не отрывая от него глаз, она начала соскальзывать со скамьи.

— Как это я вообще с вами связалась?

— Не кричите, пожалуйста,— мягко предостерег ее Флинкс.— А что касается вашего вопроса, то если вы минутку подумаете... я спас вам жизнь.

ГЛАВА 8

Она остановилась. Все четыре беговые конечности поднялись под ней в готовности к быстрому спринту к столу дежурной. Слова Флинкса раскатывались у нее в голове.

— Да,— призналась, наконец, она.— Вы спасли мне жизнь. Я на миг забыла.

— Тогда именем Улья, Царицы-матки и Чуда Преображения,— торжественно произнес он.— Я называю теперь этот долг обязательным.

Она попыталась казаться позабавленной, но он видел, что она потрясена.

— Что за странная клятва. Она придумана, чтобы дразнить детей?

Ради усиления эффекта, он повторил ее вновь... На сей раз на верхнетранксийском. Это было трудно, и он запинался на шелканьях и твердых голосовых остановках.

— Так значит, вы ее знаете,— прошептала она, заметно обмякнув, а затем взглянув на спокойно сидящую за отдаленным столом дежурную. Флинкс знал, что единственный крик может привлечь многочисленных вооруженных служителей — и сердитые вопросы. Он ставил все на то, что она не крикнет, что древняя и мощная обязанность жизнью по этой высшей клятве удержит ее.

Она удержала. Силзензюзекс умоляюще поглядела на него:

— Я едва успела повзрослеть, Флинкс. У меня все еще не вскрыты футляры для крыльев, и я только год назад сбросила свой подростковый хитиновый покров. Я никогда не была замужем. Я не хочу умирать, Флинкс, ради вашего необъяснимого помешательства. Я люблю свои исследования и Церковь, и свое потенциальное будущее. Не позорьте меня перед моей семьей и моим Кланом. Не... заставляйте меня это делать.

— Я хотела бы вам помочь... честное слово, хотела бы. Вы явно получили больше, чем положено, несчастья и безразличия. Но, пожалуйста, постарайтесь понять.

— У меня нет времени понимать,— отрезал он, затыкая ей рот прежде, чем она ослабит его решимость. Он должен был попасть на Ульру-Уйюрр, если существовал хотя бы один шанс, что Чаллис находится там.— Если бы я тратил время на понимание, я бы уже умер полдюжины раз. Я призываю вас выплатить мне свой долг по этой клятве.

— Тогда я согласна,— ответила она тусклым голосом.— Я должна. Вы втянули меня в свой кошмар.— И она добавила

что-то, указывающее на безнадежность, смешанную с презрением.

На краткий миг, на секунду он готов был велеть ей исчезнуть, покинуть помещение, убежать. Миг прошел. Он нуждался в ней. Если он отправится прямо к кому-нибудь вроде Джива и скажет ему, что он должен ехать на Ульру-Уйюрр, Советник улыбнется и пожмет плечами. Если же он расскажет ему о своей теории относительно янусских камней, Джив потребует подробности, причины, источник подозрений. Это означало бы рассказать без утайки о своем таланте, чего он просто не мог сделать.

Церковь, при всей своей доброй воле и добрых делах, все-таки была массивной бюрократией. Она поставит свои собственные заботы выше его. «Разумеется,— скажут ему,— мы поможем вам найти ваших настоящих родителей. Но сперва...»

Это «сперва» может продлиться вечность, знал он, или, по крайней мере, до тех пор, пока заскукавший Чалис не уничтожит последнее звено между Флинксом и его предками. И он не был убежден, что ему помогут, даже если он полностью откроется — он не был уверен, что приспособляемость Церкви к текущему моменту простиралась до нарушения ее же собственного Эдикта.

Он отправится на Ульру-Уйюрр, несмотря ни на что, хотя он не мог никому сказать о настоящей причине. Даже молчаливо ожидающей Силзензюекс, уставившейся в пол с выражением живого тупа. Она, однако, наверняка будет полностью восстановлена в правах, когда станет известно, что она сопровождала его по принуждению.

Наверняка...

После того как Силзензюекс запросила и, словно это было само собой разумеющееся, получила свой накопившийся отпуск в несколько земных недель, они отправились атмосферным челноком обратно в Брисбенский челночный порт. Спрашивающей машине она объяснила, что для нее настало время навестить своих родителей на Ульдоме. Во время всего этого Флинкс ни разу не поколебался в своей решимости взять ее с собой. С этим ничего нельзя было поделать. Она отвечала на его вопросы с ледяной вежливостью. По взаимному согласию они не вступали в небрежную светскую беседу.

Они задержались в Брисбене больше чем на неделю, пока Флинкс завершал сложную организацию аренды маленького автопилотируемого корабля с КК-двигателем. Частные суда, способные к межзвездным путешествиям, не были общедоступны.

Малайка был очень щедр, но трехдневная арендная плата истощила оставшийся кредитный счет Флинкса. Его это не волновало, поскольку он и так уже был виновен в похищении личности. После того как пройдут эти три дня, едва ли будет иметь значение, когда корабельный маклер пошлет к нему сборщиков. Он будет беспокоиться об уплате навлеченного на себя астрономического долга в другой раз. Если вообще вернется, напомнил он себе. Церковь прищиплила на Ульру-Уйюрге Эдикт не из-за скукающей извращенности. Была какая-то причина... и всегда был Чаллис.

Силзензюекс понимала в астронавигации меньше его. Если маклер наврал ему насчет самообеспечения маленького корабля, они никогда не попадут на Ульру-Уйюрге, или куда бы то ни было.

Фактически, объяснила она, избранная ею область была археологией. Безопасность была только ее студенческой специальностью. Ее всегда завораживали древние первобытные инсектоидные общества Ульдома. Она мечтала изучать их до конца жизни, как только окончит учебу и вернется домой полным падре — чего никогда уже не случится теперь, с горечью напоминала она ему.

Он игнорировал ее. Он должен был, иначе затрещала бы по швам вся его решимость. Флинкс снова строил догадки о том, почему же внешне безобидную необитаемую планету вроде Ульру-Уйюрге поместили под Эдикт. Сведения, изученные ими в «Галографии», длинные списки холодной статистики, которые привели его в ускоренном порядке к похищению, мошенничеству и долгу, не удосужились уточнить подробности этого мелкого вопроса.

По крайней мере одно беспокойство было быстро снято, когда мощное маленькое судно сделало сверхсветовой прыжок, выведший их из непосредственного диапазона преследования. По показаниям приборов, корабль продолжал полет с максимальной крейсерской скоростью по курсу на данные Флинксом координаты.

Флинкс не был по-настоящему озабочен тем, что он хуже чем снова разорился. В некотором смысле он испытывал почти облегчение. Всю свою жизнь он провел в безденежном состоянии. Внезапное возобновление этого знакомого положения было похоже на смену дорогого костюма на любимые старые поношенные рабочие штаны.

Время, потраченное ими на путешествие, не пропало даром. Флинкс постоянно советовался и запрашивал корабельный компьютер, улучшая свои мизерные знания навигации и

управления кораблем, оставаясь в то же время на почтительном расстоянии от автопилота. Он не стыдился своего невежества. Все корабли с КК-двигателями, по существу, управлялись компьютерами. Звездные расстояния и скорости были слишком большими, чтобы ими могли манипулировать простые органические мозги. Челанксийский экипаж на больших КК-грузовых лайнерах предназначался всего лишь для обслуживания нужд пассажиров и груза, ну и в качестве предосторожности. Он представлял собой гибкую аппаратуру для устранения повреждений, готовую взять на себя управление в случае неисправного функционирования машинного мозга корабля.

Ему здорово повезло, что он так заинтересовался кораблем, потому что Силзензюекс оказалась чем угодно, только не веселой спутницей. Вместо этого она предпочитала оставаться в своей каюте, появлялась только для принятия еды у автоповара. Постепенно, однако, ее привыкшее к подземной жизни терпение начало истощаться, и она проводила все больше и больше времени на псевдороскошном мостике корабля. И все же когда она вообще соизволяла что-нибудь сказать, ее разговор ограничивался односложными замечаниями, свидетельствующими о полнейшей подавленности.

Такая безразличная покорность действительности раздражала натуру Флинкса даже больше, чем ее молчание.

— Я не понимаю, Силзензюекс. Вы похожи на присутствующую на собственных поминках. Я же сказал вам, что подтверждаю, что похитил вас вопреки вашей воле. Ведь наверняка же все должны будут признать вас неповинной во всем, что случится!

— Вы просто не понимаете,— с присвистом прошептала она.— Я не могу так вот солгать. Ни своим начальникам в Церкви, ни своей семье, ни своей уль-матке. И уж, конечно, не своим родителям. Я поехала с вами добровольно.

Ее прелестная головка, сияющая, словно море, в верхнем освещении, безутешно опустилась.

— Вы говорите бессмыслицу,— яростно спорил Флинкс.— У вас не было выбора! Я призвал вас исполнять наследственный долг. Как же может кто-нибудь винить вас за это? А что касается нашей запретной цели, она была целиком моим выбором. Вы не имели никакого голоса в принятии моего решения и высказали массу возражений против него.

Пока он говорил, его заранее приготовленный обед лежал, остывая, поблизости в контейнере. В то же время черные глаза Пипа задумчиво смотрели на обеспокоенного хозяина.

Силзензюекс посмотрела на него через рубку.

— В нас есть еще некоторые вещи, которых люди не понимают,— и отвернулась, словно это были ее последние слова по данной теме.

Очень удобная фраза, яростно подумал Флинкс. Человек ли, транкс ли, не имеет значения, всегда готовы охотно искать прибежища в абсолютах. Почему предположительно разумные существа так боялись разума? Он уставился, неизмеримо подавленный, в передний иллюминатор. Вселенная работала не на эмоциональных принципах. Он никогда не мог понять, как это удавалось людям.

— Будь по-вашему,— пробурчал Флинкс.— Будем придерживаться более непосредственных забот. Расскажите мне о мироблюстительной станции, которая предположительно помещает нам высадиться на эту планету.

Раздался свистящий звук, когда большая порция воздуха была выжата через дыхательные спикеры — транксийский вздох.

— Более вероятно, мироблюстители. Где-то от одного до четырех их должно находиться на синхронизированной орбите вокруг планеты. Я не уверена, потому что под Эдиктом находится так мало миров, что эта тема редко поднимается в дискуссиях. Поэтому, конечно, и нет какой бы то ни было информации о самих этих мирах. Нахождение под Эдиктом, говорят, ситуация, обсуждаемая больше как возможность, чем как факт.

— Я бы предположила,— заключила она, подходя к пульту и праздно глядя на приборы,— что нам просигналят или каким-то образом перехватят и прикажут убираться.

— А что, если мы проигнорируем такое предупреждение?

Она по-транксийски пожала плечами:

— Тогда нам, вероятно, сдуют футляры для крыльев.

Тон Флинкса стал саркастическим.

— А я думал, что Церковь — межвидовый поставщик мягкости и понимания.

— Совершенно верно,— отпарировала она.— И всем доставляет много утешения и уверенности знание, что декреты Церкви соблюдаются.— Ее голос поднялся.— Вы думаете, Церковь может поставить целый мир под Эдикт из-за каприза какого-нибудь Советника?

— Не знаю,— ответил он, ничуть не взволнованный.— Мы, вероятно, получим шанс выяснить...

Без предупреждения, из ниоткуда появилась летающая крепость. В одну минуту они были одни в свободном космосе, заходя на орбиту к четвертой планете ничем не примечательного

солнца, а в следующую — судно с шестью точками, выступающими с его главных осей, сравнялось с ними в скорости и крейсировало рядом с ними. Этот корабль во много раз превосходил размерами их маленькое судно.

— Автоматическая мироблюстительная станция двадцать четыре,— любезно сказал механический голос через громкоговорителя. Трехмерный экран не взял никакого изображения.

— Неопознанному судну класса 16-Р. Именем Церкви и Содружества вы настоящим уведомляете, что планета, к которой вы приближаетесь, находится под Эдиктом. Вам предписывается свернуть со своего нынешнего курса и вновь запустить свой КК-двигатель. Никаким судам не разрешено ни спускать челнок на четвертую планету, ни оставаться поблизости от этого солнца.

— У вас есть тридцать стандартных минут после окончания этого уведомления для перепрограммирования своего навигационного компьютера. Ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не пытайтесь приблизиться на сканирующее расстояние к четвертой планете. Не пытайтесь подойти ближе, чем на пять планетных диаметров. С отказавшимися выполнить вышеупомянутые правила поступят соответственно.

— Вежливый способ сказать, что она разнесет нас на мелкие кусочки,— сухо заметила Силзензюекс.— Теперь мы можем вернуться?

Флинкс не ответил. Он был занят изучением плывущей рядом с ними массы металла. Что она была в высшей степени быстроходной, намного быстрее, чем это маленькое судно, было уже продемонстрировано. Несомненно, даже пока он думал, что делать дальше, на мостик было наведено оружие различной разрушительной силы. Сделать отчаянный рывок к поверхности планеты — тоже самое, что обогнать в беге дьявола на равнинах, граничащих с Гелерийским болотом, там, дома, на Мотыльке.

— Именно поэтому я и взял вас,— сказал он ожидавшей ответа транксийке.— Уж, разумеется, не ради удовольствия от вашего общества.— Флинкс посторонился, открывая активированные приборы.— Вот трехмерный передатчик. Назовите свое имя, опознавательный Церковный номер, код Безопасности — что бы там ни требовалось для получения допуска на высадку.

Она не шевельнулась, ее ноги, казалось, приросли к металлическому полу. — Она не станет меня слушать.

— Попробуйте.

— Я... я не стану этого делать.

— Вы находитесь под присягой жизни, вы поклялись своим Ульем,— напомнил он ей сквозь стиснутые зубы, ненавидя себя все больше с каждым произнесенным словом.

Симметричная головка снова опустилась; снова низкий, подавленный голос: — Хорошо.

Она, волоча ноги, перешла к пультам.

— Я в последний раз говорю вам,— сказала она ему.— Если вы заставите меня это сделать, это будет все равно, что вы изгоните меня из самой Церкви, Флинкс.

— По воле случая у меня больше уверенности в вашей собственной организации, чем, очевидно, имеется у вас. Кроме того, если после полного объяснения обстоятельств они действительно выпрут вас, то я не думаю, что такая организация достойна вас.

— Как вы уверены,— негромко проговорила она, закончив таким резким звуком, что он заставил Флинкса вздрогнуть.

— Действуйте,— приказал он.

Она опробовала вещание, затем забарабанила сверхскоростную серию слов и цифр. Флинкс едва мог узнать их, не говоря уже о том, чтобы увидеть какой-то смысл в постоянном потоке гибридного лепета. Ему пришлось в голову, что она вполне могла давать крепости команду уничтожить их. Эта неприятная мысль миновала, когда ничего не случилось. В конце концов, стремление выжить было у трансков столь же сильным, как и у людей.

Вместо этого он услышал желанную фразу.

— Чрезвычайная временная отмена запрета получена и понята,— произнес механический голос.— Следуйте своим курсом.

Две минуты, пока Флинкс ждал окончательного ответа, тянулись как два года.

Затем:

— Другие станции уведомлены. Можете приступать.

Нельзя было терять время на благодарность. Флинкс бросился к навигационному вводу и устно проинструктировал корабль занять низкую орбиту над умеренной экваториальной зоной, у самого большого континента. Затем детекторные устройства корабля должны были начать поиск любых признаков средств связи на поверхности, всего, что указывало бы на присутствие челанксийского поселения. Любого места, где мог существовать Чаллис.

— А что, если там нет ничего подобного? — спросила Силзензюлекс, бледнея лицом, когда корабль оторвался от

крепости на орбите.— Там же внизу целый мир, больше, чем Ульдом, больше, чем Земля.

— Будет какое-то освоенное место,— заверил он ее. Его убежденный тон изобличал неуверенность у него внутри.

Было. Только не они обнаружили его, оно нашло их.

— Что за корабль... что за корабль...? — затрещали громкоговорители, как только они заняли зависающую орбиту. Запрос пришел на идеальной симворечи, хотя он не мог сказать из чьего горла, человека или транкса.

Флинкс переместился к передатчику.

— Кто вызывает? — спросил он.

— Что за корабль? — потребовал ответа голос.

Это могло продолжаться часами. Он ответил первым.

— Это частное научно-исследовательское судно «Шамоот», по связанному с Церковью делу, с Земли.

Это не было полной ложью. Похищение им Силзензюэкс буквально образовывало дело, связанное с Церковью, и его привела сюда информация из Церковной картотеки.

Последовала долгая пауза, пока невидимые существа на другом конце передачи переваривали это. Наконец: — Координаты челночного порта для вас следующие...

Флинкс зацарапал, записывая информацию. Его хитрость принесла им хотя бы это. После того как они приземлятся... ну, он продолжит импровизацию оттуда. Цифры показывали на место на довольно маленьком плато в горах южного континента. Согласно полученной информации взлетная полоса граничила с огромным озером на уровне 14000 метров.

Потее, ворча на собственную неловкость, Флинкс сумел расположить корабль над указанным местом посадки с минимумом поправок для автопилота. Оттуда начался тряский, разболтанный спуск на поверхность под управлением автоматики челнока.

Силзензюэкс теперь постоянно говорила, по большей части сама с собой.

— Я просто не понимаю,— снова и снова продолжала повторять она.— Там внизу ничего не должно быть. На планете под Эдиктом. Даже Церковного аванпоста. Это просто не имеет ни малейшего смысла.

— Почему же это не имеет смысла? — спросил ее Флинкс, стараясь удержаться в кресле, когда крошечный челнок сражался с перекрестными ветрами.— Почему бы Церкви не иметь дел на планете, от которой она хочет отвадить всех прочих?

— Но только крайняя угроза благу рода челанксийского достаточная причина для помещения планеты под Эдикт,—

возразила она недоверчивым тоном.— Я никогда не слышала ни об одном исключении.

— Естественно,— согласился Флинкс, с уверенностью испытавшего много извращений природы человека и транкса.— Потому что нет доступа ни к какой информации по находящимся под Эдиктом планетам. Ах, как удобно.

Челнок теперь накренился, ныряя между огромных горных склонов, поросших лесом. Более плотная атмосфера здесь намного подняла потолок высоты деревьев, по сравнению с существующим на Мотыльке или Земле. Повсюду виднелись небольшие горные и альпийские озера. А повыше младенцы-ледники осторожно прорезали себе дорогу вниз, даже здесь, поблизости от экватора планеты.

— Начинаем заход на посадку,— уведомил их компьютер челнока. Флинкс уставился вперед и увидел, что плато, упомянутое базирующимся на земле голосом, было намного меньше, чем он надеялся. Это было не настоящее плато, а широкая ледниковая равнина, пропаханная льдом с гор. Одна сторона плато-равнины была заполнена узким озером, сверкавшим, словно вытянутый сапфир.

Когда челнок выправился, они пронеслись мимо крутого водопада высотой по меньшей мере в тысячу метров, падавшего стрелой в каньон, находящийся прямо под ними. Это, решил он, был великолепный мир.

Если бы только челнок посадил их на него в целости.

Его амортизационное кресло задрожало, когда корабль полыхнул тормозными реактивными двигателями. Он различил впереди взлетную полосу, тянувшуюся параллельно глубокому озеру. На противоположном конце над аллювиальным гравием и низким кустарником высывалось крошечное скопление зданий.

По крайней мере, здешняя база — кто бы там на ней ни обитал — была достаточно развитой, чтобы иметь автоматические посадочные захваты. Встроенные в ткань самой взлетной полосы, они зацепляли соответствующие соединения в брюхе челнока. Сильный крен просигнализировал о завершении этого маневра. Затем компьютер взлетной полосы где-то под ними взял управление на себя и привел челнок к плавной безопасной посадке.

Силзензюзекс паялилась в левый боковой иллюминатор, даже когда расстегивала ремни.

— Это бред,— бормотала она, уставясь на приличный комплекс строений поблизости.— Здесь не может быть базы. Тут ничего не должно быть.

— Кое-что из этого ничего,— заметил он, показывая в сторону двигавшихся к ним по полю пары больших машин,— подъезжает поприветствовать нас. Помните теперь,— напомнил он ей, успокаивая нервного Пипа и направляясь к проходному коридору, ведущему к люку,— вы находитесь здесь потому, что я вынудил вас приехать.

— Но не физически,— возразила она.— Я уже сказала вам, что не могу лгать.

— Конская Голова,— пробурчал он, подняв глаза к небу.— Тогда будьте уклончивой. А... делайте, что считаете наилучшим. Мне не более удастся обратить вас в разум, чем вам — убедить меня вступить в вашу Церковь.

Флинкс активировал автоматический шлюз, и тот начал цикл открывания. Если бы атмосфера снаружи, вопреки информации в Галографических архивах, оказалась непригодной для дыхания, шлюз бы не открылся. Когда дверь отъехала в сторону, вытянулся волнистый трап; сенсоры на противоположном конце остановили его, как только он коснулся твердой почвы.

Пип сильно зашевелился, но Флинкс держал своего приятеля твердой рукой. Очевидно, мини-дракончик снова воспринял какую-то угрозу, что было бы естественным, если бы, скажем, тут и в самом деле находилось Церковное поселение. В любом случае они не смогли бы разделаться со всей группой, которая, надо полагать, была вооружена. Потребовалось несколько минут, прежде чем он сумел убедить своего приятеля расслабиться, безотносительно к тому, что произойдет в дальнейшем.

Флинкс глубоко вздохнул и принялся спускаться по трапу. Силзензюекс угрюмо шествовала позади, углубившись в угрюмые размышления. Несмотря на высоту, воздух здесь был плотным и насыщенным кислородом. Это более чем компенсировало немного непривычную гравитацию.

С трех сторон вокруг долины поднимались покрытые снегом скалы. За исключением ледниковой равнины, где они теперь стояли, долина и горные склоны были одеты густым мехом высоких деревьев. Зеленый цвет все еще преобладал, но попадалось и немало растительности желтого оттенка. Их ветки жестко поднимались к небу, чтобы, несомненно, полностью растопыриться к зимним снегопадам.

Температура была превосходная, около 20° С. По крайней мере, таковой она являлась с точки зрения Флинкса. Силзензюекс уже замерзла, а сухой воздух никак не помогал гибкости ее экзоскелетных сочленений.

— Не беспокойтесь,— попытался он приободрить ее, когда машины приблизились,— тут должны быть квартиры, предназначенные для служащих-транксов. Вы скоро сможете согреться.

«И объяснить свою историю местным властям наедине, если пожелаешь»,— мысленно добавил он.

Его слова были прерваны, когда перед ними остановилась первая большая машина. Ожидая, Флинкс по-прежнему плотно сжимал Пипа, держа напряженного мини-дракончика за сочленения крыльев, чтобы предотвратить любой внезапный полет. И все же, несмотря на минуты, уже потраченные им на успокоение своего приятеля, Пип все еще трепыхался. Когда он наконец поприотих, то болезненно туго обвился вокруг плеча Флинкса.

Из машины начали появляться люди. Они не носили ни аквамариновых одежд Церкви, ни алых — Содружества. И к тому же они не походили на зарегистрированных в Содружестве оперативников, а держали наготове лучеметы.

Семеро мужчин и женщин рассыпались полукругом, охватывавшим двух прибывших. Двигались они с не понравившейся Флинксу ловкостью. Когда прибыла вторая машина и начала изрыгать своих пассажиров, несколько членов первой группы, сорвавшись с места, взбежали по трапу и исчезли в челноке.

— Послушайте-ка...— непринужденно начал Флинкс. Один из мужчин в группе угрожающе навел на него лучемет.

— Я не знаю кто ты, но пока — заткнись.

Флинкс охотно подчинился, тогда как Силзензюекс — застывшая теперь не только от холода — стояла позади него и изучала их конвоиров.

Прошло несколько минут, прежде чем пара забравшихся в челнок появилась вновь и крикнула своим товарищам:

— На борту больше никого нет, и нет никакого оружия.

— Хорошо. Вернитесь на свои места.

Флинкс повернулся к приказавшей это коренастой женщине среднего возраста. Она стояла прямо напротив него. У нее было лицо женщины, повидавшей слишком рано слишком многое, и чья юность была временем сторевших надежд и несбывшихся грез. Яркий шрам тянулся ломаной кривой от уголка глаза до уха, а затем вниз по шее, исчезая под высоким воротником. Его мертвенная белизна бросалась в глаза на фоне ее смуглой кожи. Она щеголяла шрамом, словно любимым ожерельем. Он заметил, что ее простая одежда в виде рабочих штанов, сапог и верхней блузы с высоким воротником определенно долго была в употреблении.

Достав карманную рацию, она произнесла:

— Джавитсе говорит, что на борту больше никого нет, и нет никакого оружия.

Из компактного приемника говорившей раздались ответные звуки, слишком тихие и отдаленные, чтобы Флинкс понял их.

— Нет, приборы не показывают также никаких автоматических передатчиков сигналов. Корабль на орбите ответил вновь? — Еще одна пауза.— Похоже, их только двое.

Она отключила рацию, сунула обратно на свой утилитарный пояс и оглядела Флинкса и Силзензюекс:

— Кто-нибудь знает, что вы прилетели сюда?

— Вы ведь не ожидаете же, что я буду облегчать вам работу, не так ли? — отпаривал Флинкс, чтобы как-то отвлечь внимание от Силзензюекс, да и ответить на вопрос.

— Весельчак.— Женщина сделала осмотрительный шаг вперед, подняв лучемер к левому плечу. Пип зашевелился, и она внезапно осознала, что мини-дракончик вовсе не украшение.

— Я бы этого не делал,— мягко сообщил ей Флинкс. Она поглядела на змея.

— Ядовитый?

— Очень.

Она не улыбнулась в ответ.

— Мы, знаете, можем убить и его, и вас обоих.

— Разумеется,— любезно согласился Флинкс,— Но если вы нацелите на меня этот лучемер, то и я, и Пип постараемся вцепиться вам в горло. Если он вас не убьет, то, вероятно, убью я, как бы быстро ни двигалось это кольцо счастливых лиц. В том же маловероятном случае, если у нас ничего не получится, то я буду покойником, а ваш начальник будет чертовски недоволен, потеряв шанс допросить меня. В любом случае вы проигрываете.

К счастью, женщина была не из тех, кто действует, не подумав. Она шагнула назад, все еще держа лучемер направленным на него.

— Большой весельчак,— натянуто заметила она.— Может быть, Мадам позволит мне потолковать с вами, после того как закончит задавать свои вопросы. Остри себе сколько хочешь, у тебя недолгое будущее.

Она сделала резкий жест лучемером:

— Вы оба, в первую машину.

Они прошли между лучемеров. Флинкс напрягся, когда вступил в большой салон, и, к своему разочарованию, увидел, что внутри его ждали двое вооруженных и равно напряженных людей. Значит, шансов броситься к управлению нет. Покорившись судьбе, он влез на место.

Силзензюекс последовала за ним, вынужденная неудобно присесть на голом полу, потому что машина была оборудована сидениями только для людей, не подходящими для ее тела. За ними последовало несколько охранников. К облегчению Флинкса, коренастой женщины среди них не было.

Низкое гудение поднялось до воя, когда машина воспарила на воздушной подушке. Оставаясь в метре над землей, она двинулась к близлежащим зданиям, а вторая машина следовала за ней по пятам. Когда они подъехали ближе, Флинкс увидел, что комплекс построен на опушке леса. В отдалении он еле-еле различил несколько добавочных строений, обнимающих горный склон, возвышаясь среди деревьев.

Машины остановились перед пятиэтажным зданием с острой верхой крышей. Их препроводили внутрь.

— Здания здесь — сплошные углы и наклоны, — заметил Флинкс Силзензюекс, пока они проходили недолгий путь от машины до входа. — Деревья уже показывают, что снегопады здесь зимой, должно быть, ужасные. А это — местный эквивалент тропиков.

— Тропиков, — фыркнула она, сердито щелкая жвалами. — Я уже замерзаю. — Голос ее упал. — Это, вероятно, без разницы, поскольку нас, скорее всего, скоро убьют. Или до вас еще не дошло, что мы наткнулись на какое-то очень крупное незаконное предприятие?

— Такая мысль приходила мне в голову, — непринужденно ответил он.

Поднявшись лифтом на верхний этаж, они вышли в коридор, по которому двигались по разным делам несколько озабоченных мужчин и женщин. Они были не настолько погружены в себя, чтобы не выглядеть пораженными при появлении Флинкса и Силзензюекс.

Группа сделала один поворот налево, продолжила путь почти до самого конца ответвлявшегося коридора, а затем остановилась. Обращаясь в дверной микрофон, коренастая женщина запросила и получила разрешение войти. Она исчезла за дверью, предоставив сильно охраняемой паре подождать и подумать, прежде чем дверь снова ушла в стену.

— Приведите их.

Кто-то дал Флинксу сильного тычка, отправившего его, спотыкаясь, вперед. Силзензюекс ввели в помещение с равной грубостью.

Они стояли в роскошной палате. Панели, слегка тронутые пурпурным цветом, открывали розовую панораму озера и гор,

взлетной полосы и, заметил с тоской Флинкс, их припаркованного челнока. Он казался сейчас очень далеким.

В одном конце помещения плясал маленький водопад, окруженный коврами, которые были больше мехами, чем тканью. В воздухе стоял густой запах духов, забивший его чувства до пресыщения. Дверь позади них бесшумно закрылась.

В помещении находилась еще одна особа.

Она сидела в кресле поблизости от прозрачных панелей и была облачена в легкое платье. Ее длинные белокурые волосы были уложены тройной спиралью, свернутыми тремя прядями, по одной над каждым ухом и последняя на затылке. В данный момент она пила что-то испаряющееся из кружки «Тагану».

Лицо-со-шрамом почтительно обратилась к ней:

— Вот они, Мадам Руденуаман.

— Спасибо, Линда.

Женщина повернулась лицом к ним. Флинкс почувствовал удивление Силзензюзекс.

— Она же едва ли старше, чем ты или я,— прошептала она.

Флинкс ничего не сказал, а лишь бесстрастно ждал и глядел в ответ в эти хризолитовые глаза. Нет, «хризолитовые» неподходящее слово, больше подошло бы «оливиновые». За этими глазами таилась ледяная смертоносность, которую он почувствовал сильнее, чем плавающий запах духов.

— Прежде чем я распорядюсь убить вас,— начала приятным текучим голосом молодая женщина,— я потребую ответы на несколько вопросов. Прошу не забывать, что у вас нет никакой надежды. Единственное, над чем вы имеете какую-то власть, это образ вашей смерти. Она может быть быстрой и действенной, в зависимости от вашей готовности отвечать на мои вопросы, или медленной и утомительной, если вы проявите нежелание. Хотя и не скучной, заверяю вас...

ГЛАВА 9

Флинкс продолжал изучать ее, когда она сделала еще один глоток парящего напитка. Он не мог не заметить, что она была почти прекрасной, хотя на ее лице отсутствовали всякие следы мягкости.

Протянув руку вбок, она взяла трость с искусной резьбой. С ее помощью она сумела подняться и прихрамать к ним, чтобы изучить поближе. При ходьбе она оберегала левую ногу.

— Я — Телин ауз Руденуаман. А вы...?

— Мое имя Флинкс,— с готовностью ответил он, не видя никакой выгоды в том, чтобы гневать эту покалеченную женщину-бомбу.

— Силзензюекс,— добавила его спутница.

Женщина кивнула, повернулась и вернулась обратно, снова опустившись в кресло, приказав им обоим тоже сесть. Флинкс занял кресло, уголком глаза замечая, что женщина со шрамом, именуемая Линдой, со своей позиции у двери следила за каждым движением его и Пипа. Силзензюекс сложилась поблизости на меховом полу.

— Следующий вопрос,— сказала Руденуаман.— Как вы прошли мимо Церковного мироблюстителя?

— Мы...— начал было говорить он, но остановился, когда почувствовал деликатное и все же твердое пожатие своей руки. Посмотрев мимо иструки, он увидел, что Силзензюекс умоляюще смотрит на него.

— Извини, Сил, но у меня антипатия к пыткам. Мы ничего не добьемся, и по крайней мере на данный момент я хотел бы...

Иструка убралась. Он не упустил брошенного ею на него взгляда, полного предельного презрения.

— Такой же благоразумный, как и бойкий,— одобрительно заметила Руденуаман. — Я слышала вас все время с тех пор, как вы приземлились.— Короткое мерцание улыбки исчезло, и она нетерпеливо повторила.— Крепости, как вы прошли мимо них?

Флинкс показал на Силзензюекс.

— Моя подруга,— объяснил он, игнорируя вырвавшийся у нее пустой жваальный смех,— падре-элект, работающая в настоящее время в Церковной службе безопасности. Она уговорила мироблюстителя пропустить нас.

Лицо Руденуаман стало задумчивым.

— Значит, обман был произведен устно? — Флинкс кивнул.— Нам придется посмотреть, нельзя ли что-нибудь предпринять насчет этого.

— Насчет крепости-мироблюстителя? — выпалила Силзензюекс.— Как вы можете модифицировать... фактически, как вы сумели пройти мимо них? Что вы здесь делаете, с этим незаконным предприятием? Это же мир под Эдиктом. Никто, кроме Церкви и высших эшелонов правительства Содружества

не обладает кодами, необходимыми для прохождения мимо мироблюстительной станции; разумеется, никакой частный концерн не обладает такой способностью.

— Этот частный концерн обладает,— улыбнулась женщина.

— И что же это за концерн? — спросил Флинкс. Она обратила к нему свою лишенную юмора улыбку.

— Для человека обреченного вы задаете уйму вопросов. Однако мне не очень часто выпадает случай похвастаться. Это «Нуаман Энтерпрайзис». Слышали когда-нибудь о нем?

— Слышал,— ответил ей Флинкс, думая, что этот поиск родителей заводит ему уйму гнилых деловых контактов.— Он был основан...

— Родственниками моей тетки,— закончила она за него,— а затем еще больше развит моей теткой Рашалейлой, да станет ее душа грязью.— Улыбка ее расширилась.— Но теперь во главе я. Я почувствовала, что на повестку дня встал вопрос о смене кадров на высшем административном посту. К несчастью, когда я в первый раз попыталась заменить ее, я выбрала себе в подручные человека с мускулами, но без мозгов. Нет, это не точно. С мускулами и без верности. Это стоило мне,— и она нахмурилась, вспоминая,— неприятного времени. Но я сумела сбежать из медицинского ада, куда меня упрятала тетка. Моя вторая попытка была лучше спланированной — и успешней. Теперь он, понимаете, «Руденуаман Энтерпрайзис». Я.

— Никакой частный концерн не имеет необходимых средств для обмана Церковного мироблюстителя,— настаивала Силзензюекс.

— Несмотря на ваш допуск службы безопасности, вы, кажется, делаете всякого рода дурацкие представления. Мы не только, признаю, с некоторой помощью, обманули их, но они еще и остаются действующими, чтобы предупреждать или уничтожать любых визитеров, не имеющих нашего допуска. Вы можете понять, почему ваше внезапное появление первоначально вызвало у меня существенное беспокойство. Но больше я не беспокоюсь, поскольку вы оказались столь готовыми сотрудничать, следуя нашим инструкциям о приземлении. Конечно, вы не имели причин ожидать встречи с кем-либо, кроме компании удивленных Церковников.

— Вы не имеете права...— начала Силзензюекс.

— О, пожалуйста,— пробормотала в негодовании Руденуаман.— Линда...

Лицо-со-шрамом покинула свое место у двери. Флинкс крепко держал Пипа, сейчас было не время и не место навязывать решающее столкновение. Пока еще.

Коренастая женщина нанесла внезапный удар ногой, и Флинкс услышал треск хитина. Силзензюэкс издала высокий, пронзительный свист, когда одна стопорука была сломана в главном сочленении. Красновато-зеленая жидкость начала постоянно течь, когда она упала на бок, стаскивая иструками и другой стопорукой поврежденную конечность.

Линда повернулась и возвратилась на свой пост у двери, словно ничего не случилось.

— Вы же знаете, что у нее открытая система кровообращения, — осторожно пробормотал Флинкс. — Она истечет кровью до смерти.

— Истекла бы, — поправила его Руденуаман. — Если бы Линда сломала ей саму ногу, вместо того чтобы просто сломать сочленение. Сочленения у трансов коагулируются. Ее нога исцелится, а моя — нет, после того, как медицинские экспериментаторы моей тетки с ней покончили. — Она постучала тростью по своей собственной левой ноге. Та зазвенела пустотой. — Другие мои части тоже пришлось заменить, но они оставили самую главную вещь, — она показала на свою голову, — нетронутую. Это была последняя ошибка моей тетки.

— У меня есть к вам еще один вопрос. — Она нагнулась вперед и в первый раз с начала допроса стала казаться искренне заинтересованной. — Что вообще, черт возьми, побудило вас явиться сюда, на планету под Эдиктом? И только вас двоих, без оружия?

— Это смешно, — сказал Флинкс, — но... у меня тоже есть вопрос, на который нужно найти ответ.

Видя, что он говорит серьезно, она откинулась в кресле.

— Вы странный индивидуум. Почти такой же странный, как глупый. Что за вопрос?

Он вдруг был подавлен множеством конфликтующих возможностей. Один факт был ясен. Сообщит ли она ему то, что он желал узнать или нет, они с Силзензюэкс умрут. Когда молчание затянулось, даже Силзензюэкс стала достаточно любопытной, чтобы на миг забыть про боль в стопорухе.

— Я не могу вам этого сказать, — ответил наконец он.

Руденуаман подозрительно посмотрела на него.

— А это уже странно. Вы же рассказали мне все остальное. Зачем же колебаться с этим?

— Я мог бы вам рассказать, но вы ни за что не поверите.

— Я временами весьма доверчива, — возразила она. — Испытайте меня, и если я найду это интригующим, то может, в конце концов, и не убью вас. — Эта мысль, казалось, позабавила ее. — Да, скажите мне, и я оставлю вас обоих в

живых. Мы здесь всегда можем применить неквалифицированный труд. И меня окружают не самые умные личности. Я могу сохранить вас ради новизны, для тех случаев, когда я приезжаю сюда.

— Ладно,— решил он, предпочтя принять ее предложение, как самое лучшее, на какое он мог надеяться.— Я прибыл сюда для того, чтобы отыскать правду о своем рождении.

Ее позабавленное выражение лица исчезло.

— Вы правы... я вам не верю. Если вы не сможете представить ничего лучше этого...

Ее перебил звонок, и она раздраженно посмотрела на дверь.— Линда...

Возникло ожидание, пока коренастая женщина отодвинула дверь и неслышно поговорила с кем-то в коридоре. Одновременно что-то почти забытое вдруг завывало в мозгу Флинкса. Этому соответствовал визг, который могли слышать все.

— Чаллис,— крикнула рассерженная Руденуаман,— неужели ты не можешь утихомирить это отродье? Почему ты продолжаешь всюду таскать ее с собой? Мне никогда не...— Она оборвала фразу, переводя взгляд с коммерсанта, стоявшего в полуоткрытых дверях, выпучив глаза, на Флинкса, а затем снова на коммерсанта.

— Ка... чт... ты! — сумел наконец выпалить Конда Чаллис, словно человек, прочищавший горло от застрявшей в дыхательном горле кости.

— Ты знаешь этого человека? — спросила Руденуаман Чаллиса. В ней поднималась страшная ярость, когда постепенно стало ясно, как Флинкс нашел эту планету. Права она была только частично, но именно этой части она могла поверить.

— Вы знаете друг друга! Объяснитесь, Чаллис!

Коммерсант совершенно потерял контроль над собой.

— Он знает о кристаллах,— залепетал он.— Я хотел, чтобы он помог мне в игре с кристаллом, а он...

Коммерсант неумышленно открыл нечто, подозреваемое Флинксом. «Так значит, янусские камни берутся отсюда. Это очень интересно и очень многое объясняет». Он посмотрел на Силзензюекс:

— Совершенно очевидно, Сил, это объясняет, почему кто-то пошел на невероятные расходы и риск огромного штрафа, связанного с игнорированием Церковного Эдикта.

Взорвался миниатюрный, серебряный голосок.

— Ты здоровенный, жирный идиот! — не то провизжал, не то проорал он.

И так уже потрепанный Чаллис опустил взгляд, потрясенно видя всегда угодливую Махнахи, корчащей ему страшные рожи. Флинкс с интересом следил. Коммерсант сделал наконец что-то, достаточно опасное, чтобы заставить ее разбить свою заботливо сохраняемую скорлупу невинности.

Руденуаман поглядела с равным любопытством, хотя ее настоящее внимание и гнев были все еще припасены для Чаллиса. Она почти с жалостью посмотрела на него.

— Ты становишься подверженным глупости, Конда. Я не знаю, зачем явился сюда этот человек, но не думаю, что это связано с камнями. И больше не имеет значения, что ты только что выдал лучше всего хранимую тайну во всем Содружестве, потому что она никогда не покинет этой планеты, и уж, конечно, не с кем-то из этих двоих.— Она показала на Флинкса и Силзензюсекс.

— Но он гонялся за мной, преследовал меня! — горячо возразил Чаллис.— Это должно иметь какое-то отношение к кристаллам!

Руденуаман повернулась к Флинксу: — Вы преследовали Чаллиса? Но почему?

Коммерсант простонал, не сознавая, что дает подтверждение предыдущему ответу Флинкса:

— А, из-за какого-то законченного бреда насчет своих предков!

Он не добавил, к большой тревоге Флинкса, обладал ли он какой-то информацией по этому конкретному помешательству.

— Может быть, я вам и поверю,— осторожно сказала Флинксу Руденуаман.— Если это и предлог, то, разумеется, согласующийся.

Лучше отвлечь ее от темы о нем, решил Флинкс:

— Где добываются камни? Вон в том большом комплексе вверх по горному склону?

— А вы забавны,— уклончиво сказала она.— Да, я могу на время сохранить вам жизнь. Будет разнообразием получить некоторую умственную стимуляцию.

Она обратила строгое лицо к коммерсанту:

— Что же касается тебя, Конда, то ты стал чересчур часто позволять своим личным извращениям мешать бизнесу. Я надеялась...— она пожала плечами.— Чем меньше знающих о камнях, откуда они происходят, тем лучше. Учитывая, что здесь поставлено на карту, я думаю, мне придется найти другого внешнего реализатора.

— Телин, нет,— взмолился Чаллис, мотая головой. Он вдруг оказался разжалованным из крайне богатого, могущественного коммерсанта в испуганного толстого старика.

— И нам придется также что-то сделать с этим скулящим отродьем,— добавила она, обратив ядовитый взгляд к молча следящей Махнахми.— Линда... отведи их к Райлзу. Он может делать с Чаллисом что хочет, лишь бы это было разумно и быстро. В конце концов,— великодушно добавила она,— он какое-то время был нашим партнером. Что же касается этой маленькой ёкулячки, побереги ее для послеобеденного развлечения. Мы должны суметь заставить ее протянуть несколько дней.

— НЕТ!

Флинкс почувствовал себя поднятым в тисках мысленного вопля возмущения. Страшная сила пробороздила помещение, срывая с якоря ковры, мебель и людей и швыряя их прочь от дверей. Вылетело несколько толстых розовых панелей полиплексисплава. Флинкс пытался овладеть своим телом, сумел остановиться у ложа, твердо прикрепленного к полу. Пип беспокойно парил у него над головой, гневно шипя, но не в состоянии сделать больше, чем удержаться в воздухе на месте перед лицом вихря.

С развевающимися волосами, Флинкс загородил лицо рукой и, прищурившись, посмотрел на этот ураган.

Силзензюекс стремительно откатилась в противоположный угол. Охранница Линда лежала поблизости без сознания. Она стояла ближе всех к сильнейшему взрыву. Телин ауз Руденуаман лежала похороненная в массе толстых меховых ковров и сломанных подставок, в то время как объемистая туша Конды Чаллиса обнимала мех, прикрепленный поблизости от двери и цеплялась изо всех сил, когда ветер дергал и рвал его.

— Ты толстый недоумок! — визжал на него источник этого карманного тайфуна, по-детски топая ножкой по полу.— Ты свинячий зад, студенистый болван... Ты взял да испортил все! Почему ты не мог держать свой глупый язык за зубами? Сколько лет я не давала тебе споткнуться о собственный язык, сколько лет я принимала за тебя правильные решения, когда ты, ликуя, считал их своей заслугой! А теперь ты все это выбросил вон, все — вон! — Она плакала, по щекам у нее текли ручьем девчоночьи слезы.

— Деточка моя родная,— выдохнул Чаллис в ветер.— Вытащи нас из этого и...

— Деточка моя родная! — плюнула она в него. — Я и слов-то еще не знаю, чтобы описать, что ты думал со мной проделывать, или что сделал, правда, для тебя это больше не имеет значения. Я не могу больше спасать тебя, папочка Чаллис. — Она обвела помещение пылающим взглядом.

— А вы можете убираться ко всем чертям! Я никого из вас не боюсь. Но мне нужно время, чтобы вырасти в саму себя. Я пока не знаю, что я такое.

Она снова прожгла Чаллиса презрительным взглядом:

— Ты уничтожил мой шанс вырасти богатой и могущественной. Дьявол тебя поberi.

Повернувшись, она исчезла, выбежав в коридор.

— В один прекрасный день, — уколол Флинкса тающий мысленный крик, — я буду достаточно сильной, чтобы даже вернуться за тобой.

Ветер медленно замер, постепенно стихая. Флинкс сумел перекатиться в спадающем бризе и пощупал свои синяки. Он увидел, что Силзензюекс удалось защитить свою сломанную стопорку. Твердый экзоскелет спас ее от дополнительных повреждений, так что хоть она и была ранена первой, но на самом деле оказалась по-настоящему помятой меньше других. За исключением, конечно, Пипа, устроившегося встревоженным, но невредимым на плече Флинкса. Только сила ветра помешала ему убить Махнахми.

Телин ауз Руденуаман была потрясена больше, чем хотела бы признать.

— Линда... Линда! — охранница как раз приходила в сознание. — Подними базу по тревоге, всех. Эту девчонку надо немедленно убить. Она Адепт.

— Да... Мадам, — ответила женщина, еле ворочая языком. Правая щека у нее кровоточила и побледнела, и она болезненно моргнула, когда коснулась левого локтя.

Руденуаман пыталась казаться уверенной.

— Мне наплевать, какие магические фокусы она может выкинуть. Она всего лишь ребенок и не может никуда деться.

Словно в ответ на это, спустя несколько минут до них докатился сквозь выломанные оконные панели глухой грохот. Руденуаман поспешно прохромала к прозрачной стене. Флинкс тоже очутился там, как раз вовремя, чтобы увидеть нечто, чему он, единственный из находящихся в помещении, ничуть не удивился.

Их челночное судно — и все оставшиеся надежды на побег — быстро уменьшалось в небе на конце взлетной полосы, исчезающая точка меж горных вершин.

— Она... она умеет пилотировать челнок,— бормотал про себя ошеломленный Конда Чаллис.

— Тихо, Конда. Всякий может управлять судном, настроенным принимать устные команды. И все же, одна, в ее возрасте...

— Она использовала меня. Она использовала меня,— продолжал Чаллис, позабыв про все вокруг себя. Глаза его остекленели.— Все эти годы я считал ее такой очаровательной, корошенькой, маленькой... а она использовала меня.

Начал сыпаться смех.

— Да заткнись ты! — вынуждена была наконец завизжать Руденуаман. Но коммерсант игнорировал ее, продолжал кататься по полу, истерически хохоча над сыгранной ею с ним чудесной, замечательной шуткой. Он все еще хохотал, хотя и более неровно, когда прибыли двое охранников, чтобы препроводить его.

Флинкс завидовал ему. Он-то теперь никогда не почувствует луча лазера, когда его казнят. Потряси достаточно сильно мир человека — развалится человек, а не мир. Сперва неожиданное появление Флинкса здесь, а потом Махнахми. Нет, даже вся королевская конница и вся королевская рать не смогли бы собрать Конду Чаллиса.

Руденуаман следила, пока дверь не закрылась, а затем рухнула, опустошенная, на пострадавшее ложе, одно из немногих, оставшихся не уничтоженными неконтролируемым инфантильным насилием Махнахми. Она поспорила с собой, затем сказала:

— Это надо сделать. Вызови Райлза.

— Да, Мадам,— ответила Линда.

Забывшие на время Флинкс и Силзензюэкс отдыхали и как могли лечили друг другу раны. В скором времени в помещение вошел высокий мускулистый человек.

— Меня уведомили,— резко бросил он.— Как это могло произойти, Руденуаман?

Пип рыпнулся, и Флинкс наложил на своего приятеля плотный сдерживающий захват. Его собственные чувства трепетали. Нечто, почувствованное им с той минуты, как они покинули челнок, в присутствии этого новоприбывшего резко усилилось.

— Этого нельзя было предотвратить,— ответила ему на удивление кротким тоном Руденуаман.— Девчонка явно психоничка неизвестного потенциала. Она одурачила даже собственного отца.

— Нетрудная задача, судя по тому, что мне говорили о поведении Чаллиса. Он будет для нас полезнее мертвым,— сказала высокая фигура, разворачиваясь лицом к Флинксу и Силзензюекс.— Это те двое пленников, проникших сквозь защиту?

— Да.

— Присмотрите за тем, чтобы они тоже не сбежали, если сможете,— рявкнула фигура.— Хотя, если девчонка сбежит и расскажет, что знает об этом месте, не будет иметь значения, что сделано с этими двумя. Весь этот обман начинает меня утомлять...— и тут он поднял руку, схватил себя за подбородок и стащил свое лицо.

Со стороны Силзензюекс раздалось невнятное шелканье, когда раздраженный нечеловек повернулся, чтобы выйти из помещения. Флинкс тоже был потрясен. Теперь он знал, что тревожило его и Пипа с тех пор, как они приземлились на этой планете. Дело было не просто в том, что этот человек оказался ААнном, ибо такую возможность он всегда подозревал, с тех пор как выудил еще на Земле образ Конды Чаллиса и Ульру-Уйюрра из мозга рептильного лазутчика.

Дело было в том, что он знал этого конкретного ААнна.

Но барон Рииди ВВ никогда в глаза не видел Флинкса, который ни разу не попал в пределы диапазона трехмерной камеры, когда барон преследовал его и других, находившихся на борту корабля Максима Малайки, столь много месяцев назад. Флинкс, однако, чересчур много насмотрелся на это ледяное, полное предельного самообладания лицо, услышал слишком много угроз, произнесенных этим гладким голосом.

Рииди ВВ обернулся в дверях и на мгновение Флинкс испугался, что ААннский аристократ все-таки узнал его. Но он остановился только для того, чтобы снова заговорить с Руденуаман.

— Вам лучше всего надеяться, что девчонка не сбежит, Телин.

Хотя коммерсантка и не производила больше впечатления всемогущества, она отнюдь не перетрусила.

— Не угрожайте мне, барон. У меня есть свои собственные средства. Я могу причинить вам много затруднений, если внезапно исчезну.

— Моя дорогая Руденуаман,— возразил он,— я не угрожал вам. Я не стал бы... вы были слишком ценны для нас: и вы, и ваша тетка до вас. Я бы не желал иметь никакого другого человека, ведающего этими отношениями со стороны Содружества. Но если девчонка уйдет, то, клянусь песком-что-оберега-

ет-жизнь, всю эту операцию придется прикрыть. Если последующая экспедиция Церкви откроет эту базу и выяснит, что она частично финансируется и управляется имперской расой, то это может послужить поводом к войне. Хотя Империя и не боится, она предпочитает не связываться именно сейчас во враждебные действия. Мы будем вынуждены уничтожить рудник и стереть все следы этого предприятия.

— Но ведь для замены всего этого потребуются многие годы,— указала она.

— По меньшей мере, несколько лет,— согласился барон.— И это только оптимистическая оценка. Что, если Церковь предпочтет патрулировать эту систему крепостями с экипажами, вместо легковых автоматов? Мы можем вообще никогда не вернуться.

— Я была права,— провозгласила с удовлетворением Силзензюекс.— Никакой частный концерн не имеет-таки достаточных средств, чтобы обойти Церковную мироблюстительную станцию. Это может суметь только другое космическое правительство, вроде Империи.

Барон отдал ей честь на ААннский манер, намекавшую, что она только что одержала пиррову победу.

— Именно так, юная леди. И равным образом Империя не озабочена тем, как могла бы частная корпорация находиться здесь, ведь ваша Церковь поместила этот мир под Эдикт. Нас заботит лишь то, что он находится на территории Содружества. Опасность нашего обнаружения заключается в дипломатических последствиях, а не в каком-то воображаемом дьяволе, помещаемом здесь кем-то в вашей иерархии.

— Неужели вы не нашли на этой планете ничего, оправдывающего ее карантин? — спросил Флинкс с любопытством, пересилившим его осторожность.

— Ничего, мой юный друг,— ответил высокий ААнн.— Она сырая и холодная, но в остальном предельно гостеприимная.

Флинкс внимательно посмотрел на барона, пытаясь проникнуть в этот расчетливый мозг, но безуспешно. Его непостоянный талант отказывался содействовать.

— Вы идете на риск межзвездной войны просто ради того, чтобы нажить несколько кредитов?

— А что плохого в деньгах? Империя процветает благодаря им, также как и ваше Содружество. Кто знает,— улыбнулся барон,— возможно, и моя рука в этом деле скрыта от моего собственного правительства. Что аркази не видит в песке, не кусает его, виа-на-р? А теперь вы должны извинить меня, так как у нас есть сбежавшая девчонка, которой требуется дать нагоняй.

И он исчез за дверью. У Флинкса были дюжины вопросов, которые он мог бы бросить ААннскому аристократу. Однако, хотя барон не подал никаких признаков узнавания, когда отвечал на единственный вопрос, оставалась опасность, что в затянувшемся разговоре Флинкс мог допустить какую-то необдуманную оговорку, указывавшую на их знакомство. Если бы ААни когда-нибудь заподозрил, что Флинкс был среди тех, кто обманом лишил его и Империю Кранга несколько месяцев тому назад, он подверг бы юношу вивисекции с бесконечной медлительностью. Лучше не рисковать.

Они оставались там, ожидая, пока Телин вновь успокоится, оправившись от тяжелого испытания с побегом Махнахми и от травмирующего столкновения с разгневанным бароном. Флинкс смотрел из разбитого окна, как в отдалении скрытый лифт поднял два крупных военных челнока из-под земли под взлетной полосой. Единственная машина, несомненно, содержащая Рииди ВВ, проехала вдоль одного из челноков, и несколько фигур поспешно поднялись из нее на поджидающие корабли.

Как только машина убралась с дороги, два челнока ушли в небеса, где они, вероятно, встретятся, по меньшей мере, с одним ААннским военным судном. Махнахми получила хорошую фору, но Флинкс знал, что его взятое напрокат суденышко никогда не сможет обогнать даже маленький военный корабль. Однако мозг у девочки был все равно что неуправляемый реактор: невозможно предсказать, на что она окажется способна при достаточном стрессе. Барону, решил он, лучше побережься.

Отвернувшись от окна, Флинкс заговорил с Силзензюекс на пониженных тонах. Оба попытались вычислить причины присутствия здесь ААннов. Она не больше, чем он, поверила в небрежное отрицание барона, уверявшего, будто он находился на этой планете всего лишь ради прибыли. ААнны были главными врагами Содружества с самого его возникновения и никогда не переставали искать, осторожно и все же неустанно, какой-нибудь новый способ поторопить его разрушение и ускорить то, что они считали своей судьбой: править космосом и его «меньшими» расами.

Должна была существовать более глубокая причина, связанная с этими уникальными янусскими камнями, хотя ни он, ни она не могли придумать никакой жизнеспособной теории.

На Тарке IV жила женщина по имени Амасар, широко прославленная своей мудростью. В данный момент, однако, она находилась в пьяном экстазе, упиваясь красотой находящегося в ее руке предмета.

Обожаемая своими избирателями и уважаемая противниками, она два десятилетия была постоянным представителем в Совете Содружества от Северного Полушария Тарке IV. Ее ум никогда не знал покоя в поисках решения проблем или ответов на вопросы, и она работала в часы, смущавшие коллег и помощников наполовину моложе ее. В текущее время она занимала пост младшего Советника во главе Теории Дипломатии самого Совета. Она находилась в положении, дающем возможность оказать сильное влияние на направление внешней политики Содружества. Ей следовало бы изучить копию предстоящей повестки дня, но вместо этого ее ум был занят великопением, находящимся в предмете у нее на ладони. Кроме того, по большинству вопросов, выносимых на голосование, решение у нее было уже принято. Ее мнение, как уважаемого советника, будет иметь мощное влияние. «Да» по этому вопросу, «нет» — по тому, склонна так-то и так-то по этому предложению, не отступать в этом деле, не уступать по этому особому пункту — список был длинный.

Сфокусировавшаяся мыслями на ином, Амасар отключила обзоратель, прокрутившийся несколько мгновений ахолостую. Откинувшись на спинку кресла, она продолжала неотрывно смотреть на сверкающую неровность предмета у нее на столе.

Завтра она поднимется на борт корабля, отправляясь на ежегодное заседание совета. Место сбора варьировалось между двумя столицами Содружества, Землей и Ульдомом. В этом году заседание пройдет на транксийской столичной планете. Это обещало быть всепоглощающей, стимулирующей сессией, с нетерпением ожидаемой ею. На голосование обязательно будет поставлено несколько важных вопросов, включая меры против этих хитрых убийц, ААннов. В Совете имелись некоторые, верящие в смягчение и умиротворение рептилий, но только не она!

Но зачем беспокоиться сейчас о таких делах? Двигаясь словно во сне, она открыла центральный ящик письменного стола, чтобы произвести последнюю проверку. Все было на месте: дипломатические доверительные грамоты, подтверждения брони на места, документация и ленты с информацией. Да, в этом году сессия будет интересной.

Она все еще сияла от удовольствия, когда сунула руку в самый нижний ящик справа от себя, достала маленький легковесный игломет и изжарила эту коварно соблазнительную вещь на столе, прежде чем вышибить себе мозги!

Очевидное самоубийство, было доложено местным следователем и подтверждено чиновниками Содружества, еще один из тех необъяснимых случаев, от каких страдали даже самые

психологически устойчивые люди. Причиной могло быть все что угодно. Слишком мало уверенности, слишком мало денег, слишком мало приязни...

Или же слишком много особо смертельной разновидности красоты.

— Замечательное дитя,— произнесла наконец Телин ауз Руденуаман, перебивая их разговор. Она поглядела на них и заметила: — Сегодня, похоже, день замечательных детей.

Поскольку пленники продолжали хранить мрачное молчание, она пожала плечами и снова посмотрела на панели.

— Я знала, что у меня есть причина так сильно ненавидеть это отродье. Признаюсь, однако, что она меня полностью одурачила. Хотела бы я знать, сколько лет она манипулировала Чаллисом для своих собственных целей?

— Судя по тому, что она сказала, всю свою сознательную жизнь.— Флинкс подумал, что держать внимание коммерсантки сфокусированным на чем-то другом — неплохая мысль.— Вы намерены теперь нас убить? — спросил он с обезоруживающей обыденностью.— Или решили поверить мне?

— Ваша смерть не имеет никакого отношения к вашей истории, Флинкс. Хотя Чаллис, кажется, подтвердил ее. У меня будет много времени, чтобы избавиться от вас. Я все еще нахожу вас новинкой.— Она оценивающе поглядела на него.— Вы являетесь охапкой интересных противоречий и плохо поддается классификации. Я не уверена, что мне это нравится. У меня есть склонность расстраиваться от того, что я не понимаю. Это опасно, потому что я могу в итоге убить вас из прихоти, а это только еще больше расстроит меня, поскольку с вами умрут и все ответы.

— Нет, мне думается, я подожду возвращения барона, прежде чем сделать с вами двумя что-нибудь необратимое.— Она показала белые зубы.— ААнны — большие знатоки по части разъяснения противоречий.

Силзензюэкс поднялась на истноги и попробовала поврежденную конечность. Она будет вынуждена хромать на трех опорах, пока та не зарубцует. Она прожгла коммерсантку гневным взглядом, составные глаза для этого особенно хороши.

— Работать так вот с заклятыми врагами рода челанксийского.

На Руденуаман это не произвело ни малейшего впечатления.

— Столько возмущения из-за мизерных денег.

Она с укором посмотрела на транксийку.

— ААнны дали мне исключительные права на распространение янусских камней в пределах Содружества. В обмен я разрешаю им брать определенный процент здешней продукции. Я снабжаю многими средствами для горнодобычи, а они нейтрализовали умиротворители.

— Я сделала «Нуаман», теперь «Руденуаман Энтерпрайзис», сильнее, чем он когда-либо был, сильнее, чем он был при моей тетке. Мы обнаружили только одну жилу кристаллов, которые, похоже, являются изолированной минералогической мутацией. Через пять-десять лет мы вытащим из этой горы последний камень. И тогда мы добровольно уберемся отсюда, без ведома Церкви и без малейшего вреда Содружеству. К тому времени «Руденуаман Энтерпрайзис» обретет несокрушимую финансовую позицию. И моя тетка, да сгниет она в лимбе, одобрила бы. Я думаю...

— Я думаю, что вы ослепляете себя,— вставил Флинкс,— добровольно. С точки зрения Империи здесь замешано куда больше, чем малость жалких наличных.

Руденуаман с любопытством посмотрела на него:

— Что дает вам право говорить нечто подобное?

— Прежде чем мы отправились сюда, я был в административной штаб-квартире Церкви. В то время там один ААнн в хирургической маскировке — схожей, но довольно-таки более искусной, чем надетая бароном попытался проникнуть в командный центр. После того как он покончил с собой, я обнаружил рассеянную по всему его животу кристаллическую пыль. Она могла взяться от pulverизированного янусского камня.

— Но принесенные им кристаллические иглодроты...— начала было напоминать ему Силзензюзекс.

— ...могли быть сделаны из бракованных янусских камней,— сказал он ей.— Ты не подумала об этом? Разве это не было бы чудесной крышей? — Он повернулся, чтобы посмотреть на нее.— Я не думаю, что это лазутчик, ААнн покончил с собой, чтобы не дать себя допросить. ААнна нельзя сломить. Я думаю, что взрыв предназначался для уничтожения того, что он принес — янусского камня.

— Но для чего? — гадала она.— Чтобы кого-то подкупить?

— Не думаю, что для этого... но не уверен. Пока.

— Как будто меня волнует, что случится с Церковью,— с отвращением добавила Руденуаман.

— Церковь,— ответил с большим достоинством Силзензюзекс,— это все, что стоит между цивилизацией и варварством.

— А вот понравилось бы это представителям Содружества, моя милая? Они, похоже, считают себя опекунами челанксийского благоденствия.

— Содружество стоит только потому, что поддерживается нетленными стандартами Объединенной Церкви.

— Вот с кем я очень хотела бы встретиться,— колко заметила коммерсантка, перемещаясь на ложе.— С нетленным.

— Я тоже,— признался Флинкс.

Силзензюекс круто повернулась к нему.

— На чьей ты все-таки стороне, Флинкс? — На спине ее грудной клетки-б поднялись дыбом тонкие волосы.

— Не знаю,— с чувством ответил он.— Я еще недостаточно внимательно изучил все стороны.

— А не хотели бы посмотреть мою? — вдруг спросила Телин.

— Очень сильно,— признался он. Силзензюекс внешне выглядела безразличной, но он почувствовал ее интерес.

— Отлично,— решила явно под влиянием минуты коммерсантка.— Линда...

— Машину, Мадам,— и охрану?

— Только шофера и одного охранника.

Приземистая телохранительница выглядела неуверенной.

— Мадам, вы думаете, что...?

Руденуаман отмахнулась от возражения. Она была в настроении напрочь стереть огорчительные события полудня. Похвальба и пускание пыли в глаза будут превосходной терапией.

— Ты слишком много беспокоишься, Линда. Куда они могут деться? Их челнок украден, барон забрал наше судно, а в какую сторону не пойдешь, эта планета становится все него-
степриимней. Им не убежать.

— Верно,— согласился Флинкс.— Кроме того, у моей спутницы повреждена конечность.

— Почему бы это имело для тебя значение? — фыркнула Силзензюекс.

Он сердито повернулся к ней.

— Потому что, несмотря на все что случилось, а о многом из этого я сожалею, мне не все равно, что с тобой случится дальше, неважно, веришь ты этому или нет!

Силзензюекс уставилась на его спину, когда он резко отвернулся от нее, запихнув руки в карманы комбинезона. Схематика безопасности, археологическая хронофизика — все это казалось простым рядом с этим непроницаемым юным человеком. Узнай она, что ее мнение о нем разделялось в равной степени двумя другими находящимися в комнате женщинами, это бы ее, наверное, не утешило. Несомненно, понять Флинкса было бы легче, если бы он сам себя понимал.

Машина гладко свистела, так как была хорошо настроена, поднимаясь по пологой тропе, покрытой похожей на вереск порослью. Флинкс откинулся на сидении и уставился сквозь прозрачный верх. Как раз за зданиями рудника гора становилась почти вертикальной, поднимаясь на лишний 2500 метров над озером.

В данный момент его внимание не занимали ни невероятный пейзаж, ни ~~их~~ нынешние мрачные перспективы, ни раздававшиеся иногда свистящие стоны боли со стороны Силзензю-зекс. Он думал вместо этого об украденной ленте, которая могла содержать раннюю часть его жизни. И по его мнению, лента эта все еще была крайне путано связана с Кондой Чаллисом, которому больше не убежать от него.

Флинкс уже увидел роскошные жилые покои, занимаемые Телин ауз Руденуаман. Чаллис, несомненно, обладал схожими, может, и менее просторными палатами где-то в комплексе за ними, вероятно, в том же самом здании. Комнаты Чаллиса в конечном итоге очистят, а его принадлежности устраният, чтобы дать пространству новое применение. Но пока они несомненно запечатаны и нетронуты, включая ту ленту, столь тантализирующе близкую.

Если можно будет убедить эту непредсказуемую молодую женщину еще на какое-то время оставить их в живых, у него все еще мог быть шанс увидеть, что имелось на украденной катушке. Хотя, если бы она узнала, как отчаянно он хотел ее посмотреть, то могла бы просто-напросто медленно раскрутить ее у него на глазах в тарелку с кислотой.

То, что она приказала убить Чаллиса, было мерой ее мании величия, или уверенности. Кому-то придется пойти на существенные хлопоты, чтобы прикрыть его исчезновение, правда, его подчиненные в фирме не станут особенно выступать. Агенты Руденуаман без труда найдут среди оставшихся тех, которые охотно захватят бразды правления, не задавая вопросов. Кроме того, частная деятельность Чаллиса носила такой характер, что расхолаживала внимательное расследование. Человек, увлекавшийся такими противными хобби, много раз мог встретить внезапный, неожиданный конец.

Флинкс гадал, достаточно ли еще функционировал мозг коммерсанта для того, чтобы тот пожалел о простом способе своего перехода в иной мир. Он, несомненно, замыслил для себя финальную кончину грандиозной развращенности.

Машина остановилась на одном уровне с самой нижней частью сверкающих металлических зданий с отвесными стенами. Они были построены на более-менее плоском участке, выдолбленном в профиле горы. Подвешенная на большой высоте, серия квадратных металлических дуг прокалывала скальные стены, словно серебряные шприцы, высасывающие кровь из кита. Из строения на прибывших неся чистый горный воздух с постоянным тух-тах-тух-тах не знающих усталости машин.

Охранник, который мог быть, а мог и не быть таким человеком, каким он выглядел, небрежно отдал честь, когда они вошли в здание.

— Мы сейчас находимся в наружном здании,— объяснила Руденуаман,— где расположено все наше оборудование для горнодобычи и обработки.

— Это предприятие стоило невероятную сумму кредитов... капля по сравнению с ожидающей нас в конечном итоге прибылью.

— Я все еще не пойму, почему ААнны так сильно нуждаются в вас,— сказал ей Флинкс, впитывая глазами все виденное, по принципу, что знание — это свобода.— Особенно потому, что именно они ответственны за нейтрализацию крепостей-мироблюстителей.

— По-моему, я уже внесла в это ясность,— ответила она.— Во-первых, Содружество — куда больший рынок для драгоценных камней, чем Империя. У них нет иного пути выбросить на рынок свою долю, кроме как через человека-посредника... меня. Но еще важнее, как объяснил барон, то, что эта планета находится в пределах границ Содружества. Хотя она и сравнительно изолированная, между здешней звездой и ближайшим населенным миром Империи находится множество других деловых обитаемых планет Содружества, плюс многочисленные наблюдательные станции. ААннским техникам требуется безопасный проезд, что и обеспечивают корабли фирмы «Руденуаман».

Флинкс, вдруг подумавший о погоне барона за Махнахми, спросил:

— Значит, в этом регионе нет никаких Имперских военных судов?

Руденуаман, похоже, удивилась наивности Флинкса:

— Вы принимаете барона за дурака? Стоит только обнаружить один такой корабль, и этот квадрат космоса будет кишеть боевыми кораблями Содружества. Барон,— высокомерно уведомила она их,— мыслит куда тоньше, чем обычно ожидаешь от ААнна.

Настолько тонко, подумал со смешанными чувствами Флинкс, что, возможно, перехитрил самого себя. Если он преследовал Махнахи на грузовом судне вместо эсминца или фрегата, она могла, в конце концов, ускользнуть от него. Правда, он не был уверен, что желает спастись этому драгоценному таланту, но, по крайней мере, лихая погоня может продлить на некоторое время отсутствие барона на Ульру-Уйюрре.

Им придется разрешить их ситуацию, прежде чем это случится и барон вернется. Флинкс не думал, что ААнский аристократ потерпит продолжительное существование его и Силзенюзекс. Если дело дойдет до столкновения между Флинксом и Руденуаман, она, недолго думая, казнит его и Силзенюзекс, чтобы успокоить своего напарника.

Хотя Руденуаман можно было управлять лестью и развлечениями, Флинкс не питал никаких иллюзий насчет своей способности манипулировать также и бароном.

— Телин,— рассеянно начал он,— ты когда-нибудь...

Она гневно повернулась, с холодным голосом и темным выражением лица.

— Никогда не называй меня так — или умрешь намного быстрее. Ты будешь обращаться ко мне «Мадам» или «Мадам Руденуаман», или следующий способ, каким ты будешь забавлять меня, это своими звуками, когда я велю содрать тебе кожу со спины.

— Простите, Мадам,— осторожно извинился он.— Вы все еще настаиваете, что интерес ААннов к янусским камням чисто финансовый? — Он сознавал, что Силзенюзекс наблюдает за ним.

— Вы все продолжаете поднимать эту тему. Да, конечно, настаиваю.

— Скажите, вы когда-нибудь видели какого-нибудь ААнна, например, барона, пользующегося шлемной связью для создания изображений-сюжетов внутри одного из кристаллов?

— Нет.— Эта мысль ее, похоже, не взволновала.— Это рудничный аванпост. Здесь нет гедонистов или бездельников.

— У вас есть здесь шлемы со связью?

— Да.

— А у Чаллиса? Я полагаю, у него тоже такой имелся? Коллоидные постановки были, кажется, одним из любимых его увлечений.

— Да, хотя и не единственным,— ответила она с отворачиванием, скрывив губы.

— А что насчет барона? Он наверняка наслаждается камнями

— Барон Рииди ВВ,— уверенно заявила она,— мыслит чисто деловыми и военными категориями. Я иногда видела, как он расслабляется в разных ААнских развлечениях, но никогда — с янусскими камнями.

— А что насчет других здешних знатных и чиновных ААннов?

— Нет, они все полностью поглощены своими задачами. А почему так любопытно узнать, видела ли я каких-либо рептилий, пользующихся камнями?

— Потому что,— задумчиво проговорил Флинкс,— я не думаю, что они на это способны. Не знаю, что делает барон с камнями, передаваемыми для предполагаемой продажи в пределах Империи, но я уверен, что они предназначаются не для развлечения богатых ААннов. Может быть, для подкупа в пределах Содружества, этого я еще не вычислил.

— ААнский мозг отличается от человеческого или транскийского,— продолжал он,— не обязательно слабее их — в некоторых отношениях, вероятно, сильнее, но отличающийся. Я немного читал об этом и не верю, что их мозги производят надлежащие импульсы для управления связью с янусским камнем. Они могут взболтать коллоидальную взвесь, но организовать ее во что-то узнаваемое — никогда.

— В самом деле,— пробормотала себе под нос Руденуаман по завершении этой небольшой лекции.— Что делает вас экспертом по таким делам?

— У меня большие уши,— отвечал Флинкс. Пусть лучше продолжает считать его диким отгадчиком, чем расчетливым мыслителем.

— Ладно, допустим, они не могут управлять кристаллами так, как мы.— Она безразлично пожала плечами.— Красота камня все равно остается непревзойденной.

— Это так,— допустил он.— Но до такой ли степени, чтобы оправдать подобное рискованное вторжение на территорию Содружества? Будь я проклят, если поверю, будто ААнны так сильно любят красоту. Эти камни каким-то образом используются против Содружества, против рода челанксийского.

Руденуаман не ответила, предпочтя игнорировать то, чего не могла опровергнуть. Они зашли далеко на более высокие уровни здания. К ним приблизился высокий ААнн, в идеальной хирургической маскировке, за исключением того, что теперь Флинкс знал, что за ней скрывается, и был способен узнать под ней рептилию.

— Это Меево ФФ ГВ,— уведомила их Руденуаман, подтверждая догадку Флинкса.— Он следующий по старшинству

ААнн и помощник барона. Он также превосходный инженер, курирующий здесь все операции по горнодобыче.— Она самонадеянно поглядела на Флинкса.— Я немного подумала о ваших обвинениях и знаете что я решила.— Она улыбнулась.— Мне наплевать, что ААнны причинят Содружеству своей долей камней, пока это не мешает моему бизнесу.

— Именно таких слов я примерно и ожидала от вас услышать.— Голос Силзензюекс нес в себе презрение единственным доступным транксам способом: резко щелкающим тоном. Флинкс думал, что идти на антагонизм с их переменчивой хозяйкой было идиотизмом, но та, похоже, не волновалась. Если она что и испытывала, так разве что удовольствие, видя свою пленницу столь расстроенной.

— Ну разве не приятно видеть подтверждение своих мыслей? — Она повернулась к подошедшему.— Здравствуй, Меево.

Флинкс воспользовался удобным случаем детально изучить маскировку рептилии. Будь корабль Руденуаман остановлен инспекторами Содружества, он сомневался, что какой-нибудь небрежный наблюдатель мог разоблачить тщательно сработанную маскировку.

Однако если посмотреть повнимательней, глаза выдавали четко. Потому что у Меево ФФ ГВ, как и у барона, как и у всех ААннов были двойные веки. Моргание разоблачало скрывавшееся за этими глазами существо.

— Это те, которые сумели пройти мимо переналаженных крепостей? — спросил ААннский подручный, переводя взгляд с Силзензюекс на Флинкса.

— Да, их только двое,— сообщила ему Руденуаман.

Меево вроде как любезно полюбопытствовал:

— Тогда почему же они еще живы?

Силзензюекс снова задрожала, на этот раз от совершенно нечеловеческого безразличия в этом голосе.

— Сейчас они меня еще забавляют. А когда вернется барон, у него могут найтись к ним свои собственные вопросы. Барон умеет допрашивать куда лучше, чем я. Я склонна становиться нетерпеливой.

У инженера вырвался тихий рептильный смешок.

— Я слышал о девчонке. Крайне неудачное, раздражающее происшествие. Беспокоиться, однако, не о чем. Барон покончит с ней раньше, чем она сможет связаться с посторонними. Его умение распространяется и на другие области, кроме допросов.— Он усмехнулся, показывая фальшивые человеческие зубы на удлинненных фальшивых человеческих челюстях. В глубине же

открытого рта Флинкс сумел едва-едва разглядеть блеск настоящих, куда более острых зубов.

— Вы находите их забавными... любопытными,— заключил инженер с жестом, который Флинкс не сумел интерпретировать. Его позиция намекала, что небрежное привлечение было ему столь же чуждо, как и рождение живого потомства.

Однако, Аанны тоже были любопытны. Меево следовал по пятам за ними, когда Руденуаман провела их через остаток комплекса.

— Внизу вы видели добычу и сортировку. Здесь происходит шлифовка и удаление поверхностных примесей.— Она показала на серию камер без дверей, откуда доносились музыкальные звуки.

— Здесь все сплошь ААнны, кроме вас и ваших телохранителей? — сардонически поинтересовалась Силзензюекс.

— О, нет. Нас здесь примерно поровну. В нашем любимом обществе есть удивительно большое число талантливых челанксийцев, для которых повседневные проблемы жизни оказались слишком сложными. Бесчувственные власти довели их до поиска хоть сколь-нибудь респектабельной работы. Борьба за существование перевешивает любые имеющиеся у них сомнения относительно таких неосязаемых вещей, как межвидовая лояльность.

— Осмелюсь предположить, что никто из них не покидает этот мир живым.

Руденуаман, похоже, искренне удивилась.

— Смешная особа... это же было бы плохо для бизнеса. О, я не хочу сказать, что мы вдохновляем в них лояльность. Для большинства тех, кто здесь работает, это понятие больше ничего не значит, иначе они вообще бы здесь не наводились. Любой из них с радостью продал бы свое знание об этом незаконном предприятии в ту же минуту, как получит расчет.

— Мы применяем с их ведома и согласия селективное стирание памяти, очищающее их мозги от всяких воспоминаний о пребывании здесь. Это оставляет их со смутно неуютным ощущением, что они провели долгий период без сознания. Это и их жирный банковский счет гарантируют, что они не выдадут нашего присутствия здесь.

— Стирание памяти,— пробормотала ошеломленная Силзензюекс,— запрещено применять кому-либо, кроме высших врачей Содружества или Церкви, да и то только при чрезвычайных обстоятельствах!

— Вы должны не забыть внести это в свой рапорт,— усмехнулась Руденуаман.

Они вышли в большое помещение, и температура заметно упала.

— Мы пойдем в главную шахту,— объяснила Телин, указывая на длинные вешалки находящейся поблизости спецодежды. Силзензюекс увидела, что многие из них были скроены для транксов.

— Вы думали, что ваши драгоценные кузены невосприимчивы к приманке кредитами? — подколола ее Руденуаман.— Ни у какого вида нет монополии на жадность, детка.

— Не называйте меня деткой,— тихо возразила Силзензюекс.

Ответ Руденуаман был не таким, какого ожидал Флинкс — первый настоящий смех, услышанный ими от нее. Она оперлась на свою трость, трясаясь от смеха. Любопытные рабочие, проходя мимо, поворачивались, чтобы взглянуть на них.

— Я буду называть тебя мертвой, если ты предпочитаешь,— наконец провозгласила коммерсантка. Она показала на длинные вешалки со спецодеждой.— А теперь наденьте одну из них, внутри горы довольно холодно.

Облачившись в защитную одежду, они последовали за ней и инженером-Аанном по широкой прямоугольной дороге. Металл вскоре уступил место голой скале. Размешенные с равными промежутками однопролетные дуги из дюралесплава помогали поддерживать потолок.

Термальный костюм Флинкса был частично открыт, разрешая маленькой рептильной голове выглядывать изнутри, вода немигающими глазами, когда она наблюдала холодное окружение. Двойные ряды ярко пылающих световых труб отбрасывали по туннелю ровное излучение.

— Этот сектор уже исчерпан,— объяснила Руденуаман.— Кристаллы находятся в жиле, уходящей горизонтально в гору.

Они замедлили шаги.

— Сеть из нескольких добавочных вспомогательных штреков тянется вдоль жил поменьше. Некоторые проходят чуть выше, а другие — ниже нашего нынешнего местонахождения. Мне говорили, что камни возникли в случайных очагах вулканической скалы, заполненных когда-то газом. Янусские камни создала необычная комбинация давления и жара.

— Сами камни находятся в разных сортах породы горы, как алмазы в кимберлите на Земле и Броникских радужных кратерах, разрабатываемых на Эвории. Во всяком случае, именно так говорят мне мои инженеры.

Игнорируя употребленное по отношению к нему притяжательное местоимение, Меево сделал краткий жест признания:

— Это так. Схожие примеры изолированных образований кристаллов имеются и в пределах Империи, хотя ничего столь необычного, как это.

Что-то шекотнуло мозг Флинкса, и он стал вглядываться в неясную глубину шахты.

— К нам кто-то идет,— наконец объявил он.

Руденуаман повернулась посмотреть и праздно заметила:

— Всего лишь несколько туземцев. Они примитивные, но достаточно разумные, чтобы сделаться хорошими чернорабочими. У них нет никаких орудий труда, никакой цивилизации и никакого языка, помимо немногих урчаний и имитированных человеческих слов. Они не носят даже минимальной одежды. Их единственная претензия на рудиментарный разум проявляется в простых модификациях, делаемых ими в домах-пещерах: перекатывание валунов в переднюю часть, чтобы уменьшить вход, копание вглубь горы, и так далее. Они выполняют для нас тяжелую черновую работу, и они осторожны с обнаруженными ими камнями.

Мы упростили бурильное оборудование для них. Мех их достаточно густ, так что холод внутри горы, кажется, их не беспокоит, что является большим счастьем для нас. Даже в термальных костюмах для людей было бы трудно, а для ААннов — невозможно, дальше разрабатывать отложения кристаллов, учитывая, насколько глубоко тянется теперь шахта в гору. Если они и возражают против холода, то, кажется, готовы рисковать ради наград, выдаваемых им нами в обмен за каждый камень.

— И чем же вы их вознаграждаете? — с любопытством поинтересовался Флинкс. Объемистые фигуры все еще медленно приближались к ним. Волосы у него на затылке вздыбились, и Пип сильно зашевелился в складках теплого костюма.

— Ягодами,— с отвращением отрезал Меево.— Ягодами и фруктами, орехами и клубнями. Корнееды! — закончил он с характерным для всех плотоядных презрением.

— Значит, они вегетарианцы?

— Не совсем,— поправила Руденуаман.— Они явно вполне способны переваривать мясо, и у них есть необходимые для охоты зубы и когти, но они намного больше предпочитают фрукты и ягоды, которые им может добыть наш автоматический сборщик урожая.

— Грязекопатели,— буркнул инженер-ААин. Он взглянул на Руденуаман: — Извините, что выхожу из вашей игры, но меня ждет работа,— он повернулся и неуклюже двинулся обратно по шахте.

К этому времени четверо туземцев подошли достаточно близко, чтобы Флинкс различил индивидуальные характерные черты. Каждый был выше рослого человека и в два-три раза шире, почти толстяки. Сколько от этого объема составлял невероятно густой коричневый мех, отмеченный черно-белыми кляксами, он не мог сказать. По сложению и общему виду они были, в сущности, урсиноидами, хотя и имели плоскую морду вместо вытянутого рыла. Она заканчивалась почти невидимым черным носом, выглядевшим чуть ли не комично на таком массивном создании.

Концы каждой из четырех семипалых лап увенчивали короткие толстые когти, и эти создания, похоже, могли с равной легкостью передвигаться на всех четырех лапах или стоя прямо. Никаких хвостов не было. На макушке располагались короткие округлые уши. Пока самыми отличительными чертами были глаза, как у долгопятов: огромные, словно блюдца, янтарно светившиеся в флюоресцентном освещении туннеля. В их центре плавали огромные черные зрачки, похожие на обсидиановые желтки.

— Судя по их внешности, они ведут в основном ночной образ жизни, а дневной — лишь минимально, — заметила заинтригованная Силзензюэкс. Туземцы заметили новобывших, и все поднялись на задние ноги, чтобы получше разглядеть их. Когда они стояли выпрямившись, то, казалось, заполняли собой весь туннель. Флинкс заметил легкий изгиб в уголках их ртов, создававший ложно комическую дельфинovidную улыбку на каждом массивном лице.

Он был готов задать Руденуаман еще один вопрос, когда что-то сильно зашевелилось в его термальном костюме. Лихорадочная попытка Флинкса схватить его оказалась слишком запоздалой, чтобы удержать Пипа. Летучий змей выскочил и устремился вперед по шахте к туземцам.

— Пип... подожди, нет же никакой!...

Он начал было говорить, что не было никакой причины нападать на мохнатых великанов. Ничего страшного или угрожающего не царапнуло его чувствительный мозг. Если мини-дракончик разъярит огромных туземцев, то сомнительно, что кто-нибудь из них выберется из этого туннеля живым.

Игнорируя призыв хозяина, Пип добрался до ближайшего из созданий. На задних ногах огромный зверь достигал почти трех метров ростом и весил, должно быть, по меньшей мере полтонны. Огромные светящиеся глаза разглядывали крошечный призрак, чей яд почти всегда был смертелен.

Пип спикировал прямо на голову. В последнюю секунду перепончатые крылья забили в воздухе, когда мини-дракончик затормозил — чтобы приземлиться и легко обвиться вокруг плеча туземца. Монстр бесстрастно поглядел на мини-дракончика, а затем обратил свой тусклый взгляд на Флинкса, в шоке глядевшего в ответ на великана, разинув рот.

Второй раз в своей жизни, Флинкс потерял сознание.

Сон был новым и очень глубоким. Он плавал в середине бесконечного черного озера под угнетающе близким ночным небом.

Было так темно, что он не видел ничего, даже собственного тела... которого тут могло и не быть.

На фоне эбеновых небес дрейфовали четыре ярких огонька. Крошечные, пляшущие точки немигающего золота двигались, вычерчивая непредсказуемые и все же рассчитанные узоры, словно светляки. Они плясали и кружились, проносились и скакали неподалеку от его глаз, которых он не имел, и все же ясно видел их.

Иногда они плясали вокруг друг друга, а однажды все четверо исполнили какое-то хитрое сплетение и расплетение, столь же сложное и многозначительное, сколь и быстро забытое.

— Теперь он вернулся,— заметил первый светляк.

— Да, он вернулся,— согласились одновременно двое других.

Флинкс с интересом заметил, что последний из четырех светляков не был постоянным, немигающим огоньком, как он сперва подумал. В отличие от других, он непериодически вспыхивал и гас, словно лампа, работающая при флюктуирующем токе. Когда он мигал, то полностью исчезал, а когда загорался, то вспыхивал ярче, чем любой из других.

— Мы напугали тебя? — поинтересовался мигающий.

Ответил бестелесный голос, странно похожий на его собственный:

— Я увидел, как Пип...— начал было говорить голос-сон.

— Сожалею, что мы крикнули тебе,— извинился первый светляк.

— Сожалеем, что закричали,— хором подхватили двое других.— Мы не собирались причинять тебе вреда. Мы не собирались пугать тебя.

— Я увидел, как Пип,— задумчиво произнес Флинкс,— обвился вокруг плеча одного из туземцев. Я никогда не видел, чтобы Пип делал это раньше с чужаком. Ни с Мамашей Мастифф, ни с Трузензюзексом, ни с кем.

— Пип? — переспросил третий голос.

— О,— объяснил второй светляк,— он имеет в виду маленький твердый ум.

— Твердый, но вкусный,— согласился первый.— Как чунут.

— Ты подумал, что маленький твердый ум собирался причинить нам вред? — спросил первый голос.

— Да, но вместо этого он ответил вам открытостью, какой я никогда раньше не видывал. Значит, вы тоже должны вещать на эмпатическом уровне, только ваши мысли дружеские.

— Если ты говоришь, что мы должны,— рассудил третий светляк,— значит — должны.

— Но только когда должны,— строго добавил четвертый голос, вспыхнув ярче, чем трое других, прежде чем исчезнуть.

— Почему четвертый среди вас приходит и уходит, словно туман? — пробормотал голос-сон Флинкса.

— Четвертый? А...— объяснил первый голос,— это Можетитак. Такое у него имя, на эту неделю, во всяком случае. Меня зовут Пушок.— У Флинкса возникло впечатление, что другие два огонька стали чуть поярче.— А это Ням и Голубой.— На миг вспыхнул четвертый огонек.

— Они пара,— сказал он, а затем снова погас.

— Опять пропал,— заметил Флинкс с бестелесной отвлеченностью.

— Это же Можетитак, помнишь? — напомнил голос-Пушок.— Иногда он не здесь. Остальные из нас всегда здесь. И имен своих мы тоже не меняем, но Можетитак появляется и пропадает, и меняет свое имя примерно каждую неделю.

— Куда уходит Можетитак, когда он пропадает?

Голубой ответил откровенно:

— Мы не знаем.

— Тогда откуда он появляется, когда возвращается?

— Никто не знает.

— Спроси его,— предложили вместе Ням и Голубой.

Можетитак вернулся со своим огоньком, ярче, чем у любого из них.

— Почему ты меняешь свое имя каждую неделю, и куда ты уходишь, когда пропадаешь, и откуда ты являешься, когда возвращаешься? — поинтересовался голос-Флинкс.

— О, нет никаких сомнений в этом,— сообщил ему Можетитак напевным голосом-сном и снова погас.

Пушок заговорил конфиденциальным шепотом-сном:

— Мы думаем, что Можетитак немного безумен. Но все равно он хороший парень.

Флинкс рассеянно заметил, что он начинает погружаться под поверхность черного озера. Над ним курьезно кружились и ныряли четыре огонька.

— Ты первый, кто с нами заговорил,— произнес голос-Пушок.

— Приходи и поговори с нами еще,— с удовольствием попросила Ням.— Забавно иметь того, с кем можно поговорить. Маленький твердый слушает, но говорить не может. Это забавная новая штука!

Голос-сон Флинкса пробулькала сквозь углубляющуюся маслянистую жидкость:

— Куда мне следует пойти, чтобы поговорить с вами.

— К концу длинной воды,— сказала ему Ням.

— К концу длинной воды,— подтвердил Голубой.

— К противоположному концу длинной воды,— добавил Пушок, бывший довольно-таки точнее других.

— Никаких сомнений в этом,— согласился Можетитак, загоревшись едва ли на секунду.

«В этом, в этом...» слова тонули в мягкой ряби, производимой медленно погружавшимся телом Флинкса. Погружавшимся, погружавшимся пока он не коснулся дна озера. Сперва коснулись его ноги, потом бедра, потом спина и, наконец, голова.

«В этом месте есть что-то странное»,— подумал он. Небо было чернее воды, а вода, по мере того, как он тонул, становилась светлее, вместо того чтобы темнеть. На дне же было так ярко, что стало больно глазам.

Он открыл их.

Блестящее, почти металлическое сине-зеленое лицо, на котором господствовали два фасеточных драгоценных камня, озабоченно глядело на него. Вдохнув, он почувствовал запах кокосового масла и орхидей. Что-то пощекотало его левое ухо.

Ища источник, он обнаружил лежащую у него на груди маленькую рептильную морду Пипа. Выскочил длинный острый язык и несколько раз ткнулся в его щеку. Явно удовлетворенный состоянием хозяина, мини-дракончик расслабился и соскользнул с подушки, удобно свернувшись поблизости.

Подушки?

Глубоко вздохнув, Флинкс улыбнулся Силзензюэкс. Она отодвинулась и он увидел, что они находятся в маленькой, аккуратно мебелированной комнате. Через высокие окна лился солнечный свет.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она его с резкими щелчками и свистами симворечи. Он кивнул и посмотрел, как

она благодарно осела на спальную-сидячую платформу по другую сторону комнаты.

— Слава Улью. Я уж думала, ты умер.

Флинкс положил голову на поддерживающую руку:

— Вот уж не думал, что это имеет для тебя такое большое значение.

— А, заткнись,— с неожиданной горячностью оборвала она его. Он заметил в ее голосе замешательство и подавленность, когда в ней соперничали чувства и факт.— Было много случаев, когда я с радостью перерезала бы тебе горло, если бы не находилась под клятвой защищать тебя. А потом было равное число других случаев, когда я почти желала, чтобы у тебя был не скелет, а хитин. Вроде того случая, еще на Земле, когда ты спас мне жизнь, и когда ты противостоял этой варварской молодой самке.— Флинкс увидел, как нервно подрагивают ее антенны, неуверенно сжимается грациозный изгиб ее яйцекладов.— Ты — самое сводящее с ума существо, какое я когда-либо встречала, человек Флинкс!

Он осторожно сел и обнаружил, что внутри у него все действовало также хорошо, как и снаружи.

— Что случилось? — в замешательстве спросил он.— Нет, погоди... Я помню, что отключился, но не помню почему. Меня что-нибудь ударило?

— Тебя никто и пальцем не тронул. Ты рухнул, когда твой приятель кинулся на одного из туземных рабочих. К счастью, это маневр, кажется, был просто блефом. Туземец был не настолько знающим, чтобы испугаться,— ее выражение стало озадаченным.— Но почему бы это заставило тебя упасть в обморок?

— Не знаю,— уклончиво ответил он.— Вероятно, из-за шока, когда я представил себе, как остальные туземцы разрывают нас на куски, после того как Пип убьет одного из их числа. Когда же он не убил, то шок умножился, потому что Пип попросту не относится так к чужакам,— Флинкс заставил себя казаться безразличным.— Так значит, естественный мех нравится Пипу больше, чем термальный костюм, и он прильнул к одному из туземцев. Вот что, вероятно, и случилось.

— И что это доказывает? — поинтересовалась Силзензюэкс.

— Что я слишком легко падаю в обморок,— скинув ноги с постели, он бросил на нее мрачный взгляд.— По крайней мере, теперь мы знаем почему этот мир находится под Эдиктом.

— Ш-ш-ш! — она чуть не упала со спальной платформы.— Почему... нет, подожди,— предостерегла она его. Прошло несколько минут, в течение которых она проделала тщательное

обследование комнаты, проверяя места, которые Флинкс никогда бы не додумался проверить.

— Все чисто,— объявила наконец она с удовлетворением.— Я считаю, что по их мнению мы не можем сказать такого, что стоит слушать.

— Ты уверена? — спросил в замешательстве Флинкс.— Я об этом как-то не думал.

Силзензюзекс, похоже, обиделась.

— Я же говорила тебе, что проходила обучение в Службе Безопасности. Нет, кроме меня тебя здесь некому слушать.

— Ладно, причина, по которой этот мир был помещен под Эдикт, встретила нас сегодня в туннеле. Это туземцы... Урчащие гоблиноглазые чернорабочие Руденуаман. Они и есть причина.

Еще с минуту она продолжала пялиться на него, подумывала засмеяться, решила, что лучше не стоит, когда увидела, насколько он серьезен.

— Невозможно,— наконец пробормотала она.— Ты подвергся какой-то галлюцинации. Туземцы наверняка не больше того, чем кажутся: большие, дружелюбные и тупые. Они еще недостаточно развились, чтобы Церковь изолировала этот мир.

— Напротив,— возразил он.— Они куда больше того, чем кажутся.

Она выглядела раздраженной:

— Если это правда, то почему они долгие часы выполняют тяжелую черную работу при температуре замерзания в обмен на несколько несчастных орехов и ягод?

Голос Флинкса безутешно упал:

— Этого я еще не знаю,— он поднял взгляд.— Но я знаю вот что: они прирожденные телепаты.

— Иллюзия,— твердо повторила она.— Испытанная тобой галлюцинация.

— Нет,— голос его был твердым, уверенным.— Я сам обладаю некоторыми слабенькими талантами. И понимаю разницу между галлюцинацией и связью мозга с мозгом.

— Будь по-твоему,— вздохнув, провозгласила Силзензюзекс.— Спора ради давай временно считать, что это была не иллюзия. И все же это не причина для Церкви помещать мир под Эдикт. Целая раса — телепатов это только теория, но этого недостаточно, чтобы исключить их из ассоциированного членства в Содружестве.

— Дело не только в этом,— серьезно объяснил Флинкс.— Они... ну, умнее, чем кажутся.

— Я в этом сомневаюсь,— фыркнула она.— Но даже расу умных телепатов не сочли бы такой угрозой.

— Намного умнее.

— Я не поверю в это, пока не увижу доказательств,— возразила она.— Если бы они представляли какую-то серьезную угрозу Содружеству...

— Почему же еще Церковь поместила этот мир под Эдикт?

— Флинкс, у них нет никаких орудий, никакой одежды, никакого разговорного языка — никакой цивилизации. Они рыскают, урча, в поисках корней и плодов, живут в пещерах. Если они потенциально такие умные, как ты утверждаешь, почему они упорно прозябают в нищете?

— Это,— признал Флинкс,— очень хороший вопрос.

— У тебя есть на него очень хороший ответ?

— Нет. Но я убежден, что нашел причину действий Церкви. К чему приводит помещение расы под Эдикт?

— Никаких контактов с внешними сторонами, бороздящими космос народами,— процитировала она.— Самые строгие наказания за любое нарушение Эдикта. Раса вольна развиваться на свой собственный лад.

— Или вольна пребывать в состоянии застоя,— пробурчал Флинкс.— Содружество и Церковь помогали множеству первобытных народов. Почему же не уйюрийцам?

— Ты позволяешь себе судить о высшей политике Церкви,— пробормотала она, снова отодвигаясь от него.

— Не я! — почти крикнул он, шумно стукнув обеими руками по одеялу, и, быстро жестикулируя, продолжал.— Это Церковный Совет позволяет себе манипулировать судьбами рас. А если не Церковь, то правительство Содружества. А если не Содружество, то крупные корпорации и семейные фирмы. И потом, есть Империя ААннов, которая ставит себя превыше всего.— Он принялся в гневе расхаживать вдоль постели.

— Господи, меня до смерти тошнит от организаций, думающих, что они имеют право устанавливать, как следует развиваться другим!

— А что бы ты предложил взамен? — бросила она ему вызов.— Анархию?

Флинкс снова тяжело сел на постели, уткнувшись лицом в ладони. Он устал и был чересчур молод.

— Откуда мне знать. Я знаю только одно: меня начинает чертовски тошнить от того, что сходит за разум в этом углу мироздания.

— Не могу поверить, что ты столь невинен,— проговорила она на сей раз помягче.— Чего ты еще ждешь от всего лишь млекопитающих и насекомых? Слияние было только началом выхода твоей и моей расы из долгого темного века. Содружеству

и Объединенной Церкви всего несколько веков. Чего ты ждешь от них так скоро. Нирванны? Утопии? — она покачала головой, жест, позаимствованный транксами у человечества.

— Не мне и не тебе ставить себя превыше Церкви, помогшей вывести нас из этих темных времен.

— Церковь, Церковь, вечно твоя всемогущая Церковь! — закричал он. — Почему ты ее защищаешь? Ты думаешь, она состоит из святых?

— Я никогда не утверждала, что она совершенна, — ответила она на это, проявляя и сама некоторую горячность. — Сами Советники утверждали бы это последними. Это одно из ее достоинств. Естественно, она несовершенна, она никогда не стала бы утверждать обратное.

— Именно это мне однажды и сказал Цзе-Мэллори, — задумчиво произнес он.

— Что... кто?

— Некто, кого я знал, тоже покинувший Церковь по своим собственным причинам.

— Цзе-Мэллори, снова эта фамилия, — задумчиво проговорила она. — Он был тем напарником по стингеру моего дяди, о котором ты упоминал раньше. Бран Цзе-Мэллори?

— Да.

— На собраниях клана говорили о нем также, как и о Трузензюзексе, — она встряхнулась, резко возвращаясь к настоящему, бесполезно грустно думать о том, чего она, вероятно, уже никогда не сможет испытать вновь. — Ну а теперь, когда ты решил, что вселенная несовершенна и что орудия разума несколько меньше, чем всеведущи, что ты предлагаешь нам на этот счет предпринять?

— Поговорить с нашими будущими друзьями, уйюрийцами.

— И что же они сделают? — усмехнулась она. — Забросают камнями челноки барона, когда тот вернется? Или лучеметы, которые здесь наверняка запасены в избытке?

— Возможно, — допустил Флинкс. — Но даже если они ничего не смогут сделать, я думаю, среди них у нас будет куда больше шансов выжить, чем тут, ожидая, когда Руденуаман надоест держать нас при себе. Когда это случится, она отделается от нас как от старого платья. — Он дал своему мозгу прозондировать, не видя больше причин прятаться от Силзензюзекса. — За дверью стоит только один охранник.

— Откуда ты знаешь... ах да, ты мне сказал, — ответила она сама себе. — Насколько обширны твои таланты?

— Не имею ни малейшего представления, — честно ответил он ей. — Иногда я могу воспринять паука в комнате. А другой

раз... — он почувствовал, что лучше сохранить несколько секретов. — Просто положишься на мое слово, что снаружи только один охранник. Полагаю, наша покорность убедила Руденуаман, что нам не требуется пристальное наблюдение. Как она выразилась, нам тут некуда бежать.

— Не уверена, что я не согласна с ней, — пробормотала Силзензюзекс, обратив взгляд к холодным горам за окном. — Хотя должна признать, что если мы сбежим, она может оставить нас в покое. В горах мы будем представлять для нее не больше опасности, чем здесь.

— Надеюсь, она так и думает, — признался он. — Барон бы с ней не согласился. Нам нужно убраться сейчас же. — Соскользнув с постели, он подошел к двери и тихо постучал. Дверь ушла в стену, и охранник внимательно посмотрел на них, с расстояния в несколько шагов, заметил Флинкс.

Это был высокий худощавый человек с усталым выражением лица и волосами, ставшими слишком рано седыми. Насколько мог судить Флинкс, он не был Аанном в человеческой личине.

— Вы прервали мое чтение, — кисло уведомил он Флинкса, указывая на расположенный поблизости лентопросматриватель. Это напомнило Флинксу о другой ленте, которую он сам хотел прочесть. Несмотря на бушующее в нем беспокойство, ему придется подождать с просмотром этой ленты до куда более позднего времени, если он вообще когда-нибудь состоится.

— Что вам надо? — было ясно, что этот человек хорошо осведомлен об их пока полном сотрудничестве. Флинкс мысленно закричал, вызывая у себя ощущение страха.

Пип вырвался из-под подушек на постели и пролетел через дверь, прежде чем охранник успел отложить свой просматриватель. В руке у него появился лучемет, но вместо того, чтобы стрелять, охранник скрестил обе руки перед лицом. Флинкс прыгнул через дверной проем и двинул ногой в солнечное сплетение противнику. Только закрытые веки помешали его глазам выскочить из орбит.

С громким «бум» часовой ударился о противоположную стену, осел и привалился, словно тряпичная кукла, к ножке стула. На этот раз минни-дракончик ответил на зов Флинкса. Он снова напряженно устроился на плече Флинкса, прожигая взглядом потерявшего сознание охранника.

Силзензюзекс поспешно подошла к нему сзади:

— Почему он не выстрелил сразу же? Фактически... — Она заколебалась, и Флинкс почувствовал как работает ее ум.

— Совершенно верно. Здесь никто не признал в Пипе опасного зверя. Единственная, кому я сказал, — это тело-

хранительница Руденуаман. Во всей этой суматохе она пренебрегла уведомить об этом всех прочих. Мы же здесь в капкане без надежды на побег, помнишь? Единственными, кто еще знал, были Чаллис и Махнахми. Он мертв, а она сбежала.

Флинкс сделал жест в сторону охранника:

— Вот почему я отозвал Пипа и вырубил его сам. Все по-прежнему не ведают полных способностей Пипа. Раньше или позже Линда вспомнит, что надо рассказать об этом хозяйке. Но к тому времени мы уже должны оказаться на свободе. Второго шанса Руденуаман нам не даст.

— Что мы будем делать теперь?

— Нас никто не видел, кроме небольшого корпуса вооруженных сотрудников службы безопасности и нескольких человек на руднике. Предприятие это приличных размеров. Веди себя так, словно ты знаешь, что делаешь, и мы сможем выйти отсюда неостановленными.

— Ты сумасшедший,— нервно пробормотала она, когда они вошли в лифт. — Может, это и большая база, но все равно она замкнутая община. Здесь все должны друг друга знать.

— Ты сама служила в бюрократической системе, а все еще не понимаешь, — печально заметил Флинкс. — При подобной сложной операции все очень сильно склонны придерживаться собственной специальности. Каждый взаимодействует с людьми в пределах этой специальности. Здесь едва ли однородное маленькое общество. Если мы не наткнемся на одного из охранников, встречавших нас на взлетной полосе, мы сможем передвигаться вполне свободно.

— Пока наш часовой остается без сознания,— напомнила она ему. — А потом они бросятся искать нас.

— Но, держу пари, не за пределами границ базы: Руденуаман будет больше раздражена, чем разгневана. Она будет считать, что здешняя окружающая среда позаволосилась о нас сама. И так оно и случится, если уйюрийцы нам не помогут.

Они вошли в кабину лифта и тронулись вниз.

— Что заставляет тебя думать, будто они помогут?

— У меня сложилось впечатление, что им не терпится поговорить со мной. Если бы с тобой было десять тупоголовых трансков, говорящих только на нижнеграбскийском, и вдруг появляется одиннадцатый, разве бы ты не захотела с ним поговорить?

— Может быть, на какое-то время,— допустила она. — Конечно, после того как я услышала бы все, что он может рассказать, я могла бы также захотеть его съесть.

— Не думаю, что уйюрийцы это сделают.

Лифт достиг уровня земли.

— Что придает тебе такую уверенность? Ягоды, не ягоды, а они всеядны, помни. Что, если они просто телепатические болваны?

— Если я неправ насчет них, то мы умрем куда более чистой смертью, чем в руках у Руденуаман. Я ставлю на две вещи: на сон и на тот факт, что я никогда раньше не видел Пипа, летящим к какому-либо существу, которое он не собирался атаковать. — Протянув руку вниз, он погладил затылок Пипа сквозь ткань комбинезона.

— Ты была права, Сил, когда сказала, что он летел к большому теплу, но тепло заключалось не в мехе уйюрийца. — Дверь лифта ушла в стенку, и они смело вышли в пустынный холл.

Покинув строение, они начали идти между зданиями, направляясь к озеру. Мимо них прошло несколько человек. Флинкс никого из них не узнал, и, к счастью, никто из них тоже не узнал двух пленников.

Когда они приблизились к окраинам базы, Флинкс замедлил шаги, обострив чувства ко всему, что должно быть автоматикой обороняемого периметра. Силзензюекс поискала скрытую сигнализацию. Они не нашли даже простой ограды. В этой долине явно не водилось никаких крупных плотоядных, а мнение коммерсантки о туземцах они уже знали.

Добравшись до скрывающих деревьев, они сразу ускорили шаг, двигаясь настолько быстро, насколько позволяла поврежденная стопорука Силзензюекс. Несмотря на ненормально долгий день, солнце находилось низко в небе. Когда солнце, наконец, ушло за один из возвышающихся заснеженных пиков, его тепло быстро растворилось в горном воздухе. На Силзензюекс это подействует в первую очередь и наиболее жестоко, но Флинкс не сомневался, что он тоже был опасно незащищенным в своем тонком комбинезоне.

Он надеялся, что их мохнатые хозяева смогут что-нибудь предпринять насчет этого. Если их никто не ждет на противоположном конце озера — «длинной воды» его сна, — он будет очень смущен. И очень сожалеть.

На нижнем конце озеро сужалось до маленькой отдушины, а затем кувыркалось с ярким весельем всех горных ручьев вниз по склону, танцуя и падая с текучей хореографией на скалы, сломанные стволы и ветви. Несмотря на густоту верхнего леса, плотный, похожий на земной вереск, покров рос здесь буйно.

Флинкс сорвал маленькие кустики с цветами, со странными похожими на иглы листьями и центрами размножения. По этим

джунглям нижнего уровня зарывались, извивались и шмыгали мелкие мохнатые существа.

Силзензюекс пренебрежит во понюхала, свистя своими спикулами, когда они следили, как крошечное создание с десятью мохнатыми ножками и миниатюрными копытными юркнуло в нору на противоположном берегу ручья.

— Примитивный мир,— прокомментировала она.— Никаких насекомых.— Она уже дрожала.— И не удивительно. Этот мир слишком холоден для них — и для меня.

Флинкс начал рыскать глазами по лесу и тер ладони друг о друга. Время от времени он совал руку за пазуху комбинезона погладить Пипа. Минидракончик тоже происходил из парникового мира. Он становился недвижим в инстинктивном усилии сохранить энергию и тепло тела.

— Я, знаешь, тоже не чувствую себя здесь как дома,— сказал ей Флинкс. Обеспокоенно посмотрев вверх, он увидел, что солнце уже наполовину проглочено горой с хребтом, как у покалеченного динозавра.

— Мы можем здесь до смерти замерзнуть сегодня ночью или вернуться и рискнуть встретиться с той самкой,— запинаясь, выдавила Силзензюекс.— Чудесный выбор ты предоставил нам.

— Не понимаю,— озадаченно пробормотал он.— Я был настолько уверен. Голоса были такими ясными.

— Во сне все ясно,— философски заметила она.— Это реальный мир никогда не имеет смысла, теряет четкость по краям. Я все еще не уверена, что ты не потерял немного четкость по краям, Флинкс.

— Хо, хо,— грянул голос, словно молоток ударил по дну большого металлического котла. Это был настоящий голос, а не телепатический шепот.

— Шутка. Я люблю шутки!

Сердце Флинкса вернулось к нормальному стуку, когда он и Силзензюекс стремительно обернулись и увидели огромную широкую фигуру, выходящую вперевалку между двух деревьев. Особых физических отличий между туземцами не наблюдалось.

Флинкс, однако, теперь знал, что надо искать нечто менее очевидное. Оно ярко замигало ему, сильное, скрытое мысленное свечение, похожее на светляка, напомнил он себе.

— Здравствуй, Пушок. У тебя есть чувство юмора, но, пожалуйста, больше к нам так не подкрадывайся.

— Чувство юмора,— откликнулся, словно эхо, великан.— Это означает, что я люблю устраивать шутки? — он возвышался над ними на задних ногах, словно башня.— Да. Что лучше,

чем устройство шуток? Кроме, может быть, строительства пещер, еды, сна и занятия любовью.

Флинкс заметил, что широко улыбающийся рот двигался.

— Вы разговариваете,— заметила одновременно с ним Силзензюекс. Она повернулась к Флинксу: — Мне показалось, что ты сказал, что они телепаты?

— Можем пользоваться и мыслеречью тоже,— сказала что-то у нее в голове, заставив подпрыгнуть.

— Так вот что значит телепатия,— прошептала она, переживая этот новый опыт.— Она, в своем роде, очень пугающая.

— Зачем же утруждать себя речью? — поинтересовался Флинкс.

— Это менее действенно, но более забавно,— прохрипел в ответ Пушок.

— Намного более забавно,— подхватили два голоса. Появились бредущие к ручью Ням и Голубой. Опустившись на четвереньки, они принялись лакать воду.

— Почему же вы говорите так с людьми на базе?

— База? Большие металлические пещеры?

Флинкс кивнул и был вознагражден мысленным пожатием плечами.

— Никто не просит нас много говорить. Мы видим у них внутри, что им нравится, чтобы мы говорили вот так,— и он продолжал, выдав несколько урчащих слов и фыркнутой фраз.

— Это делает их счастливыми. Мы хотим, чтобы все были счастливы. Поэтому мы так и говорим.

— Не уверен, что понимаю,— признался Флинкс, усаживаясь на камень и дрожа. У его плеча материализовалась чудовищная фигура, и Силзензюекс подпрыгнула на полметра вверх.

— Никаких сомнений в этом,— прогремел Можетитак. Одна лапа сжимала два скомканных предмета, в то время как другая держала большой пластиковый футляр. Флинкс почувствовал, как теплая мысль окатила его, словно ведро горячей воды, а затем Можетитак пропал.

— Что это было? — захотела узнать разинувшая рот Силзензюекс.

— Можетитак,— рассеянно ответил ей Флинкс, изучая принесенное подвижным уйжуррийцем.— Термальные костюмы: один — для тебя, один — для меня.

Забравшись в самообогревающуюся облегающую одежду, они провели несколько роскошных минут, размораживаясь, прежде чем начали исследование содержимого большого футляра.

— Еда,— заметила Силзензюекс.— Два лучемета...

Флинкс сунул руку вглубь контейнера, сознавая, что дрожит. «И это... даже это». Он вытащил руку, держа маленькую, слегка помятую катушку.

— Как? — спросил он с благоговейным трепетом Пушка. — Как он узнал? — Улыбка Пушка была искренней и выходила за пределы застывшей у него на устах.

— Можетитак играет в свои собственные игры. Для Можетитака все — игра, и он очень хорош в играх. Лучше, чем любой из семьи. В некоторых отношениях он как переросший детеныш.

— Детеныш, — согласилась Ням. — Но большой огонек.

— Очень большой огонек, — согласился Голубой, поднимая голову и слизывая длинным языком воду с морды.

— Забавно, когда есть с кем поговорить, — игриво заметил Пушок. Затем он выдал впечатление обиженно нахмурившегося. — Другие прибыли, но не высадились. Можетитак видел их и говорит, что они делали какие-то странные вещи своими конструкциями, орудиями вроде тех, что в металлических пещерах. Они очень разволновались, а потом улетели.

— Церковная изыскательская партия, — без нужды прокомментировал Флинкс.

— Мы не поняли, почему они улетели, — сказал обеспокоенный Пушок. — Мы желали, чтобы они спустились и поговорили. Мы опечалились и хотели им помочь, потому что они были чем-то напуганы. — Снова мысленное пожатие плечами. — Хотя мы могли и ошибиться.

— Не думаю, что вы ошибались, Пушок. Их кое-что напугало, что и говорить.

Силзенаюзекс не обращала на него внимания. Она с отвисшими жвалами уставилась на Пушка. Флинкс повернулся к ней и спросил:

— Теперь ты понимаешь, почему этот мир поставили под Эдикт?

— Под Эдикт, — повторил Пушок, смакуя звуки устной речи. — Общее предостережение, заключающее в себе философские рационализации, проистекающие...

— Быстро ты учишься, Пушок, — сглотнул Флинкс.

— О, разумеется, — с детским энтузиазмом согласился великан. — Это забавно. Давай поиграем в игру. Ты придумай понятие или новое слово, а мы попробуем усвоить его, идет?

— Для изыскательской партии, проводившей здесь замеры, это была не игра, — вдруг объявила Силзенаюзекс. Она посмотрела на Флинкса. — Я вижу, что ты пытаешься мне сказать.

И к великану:

— Они не высадились, потому что... потому что побоялись вас, Пушок.

— Побоялись? Зачем меня бояться,— он хлопнул лапой, способной обезглавить человека, по своему торсу метровой ширины.— Мы всего лишь живем, едим, спим, занимаемся любовью, строим пещеры и играем в игры... и устраиваем шутки, конечно. Чего тут бояться?

— Твоего потенциала, Пушок,— медленно объяснил Флинкс.— Й вашего, Ням и Голубой, и твоего тоже, Можетитак, где бы ты ни был.

— Где-то там,— любезно помогла Ням.

— Они увидели ваш потенциал и шарахнулись, как черт от ладана, вместо того чтобы спуститься и помочь вам. Поместили вас под Эдикт, чтобы никто другой тоже не пришел вам на помощь. Они надеялись обречь вас всех на невежество. У вас неисчислимый потенциал, Пушок, но у вас, кажется, нет большого стремления им воспользоваться. Лишая вас этого, Церковь позаботилась о том, чтобы она могла...

— Нет! — закричала в муке Силзензюзекс.— Я не могу в это поверить. Церковь не стала бы...

— Почему же это? — фыркнул Флинкс.— Всякий может побояться, что большой ребенок свалит глыбу.

— Бояться неправильно,— скорбно заметил Пушок.— И печально.

— Прав в обоих случаях,— согласился с ним Флинкс. Вдруг осознав, что его желудок требовал внимания, он выудил из пластикового контейнера большой кубик обработанного мяса и сыра и присел на камень. Удалив оберточную фольгу, он откусил большой кусок от него, а затем принялся искать в контейнере что-нибудь пригодное для Пипа.

Силзензюзекс присоединилась к нему, но проверяла припасы в лучшем случае без энтузиазма. В голове у нее крутился мощный водоворот конфликтующих, сбивающих с толку и деструктивных мыслей. Знание того, что сделала Церковь, вдребезги разбивало веру, которой она придерживалась с самого окукливания. Каждый раз, когда еще один идеал с треском рушился, он вызывал у нее болезненный укол.

Флинкс принял решение:

— Вы хотели поговорить, поиграть в игру понятий и слов?

— Да, давай поиграем,— с энтузиазмом прогнусавила, подходя мелкими шажками, Ням.

— Давай поговорим,— согласился Голубой.

Флинкс выглядел мрачным, учитывая, что он затеял совершить, и порадовался, открыв, что это решение заставляло его испытывать большее удовлетворение, чем любое принятое им за всю его жизнь.

— Уж не сомневайтесь, поговорим.

ГЛАВА 11

— Но не здесь,— вставил Пушок.

— Определенно, не здесь,— откликнулся Голубой.— Пошли в Пещеру.

Отвернувшись от Флинкса, он и Ням зашагали в ногу через лес. Пушок вперевалку тронулся за ними, предложив жестом Флинксу и Силзензюэкс следовать за ним.

— Пещеру? — переспросил Флинкс попозже, когда он и дрожащая транксийка, натирая волдыри от быстрого шага, взбирались на гору.— Вы все разделяете одну пещеру?

Пушок, казалось, удивился:

— Все разделяют одну Пещеру.

— Значит, вы все принадлежите к одной семье? — выдохнула Силзензюэкс.

— У всех одна семья,— рослый туземец был явно озадачен этими вопросами.

Флинксу пришло в голову, что на уме у Пушка могло быть нечто иное, чем непосредственные родственные отношения. Слово со множеством значений могло сбить с толку и человека, не говоря уже об инопланетянине, едва-едва знающем язык.

— А мы из той же семьи, Пушок? — медленно спросил он. Тяжелые мохнатые брови задумчиво наморщились.

— Еще не уверен,— сообщил ему, наконец, их скромный спаситель.— Когда узнаю, дам тебе знать.

Еще час изнурительного путешествия по камням и канавам — и Флинкс оказался запыхавшимся. Для его спутницы, истощившей силы и прилегшей посреди группы цветущей поросли, дело обстояло намного хуже.

— Извини,— прошептала она.— Я не могу удержаться на ногах. Устала и замерзла.

— Подожди,— сказал он.— Пушок, подожди нас!

Впереди трое уйюрийцев остановились и выжидающе посмотрели назад.

Флинкс опустился на колени и осторожно изучил сломанную стопорку. Хотя Силзензюлекс и не подвергала ее давлению, сочленение, кажется, не зарубцовывалось как положено.

— Нам придется наложить шину на этот перелом,— тихо пробормотал он. Она кивнула, соглашаясь.

— Сделаешь это в пещере,— посоветовал Пушок, вернувшись к ним.

— Сожалею, Пушок,— объяснил Флинкс.— Но она не сможет дальше идти, если мы не исправим этот перелом.— Он подумал и предложил: — Вы, трое, идите дальше, оставляя след в виде сломанных веток, а мы позже догоним вас.

— Глупо,— возразил туземец. Он придвинулся поближе, его огромная туша заставляла стройного юношу выглядеть рядом с ним карликом. Флинкс заметил, что Пип не шелохнулся. Если его приятель не выражал никакой озабоченности, значит, он не чувствовал никакой угрозы за этими надвигающимися светящимися глазами.

Пушок изучил дрожащую Силзензюлекс и с любопытством спросил:

— Что делать, друг-Флинкс?

— Если ты думаешь, что с нашей стороны глупо идти по вашему следу,— осторожно сказал он уйюрийцу, внимательно следя за любыми признаками гнева,— то вы могли бы подвезти нас.

Голубой почесал задней ногой под челюстью:

— Что такое подвезти? — с интересом спросил он.

— Значит нести их вместо камешков,— фыркнул глухой голос с легким презрением к несообразительности Голубого. Флинкс развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как чуть фосфоресцирующая фигура Можетитака пропадает куда-то там.

— Теперь понятно,— удовлетворенно проурчал Пушок.— Что нам делать?

— Просто стой тут,— проинструктировал Флинкс, гадая, когда он шел к этой коричневой стене, окажется ли эта идея в конечном итоге такой уж умной. Большая урсинондная голова повернулась, наблюдая за ним.— А теперь ляг на живот.

Пушок быстро плюхнулся с пневматическим «Тум». Осторожно поместив одну стопу на его левый бок, Флинкс поднял руки и, захватив две пригоршни жестких волос, с силой потянулся. Когда не раздалось никакого протеста, он потянул снова, на этот раз достаточно сильно, чтобы взметнуть себя на широкую спину.

— Отлично, теперь можешь снова встать на четвереньки,— сказал он своему шутливому одру.

Пушок поднялся с гидравлической плавностью, мысленно улыбаясь. «Ясно. Это мысль лучше».

— Новая забавная штука,— согласилась Ням. Она и Голубой подошли мелкими шажками к Силзензюекс и потратили целую минуту, споря из-за того, кому следует первым испробовать этот новый опыт. Спор выиграла Ням. Она подошла к наблюдавшей трансксийке и улеглась рядом с ней.

Силзензюекс с опаской изучила этот мускулистый торс и взглянула на Флинкса, тот поощряюще кивнул, и она осторожно влезла на Ням, вонзила свои когти в густой мех и крепко уцепилась.

Они обнаружили, как медленно прежде шли уйжоррийцы, чтобы дать двум своим жалким друзьям возможность не отставать от них. Если Пушок или Ням и замечали груз у себя на спине, то это ни в чем не проявлялось, и маленькая группа летела через лес.

В дальнейшем у них возникла только одна неприятность, когда Флинкса чуть не выбросило. Он едва-едва сумел удержаться, когда Пушок без предупреждения поднялся на задние ноги. Он продолжал бежать на двух ногах, как будто и не умел по-другому и со скоростью, какую не мог показать никакой земной медведь.

Силзензюекс, имевшая возможность цепляться семью конечностями, держалась куда надежней, когда Ням тоже поднялась, чтобы не отстать от длинного двуногого шага Пушка.

Невозможно было сказать, как долго или как далеко они пропутешествовали, когда спустились в последнюю долину. Во время бега ни один из урсиноидов не сбавил скорости, хотя к тому времени они слегка пыхтели.

В этой третьей долине господствовал ручей, параллельно которому они и бежали во время своего отхода. Он расширился здесь в другое озеро, хотя и намного меньшее, чем граничившее с горнорудным поселением, оставшимся теперь далеко позади. Здесь, среди квазихвойных, рос новый вид дерева. У него были широкие желто-коричневые листья. Определенные разновидности, разглядел в темноте Флинкс, имели различные сорта ягод, хотя те были скудноваты. Другие могли похвалиться скоплениями орехов в овальной скорлупе, некоторые величиной с кокосы.

— Вы их едите? — спросил Флинкс, показывая на отягощенные ветви.

— Да,— ответил Пушок.

— И вы также едите мясо?

— Только в снежное время,— спокойно объяснил ему хозяин.— Когда не цветут байга и магинак. Мясо не забавно и требует больше труда. Оно убегает.

Теперь они двигались к крутому горному склону. В мягком лунном свете Флинкс видел, что это была голая скала, лишенная осыпи. Несколько кругов создавали темные пятна на фоне серого гранита. Между темной береговой линией и пастями пещер прыгали уйжоррийцы разных размеров, включая первых увиденных ими детенышей.

— Если не есть для разнообразия мясо,— продолжал Пушок,— то начинаешь чувствовать себя больным.

— А почему вы не любите есть мясо? — поинтересовалась Силзензюекс.

Флинкс молился, чтобы она не втянула их впечатлительных хозяев в какой-нибудь абстрактный духовный диалог.

Пушок объяснил, словно детям:

— Даже жизнь наджака или шестиногого уродца койвета равна куску солнца. Когда его гасят, тепло покидает его.

— Мы не любим делать яркие вещи темными,— развил тему Голубой.— Мы бы скорее делали темные вещи яркими. Но...— скорбно заключил он,— не знаем как.

Они замедлили шаг и, наконец, совершенно остановились перед первой из пещер. Флинкс заметил, что вход состоял из аккуратно сложенных валунов, со щелями, замурованными за отсутствием железобетона меньшими камнями и галькой.

Уговорив Пушка лечь, он начал соскальзывать со спины урсиноида.

Взглянув назад, Флинкс увидел длинное стеклянное копьё лунной дорожки, разбитой на куски рябью и водоворотами озера. Осмотр лежащей впереди пещеры не открыл ничего, кроме черноты.

— Пушок, ты сказал, что все разделяют одну Пещеру, но я вижу в горном склоне и другие отверстия.

— Это все одна и та же пещера,— объяснил туземец.

— Ты имеешь в виду, что они все соединяются где-то внутри горы?

— Да, все встречаются друг с другом.— До него дошла теплая мысленная улыбка.— Это все часть игры, в которую мы играем.

— Игры? — откликнулась Силзензюекс, порядком подзамерзшая, несмотря на то, что ее термальный костюм был установлен на максимум. Когда Пушок никак это не

прокомментировал, она подумала вслух: — Как ты думаешь, мы сможем устроить костер?

— Разумеется,— весело сказала Ням.— Что такое устроить костер? Это все равно что построить пещеру?

Флинкс терпеливо объяснил, что для этого требовалось, уверенный, что ему придется сделать это только раз.

— Мы пойдем и соберем мертвое дерево,— вызвались Ням и Голубой, когда он закончил объяснять.

— В какую такую игру вы играете, Пушок, та, что связана с вашим медвежьим лабиринтом? — спросил Флинкс, когда двое других отбыли.

Пушок проигнорировал вопрос и попросил их зайти в пещеру, где он молча обменялся приветствиями с другим огромным туземцем.

— Это Мякогладая, моя подруга,— уведомил он их в ответ на мысленно высказанный Флинксом вопрос.— Ты спрашиваешь об игре друг-Флинкс... Наши прапрапрародители беспокоились, что однажды холод может остаться навек и много огоньков в семье угаснет.

— Я бы не сказала, что сейчас жара,— заметила Силзензюекс.

— Холод приходит, когда горы гасят солнце,— объяснил Пушок.— Наши прапрапрародители чувствовали, что с каждым годом становится все холоднее. Им казалось, что с каждым годом солнце становится меньше, чем годом раньше.

Флинкс медленно кивнул:

— У вашего мира, Пушок, орбита эллиптическая, но не постоянная, согласно виденным мною статистическим данным, она с каждым веком раскачивается, удаляясь все дальше и дальше от вашего солнца — хотя не могу представить, как это поняли ваши предки.

— Много новых понятий,— нахмурился Пушок.— Так или иначе, наши покойные прапрапрародители решили как все наладить. Следует соответствующим образом придвинуться поближе к солнцу.

— Они говорили о регуляции орбиты Ульру-Уйюрра,— прохрипел Флинкс. — Но как они узнали?

— Надо спросить предков,— пожал плечами Пушок.— Очень трудно сделать.

— Да уж, я думаю,— охотно согласилась Силзензюекс.

— Был, однако, и новый способ,— продолжал рослый туземец.— Копатели...

— Люди на руднике?

— Да. Они делают свои собственные пещеры очень теплыми. Мы спросили у них, как и нам тоже сделать пещеры теплыми.

— И что же они предложили? — поинтересовался Флинкс.

Пушок, похоже, был сбит с толку:

— Они сказали нам выкопать в земле большую яму, а затем засыпать там себя. Мы попробовали и обнаружили, что это создает тепло. Но так невозможно двигаться и скоро становится скучно. А также нет света. Мы не поняли, почему они сказали нам делать это таким способом. Сами они так не делают. Почему же они сказали нам сделать так, друг-Флинкс?

— Это ААнский способ веселиться в действии, — с тихой яростью ответил он.

— ААнский? — переспросил Пушок. Вернулись Ням и Голубой, оба зарытые под охапками мертвых веток.

— Некоторые из людей на руднике — ААнны, — объяснил Флинкс. — Те, что с холодным умом.

— А, холодные умы, — откликнулся, узнавая, Пушок. — Мы не понимали, как такие холодные могут дать нам знание того, как стать теплым. Но мы все равно попробовали.

Флинкс не мог смотреть на дружелюбного туземца:

— Сколько... сколько из экспериментаторов умерло?

— Экспериментаторов?

— Тех, что попробовали закопать себя?

— О, друг-Флинкс зря беспокоится. Никто не умер, — заверил его Пушок, чувствуя успокоение ума человека при этих словах. — Понимаешь, мы закопали Можетитака...

— Вот дерево, — перебила Ням.

— Вам нужно еще? — спросил Голубой.

— Я думаю, нам этого хватит, чтобы протянуть по меньшей мере неделю, — сообщил им Флинкс. Пока он говорил, Силзензюэкс укладывала часть дерева в треугольный стог, тонкие истрюки делали скульптуру из прутьев и тонких стволов.

Флинкс прислонился к стене пещеры, ощущая прохладу камня сквозь термальный костюм:

— Как, по мнению ваших прапрапрародителей, вы могли отрегулировать... придвинуться ближе к солнцу?

— Играя в игру, — снова сказал ему Пушок. — Игра и создание пещеры-дома — одно и то же.

— Предполагалось, что копанье пещер приблизит ваш мир к его солнцу? — переспросил Флинкс, не уверенный, что правильно расслышал.

Но Пушок просигналил согласие:

— Это часть схемы игры.

— Схемы? Какой схемы?

— Это трудно объяснить, — лениво ответил Пушок.

Флинкс поколебался и огласил неожиданную мысль:

— Пушок, сколько времени ваш народ играл в игру копания системы пещер?

— Сколько времени?

— Сколько ваших дней?

— Дней. — Пушок решил, что настало время справиться у других. Он позвал Голубого, а с Голубым подошла и Ням. К ним присоединилась Мягкогладкая, и на короткий миг возник, чтобы добавить свое замечание, Можетитак.

В конечном итоге Пушок повернулся обратно к Флинксу, называя с уверенностью цифру. Большую цифру. Чрезвычайно большую.

— Вы уверены в своем исчислении? — медленно спросил, наконец, Флинкс.

Пушок ответил утвердительно:

— Число верно. Научились системе счета на руднике.

Силзензюзекс вопросительно глядела на Флинкса, когда тот отвернулся, снова прислонился к стене и уставился на темный холодный потолок. Она спросила, прежде чем разжечь костер:

— Сколько?

Возникла долгая пауза, прежде чем он, казалось, вернулся издалека и взглянул на нее:

— Судя по тому, что говорит Пушок, они играли в эту игру с копанием взаимосвязанных туннелей чуть меньше четырнадцати тысяч земных лет. Должно быть, этот сектор континента пронизан ими как голландский сыр. И к тому же невозможно сказать, насколько глубоко они тянутся.

— Что такое сыр? — поинтересовалась Ням.

— Что такое голландский? — спросил Голубой.

— Насколько далеко находится глубоко? — хотел знать Пушок.

Флинкс ответил новым вопросом:

— Сколько еще предполагается копать, прежде чем эта схема будет закончена, Пушок?

Уйюрьец помолчал, ум его деловито работал.

— Не слишком долго. Еще двенадцать тысяч ваших лет.

— Плюс-минус несколько сот, — тупо сглотнул Флинкс.

Но Пушок укоряюще поглядел на него:

— Нет... точно.

Огромные бесхитростные глаза уставились в глаза Флинкса.

— И что же должно случиться, когда эта схема будет завершена, когда игра будет окончена?

— Две вещи,— любезно объяснил Пушок.— Мы определенным образом приблизимся к теплу и начнем искать новую игру.

— Ясно,— пробормотал про себя Флинкс.— А Руденуаман считала этот народ первобытным, потому что он проводит все свое время копая пещеры.

Силзензюэкс не двигалась, забыв о костре. Лицо ее стало маской неуверенности:

— Но как может копание нескольких пещер изменить орбиту планеты?

— Несколько пещер? Не знаю, Сил,— тихо пробормотал он.— Сомневаюсь, знает ли кто-нибудь вообще. Может быть, законченная схема произведет достаточно крупное изменение в коре планеты, чтобы создать катастрофическую складку, которой хватит для сжатия в нужный момент нужного объема пространства. Если бы я побольше знал математику катастроф — и если бы мы могли воспользоваться самым большим компьютером Церкви,— я мог бы это проверить.

Или, может быть, туннелям предназначено черпать энергию планетного ядра, или комбинация этого и складки... Чтобы ответить на это, нам нужно несколько блестящих математиков и физиков.

Силзензюэкс осторожно посмотрела на Пушка:

— Ты можешь объяснить, Пушок, что предположительно произойдет, и как?

Грузный урсиноид траурно посмотрел на нее, простая задача при этих выразительных глазах:

— Печально, но для этого нет понятий.

Затем в пещере стало тихо, пока, оживая, не закашлял костер. Сразу появилось несколько язычков пламени, и через несколько секунд костер с энтузиазмом пылал. Силзензюэкс ответила длинным тихим свистящим вздохом и устроилась поближе от уютного жара.

— Тепло! — издала удивленный возглас Ням.

Голубой сунул лапу поближе к пламени и поспешно отдернул ее:

— Очень тепло,— подтвердил он.

— Мы можем научить вас, черт, мы уже научили вас как развести сколько угодно костров вроде этого. Я не говорю, что вам следует бросить свою игру, но если вы заинтересованы, мы с Силзензюэкс можем показать вам, как гарантировать тепло во время вашего афелия намного раньше, чем через двенадцать тысяч лет.

— Так легче,— допустил Пушок, показывая на костер.

— И забавно,— добавила Ням.

— Слушай, Пушок,— энергично начал Флинкс,— почему ваш народ так долго и тяжело работает для холодных умов и других в руднике?

— Ради ягод и орехов, которые они приносят нам из далеких мест,— сообщила Мягкогладкая из маленькой ниши, вырезанной в стене пещеры.

— Из далеких мест,— закончил Голубой.

— Почему бы не отправиться туда и не добыть их самим?

— Слишком далеко,— объяснил Пушок,— и слишком трудно, как говорит Можетитак.

Флинкс отделился от стены, заговорив самым серьезным тоном:

— Неужели ты не понимаешь, Пушок? Я пытаюсь показать вам, что люди с рудника вас эксплуатируют. Они дают вам работать сколько угодно, с огромной прибылью для себя, а в обмен платят вам ровно столько орехов и ягод, чтобы вы продолжали работать на них.

— Что такое прибыль? — спросила Ням.

— Что такое платить? — хотел знать Голубой.

Флинкс начал было отвечать, а затем сообразил, что у него нет времени. Во всяком случае, для объяснения современной экономики, соотношения работы с производимыми ценностями и сотни других концепций, которые пришлось бы подробно растолковывать, прежде чем он мог бы объяснить этому народу два простых понятия.

Снова прислонившись к стене, он уставился на вход в пещеру, проглядывавший за мерцанием костра. Пригоршня незнакомых звезд поднялась над кольцом гор, опоясывавшим противоположную сторону озера. Углубившись в размышления, он простоял не один час, в то время как хозяева расслабились в вежливом молчании и ждали, когда он вновь заговорит. Они признали его озабоченность и сосредоточенность и держались на почтительном расстоянии от его мыслей.

Один раз он помог Силзензюекс наложить на ее сломанное сочленение шину из куска дерева покрепче, а затем вернулся на свое место к своим мыслям. Через некоторое время эти звезды сменились другими, а потом, в свою очередь, скрылись и они.

Он все еще сидел там, размышляя, когда услышал звук, похожий на издаваемый дверью склада на старых, скрипучих петлях. Пушок вторично зевнул и перекатился на другой бок, открывая блюдцеобразные глаза и глядя на него.

В скором времени в пещеру вливалось солнце, а Флинкс все еще не сказал хотя бы «Доброе утро». Все с любопытством

сидели за ним, даже Силзензюекс сохраняла почтительное молчание, чувствуя, что под этими нечесаными рыжими вихрями формируется что-то важное.

Бесконечную тишину нарушил Пушок:

— Прошлой ночью, друг-Флинкс, твой ум постоянно шумел, словно много падающей воды. Сегодня он все равно что земля после того, как вода упала и замерзла — высоко наваленная одинаковость, белая и чистая.

Силзензюекс сидела на корточках. Она чистила иструками и здоровой стопоруккой брюшко, яйцеклады, большущие фасеточные глаза и антенны.

— Пушок, — непринужденно обратился Флинкс, словно с тех пор, как они разговаривали в последний раз, не прошло так много времени, словно долгая ночь была всего лишь минутной паузой. — Как бы тебе и твоему народу понравилось начать новую игру?

— Начать новую игру, — серьезно повторил Пушок. — Это большое дело, друг-Флинкс.

— Да, — признал Флинкс. — Она называется цивилизацией.

Силзензюекс закончила чиститься и резко вскинула голову в его сторону, хотя в ее голосе было теперь намного меньше уверенности, когда она высказала свои возражения:

— Флинкс, ты не можешь. Ты теперь знаешь, почему Церковь поместила этот мир под Эдикт. Какие бы мы лично не испытывали чувства по отношению к Пушку и Ням и остальным из этого народа, мы не можем оспаривать решения Совета.

— Кто сказал? — огрызнулся Флинкс. — И кроме того, мы не знаем, что Эдикт был провозглашен Советом. Несколько бюрократов в нужном месте могли принять свое собственное богоподобное решение предать уйюрийцев невежеству. Извини, Сил, но хотя я и признаю, что Церковь ответственна за некоторые добрые деяния, она все же организация, состоящая из людей. И подобно всем существам, они преданы в первую очередь себе, и уж во вторую — всем прочим. Будет ли Церковь распущена, если ее можно будет убедить, что это было бы в наилучших интересах Содружества? Я в этом сомневаюсь.

— Тогда как ты, Филип Линкс, озабочен в первую очередь всеми прочими, — съязвила она.

Нахмурившись, он принялся расхаживать по теплеющему полу пещеры:

— Откровенно говоря, я не знаю, Сил. Я даже не знаю, кто я такой, не говоря уже о том, что я такое, — его голос усилился. — Но я знаю, что в этом народе я вижу невинность

и доброту, которой никогда не встречал, ни в каком челанксийском мире. — Он внезапно остановился и уставился на звезды, созданные на озере утренним солнцем.

— Может быть, я молодой дурак, узко мыслящий идеалист, называй это чем угодно, но мне думается, что теперь я знаю, чем хочу быть. То есть, если они примут меня. Первый раз в своей жизни я знаю.

— И чем же это? — спросила она.

— Учителем, — он повернулся лицом к терпеливым уйюрийцам. — Я хочу научить тебя, Пушок, и тебя, Ням, и вас, Голубой и Мякогладкая, и даже тебя, Можетитак, где бы ты ни был.

— Здесь, — проворчал голос снаружи. Можетитак лежал на низкой, похожей на вереск поросли перед входом в пещеру, катаясь и потягиваясь от удовольствия.

— Я хочу научить вас всех новой игре.

— Большое дело, — медленно повторил Пушок. — Это не нам одним решать.

— Надо сообщить другим, — согласился Голубой.

На сообщение всем другим потребовалось некоторое время. Если точнее, то на это потребовалось одиннадцать дней четыре часа и маленькая тележка минут и секунд. Затем им пришлось ждать еще одиннадцать дней, четыре часа и несколько минут для того, чтобы все ответили.

Но для решения каждому индивидууму потребовалось очень мало времени.

На двадцать третий день после того, как был задан вопрос, перед пещерой появился Можетитак. Флинкс и Силзензюэкс сидели вместе с Пушком, Ням и Голубым на берегу озера. Новоприбывшего они не заметили.

В тот момент Флинкс держал длинную прочную лозу с присоединенными к одному концу острыми осколками кости. Он учил Пушка ловить рыбу, в то время как другие из их маленькой группы следили.

Пушок, похоже, пришел в восторг, когда он вытащил четвертую рыбину за день, округлый серебристый организм, выглядевший словно гибрид рыбы-шара и форели.

Водоплавающие, объяснили уйюрийцы, содержали в себе меньше света, чем наджаки и другая сухопутная добыча. Следовательно, рыболовство являлось меньшим злом, чем охота.

— Это тоже часть новой игры? — спросила Ням, с первой же попытки превосходно воспроизводя устройство из лозы и постоянного крючка.

— Да, — признал Флинкс.

- Это хорошо,— заметил Голубой.
- Надеюсь, что все с этим согласятся.

Силзензюекс проглотила еще одну пригоршню ягод. Содержание сахара было удовлетворительным, а свежесть оживляла ее диету.

Слегка обиженный, Можетитак исчез и вновь появился рядом со входом в пещеру. Силзензюекс чуть не упала с гладкого гранита, где сидела.

— Все ответили,— объявил Можетитак.— Почти все говорят «Да». Теперь мы играем в новую игру.

— Выбросить четырнадцать тысяч лет копания в выделительный канал,— прокомментировала Силзензюекс, снова поднимаясь на ноги и отряхивая брюшко.— Надеюсь, ты осознаешь, что делаешь, Флинкс.

— Не беспокойся,— фыркнул ей Можетитак.— Только здесь мы теперь играем в новую игру. Другие места на окраинах мира будут продолжать старую. Если новая игра не забавна,— он сделал легкую паузу,— мы вернемся к старой игре,— он обратился к Флинксу мощный взгляд.— Навсегда, — добавил он.

Флинкс неуютно поерзал, когда загадочный уйюрьец исчез. Несколько недель назад он был так уверен в себе, горел никогда прежде не испытываемым им мессианским рвением. А теперь его совесть начинали грызть первые настоящие сомнения. Он отвернулся от обращенных на него со всех сторон взглядов, урсиноиды были хорошо снаряжены, для того чтобы палиться.

— Это хорошо,— вот и все, что пробормотал Пушок.— Как мы начнем игру, Флинкс?

Тот указал на завершенные всеми превосходные устройства из крючка и лозы.

— Костер был началом. И это начало. А теперь я хочу, чтобы все, кто работает на людей в руднике, пришли сюда учиться с нами, по ночам, чтобы холодные умы ничего не заподозрили. Это было бы,— он лишь ненадолго заколебался, плохо для игры.

— Но когда же мы будем спать? — захотела узнать Ням.

— Я буду говорить не слишком долго,— ответил Флинкс.— Это необходимо. Может быть,— добавил он без большой уверенности,— мы сможем выполнить первую часть игры, не делая никаких светлых мест темными. Наших или чьих-то других.

— Это хорошо,— провозгласил Пушок.— Мы скажем другим на руднике.

Когда урсиноиды рассеялись, Силзензюекс бочком приблизилась к нему.

— Научить их кое-каким основам цивилизации, помогая в то же время и себе самим,— пробормотал он себе под нос.— Коль скоро они избавятся от людей на руднике, у них появится основа для приобретения всех орехов и ягод, каких только они захотят...

ГЛАВА 12

— Надеюсь,— заметила Телин ауз Руденуаман,— что барон скоро завершит свою охоту. У нас иссякает разная синтетика и сырье для синтезаторов пищи, и почти не осталось запасов некоторых других незаменимых предметов.

— О бароне незачем беспокоиться,— заверил ее из-под своего неподвижного человеческого лица Меево.

И в самом деле, не было никаких причин для озабоченности, настаивала она про себя, поворачиваясь, чтобы посмотреть наружу через заново вставленные розовые оконные панели. Выше на горе работали как всегда ровно и умело горняки.

Барон и раньше неоднократно путешествовал через территорию Содружества. Тем не менее она не могла не испытывать укол озабоченности каждый раз, когда один из ее кораблей перевозил замаскированных рептилий. Если бы патрульный корабль Содружества перехватил одно из этих судов и обнаружил на борту ААннов, она могла бы уцелеть только благодаря паутине путаных объяснений.

Но она потеряет незаменимого делового помощника. Не все же члены ААннской аристократии так понимали человеческие побуждения или мыслили так по-деловому, как Рииди ВВ.

Загудел телефон, требуя ответа. Меево поднялся и ответил на звонок. Отвернувшись от перспективы леса и гор, Телин увидела, как его гибкая гуманоидная маска несколько раз дернулась, признак того, что под ней происходили непостижимые рептильные сокращения.

— Сказал что... что случилось? — невнятный голос ААнна повысился.

— Что происходит, Меево? — нагнулась поближе Телин.

Инженер-ААнн медленно положил трубку внутренней связи:

— Это звонил Чаргис с рудника. Сбежавшие человек и трансксийка вернулись живыми. Он докладывает, что с ними множество туземцев, и что новоприбывшие объединились с работающими на руднике в вооруженном бунте.

— Нет, нет...— она почувствовала слабость, так как его слова подавляли ее.— Туземцы, вооруженные... это невозможно.— Голос ее поднялся до визга, когда она снова овладела собой.— Невозможно! Они не ведают разницы между энергобуrom и лучеметом. Зачем им вообще захотелось бы взбунтоваться? Чего они хотят... побольше орехов и ягод? Это безумие! — лицо ее вдруг опасно вытянулось.— Нет, подожди, ты сказал, что с ними вернулись человек и транксийка?

— Так утверждает Чаргис.

— Но это тоже невозможно. Им полагалось умереть от холода мною недель назад. Каким-то образом,— сделала она неизбежный вывод — они, должно быть, сумели наладить общение с туземцами.

— Я бы сказал, что это преуменьшение,— сказал инженер.— Мне говорили, что туземцы не имеют никакого языка, никаких средств передавать абстрактные понятия друг другу, не говоря уже о посторонних.

— Мы что-то проглядели, Меево.

— Как минимум, я бы сказал, что именно так,— согласился инженер. — Но, в конечном итоге, это не будет иметь значения. Одно дело научить дикаря стрелять, а другое — объяснить ему тактику ведения войны.

— В любом случае, где они достали оружие? — недоумевала Телин, снова посмотрев на горный склон. Отдаленные строения не показывали никаких признаков происходящего внутри конфликта.

— Чаргис сказал, что они одолели охранника и вломилась в заводской арсенал,— объяснил Меево.— Там был только один охранник, так как здесь нет никого, кто украл бы оружие. Чаргис далее сказал, что туземцы вламывались неуклюже и недисциплинированно, и что человек и транксийка упорно старались утихомирить их,— он злобно усмехнулся.— Возможно, они спустили с цепи нечто такое, с чем не могут управиться. Чаргис сказал...— инженер заколебался.

— Что еще сказал Чаргис?

— Он сказал, что туземцы вызвали у него впечатление, будто они рассматривают все это как... игру.

— Игру,— медленно повторила она.— Пусть так и продолжают думать, даже умирая. Свяжись со всем персоналом на базе,— приказала она.— Вели им покинуть все здания, кроме тех, которые сосредоточены здесь, вокруг Администрации. У нас есть ручные лучеметы и достаточно большая лазерная пушка, чтобы сбить в небе военный челнок. Мы будем просто

спокойно сидеть здесь, удерживая средства связи, производство пицци, это здание и электростанцию, пока не вернется барон.

— После того как мы испечем кое-кого из их числа,— небрежно продолжала она, словно говорила о выпалывании сорняков,— игра, возможно, теряет для них интерес. Если же нет, то челноки достаточно быстро покончат с ней,— она снова взглянула на него.— Вели также Чаргису собрать нескольких хороших стрелков в две группы. Они могут воспользоваться двумя большими машинами и держать наших дружелюбных рабочих загнанными в бутылку, там где они находятся. Однако поосторожней со стрельбой, я не хочу повредить ничего в зданиях рудника, если в этом не будет абсолютной необходимости. Это оборудование слишком дорого. За исключением этого, они могут потренироваться в стрельбе по любым туземцам, каких найдут снаружи.

И добавила про себя: — Но они ни при каких обстоятельствах не должны убивать человеческого юношу или трансксийку. Они оба нужны мне целыми и невредимыми!

Она в отвращении покачала головой, когда инженер двинулся передавать ее распоряжения.

— Чертовски неудобно. Нам придется завезти и обучить целиком новый набор чернорабочих...

«Все,— с яростью подумал Флинкс в начале,— прошло гладко и по плану». А потом он беспомощно наблюдал, как месяцы планирования и инструктажа были отброшены в сторону, опрокинутые неконтролируемым удовольствием, которое получали уйгуррийцы, вламываясь в арсенал, чтобы захватить игрушки, заставлявшие вещи исчезать. Даже Пушок не мог их успокоить.

— Они наслаждаются, Флинкс,— объяснила Силзензюзекс, пытаясь утешить его.— Можешь ли ты их винить? Эта игра куда более волнующая, чем все, во что они когда-либо играли раньше.

— Хотел бы я знать, будут ли они по-прежнему так думать, когда погасят несколько их огней,— сердито пробурчал он.— Будут ли они по-прежнему считать мою игру забавной, после того как увидят некоторых своих друзей, лежащими на земле с выжженными лучеметами Руденуаман внутренностями? — он отвернулся, потеряв дар речи от гнева на себя и уйгуррийцев.

— Я хотел захватить рудник бесшумно, внезапно, никого не убивая,— пробурчал, наконец, он.— Со всем этим шумом, который они устроили, вламываясь в арсенал, я уверен, что остальные находящиеся в здании сотрудники услышали и

доложили вниз. Если Руденуаман умна, а это так, то она поставит своих оставшихся людей на круглосуточное дежурство и будет ждать, когда мы к ней заявимся.

Он осознал стоящего поблизости Пушка, посмотрел глубоко в эти ожидающие глаза. «Боюсь, Пушок, что твоему народу теперь придется убивать».

Урсинюид, не колеблясь, ответил ему таким же взглядом: «Понятно, друг-Флинкс. Серьезная это игра, в которую мы играем, эта цивилизация».

— Да,— пробормотал Флинкс.— Она всегда была такой. Я надеялся избежать прежних ошибок, но...

Голос его пропал, и он сел на пол, угрюмо уставясь на металлическую поверхность между коленей. Прохладная дубленая морда потерлась о его лицо, Пип. Чего он не ожидал, так это мягкого давления ниже шеи, там, где у него была бы грудная клетка-б, будь от транксом.

Оглянувшись, он увидел глядящие на него фасеточные глаза.

— Теперь ты можешь только делать все, что в твоих силах,— тихо прошептала она. Тонкая иструка мягко двигалась, массируя ему спину.— Ты начал это дело. Если ты не поможешь закончить его, то поможет та самка внизу.

От этого он почувствовал себя немного лучше, но лишь немного.

Четко прозвучал резкий треск, похожий на звук разрываемой фольги. Флинкс вскочил на ноги, побежал в направлении звука, за которым вскоре последовал второй. Через прозрачную панель, проходящую вдоль проходного коридора, они посмотрели вниз, на пологий склон с правой стороны большого здания. Он был лишен растительности, расчищенный на расстоянии в двадцать метров от стены строения.

По другую сторону, почти у лесной опушки они увидели парящие силуэты двух машин. Те же машины, отметил Флинкс, которые встретили их челнок по прибытии сюда так много недель назад.

На каждой машине спереди была установлена небольшая лазерная пушка. Пока они смотрели, из одного такого оружия выскочил тонкий красный луч на каменный склон впереди и выше. Там было несколько мелких, уходящих в гору, шахт.

Вскоре чистая скала была изуродована тремя черными эллипсоидами, скромными пятнами разрушения там, где завяли кусты и расплавились в стекло более светлые силикатные скалы.

Откуда-то из верхнего конца рудника сверкнула голубая линия ручного лучемета, ударившая по наружной части машины.

Экран машины оказался более чем достаточно прочным, чтобы поглотить и рассеять такие крошечные вспышки энергии.

Неожиданно две машины повернули и быстро двинулись обратно вниз по склону к главному зданию. Их приглушенное гудение проникло в коридор, где Флинкс и другие молча следили, как машины, плавно проплыв в метре над поверхностью на толстых воздушных подушках, повернули и остановились как раз за пределами досягаемости лучемета.

Минуту спустя из-за угла к ним протопала знакомая туша. Резко затормозив, она дала своим словам выплеснуться в промежутках между вздохами, как у паровой машины.

— Они убили А, Бэ, Вэ,— вздохнул он с расширенными больше обычного огромными глазами.

— Как это случилось? — спокойно спросил Флинкс.— Я же сказал всем, что они не станут стрелять по этим зданиям. Они не рискнут повредить свое оборудование, так как все еще не убеждены, что мы представляем для них серьезную угрозу.

Пушок взял объяснение на себя, уже связавшись молча и быстро с Голубым: «А, Бэ и Вэ пошли к металлическим пещерам».

— Но почему? — то ли спросил, то ли заплакал Флинкс.

— Они подумали, что создали новую идею,— медленно объяснил Пушок. Флинкс не продемонстрировал ни малейшего понимания, так что урсиноид продолжил: — Эти последние много дней ты постоянно твердил нам, что в эту игру, которую ты называешь цивилизацией, следует играть согласно здравому смыслу, логике, разуму. Судя по тому, что рассказывает мне Голубой, А, Бэ и Вэ решили между собой, что если это так, то холодные умы и другие увидят, что будет разумно и логично сотрудничать с нами, поскольку мы отобрали у них рудник.

— Они вышли без оружия поговорить разумно и логично с машинами. Но,— и в голосе Пушка появилась боль от этой неожиданности,— те даже не выслушали А, Бэ и Вэ. Они убили их, даже не выслушав. Как же может такое быть? — лохматая голова озадаченно посмотрела на Флинкса.— Разве холодные умы и другие, вроде тебя, тоже нецивилизованные? И все же они сделали это без разговоров. Это ли разум, о котором ты говоришь?

Флинкс и Силзензюзекс пока еще не видели ни одного из веселых урсиноидов разгневанным. Пушок, похоже, был близок к этому, хотя это был в действительности не гнев. Это была подавленность и отсутствие понимания.

Флинкс попытался объяснить:

— Есть, Пушок, такие, кто играет в игру нечестно. Те, кто мухлюют.

— Что такое мухлевать? — поинтересовался Пушок.

Флинкс постарался объяснить.

— Понятно, — торжественно объявил Пушок, когда юноша закончил. — Это необыкновенная концепция. Я бы не поверил, что такое возможно. Надо сообщить другим. Это многое объяснит в игре.

Повернувшись, он и Голубой оставили Флинкса и Силзен-зюекс одних в коридоре.

— Сколько, по-твоему, — спросила она, глядя через оконную панель на отдаленный комплекс, — они будут там сидеть, прежде чем потеряют терпение и двинутся на нас?

— Вероятно, пока не вернутся челноки. Если мы не разрешим до того эту задачку... — нет, мы, должны с ней покончить прежде, чем возвратится барон. У нас здесь нет ничего, кроме ручных лучеметов. У них же есть по меньшей мере две поставленные на турели у взлетной полосы лазерные пушки класса земля-космос и, вдобавок, две поменьше, установленные на машинах. Возможно, есть и еще. Мы не можем бороться с таким оружием. Надеюсь, Пушок и Голубой сумеют втемашить это в волосатые черепа своей семейки.

Он подошел к ней посмотреть сквозь панель.

— Я уверен, что прямо сейчас на нас направлены две большие пушки. Если мы попытаемся осуществить массовый отход, они испепелят множество наших, точно также, как А, Бэ и Вэ. Нам придется...

По коридору вдруг, потрясая, проплыл на высоком тоне вопль. Он поднялся от среднего тенора до высокого, дрожащего визга предельно ужаснувшегося... а затем прекратился. Принадлежал он, бесспорно, человеку.

Второй вопль — нет. Он исходил от ААнна. Затем раздались новые вопли обоих разновидностей.

Пип нервозно воспарил над плечом Флинкса, и из-под шапки рыжих волос заструился холодный пот.

— А теперь что? — встревоженно пробормотал он, когда они бросились в направлении воплей. Время от времени слышались новые вопли, а за ними, с регулярными интервалами, следовали звуки из противоположного лагеря.

Они услышали должно быть две дюжины воплей, прежде чем встретили Ням и Голубого.

— Что случилось? — потребовал ответа Флинкс. — Что это за вопли?

— Огни, — начала Ням.

— Гаснут,— закончил Голубой.

Флинкс обнаружил, что дрожит. От природы улыбающийся рот Ням был в крови. Обе широкие плоские морды были запятнаны ею. Несколько небольших групп рабочих и охранников не сумели убежать с захваченного рудника.

— Вы убили пленных,— вот и все, что он мог, заикаясь, выдавить из себя.

— О, да,— признала Ням с веселостью, от которой свертывалась кровь.— Некоторое время мы были не уверены, но Пушок объяснил нам и семье. Холодные умы и народ там внизу,— тут жест в направлении главной базы — мухлюют. Мы думаем, что поняли теперь, что такое мухлевать. Это значит играть в игру не по правилам, да?

— Да, но это не мои правила,— ошарашенно прошептал он.— Не мои правила.

— Но нам это подходит,— вмешался Голубой.— Мы понимаем, что правила не твои, друг-Флинкс. Нехорошие правила. Но холодные умы создают новые правила, и мы играем по ним тоже хорошо.

Уйюрийцы потопали дальше по коридору.

Флинкс опустился на колени, прислонившись к стене.

— Игра, для них это все еще игра,— он вдруг посмотрел на Силзензюзекс и содрогнулся.— Проклятье, я не хотел, чтобы это случилось вот так вот.

— Ты тот, кто скачет на гризеле,— без гнева сказала Силзензюзекс.— Ты пробудил его. Теперь ты должен скакать на нем.

— Неужели ты не понимаешь,— безутешно прошептал он.— Я хотел, чтобы Пушок, Ням, Голубой и все остальные из них были избавлены от всех наших ошибок. Я хочу, чтобы они стали такими великими, какими могут быть, а не...— зло закончил он,— просто более умной версией нас.

Силзензюзекс придвинулась поближе:

— Ты все еще держишь гризела за хвост, Флинкс. Тебя еще не сбросили. И не ты научил их убивать, вспомни, они охотятся за мясом.

— Только когда вынуждены,— напомнил в свою очередь он.— И все же,— он показал некоторые признаки успокоения,— может быть, это и есть время, когда они вынуждены. Да, охота в снежное время, чтобы выжить. Правила были изменены, но у нас, все же, есть правила. Просто их нужно определить и дальше.

— Совершенно верно, Флинкс, скажи им, когда правильно убивать, а когда — нет.

Он странно посмотрел на нее, но если что и было спрятано в ее словах, то он не смог этого почувствовать.

— Это именно то, чего я никогда не хотел делать, даже передоверив другому.

— А что заставило тебя думать, будто у тебя когда-то возникнет такая возможность?

— Кое-что... случившееся не так давно, — туманно ответил он. — Теперь это мне так или иначе навязано. Меня запихнули в положение, которого я дал обет никогда не занимать.

— Не знаю, о чем ты болтаешь, Флинкс, — сказала, наконец, она. — Но либо ты скажешь на гризеле, либо он растопчет тебя.

Флинкс посмотрел вперед по коридору, куда свернули за угол Ням и Голубой:

— Хотел бы я знать, кто на ком скачет?

Ответ пришел несколько дней спустя. Как он и предполагал, никаких атак снизу не было, хотя две машины ежедневно гарцевали прямо рядом со стенами строений рудника, побуждая кого-нибудь высунуть свою мохнатую голову.

Пушок разбудил их в маленьком кабинете, избранном Флинксом и Силзензюекс в качестве спальных покоев.

— Мы приготовили западню, — весело сообщил он, — и теперь собираемся поймать машины.

— Западню... подожди, что за?... — Флинкс постарался проснуться, лихорадочно протирая все еще богатые сном глаза. Он, кажется, смутно помнил, что Пушок или Мягкогладкая, или еще кто-то рассказывали ему о западне, но не смог составить из сказанного какую-то четкую картину.

— Вы не сможете поймать машину... — начал было он возражать, но Пушок уже тянул его за собой.

— Поторопись, друг-Флинкс, — настаивал он, слушая что-то, находившееся за пределами диапазона нормального слуха. — Началось.

Он провел их в кабинет управляющего заводом, изогнутый прозрачный купол, установленный в самом южном конце здания.

— Там, — показал Пушок.

Флинкс увидел нескольких урсиноидов, бегущих на четвереньках по расчищенной, голой земле. Они мчались к склонам повыше, неподалеку от места, где в гору входила главная штольня. Флинкс различил две преследующие машины, все еще далеко позади.

— Что они там делают! — закричал, нагнувшись к прозрачному полиплексиславу, Флинкс. Он беспомощно посмотрел на Пушка: — Я же говорил тебе, что никто не должен выходить за пределы зданий.

Пушок не был встревожен.

— Это часть новой игры. Смотри.

Не в состоянии делать что-либо другое, Флинкс снова вернул свое внимание к надвигающейся бойне.

Мчась с огромной скоростью, трое урсинOIDов пробежали мимо ближайшего конца здания ниже нынешнего местонахождения Флинкса. Однако, как ни резво они мчались, они не могли обогнать машины. Из стволов лазерных пушек выскочила сперва одна вспышка, затем другая. Один луч ударил как раз позади бегущего в хвосте, вынудив его еще больше увеличить скорость. Другой ударил между двух бегущих впереди, оставляя за собой расплавленный камень.

Троим бегущим, увидел Флинкс, ни за что не успеть добраться до открытых дверей в верхнем конце предприятия. Машины, казалось, внезапно удвоили скорость. Когда они выстрелят вновь, то будут почти над отступающими уйюрийцами.

Ему рисовалось, как еще трое невинных, в жизнь которых он вмешался, превращаются в пепел на сером камне горного склона.

В этот момент земля под машинами исчезла.

Раздался сильный треск, вой протестующих механизмов, когда машины не смогли достаточно быстро скомпенсировать неожиданную перемену поверхности. Все еще двигаясь вперед, они внезапно нырнули вниз и врезались на высокой скорости в противоположную стену огромной ямы.

Флинкс и Силзензюекс смотрели безмолвно, разинув рты, на неожиданно появившуюся в земле трещину.

— Ловушка,— удовлетворенно заметил Пушок.— Я помню, что ты нам рассказывал о том, как работают эти маленькие машины, друг-Флинкс.

Помятые люди и ААнны — хирургические маски последних были теперь сбиты набекрень — усиленно пытались выбраться из-под обломков двух машин.

Из зданий рудника к яме хлынула толпа мохнатых бегемотов. Флинкс смог различить узкие выступы из твердой земли и скалы, паутиной протянувшиеся через трещину. Они создали безопасные тропки, по которым отступили три убежавших манка.

Они были чересчур узкими, чтобы обеспечить адекватную опору для машин. Поверхность, по которой ударяли их воздушные струи, оказалась внезапно выдернутой.

Сотни тонких деревьев пронизывали теперь края ямы. Их использовали для поддержки тяжелого покрытия из прутьев,

листьев и земли, заботливо приготовленных для придания вида твердой почвы.

Новые вопли. Яму осветили голубые вспышки ручных лучеметов, когда в нее хлынули урсиноиды. Флинкс увидел, как трехсоткилограммовый подросток поднял извивающегося ААнна и обошелся с его головой как с бутылочной пробкой. Почувствовав тошноту, Флинкс отвернулся от резни.

— Почему друг-Флинкс обеспокоен? — захотел узнать Пушок. — Мы теперь играем в игру по их правилам. Это справедливо, не так ли?

— Скажи на гризеле, — предупредила Флинкса Силзензюзекс на верхнетранксийском.

«В аверсе, не в реверсе», — что-то откликнулось в нем. Он заставил себя обернуться и проследить за концовкой короткого боя.

Как только для наблюдателей внизу стало ясно, что произошло, из маленькой башни на противоположном конце протянулся вверх красный луч толщиной с человеческое тело. Он прошел, не прерываясь, через несколько участков леса, срезая деревья, словно прямой серп, и оставляя дымящиеся пни, пока не ударил по горному склону слева от ямы. За вспышкой интенсивного света последовал глухой взрыв.

— Отзови всех внутрь, Пушок, — крикнул Флинкс. Но в приказе не было необходимости. Завершив свою работу, атаковавшие яму урсиноиды уже бежали, игриво увертываясь, обратно в рудник.

Флинксу подумалось, что он увидел движение далеко внизу, когда вершина башни начала разворачиваться к нему, но явно верх одержали более трезвые головы. Сам завод был все еще за пределами досягаемости разрушительного оружия. У Руденуаман по-прежнему не было пока причин сбивать горный склон, превращая комплекс рудника и завода в большой дубликат небольшого очерченного шлаком кратера, который теперь бурлил и дымился там, куда ударил тяжелый лазер. Как ни сильно она могла сожалеть о потере двух машин и их экипажей, до отчаяния она еще не дошла.

Поэтому не появилось никакого луча возмездия, уничтожающего здания. Простакам-туземцам разрешили одержать их единственную бесполезную победу. Несомненно, с иронией подумал Флинкс, Руденуаман отнесет эту блестящую победу на его счет, никак не представляя, что огромные и тупые выючные животные совершенно самостоятельно задумали и осуществили этот разгром.

— Хотел бы я знать,— сказал он Силзензюекс за завтраком из орехов, ягод и трофейной консервированной пищи.— Есть ли какой-то смысл продолжать это. Я никогда по-настоящему не чувствовал, что управляю событиями. Может быть... может, было бы лучше убежать обратно в пещеры. Я по-прежнему могу учить их и там — мы оба сможем,— и в нас останется много жизни.

— Ты все еще контролируешь, Флинкс,— заверила его Силзензюекс. Она отстучала одной иструкой на столе на условном языке, который узнали бы немногие человеческие уши: «Уйюрийцы хотят, чтобы ты управлял. Но, пожалуйста, Флинкс. Скажи им всем,— она махнула рукой, охватывая рудник в целом,— что им следует возвратиться в пещеры и вернуться к их первоначальной игре. Скажи им это. Но они не забудут того, чему научились. Они никогда не забывают».

— О, Морион знает, сколько знаний они приобрели уже с этого рудника,— промямлил Флинкс, пережевывая пищу.

— Они вернутся к копанию своей системы пещер, но сохранят эти знания, — продолжала она.— Ты оставишь их с правилами игры, установленными мясниками Руденуаман. Если же они когда-нибудь проявят собственную инициативу, после того как нас не станет...— она по-транксийски пожала плечами.— Не вини себя в том, что случилось. Уйюрийцы не ангелы,— свистящий транксийский смех вынудил ее на минуту замолкнуть.— Ты не можешь играть для них роль и Бога, и Дьявола, Флинкс. Не ты познакомил этих существ с убийством, но нам лучше обрести уверенность, что мы не научим их наслаждаться им. Хандра и стенания из-за собственных ошибок не помогут ни нам, ни им. Ты засунул свою истногу в свое жевательное отверстие. Ты можешь вытащить ее или поперхнуться ей, но игнорировать ее нельзя,— она проглотила пригоршню сладких оранжево-красных ягод размером с грецкий орех.

— Мы не наслаждаемся убийством,— прогремел голос. Они оба подпрыгнули. Уйюрийцы двигались с поразительной для таких массивных существ вкрадчивостью и бесшумностью.

— Почему же? — спросила Силзензюекс.— Почему нам не следует об этом беспокоиться?

— Не забавно,— коротко объяснил Пушок, отмечая саму эту мысль, как нечто слишком нелепое и не заслуживающее обсуждения.— Убивать мясо, когда необходимо. Убивать холодные умы, когда необходимо. Если,— и глаза-маяки засветили в сторону другого обитателя комнаты, — Флинкс не скажет иное.

Флинкс медленно покачал головой:

— Никогда, Пушок.

— Я так и думал, что ты это скажешь. Настало время закончить эту часть игры,— он сделал лапой приглашающий жест.— Вы тоже идете?

— Не знаю, что вы запланировали на этот раз, Пушок, но — да,— согласился Флинкс.— Мы тоже идем.

— Забаву,— прогремел гигантский уйюрьец, показывая, что должно последовать нечто большее, чем обычное развлечение.

— Я не ^{хочу}, чтобы были повреждены какие-либо здания там внизу, если этого можно избежать,— проинструктировал Флинкс урсиноида, когда тот вел его и Силзензюекс вниз по коридорам и лестницам.— Они полны знаний, правил игры. Руководства по обучению механизмам, архивы и, разумеется, полная библиотека по геологии. Если нам придется до конца своей жизни оставаться в этом мире, как на необитаемом острове, то мне, Пушок, понадобится для вашего обучения каждая кроха этого материала.

— Понятно,— хмыкнул Пушок.— Часть игры: не причинять вреда внутренностям зданий. Скажу семье. Не беспокойся.

— Не беспокойся,— передразнил Флинкс, думая о ждущих их у основания горы настороженных и вооруженных сотрудиниках базы. И думая также о двух пронзающих атмосферу лазерных пушках, свободно вращающихся на маленькой башне.

Пушок провел их вниз через несколько этажей завода и рудника к единственному складскому уровню под землей.

Вниз, мимо комнат, камер и коридоров, вдоль стен которых выстроились терпеливо ждущие, дремлющие, игривые уйюрийцы. Туда, где был разодран самый нижний пол. Тут они остановились.

Их ждали Ням, Голубой и Мякогладкая, и смутно мелькнувшее мерцание, которое могло быть Можетитаком, или могло быть иллюзией, вызванной фокусом слабого верхнего света.

Вместо остановки перед твердым железобетонным барьером они обнаружили три огромных туннеля, ведущих в полную темноту. Свет из помещения только чуть-чуть проникал в эти наклоненные вниз штреки, но Флинкс подумал, что заметил дополнительные боковые туннели, ответвлявшиеся дальше от главных.

— Удивлен, да? — выжидающе спросил Пушок.

— Да,— только и смог ответить ошарашенный Флинкс.

— Каждый туннель,— продолжал урсиноид,— выходит под одной частью нескольких металлических пещер внизу, в спокойном месте, где нет холодных умов.

— Вы можете определить, где этажи не охраняются? — в изумлении прошептала Силзензюзекс.

— Можем почувствовать,— объяснила Ням.— Это легко.

— Это хорошая мысль, друг-Флинкс? — поинтересовался обеспокоенный Пушок.— Это одобряемая часть игры, или попробовать что-нибудь другое?

— Нет, это одобряемая часть игры, Пушок,— признал, наконец, Флинкс. Он повернулся лицом к бесконечному морю большеглазых животных.— А теперь обратите внимание,— по массе тел пробежала дрожь массивного шевеления.— Те, кто ворвутся на электростанцию, должны все выключить. Нажмите каждую кнопку и рубильник в...

— Знаем, что значит выключить,— уверенно сказал ему Голубой.

— Мне, вероятно, следовало бы оставить вас в покое, вы прекрасно справились без моей помощи,— проворчал Флинкс.— И все же это важно. Это вызовет затемнение везде, кроме башни, где находятся две большие пушки. У них автономное питание, также как и у челночного ангара под взлетной полосой. Те из вас, кто попадет в башню с пушками, должны...

— Сожалею, друг-Флинкс,— перебил скорбный Пушок.— Нельзя сделать.

— Почему?

— Полы не такие, как этот,— объяснил урсиноид, пылая глазами в косвенном освещении. Он показал на лежащий кругом разломанный железобетон.— Там толстый металл, нельзя подкопаться.

Флинкс упал духом.

— Тогда всю эту атаку придется отложить, пока мы не сумеем придумать что-нибудь такое, что ликвидирует эту башню. Они могут всех нас уничтожить, даже если им придется для этого расплавить все оставшееся поселение. Если Руденуаман ускользнет и доберется до башни, я думаю, она не поколеблется отдать такой приказ. На данном этапе ей будет больше нечего терять.

— Не хотели заставлять тебя беспокоиться, друг-Флинкс,— утешил его Голубой.

— Не о чем беспокоиться,— добавила Ням.

— Есть еще кое-что, чтобы позаботиться о башне,— объяснил Пушок.

— Но вы же...— Флинкс остановился, и спокойно продолжал.— Нет, если ты говоришь, что вы сможете, значит, у вас должны быть средства.

— Что насчет тех троих, которые дали себя убить? — прошептала Силзензюзекс.— Они тоже думали, что у них что-то есть. На этот раз на кон поставлено намного больше жизней.

Флинкс медленно покачал головой:

— А, Бэ и Вэ играли по другим правилам, Сил. Для нас самое время доверить им свою жизнь. Они достаточно часто рисковали своими, полагаясь на наше слово. Но просто на всякий случай...— Он повернулся к Пушку: — Я должен сделать одно дело, даже если эта операция провалится и мы все окажемся покойниками. Я хочу выйти наверх через пол большого жилого дома, Пушок. Там есть кое-что, чем мне нужно будет воспользоваться.

— В этот туннель,— сказал ему Пушок, показывая на штрек слева.— Значит, готов?

Флинкс кивнул. Огромный уйюрийец обернулся и мысленно крикнул инструкции. Они сопровождалась несусветной эмоциональной командой.

Ответил тихий угрожающий гром, звук, от которого волосы вставали дыбом, когда десятки, сотни массивных силуэтов зашевелились в длинных рядах, тянувшихся в разные концы рудника.

Затем они двигались вниз по туннелям. Флинкс и Силзензюзекс тесно прижимались к Пушку, крепко вцепившись рукой в его мех. Ночное зрение у Силзензюзекс было намного лучше, чем у Флинкса, но туннель был слишком темен даже для ее острых глаз.

Если деятельность уйюрийцев заметили, размышлял Флинкс, они никогда уже не выйдут на свет. Их могли поймать здесь в западню и перебить с минимальными усилиями.

— Один вопрос,— спросила Силзензюзекс.

Ум Флинкса был занят чем-то другим, когда он ответил: — Какой?

— Как они прорыли эти туннели? Порода здесь скальная, а туннели кажутся довольно протяженными.

— Они четырнадцать тысяч лет копали туннели, Сил,— Флинкс обнаружил, что шагает все с большей и большей уверенностью, когда ничто, похоже, не собиралось обрушиваться на них сверху смерть.— Как мне представляется, они стали весьма опытны в этом...

Телин ауз Руденуаман отчаянно и тяжело дышала, почти задыхалась, когда, хромя, продвигалась по этажу. Снаружи и снизу доносились звуки тяжелого боя.

Наверху только что покинутой ею лестницы появилась массивная коричневая фигура. Обернувшись, Телин выстрелила в ее направлении из лучемета. Та исчезла, хотя она не могла сказать, попала в нее или нет.

Телин отдыхала в своих жилых покоях, когда произошло нападение, не из отдаленного рудника, а у нее из-под ног. Одновременно сотни огромных разгневанных чудовищ вырвались из субуровней всех зданий. Всех зданий, то есть, кроме башни с пушками. Она едва успела отдать приказ обслуге этого мощного оружия пройтись лучом по всем строениям, кроме того, в котором находилась она, как их уничтожили.

Странный фиолетовый луч не толще ее большого пальца перескочил пропасть между верхним этажом далекого рудника и подножием башни. Там, где он коснулся, теперь остался только глубокий горизонтальный шрам в земле. Все произошло так быстро, что она не увидела, не услышала никакого взрыва.

В один миг башня была тут — три этажа бронеколпака больших пушек, — а в следующий она услышала громкий шипящий звук, словно уронили в воду раскаленный уголек, и когда она обернулась взглянуть, башня исчезла.

Теперь некуда было бежать, не осталось ничего, что дало бы возможность поторговаться. Ее сильно превосходящий в численности корпус сотрудников — люди, транксы, ААнны — был погребен под коричневым обвалом.

Она попыталась пробраться в подземный челночный ангар, в надежде спрятаться там до возвращения барона, но нижние этажи этого здания тоже были забиты стаями лемуруглазых бегемотов. Территория же снаружи, казалось, кишела ими.

Это не имело никакого смысла. Существовало, наверное, с полсотни тупоумных туземцев, живших в непосредственной близости от рудника. Наблюдения открыли еще несколько сот, обитающих в пещерах подальше.

Теперь же их были тысячи, всех размеров, заполонивших все поселения — заполонивших все ее мысли. Внизу раздавался треск переворачиваемой мебели и разбитого стеклосплава. Выхода не было. Она могла отступать только наверх.

Прохрамов до другой лестницы, она начала подниматься в свои апартаменты, кабинет на верхнем этаже. Бой был разве что не окончен, когда ликвидировали башню с пушками. Меево подтвердил это, когда доложил, что электростанция взята. Это были последние слова, услышанные ею от рептильного инженера.

Вместе со станцией пропала энергия для средств связи и лифтов. Ей было трудно взбираться по лестнице с ее травмированной ногой. Ее комбинезон был порван, забрызган

наложенный грим, прикрывавший шрамы у нее на лице, сильно размылся. Она встретит смерть в своих собственных покоях, без паники, до конца показав присущую Руденуаман истинную уверенность в себе.

На верху лестницы она замедлила шаги. Ее покои находились в противоположном конце коридора, но из ближайшего к лестнице помещения лился свет. Осторожно двигаясь, она отодвинула взломанную дверь немного дальше в стену, заглянула вовнутрь.

Свет был того типа, который мог исходить от небольшого электроприбора. На базе было много таких приборов с собственными источниками питания — но кто бы, кто бы то ни был, что он мог делать с ним здесь и сейчас, когда ему полагалось держать в руке лучемер?

Крепко сжимая свой собственный, она осторожно вошла в помещение.

В этих покоях не жили со времени смерти их бывшего обитателя. Свет исходил из противоположного угла. Его производил портативный считыватель. Маленькая худошавая фигура сгорбилась перед ним, забыв про все остальное.

Она подождала, и в скором времени фигура со вздохом выпрямилась, протянув руку отключить машину. Ярость и отчаяние попеременно сменяли в ее мыслях друг друга, уступив, наконец, место холодному, спокойному чувству покорности судьбе.

— Мне следовало бы догадаться,— пробормотала она себе под нос.

Фигура удивленно дернулась и стремительно обернулась.

— Почему ты не умер достойно, как тебе и полагалось?

Флинкс поколебался и ответил без намека на улыбку:

— Этому не суждено было стать частью игры.

— Ты шутишь со мной... даже сейчас. Мне следовало убить тебя в то же время, когда я прикончила Чаллиса. Но так нет же,— зло бросила она.— Мне потребовалось сохранить тебя для развлечения.

— Ты уверена, что это единственная причина? — спросил он так мягко, что она на мгновение растерялась.

— Ты к тому же играешь со мной в слова,— она подняла дуло лучемета.— Я только сожалею, что у меня нет времени убить тебя медленно. Ты не оставил мне даже этого.— Она устало пожала плечами.— Цена, которую платишь за недосмотр, как сказала бы моя тетка, да разложится ее дух. Мне, однако, любопытно, как ты сумел приручить и обучить эти создания?

Флинкс с жалостью посмотрел на нее.

— Ты все еще ничего не понимаешь, не так ли?

— Только то,— ответила она, сжимая палец на курке лучемета,— что это происходит с запозданием на несколько месяцев.

— Подожди! — умоляюще крикнул он.— Если ты дашь мне только одну мин...

Палец конвульсивно сжался. В то же самое мгновение кто-то залил ей глаза жидким огнем. Она пронзительно вскрикнула, и луч прошел как раз справа от Флинкса, уничтожив стоящий поблизости считыватель.

— Не три,— крикнул было он, бросаясь вокруг кресла, на котором сидел,— слишком поздно. В момент контакта она выронила лучемет и начала инстинктивно тереть до ужасной боли в лице. Теперь она каталась по полу.

Расстояние между ними было теперь невелико, но к тому времени, когда он добрался до нее, она уже была без сознания и парализована. Тридцать секунд спустя она была мертва.

— Ты никогда не уделяла времени на выслушивание, Телин,— прошептал он, оцепенело опускаясь на колени рядом со скрюченным телом. Нервно выбрасывая и убирая свой длинный язык, Пип мягко расположился на плече Флинкса. Минидракончик был напряженным от гнева.

— Твоя жизнь была слишком стремительной. Моя тоже бывала слишком стремительной.

В дверях что-то двигалось. Подняв голову, Флинкс увидел дышащую с присвистом Силзенюзекс, оберегающую стопоруку в шине. Одна иструка твердо держала лучемет транксийских размеров.

— Я вижу, ты нашел ее,— заметила она, дыхание выходило через спикеры ее груди-6 с длинными свистками.— Мягкогладкая говорит мне, что теперь почти очищены последние крохи сопротивления.

Ее фасеточные глаза вопросительно рассматривали его, когда он снова опустил взгляд на тело.

— Не я нашел ее. Она нашла меня. Но прежде чем я смог заставить ее выслушать, вмешался Пип. Полагаю, он вынужден был это сделать, иначе она убила бы меня.— Он неожиданно взглянул на нее и улыбнулся.

— Видела бы ты себя, Сил. Ты выглядишь словно атавизм из беспокойных времен Ульдома. Словно воин, только что завершивший успешный налет за личинками на соседнее улье.

Она не ответила на эту шпильку. Что-то было в его голосе...

— Это не похоже на тебя, Флинкс,— она изучала его, когда тот вернулся к осмотру тела, пытаясь вспомнить все, что знала о человеческих эмоциях. Ей казалось, что его интерес к этой женщине, которая за несколько тамож ванеля добровольно

сотрудничала с заклятыми врагами рода челанксийского, был ненормальным.

Силзензюекс не могла сравниться со своим дядей, когда дело доходило до дедукции, но не была и глупа.

— Ты знаешь что-то большее об этой человеческой самке, чем ты говорил.

— Я, должно быть, знал ее прежде,— прошептал он.— Хотя я, совсем не помню ее. Если верить данным на ленте промежуткам времени, это не слишком удивительно.— Он вяло показал на покой позади него: — Это были апартаменты Чаллиса.— Рука его вернулась показать на тело. На мгновение его глаза показались столь же бездонными, как у Ням.— А это была моя сестра.

Только на следующий полдень, после того как уйжорийцы умело закопали тела, Силзензюекс настояла на том, чтобы услышать обо всем, что было записано на похищенной катушке.

— Я был сиротой, Сил, выращенным на Мотыльке человеческой женщиной по имени Мамаша Мастифф. Найденная мною информация гласит, что я был рожден профессиональной рысью по фамилии Руд, в Аллахабаде, на Земле. Записи также гласят, что я был вторым ребенком, хотя и не дают подробностей. Эти факты приходилось отыскивать на похищенной Чаллисом катушке, которую я не прочел до прошлой ночи.

— У моей матери была также старшая сестра. Муж моей матери, который согласно ленте, не являлся моим отцом, предоставил той старшей сестре пост в своей коммерческой фирме. После того, как он умер, при все еще невыясненных обстоятельствах, сестра взяла управление фирмой на себя и превратила ее в крупную деловую империю.

— Кажется, моя мать и ее сестра никогда особенно не дружили. Некоторые из деталей того, что закончилось пленением моей матери, а именно так это и читается, являются...— он вынужден был на миг остановиться.

— Легко понять, как подобные детали привлекли такого человека, как Чаллиса. Моя мать умерла вскоре после своего мужа. Последовало множество необъяснимых происшествий. Никто не мог быть уверен, но была выдвинута теория, что их можно каким-то образом отнести за счет племянницы главы фирмы. Поэтому... от меня отделились. Мелкая продажа в таком крупном коммерческом концерне,— зло добавил он.

— Старшую сестру, Рашалейлу, забавляло держать при себе племянницу. Фамилия сестры была Нуаман. Племянницу, мою сестру, звали Телин. Она стала зеркальным отражением своей

тетки, отняла у нее фирму и соединила свою материнскую фамилию с теткой. Засимворечила ее. Телин из семейства Руд и Нуаман... Телин ауз Руденуаман.

Что же касается меня, про меня все давно забыли. Сыщиков Чаллиса заинтересовала та часть, в которой говорится о том, что я вызвал «необъяснимые явления», как их называли. Он так никогда и не потрудился выделить из этой информации какие-нибудь иные связи.

Они молча шли дальше, мимо длинной выемки в земле, где раньше стояла башня с пушками. Пушок, Ням, Голубой и Мякогладкая топали следом. Они подошли к небольшому зданию, стоявшему у взлетной полосы. Ранее один из уйюрийцев открыл, что оно вело вниз к обширному челночному ангару. В ангаре имелось полное оборудование для ремонта и строительства челночных судов, что и требовалось на подобной изолированной планете. Там также находились механическая мастерская и огромная техническая библиотека по всем аспектам эксплуатации и ремонта КК-кораблей Содружества. Она образует очень полезный филиал уйюрийской школы, которую планировал открыть Флинкс.

— У меня не было времени спросить прошлой ночью, Пушок,— начал Флинкс, когда они прошли конец шрама в земле.— Как вы сумели это сделать?

— Было забавно,— весело ответил большой урсиноид.— Идея принадлежала по большей части Ням. А также молодке по имени Маска. Пока другие копали туннели, они вдвоем прочли многое, что было в книгах на руднике.

— Сделали несколько изменений в пещерокопателе холодных умов,— уточнила Ням.

— Пневмопресс,— прошептала Силзензюзекс.— Они, должно быть, модифицировали пневмопресс. Но как?

— Изменили здесь, добавили там,— объяснила Ням.— Было забавно.

— Хотел бы я знать, совсем ли подходящее слово «модифицировали» для превращения безвредного инструмента в совершенно новый вид оружия,— пробормотал себе под нос Флинкс. Он посмотрел на небо.— Может быть, мы дадим Ням, Маске и их друзьям «поиграть» с библиотекой и механической мастерской внизу. Но сперва мы должны спешно произвести кое-какие иные изменения...

Большой грузовой корабль вышел из КК-режима как раз за орбитой второго спутника Ульру-Уйюрра, приближаясь на коротких вспрышках очень мощного ближнепространственного

двигателя. Грузовой корабль зашел на низкую орбиту вокруг громадного сине-коричневого мира, оставаясь прямо над единственным поселением на его поверхности.

— Достопочтенный, нет никакого ответа,— доложил замаскированный ААни, отвечающий за корабельную связь.

— Попробуй снова,— скомандовал глухой голос.

Связист так и сделал. И беспомощно поднял голову.

— Нет никакого ответа на всех частотах замкнутого радиосигнала. Но есть нечто другое, нечто очень странное.

— Объясни,— коротко приказал барон. В голове у него все завертелось.

— Есть явное субатмосферное вещание всех видов, но ничего нет на тех частотах, к каким я могу подключиться. И ничего, направленного на нас, несмотря на мои неоднократные вызовы.

Человек по фамилии Джозефсон, бывший очень важным администратором в «Руденуаман Энтерпрайзис», вплотную приблизился к барону.— Что там происходит? Это не похоже на Мадам Руденуаман.

— Это ни на что не похоже,— осторожно заметил барон.

Он переключил внимание на другого из дежуривших у пульта:

— Каков облачный покров над базой?

— Ясно и небольшой ветер, сэр,— доложил дежурный метеоролог.

— Сэр Джозефсон,— тихо прошипел барон,— пройдемте, пожалуйста, со мной.

— Куда мы идем? — захотел узнать сбитый с толку администратор, следуя за бароном по коридору, ведущему в противоположный конец командного отсека.

— Сюда,— барон стукнул по кнопке и дверь ушла в переборку.— Мне требуется максимальное разрешение,— проинструктировал он дежурного техника.

— Сию минуту, достопочтенный,— откликнулся замаскированный ААни, поспешив сделать необходимую настройку поверхностного перископа. Сев рядом с техником, барон сам выбил требуемые координаты на компьютере перископа.

Затем он несколько минут оставался недвижим, уставясь на обзорный экран. В конце концов, он подвинулся, жестом пригласив Джозефсона занять его место. Человек так и сделал, слегка подправив фокус. И издал устный и физический признак испуга.

— Что вы видите? — осведомился барон.

— База исчезла, но на ее месте что-то есть.

— Тогда я, может, не сошел с ума,— заметил барон.— Что вы видите?

— Ну, взлетная полоса все еще на месте, но от берега озера в горы поднимается что-то вроде маленького города. Зная местность, я бы сказал, что некоторые из незаконченных построек высотой в пару сотен метров,— голос у него пропал от удивления.

— И что это, по-вашему, предполагает? — спросил барон.

Джозефсон оторвался от перископа, медленно покачив головой.

— Это предполагает,— прошипел сквозь зубы барон,— что постройки могут быть встроены глубоко в горы. Кем или насколько глубоко, мы не узнаем, если не спустимся посмотреть сами.

— Не советовал бы этого,— прогремел новый голос.

Джозефсон издал крик и вывалился с кресла, прижавшись спиной к пульту. Техник и барон круто повернулись, потянувшись одновременно за оружием.

В центре помещения твердо стоял призрак. Он был добрых три метра ростом, стоял на задних ногах, и его туша чуть ли не прогибала палубу. Огромные желтые глаза прожигали их недобрым взглядом.

— Не советовал бы,— повторил призрак.— Уматывайте.

Ручной лучемер барона уже был нацелен — но теперь было не во что стрелять.

— Галлюцинации,— предположил дрожащий Джозефсон, после того как к нему вернулся дар речи.

Барон ничего не сказал, подошел к месту, где стояло это создание. Он опустился на колени так, как не смог бы ни один человек, разыскивая что-то на полу.— Очень косматая галлюцинация,— заметил он, изучая несколько толстых жестких волосков. Его мозг бешено перемалывал все увиденное.

— Вы знаете, я никогда не бывал за пределами главной базы,— заявил Джозефсон.— Что это было?

— Уйгурыйский туземец,— задумчиво объяснил барон, потирая волоски между пальцев с фальшивой кожей.

— Что... о чем он говорил?

Отвращение в голосе барона было очевидным.

— Бывают времена, когда я гадаю, как это вы, люди, вообще достигли и половины того, что имеете.

— Послушайте-ка,— сердито начал администратор,— незачем прибегать к оскорблениям.

— Да,— признал барон. В конце концов, они все еще находились в пределах территории Содружества.— Нет причин прибегать к оскорблениям. Я извиняюсь, сэр Джозефсон.

Повернувшись, они покинули помещение, оставив там техника, широко открывшего глаза.

— Куда мы теперь идем?

— Сделать то, что сказало это создание.

— Минуточку, — Джозефсон твердо посмотрел в неморгающие глаза Аанского аристократа. — Если Мадам там в беде...

— СссИссТТТ... пошевели мозгами, теплокровный, — презрительно фыркнул барон. — Там, где была небольшая база, теперь быстро растущий город. Там, где раздавался единственный встречающий радиосигнал, теперь множество странной местной связи. От нескольких скоплений обитавших в пещерах туземцев приходит телепортация, кратко советуемая нам не приземляться. Кратко: советуемая нам — на вашем жаргоне, хочу добавить, сэр Джозефсон, — поспешить куда-нибудь подальше.

— Думаю, для нас будет разумным, учитывая все увиденное, побыстрее подчиниться. Я действую согласно реальностям, а не эмоциям, сэр Джозефсон. Вот почему я всегда буду тем, кто отдает приказы, а вы всегда будете тем, кто их выполняет.

Он ускорил шаг, опередив человека и оставив его стоять в коридоре, глядя ему вслед, разинув рот.

По указанию барона грузовой корабль с максимальной скоростью покинул район близ Ульру-Уйюрра. Отдыхая в своей роскошной каюте, барон размышлял над тем, что же произошло в его отсутствие. Что-то существенно важное, с неизвестным значением для будущего.

В одном он был уверен: Мадам Руденуаман и их совместное предприятие больше не существовали.

Но могла быть уйма причин этому.

То, что туземцы были больше, чем невежественными дикарями, казалось теперь очевидным... но насколько более очевидным, он сказать не мог. Единственного гения среди них можно было мнемонически проинструктировать доставить то, что было, с очень кратким сообщением. Новое экспериментальное устройство могло спроецировать его на борт корабля.

Бурно растущий внизу город мог быть продуктом Церкви, Содружества, делового конкурента. Этот сектор Рукава все еще оставался, по большей части, неисследованным — на изолированной, непосещаемой планете, вроде Ульру-Уйюрра, могло обособиться все, что угодно.

Он в этом предприятии действовал удачно. У него все еще имелось множество мелких камней, которые он мог медленно годами распространять по Содружеству. Его статус при дворе Императора существенно повысился, хотя замысел имперских психотехников имплантировать сценарии самоубийственных импульсов в янусские кристаллы, а потом продавать их важным людям и транксам теперь придется забросить.

А жалко, так как программа шла очень успешно. Тем не менее, все могло быть и хуже. Что бы там ни стерло с лица земли базу и Мадам Руденуаман, оно могло также захватить и его, не отправся он в погоню за человеческим ребенком.

Жаль, что ей удалось встретить то человеческое патрульное судно, вынудив его оставить всякую надежду ликвидировать ее. Впечатление такое, словно она знала, что делает. Но это не имело большого значения, знал он. Пусть себе мелет об Ульру-Уйюрге всякому достаточно доверчивому, ибо теперь эта планета уже не его забота.

В будущем, учитывая неизбежный триумф Империи, он мог вернуться с имперским флотом, вместо того чтобы красться, как сейчас, в вынужденном обществе презренных млекопитающих и насекомых. Тогда он сможет восстановить контроль, нет, суверенитет над загадочной планетой, оставив таким образом всю обретенную славу и прибыль для себя и дома ВВ.

Может и так, предавался он приятным размышлениям, может и так.

Он не услышал голоса, отозвавшегося в ответ из глубины. Где-то там. Голоса, сказавшего: — А может и нет!

День начинался ярким и теплым. Силзензюзекс обнаружила, что может свободно разгуливать со всего лишь тончайшим покровом.

У нее сложилось особое взаимопонимание с робкой уйюрийкой, самой-подростком по имени Маска, оказавшейся чудесным наставником по истории и неожиданно сложным взаимоотношениям уйюрийцев. Так что Силзензюзекс упивалась изучением дорогого ее сердцу предмета.

Наверное, когда-нибудь оно образует основу для монографии или даже настоящей диссертации, достаточно важной, чтобы завоевать ей восстановление в Церкви. Хотя открытие, что Церковь и в самом деле ответственна за карантин этого народа, по-прежнему заставляло ее ставить под вопрос стандарты этой организации и свое будущее членство в ней.

Она покинула свою квартиру в здании, намереваясь напомнить Флинксу о вчерашних откровениях. Но его, кажется, нигде не было, ни в школе при взлетной полосе, ни в каком-либо из фабричных центров, окружавших старый рудник. Наконец один из урсиноидов направил ее к месту в противоположном конце долины, куда она однажды бежала из когтей Руденуаман. После порядочного подъема на крутой обрыв она нашла его, сидящего, скрестив ноги, на краю и занятого общением с местным насекомым, размерами не превышавшим

его пальца. Оно было покрыто охрово-зеленой эмалью, с крыльями в желтых пятнах.

Пипи стремглав носился по кустам, тревожа рассерженное извилистое млекопитающее, вдвое меньше его.

Отсюда можно было обозреть всю долину, увидеть лазурное озеро в объятиях двух увенчанных снегами пиков и наблюдать за постоянным ходом строительства на южном берегу.

Когда Флинкс наконец повернулся к ней, на лице его было такое печальное выражение, что просто потрясло ее.

— Что случилось? Почему ты такой печальный? — спросила она.

— Кто такой печальный?

Она медленно покачала своей сердцеобразной головой. Когда он никак не откликнулся, она показала на приозерную долину.

— Не знаю, чем тебе быть разочарованным. Твои подопечные, кажется, взялись за твою игру в цивилизацию с большим энтузиазмом. Может так ведь побывал на борту корабля? Что бы там он ни сказал им, оно, должно быть, оказалось действенным. Они не вернулись, и с тех пор много месяцев нет никаких признаков другого корабля.

В ответ он показал на северный берег озера. Там росла огромная металлическая суперконструкция. Она была почти такой же длинной, как само озеро.

— Что-нибудь из-за корабля?

Он покачал головой:

— Нет... из-за причины его постройки. Сил, я достиг только половины того, что наметил сделать. Я знаю, что мать моя умерла, но я по-прежнему не знаю, кем был мой отец, что с ним случилось,— он посмотрел на нее твердым взглядом.— А я хочу знать, Сил. Может быть, он тоже давно умер, или жив, и даже худшее животное в человеческом образе, чем оказалась моя сестра, но я хочу знать, и я узнаю,— закончил он с неожиданной страстностью.

— А как это связано с кораблем?

Теперь он раздвинул губы в невеселой улыбке.

— А зачем, по-твоему, уйюрийцы строят корабль?

— Не знаю... для забавы, ради исследований... зачем?

— Это подарок для меня от них, маленький сюрприз Пушка. Он знает, что я хочу отправиться на поиски отца, поэтому они делают все, что в их силах, чтобы помочь мне в поисках. Я им сказал, что они не смогут сконструировать здесь корабль с КК-двигателем... что это надо делать за пределами гравитации планеты. Знаешь, что он мне ответил? «Мы устроим... иным способом слишком много хлопот».

— Он отыскал уйюрийку — самую тощую, какую я когда-либо видел,— мыслящую только математическими категориями. Она такая ненормальная — перевод ее имени вышел как «Интегратор»,— что может почти понять Можетитака. Ням поставила перед ней задачу. Две недели назад она расколола проблему посадки в гравитационный колодец на КК-двигателе. Ученые Содружества пытались разрешить эту задачу пару сотен лет.

Он вздохнул.

— И все для того, чтобы помочь мне найти отца, Сил... Что случится, если уйюрийцы найдут, что остальной космос, наша цивилизация им не по нраву? Что, если они решат «поиграть» с ней? Что мы спустили с привязи?

Она уселась на истноги и стопоруки и поразмыслила. Прошли долгие минуты. Инкрустированный эмалью жук улетел.

— Если и ничего другого,— сказала, наконец она, глядя на корабль,— то это способ отправиться домой. Ты слишком много беспокоишься, Флинкс. Я не думаю, что наша цивилизация будет сильно интересоваться этих существ. Их интересуешь ты. Помнишь, что сказал Можетитака? «Если новая игра нам наскучит, мы вернемся к старой».

Флинкс обдумал это и немного посветлел, затем внезапно встал.

— Полагаю, ты права, Сил. Мне не будет никакого толку от беспокойства об этом. Когда они закончат корабль, настанет время отправиться домой. Мне нужна твердость Мамаши Мاستифф, и мне нужно будет на время снова затеряться.— Он странно посмотрел на нее.— Ты поможешь?

Силзензюэкс обратила взгляд огромных многофасеточных глаз на Пипа, наблюдая, как мини-дракончик сложил перепончатые крылья и спикировал в нору вслед за отступающим млекопитающим. Из-под земли донеслись звуки драки.

— Это обещает быть интригующим... с чисто научной точки зрения, конечно,— задумчиво произнесла она.

— Конечно,— согласился Флинкс с невозмутимым, как и положено, видом.

Из норы высунулась узкая рептильная голова, и заостренный язык быстро метнулся в их направлении. Пип надменно поглядел на них, чешуйчатый чеширский кот...

СОДЕРЖАНИЕ

ТАР-АЙИМСКИЙ КРАНГ.		3
ЗВЕЗДА СИРОТЫ.		179

В следующих выпусках
«КЛУБА ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ»
планируется опубликовать следующие произведения:

А. Ван-Вогт	«Путешествие «Космической Гончей»
Э. Нортон	«Звездный легион»
П. Андерсон	«Звездный Лис»
	«Щит»
	«Настанет время...»
	«Люди ветра»
	«Война крылатых людей»
К. Куртц	«Хроники Дерини»
Р. Желязны	«Бог Света»
	«Остров Мертвых»

АЛАН ДИН ФОСТЕР

Сборник научно-фантастической прозы

Редактор А.Лютиков

Технический редактор Ю.Жихарев

Корректоры А.Тарасова, А.Левченко

Сдано в набор 25.01.92. Подписано в печать 10.02.92. Формат 60×88 1/16.
Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл.печ.л. 24,00. Уч.-изд.л. 24,78.
Тираж 100000 экз. Заказ № 103. Цена договорная. Издательство «Библиотека
«Звезды». 190031, Санкт-Петербург, ул. Пржевальского, 18/69, корп. «В» при
участии АО «ЭГОС». Набор произведен в ТОО «МИМ», 197022 Санкт-Петербург,
Кировский пр., 26/28. Отпечатано в типографии им. И.Е.Котлякова издательства
«Финансы и статистика» Госкомпечати СССР, 195273, Санкт-Петербург,
Руставели, 13.

